This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of

THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of

JASPER NEWTON KELLER

BETTY SCOTT HENSHAW KELLER

MARIAN MANDELL KELLER

RALPH HENSHAW KELLER

CARL TILDEN KELLER

VE RI TAS

Slav 4345.17.14

Digitized by Google

Digitized by Google

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

VE RI TAS

Slav 4345.11.1.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

4.415 e

М. В. КРЕСТОВСКАЯ

I

РАННІЯ ГРОЗЫ

—

ИСПЫТАНІЕ

LIB... W. MENKES 8, Rue ...

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2
1889

Digitized by Google

Law 4345.113.17

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
NOV 25 1963

Keller

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РАННІЯ ГРОЗЫ. Романъ 1
ИСПЫТАНІЕ. Повѣсть 371

Digitized by Google

Digitized by Google

РАННІЯ ГРОЗЫ

РОМАНЪ

И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и онъ упалъ, и было паденіе его великое.

Матѳ., гл. VII, ст. 27

Digitized by Google

Digitized by Google

LIBRAIRIE W. MENKES 5, Rue de Carouge, GENÈVE

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

...Въ кабинетѣ настала тишина, та мучительная, тоскливая тишина, которая всегда слѣдуетъ за какимъ нибудь тяжелымъ объясненіемъ.

Мужъ и жена продолжали еще сидѣть, повидимому, спокойно, и въ комнатѣ слышалось только неровное дыханіе Марьи Сергѣевны.

Итакъ, все кончено!

Все, чѣмъ жили столько лѣтъ, къ чему привыкли въ эти долгіе годы, что̀ когда-то любили...

Въ рукахъ у Марьи Сергѣевны былъ тонкій кружевной платокъ, и она нервно теребила и рвала его кружева похолодѣвшими пальцами.

Оставалось только уйти... Но почему-то именно въ эту минуту ей было тяжело это сдѣлать и она продолжала безцѣльно сидѣть на низкой, турецкой оттоманкѣ, на которую опустилась,

Digitized by Google

войдя къ мужу, для того, чтобы переговорить съ нимъ въ послѣдній разъ.

И вотъ они переговорили.

И какъ просто все вышло, гораздо легче, нежели она ожидала...

Марья Сергѣевна устало отвела глаза отъ догоравшаго камина и взглянула искоса на мужа.

Онъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ съ такимъ же все безстрастнымъ и холоднымъ лицомъ, какъ и всегда... Массивная бронзовая лампа, подъ зеленымъ абажуромъ, ярко освѣщая столъ и разбросанныя на немъ бумаги, обдавала его лицо какимъ-то зеленоватымъ свѣтомъ, придававшимъ ему еще бо́льшую блѣдность.

Марья Сергѣевна пытливо взглянула въ это лицо, точно желая прочесть на немъ что-то, но не прочла ничего.

Даже глаза, опущенные внизъ на бумаги, ничего не выдавали; только тонкая рука его, ярко освѣщенная лампой, какъ-то судорожно барабанила по столу.

И Марья Сергѣевна машинально разглядывала такъ хорошо знакомую ей руку, на которой въ эту минуту она съ необычайною ясностью видѣла каждую жилку, морщину и даже густую тѣнь темныхъ волосъ, уходившую въ глубь рукава и становившуюся къ локтю все темнѣе. А тишина и точно вынужденное, выжидающее молчаніе становились все тягостнѣе.

Digitized by Google

Она еще разъ вскинула глазами на мужа и нетерпѣливо передвинула плечами. Ее всегда сердила невозможность и неумѣнье разгадывать душу своего мужа по его лицу.

Наконецъ лѣниво, точно дѣлая надъ собой усиліе, она приподнялась съ оттоманки и глубоко вздохнула, не то отъ усталости, не то отъ невольной грусти, и тоскливо окинула весь кабинетъ, какъ бы прощаясь съ нимъ, какъ бы невольно жалѣя, что была въ немъ въ послѣдній разъ, и вдругъ ея глаза встрѣтились съ другими, смотрѣвшими прямо на нея со стѣны кабинета изъ золоченой рамы.

Марья Сергѣевна разомъ вздрогнула, схватясь рукой за сердце.

Вотъ оно, то, что̀ еще не переговорено между ними. Марья Сергѣевна не хотѣла сегодня касаться этого предмета, по-женски отлагая самое тяжкое до другого, хотя бы и непродолжительнаго времени. Но теперь она почувствовала, что не въ силахъ тянуть эту пытку...

Мужъ, поднявъ голову, взглянулъ въ ту сторону, куда глядѣла она, и ея ужасъ точно отразился и на немъ; молча, съ какимъ-то болѣзненнымъ выраженіемъ, глядѣлъ онъ вмѣстѣ съ женой на улыбавшуюся имъ изъ рамы дѣтскую головку.

Кругленькое личико, съ обстриженными порусски темными волосами, плутовато улыбалось имъ, точно подсмѣиваясь надъ ними.

Digitized by Google

— Наташа!—проговорила, наконецъ, Марья Сергѣевна чуть слышно, съ видимой спазмой въ горлѣ...

Павелъ Петровичъ отвелъ глаза отъ портрета дочери и еще угрюмѣе опустилъ голову. Онъ чувствовалъ на себѣ взглядъ жены.

Она глядѣла на него молча, спрашивая его одними глазами, и, не говоря сама ни слова, казалось, требовала его отвѣта.

Кончено?! Еще нѣсколько секундъ тому назадъ она съ облегченною душой думала, что все уже кончено, все выяснено! Да развѣ выяснено хоть что нибудь, когда не выяснено самое главное, самое мучительное?!

А если онъ не отдастъ ей Наташи!

Всѣ права, и законныя, и нравственныя, на его сторонѣ, но она съ самаго рожденія своей дѣвочки привыкла считать ее своею неотъемлемою собственностью, своимъ тѣломъ, своею душой, такимъ могучимъ дополненіемъ ея собственнаго «я», безъ котораго немыслимо существованіе ея самой.

И вотъ на это существо, на этого «ея» ребенка, другой человѣкъ, который отнынѣ дѣлался ей совершенно чужимъ и постороннимъ, имѣетъ одинаковое право съ нею! И даже бо́льшее! Она, жена его, бросаетъ его теперь послѣ пятнадцати лѣтъ совмѣстной жизни, уходитъ отъ него, потому что полюбила другого человѣка. Значитъ, въ глазахъ свѣта и даже предъ ея собственною совѣстью правъ мужъ, а не

Digitized by Google

она, и, слѣдовательно, всѣ права на дочь остаются за нимъ и отнимаются отъ нея.

Она крѣпко прижимала холодныя, какъ ледъ, руки къ своей груди, точно инстинктивно хотѣла остановить болѣзненно-учащенные удары сердца.

Неужели онъ отниметъ? неужели отниметъ? стучало въ ея головѣ.

Марья Сергѣевна безсильно опустилась на стулъ.

Боже мой, Боже мой, но о чемъ же она думала раньше? Все время она дѣлала выборъ только между мужемъ и тѣмъ, кого любила,— и только теперь въ первый разъ ей пришло въ голову, что, можетъ быть, выборъ придется сдѣлать не между нелюбимымъ мужемъ и боготворимымъ человѣкомъ, а между ея собственнымъ ребенкомъ и этимъ человѣкомъ?

Вглядываясь въ лицо мужа, она чувствовала скорѣе инстинктомъ, нежели сознаніемъ, что онъ не уступитъ ей дочь легко и безъ борьбы и, тоскливо ломая руки, не сводила съ него глазъ.

— Павелъ Петровичъ... не отнимайте...

Слова путались и останавливались у нея въ горлѣ, ей вдругъ стало страшно выговорить всю фразу: что̀ если онъ отвѣтитъ нѣтъ!

И съ этимъ нѣтъ будетъ убито все, вычеркнется самая дорогая ей страница жизни! О, быть не можетъ! Онъ добръ, она готова умолять, унижаться предъ нимъ, но она не выйдетъ изъ этого дома, пока онъ не уступитъ ей Наташи.

Digitized by Google

Марья Сергѣевна вдругъ съ судорожнымъ рыданіемъ вскочила со стула и бросилась предъ мужемъ на колѣни.

— Отдайте, отдайте ее мнѣ... ради прошлаго, отдайте!..

Она страстно ловила его руки и прижималась къ нимъ залитымъ слезами лицомъ. Павелъ Петровичъ растерянно и сконфуженно вскочилъ съ своего кресла и старался поднять ее, но она не вставала, впиваясь въ него глазами и повторяя только: «отдайте, отдайте».

— Ради Бога, Марья Сергѣвна... встаньте... къ чему это, встаньте же.

Его нервы были уже расшатаны послѣдними днями, онъ чувствовалъ, что ея истерическій припадокъ заражалъ и его. Что-то душило его, и онъ, съ непривычною ему злобой, вырвался отъ нея и поднялъ насильно ее съ колѣнъ.

— Сядьте!—коротко приказалъ онъ.

Марья Сергѣевна, рыдая, повиновалась ему и, уронивъ голову на столъ, судорожно всхлипывала и вздрагивала всѣмъ тѣломъ. Павелъ Петровичъ неровною, точно разбитою, походкой отошелъ отъ стола и прошелся нѣсколько разъ по кабинету, искоса угрюмо взглядывая то на жену, то на портретъ дочери.

Наконецъ, вздохнувъ всею грудью и точно почувствовавъ облегченіе, онъ снова подошелъ къ столу и налилъ стаканъ воды. Его рука еще, дрожала, но лицо уже опять приняло спокойное безстрастное выраженіе. Онъ подалъ стаканъ женѣ.

Digitized by Google

Она слегка приподняла голову и отхлебнула нѣсколько глотковъ. Рыданія ея затихали, и она медленно успокоивалась.

Павелъ Петровичъ опять тихо зашагалъ по кабинету и, подождавъ, пока всхлипыванія жены совсѣмъ затихли, подошелъ къ ней съ серьезнымъ и строгимъ лицомъ.

— Можете вы меня теперь выслушать?

Въ его всегда ровномъ голосѣ слышалась легкая дрожь. Марья Сергѣевна молча кивнула ему головой съ тѣмъ мутнымъ, безъ всякаго выраженія, взглядомъ, который всегда является послѣ истерики, и безсознательно комкала свой мокрый отъ слезъ носовой платокъ.

Павелъ Петровичъ, видимо старавшійся быть сдержаннымъ, началъ довольно громко и внятно.

— То, о чемъ вы сейчасъ просили, настолько серьезно, что рѣшить вопросъ сразу невозможно. Я былъ такъ слѣпъ, — онъ горько усмѣхнулся, — такъ мало ожидалъ чего нибудь подобнаго! Но... но...

Онъ тряхнулъ головой и провелъ своею тонкою красивою рукой по высокому лбу, на которомъ поминутно выступали мелкія капли холоднаго пота, что̀ случалось съ нимъ только въ минуты самаго сильнаго волненія.

— Но рѣчь не обо мнѣ и даже не о васъ... Съ этими вопросами покончено. Я уже сказалъ вамъ, что вы свободны и что я не считаю себя въ правѣ посягать на вашу свободу. Что же касается дочери, то... я остаюсь такъ одинокъ...

Digitized by Google

Онъ остановился на мгновеніе, и въ его голосѣ что-то дрогнуло опять. Марья Сергѣевна невольно подняла на него глаза... Она чувствовала себя безконечно виноватою предъ нимъ и въ душѣ ей было глубоко жаль его. Но онъ какъ будто понялъ ея сожалѣніе и, не желая его, пересилилъ себя, заговоривъ слегка надменнымъ и даже злобнымъ голосомъ, точно этимъ онъ хотѣлъ спрятать отъ нея свою душу и свои чувства.

— Я разомъ теряю и жену, и семью... Вы не теряете ничего... — вы только мѣняете одного на другого, старое на новое и, къ тому же, новое болѣе дорогое для васъ, значитъ и лучшее...

Марья Сергѣевна сдѣлала легкое движеніе, точно хотѣла прервать его, но онъ замѣтилъ это и заговорилъ еще холоднѣе.

— Вы опять будете любить и будете любимы... У васъ опять будетъ и семья, и счастье, и даже, быть можетъ, еще дѣти.

Марья Сергѣевна вздрогнула и опустила глаза...

— Да, и дѣти, настойчиво и жестко продолжалъ онъ,—значитъ судите сами, по совѣсти, чья же Наташа по праву? Кому съ нынѣшняго дня должно быть тяжелѣе?

Онъ остановился на минуту напротивъ нея и взглянулъ ей прямо въ глаза, какъ бы ожидая отвѣта. Но она угрюмо молчала и только еще ниже опустила голову. Тогда онъ опять зашагалъ по кабинету.

Digitized by Google

— Я знаю, что я имѣю всѣ права оставить ее у себя. Но...

Марья Сергѣевна радостно подняла голову и быстро вскинула на него вдругъ засіявшими глазами.

— Но... Наташа, къ сожалѣнію, не трехлѣтній ребенокъ, какъ тамъ!—И онъ тихо вздохнулъ, взглянувъ на смѣющійся портретъ дочери.—А потому врядъ ли мы имѣемъ право рѣшать за нее...

Павелъ Петровичъ остановился, точно медлилъ, обдумывая что-то; жена, порывисто дыша, слегка даже привстала со стула, подавшись впередъ, и, тяжело опершись рукой на край стола, глядѣла на него слушающими глазами...

— Наташѣ уже четырнадцатый годъ, у нея уже началъ складываться свой характеръ, свои желанія, своя жизнь, и распоряжаться этою жизнью, соображая ее только съ нашими чувствами, будетъ съ нашей стороны и нечестно, да и безполезно. Рано ли, поздно ли, намъ, вѣроятно, пришлось бы раскаяться въ своей ошибкѣ.

Онъ замолчалъ. Марья Сергѣевна все еще стояла въ своей напряженной позѣ, робко вслушиваясь въ его слова, но не вполнѣ усвоивая себѣ ихъ смыслъ.

— Ну, что̀ же?—проговорила она, наконецъ, видя, что онъ не продолжаетъ.

— Дѣло въ томъ,—Павелъ Петровичъ какъ будто смутился немного, — видите ли... я не знаю, извѣстно ли ей...

Digitized by Google

Онъ не договорилъ, но Марья Сергѣевна поняла его. Въ сущности, она не знала ясно и сама, что̀ и сколько извѣстно ея дѣвочкѣ, но она чувствовала уже давно, по измѣнившимся отношеніямъ, по безконечнымъ мелочамъ, что дочь инстинктомъ о многомъ догадывается и понимаетъ.

— То есть что̀?—безсознательно спросила она, отвѣчая больше на свои мысли, чѣмъ на его вопросъ.

Павелъ Петровичъ нетерпѣливо передернулъ плечами. Неужели у нея нѣтъ настолько такту, чтобы не задавать ему такого тяжелаго вопроса. Что̀!.. какъ будто онъ можетъ знать лучше ея.

— Я думаю, что она многое понимаетъ; конечно, я не могла быть съ нею откровенною...

Она покраснѣла и начала опять щипать кружева своего платка.

Онъ прервалъ ее.

— Знаетъ она, что мы разъѣзжаемся?

— Я ничего не говорила ей объ этомъ, но, мнѣ кажется, что она угадываетъ это.

— Да?—Онъ задумчиво посмотрѣлъ на портретъ дочери.—Въ такомъ случаѣ она должна это узнать сегодня же, навѣрное, и тогда... и тогда она сама рѣшитъ, съ кѣмъ ей остаться... Въ этомъ дѣлѣ ея голосъ долженъ быть главнымъ и рѣшающимъ, потому что оно ближе всѣхъ касается именно ея...

Digitized by Google

Марья Сергѣевна измученно опустилась на стулъ.

Она не знала, радоваться рѣшенію мужа или нѣтъ.... За послѣднее время между нею и обожавшею ее прежде дочерью установились какія-то странныя отношенія, и дѣвочка начала какъ будто охлаждаться немного въ своей страстной любви къ матери и даже чуждаться ея.

И въ эту минуту, когда выборъ долженъ быть сдѣланъ окончательно, эти отношенія, подъ вліяніемъ страха, казались Марьѣ Сергѣевнѣ еще худшими, нежели были на самомъ дѣлѣ. Она чувствовала бы себя гораздо болѣе спокойною и счастливою, еслибы могла, помимо всякаго участія дочери въ этомъ дѣлѣ, просто взять и увезти ее съ собой.

Павелъ Петровичъ подошелъ къ столу и позвонилъ.

Марья Сергѣевна вздрогнула.

— Что̀ вы хотите дѣлать?—тревожно спросила она.

— Послать за Наташей.

— Какъ сейчасъ!

Это сейчасъ, которымъ рѣшится все и послѣ котораго уже, дѣйствительно, все кончится, вдругъ охватило ее всю такимъ ужасомъ и тревогой, что она готова была умолять мужа объ отсрочкѣ рѣшенія хоть на нѣсколько еще дней.

Потерять, быть можетъ, и послѣднюю даже надежду сейчасъ же она была не въ силахъ.

Ей вдругъ вспомнилось, что она еще сегодня

Digitized by Google

утромъ сдѣлала дочери за что-то выговоръ, быть можетъ это разсердило Наташу, быть можетъ она и теперь еще сердится на нее... Ей невольно вспомнились глаза дочери, которые съ каждымъ днемъ глядѣли на нее все холоднѣе... О, еслибы впереди было хоть нѣсколько еще дней! И съ чисто женскою хитростью Марья Сергѣевна придумывала, какъ за эти дни ей задобрить дочь и войти къ ней въ прежнія отношенія.

Но Павелъ Петровичъ точно угадалъ ея мысли и понялъ этотъ молящій взглядъ ея прекрасныхъ глазъ, когда-то такъ любимыхъ имъ.

— Лучше кончить разомъ.

Вошла горничная съ вопросомъ: «что̀ прикажете?»

— Попросите сюда барышню. Скажите, что я прошу ее прійти сейчасъ же.

Горничная вышла.

Марья Сергѣевна вдругъ опять глухо зарыдала и безсильно упала въ кресла.

II.

Ѳеня, шурша накрахмаленными юбками своего розоваго ситцеваго платья, вошла въ барышнину комнату, которую все еще, по старой привычкѣ, продолжали называть дѣтскою.

Барышня сидѣла у своего маленькаго столика, низко наклонивъ надъ книгой темнорусую головку, причесанную, по-гимназически, въ одну косу съ чернымъ бантомъ.

Digitized by Google

Лампа слегка освѣщала ея профиль съ совершенно тѣми же чертами, какъ у отца, только болѣе тонкими, женски-смягченными и не потерявшими еще дѣтскаго, слегка округленнаго контура.

— Пожалуйте къ папашѣ.

Наташа испуганно вздрогнула какъ человѣкъ, котораго разомъ оторвали отъ занятій.

— Что̀?

— Къ папашѣ пожалуйте.

Она все еще не совсѣмъ пришла въ себя и, казалось, мало понимала, что̀ говорила ей Ѳеня. Слово «къ папашѣ» удивило ее: онъ въ такіе часы рѣдко отрывалъ ее отъ занятій,—для этого надо было что нибудь особенное.

— Къ папашѣ?—повторила она съ удивленіемъ;—зачѣмъ же?

Ѳеня слегка усмѣхнулась, на вопросъ барышни.

— Ужъ этого не знаю-съ; мнѣ не сказывали; позвонили только и велѣли позвать васъ.

Наташа посмотрѣла въ лицо Ѳени. Какое-то неясное предчувствіе шевелилось въ ея душѣ.

Ѳеня помолчала съ секунду и вдругъ тихо добавила, точно поясняя этимъ что-то:

— И барыня тамъ.

— Мама!

Внезапный, жуткій холодъ охватилъ Наташу.

— Плачутъ-съ... совсѣмъ уже таинственно шепнула Ѳеня. Теперь, Наташа смутно начала угадывать что-то тяжелое, страшное.

— Ну, хорошо, иди; я сейчасъ.

Она подождала, пока Ѳеня вышла; ей не хо-

Digitized by Google

тѣлось, чтобы горничная что нибудь поняла по ея испугу. Когда дверь за Ѳеней затворилась, Наташа тревожно поднялась со стула.

«Вотъ оно, началось»...

И по лицу ея вдругъ разлился совершенно дѣтскій страхъ и ей страшно захотѣлось заплакать.

— Господи, Господи!—вдругъ зашептала она, быстро и порывисто крестясь маленькимъ крестикомъ, висѣвшимъ у нея на шеѣ на тоненькой золотой цѣпочкѣ, совсѣмъ такъ же, съ тѣмъ же тревожнымъ выраженіемъ, съ какимъ крестилась, бывало, въ гимназіи во время экзаменовъ, когда ее «вызывали».

— Господи, Господи, помоги мнѣ, помоги!.. шептала она, прижимая къ горячимъ губамъ маленькій крестикъ и взглядывая полными слезъ глазами въ уголъ комнаты, гдѣ надъ ея постелью теплилась лампадка предъ иконой Божіей Матери...

Пройдя чрезъ комнату матери въ гостиную и большую залу, куда выходилъ кабинетъ отца, Наташа на мгновеніе остановилась предъ его дверью.

Сердце ея сильно билось и она стояла, пугливо прислушиваясь у двери, боясь и не рѣшаясь сразу отворить ея.

Въ кабинетѣ все было тихо, повидимому, «они» молчатъ... вѣрно ждутъ ее!

— О, Господи, Господи!—она перекрестилась въ послѣдній разъ и разомъ отворила дверь.

Отогнутая тяжелая портьера тихо зашур-

Digitized by Google

шала. Марья Сергѣевна рванулась къ дочери, но Павелъ Петровичъ остановилъ ее легкимъ движеніемъ руки.

Наташа, вся блѣдная, серьезными глазами окинула мать и отца.

Да, да, это то, что̀ она думала...

На мгновеніе въ кабинетѣ опять настала мучительная тишина, никто не начиналъ первый, точно каждый безсознательно старался оттянуть хоть на мгновеніе страшный вопросъ. Павелъ Петровичъ, съ угрюмымъ лицомъ и согнувшись всѣмъ корпусомъ, какъ будто страшная тяжесть давила его, сидѣлъ опять въ своемъ большомъ креслѣ у письменнаго стола.

— Видишь ли, Наташа, мы позвали тебя... началъ онъ, нѣсколько запинаясь и не глядя ни на дочь, ни на жену.—Обстоятельства слагаются такъ, что мы... съ Марьей Сергѣевной должны... должны жить порознь, договорилъ онъ твердо и рѣзко.—Ты знаешь, Наташа, что мы оба любимъ тебя, и намъ обоимъ одинаково трудно разстаться съ тобою, но... одинъ изъ насъ двоихъ все-таки долженъ съ тобою разстаться...

Голосъ его, не смотря на видимыя усилія, слегка дрожалъ и прерывался. Онъ мелькомъ, стараясь побороть себя, взглянулъ на дочь. Она стояла все также молча, придерживаясь рукой за кресло, и только по ея поблѣднѣвшему личику покатились вдругъ крупныя слезы.

— Еслибы тебѣ было пять-шесть лѣтъ, мы

Digitized by Google

бы рѣшили это безъ тебя. Но теперь ты уже не ребенокъ, у котораго привязанности почти безсознательны... и потому... ты должна рѣшить сама, съ кѣмъ... съ кѣмъ ты хочешь остаться...

И онъ замолчалъ, остановивъ пристальный взглядъ на дочери.

Марья Сергѣевна тоже впилась въ нее жадными, страдающими глазами.

Теперь отъ этой дѣвочки, въ короткомъ гимназическомъ платьицѣ и черномъ передникѣ, почти ребенка, зависѣла участь двухъ людей: и каждый изъ нихъ ждалъ съ мучительной тревогой и болью—что̀ она скажетъ. Но она молчала и ни одна складка не шевелилась на ея платьѣ; казалось, она вся застыла, и только, по ея поблѣднѣвшему и вдругъ точно состарѣвшемуся лицу продолжали безпомощно и по-дѣтски катиться крупныя слезы.

Прошла почти минута, мучительныя и безконечная въ этомъ напряженномъ ожиданіи...

Павелъ Петровичъ слышалъ чьи-то глухіе удары сердца и машинально прислушивался къ нимъ.

Наконецъ, онъ точно опомнился и, встряхнувъ головой, провелъ рукой по лбу.

— Быть можетъ, Наташа, заговорилъ онъ тихо,—ты подумаешь прежде, чѣмъ рѣшить, ты можешь сказать завтра, послѣ-завтра... это зависитъ отъ тебя, дитя мое...

Марья Сергѣевна благодарно взглянула на него; пусть лучше еще нѣсколько дней надежды,

Digitized by Google

чѣмъ конецъ разомъ. Каждый изъ нихъ со страхомъ ожидалъ, что дочь выберетъ другого и въ то же время въ глубинѣ души каждаго жила невольная надежда, что дочь останется именно съ нимъ.

— Лучше подождать! — повторилъ какъ-то робко и неувѣренно Павелъ Петровичъ.

Наташа тихо покачала головой.

Она такъ много уже думала объ этомъ, такъ боялась и страдала, ожидая этого момента, что въ душѣ давно уже рѣшила, что̀ ей дѣлать и съ кѣмъ оставаться. Если она молчала и медлила, то не потому, чтобы не знала, что̀ ей сказать, а только сознавая, что своимъ отвѣтомъ одному изъ страстно любимыхъ ею, самыхъ дорогихъ для нея существъ, она причинитъ столько горя...

«Подождать! О, нѣтъ, нѣтъ, пускай лучше все кончится разомъ. Все равно»...

Она растерянно и тоскливо оглянулась по сторонамъ, точно ища себѣ въ чемъ-то поддержки, и въ этотъ мигъ встрѣтилась глазами съ отцомъ. И вдругъ въ ней разомъ что-то словно оборвалось и съ мучительнымъ, отчаяннымъ воплемъ она кинулась къ нему и, упавъ на грудь, крѣпко прижалась къ нему всѣмъ своимъ трепещущимъ и вздрагивающимъ отъ рыданій тѣльцемъ. Страстно обнимая его, она цѣловала его голову, руки, глаза и обливала его слезами...

Онъ понялъ все.

Она бросилась къ тому, кого оставляла. И этими нѣжными ласками она точно молила себѣ

Digitized by Google

прощенія, точно хотѣла заставить его понять, какъ горячо она его любитъ, какъ тяжко ей бросать его... И, рыдая, она прижималась къ нему, какъ будто хотѣла смягчить тотъ страшный ударъ, который сама же ему наносила...

III.

Павелъ Петровичъ увелъ дочь въ ея комнату и помогъ ей успокоиться. Наташа тихо всхлипывала, прижимаясь горячими губами къ его рукамъ, и изрѣдка поднимала на него глаза. Марья Сергѣевна растерянно стояла въ сторонѣ отъ мужа.

Ея дочь уходила съ нею, но въ сердцѣ этой дочери не нашлось для нея ни одного ласковаго взгляда, ни одного теплаго слова, и мать ревниво слѣдила за ласками дочери къ отцу, точно мысленно считала ихъ.

Въ эту минуту ей казалось, что она больше бы хотѣла быть на мѣстѣ мужа, и только сознаніе, что эти ласки временныя и послѣднія, что потомъ Наташа уже всецѣло будетъ принадлежать ей одной, слегка успокоивало и утѣшало ее.

Она хотѣла бы сейчасъ же броситься къ дочери, обнять ее, прижать ее къ своей груди и цѣловать ее всю, всю, какъ цѣловала, бывало, маленькую, за то, что Наташа выбрала ее и оставалась съ нею, но что-то удерживало Марью

Digitized by Google

Сергѣевну, словно ласки ея и благодарность казались ей неумѣстными.

Но все-таки она сдѣлала робкую, неувѣренную попытку и, подойдя къ дочери ближе, хотѣла взять ея руки, но Наташа, замѣтивъ ее, опять зарыдала сильнѣе.

Павелъ Петровичъ, искоса взглянувъ на жену, всталъ и проговорилъ тихо, чтобы Наташа не разслышала его.

— Ее лучше оставить одну, она скорѣе успокоится, не говорите съ ней...

Онъ чувствовалъ въ дочери свою натуру и зналъ по себѣ, что самое лучшее въ тяжелыя минуты быть одному. Онъ еще разъ обнялъ плачущую дочь, заботливо перекрестилъ ее, поцѣловалъ и, сказавъ: «ложись спать, дѣточка, и успокойся, все устроится...» вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ женой.

Для того, чтобы выйти въ другія комнаты, ему необходимо было пройти чрезъ спальню и будуаръ жены, и это было ему тяжело. Марья Сергѣевна поняла его чувство и тихо шла за нимъ съ виноватымъ и смущеннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Онъ хотѣлъ пройти скорѣе, не останавливаясь ни на мгновеніе. Тутъ все напоминало ему былое; ему хотѣлось бы закрыть глаза, чтобы не видѣть ничего вызывавшаго въ его душѣ столько воспоминаній, а между тѣмъ что-то почти невольно заставляло его бросать торопливые и быстрые взгляды на окружающіе его,

Digitized by Google

такъ хорошо знакомые ему, предметы. Онъ успѣлъ уже подойти къ двери и раскрыть ея голубую шолковую портьеру, какъ Марья Сергѣевна вдругъ тихо окликнула его:

— Павелъ Петровичъ!...

Онъ быстро обернулся къ ней и окинулъ ее удивленнымъ и вопрошающимъ взглядомъ.

Марья Сергѣевна сознавала, что этотъ человѣкъ былъ съ ней гораздо великодушнѣе, нежели она ожидала этого, нежели она «могла» ожидать... Четырнадцать лѣтъ жизни съ нимъ промелькнули въ ея памяти... спокойныя, безмятежныя и даже счастливыя...

И въ эту послѣднюю минуту ей невольно хотѣлось сказать ему... что̀ именно, она и сама не знала, но что-то теплое, хорошее, задушевное... Сказать, какъ много благодарна она ему и за прошлое, и за послѣднюю его жертву... Но то, что въ душѣ ей чувствовалось такъ просто, она не умѣла выразить словами... Всякое слово казалось ей пошло, неумѣстно, и совсѣмъ не выражало того, что она чувствовала... И она замолчала, глядя куда-то въ пространство, мимо лица мужа, точно боясь встрѣтиться съ нимъ глазами.

Павелъ Петровичъ повторилъ неразслышанный ею вопросъ:—Что вамъ угодно?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего!

Она смущенно сознавала, что не съумѣетъ передать ему словами то, что думала, что такъ хотѣла бы сказать ему.

Digitized by Google

— Я хотѣла... хотѣла... поблагодарить васъ за все, за все... Быстро и какъ-то по-дѣтски начала она, все избѣгая его взгляда. — Это такъ трудно выразить... я не знаю... Но,—она вдругъ быстро подошла къ нему и, взявъ его за руку, крѣпко сжала ее,—я знаю, что никогда не буду уже такъ счастлива... такъ спокойна, какъ была съ вами... Вы хорошій... хорошій человѣкъ...

Павелъ Петровичъ тихо отвелъ ея руку отъ своей; онъ не хотѣлъ ни ея благодарности, ни сожалѣнія, ни сочувствія и, главное, не хотѣлъ ни на одну секунду поддаться слабости. Ея задушевный голосъ, теплое прикосновеніе ея маленькой, когда-то такъ любимой, руки невольно растрогивали его... Пока она говорила, онъ сухо и молча глядѣлъ на нее своими холодными глазами, въ которыхъ не видно было ни горя, ни любви, ни страданія... Глядѣлъ и не видѣлъ ее.

Вотъ голубой фонарикъ, который онъ привезъ ей лѣтъ шесть тому назадъ на Пасху; вотъ маленькій диванчикъ, на которомъ онъ бывало такъ любилъ отдохнуть у нея послѣ рабочаго дня; вотъ рѣзная жардиньерка, они вмѣстѣ покупали ее...

— Все уже кончено, холодно заговорилъ онъ,—и безполезно снова поднимать слишкомъ тяжелые разговоры... Ни вамъ, ни мнѣ не будетъ отъ этого легче... Помните одно,—я требую развода. Вы должны выйти замужъ для дочери... иначе ей нельзя будетъ оставаться у васъ...

Digitized by Google

Если онъ любитъ васъ, — Павелъ Петровичъ горько усмѣхнулся,—то, конечно, онъ и самъ будетъ радъ честнымъ образомъ покончить всѣ недоразумѣнія.

Павелъ Петровичъ уже хотѣлъ уйти, но жена стояла передъ нимъ такая жалкая и убитая, что ему вдругъ и инстинктивно, какимъ-то точно предчувствіемъ, стало глубоко жаль ее и онъ добавилъ уже гораздо мягче и теплѣе:

— Во всякомъ случаѣ, я отъ души буду радъ, если вы будете счастливы; дай Богъ, чтобы... чтобы вамъ никогда не пришлось ни раскаяться, ни пожалѣть.

Голубая портьера, тихо колыхнувшись, мягко упала за нимъ и отдѣлила его отъ нея.

Марья Сергѣевна тоскливо глядѣла вслѣдъ мужу.

— Ни пожалѣть, ни раскаяться, повторила она его слова,—Богъ вѣсть...

Тупая, но щемящая тоска томила ее.

Она машинально опустилась на мягкій диванчикъ и долго просидѣла такъ безъ словъ, безъ движенія, безъ мысли. Потомъ, точно очнувшись, вздрогнула, поднялась съ дивана и осторожно прошла въ комнату дочери.

Огонь уже былъ потушенъ и синяя лампада мерцала въ углу, разливая дрожащій полусвѣтъ въ комнатѣ.

Марья Сергѣевна постояла нѣсколько секундъ, тревожно прислушиваясь къ дыханію дочери.

Digitized by Google

— Ты спишь, Наташа?—тихо окликнула она.

Отвѣта не было; только огонекъ въ лампадкѣ тихо вспыхивалъ и меркъ. Марья Сергѣевна осторожно подошла къ кровати и опустилась предъ ней на колѣни:

Въ тѣни ей не было видно лица дѣвочки и только контуры ея тѣла мягко обрисовывались подъ бѣлымъ пикейнымъ одѣяломъ.

Марья Сергѣевна тихо прильнула засохшими губами къ горячему лбу Наташи. Ей хотѣлось бы, чтобъ дѣвочка проснулась, взглянула на нее, сказала бы ей что нибудь... Тоска, боль и какой страхъ безпричинный и неясный все сильнѣе терзали ее и ей хотѣлось, рыдая, молить себѣ прощенія у этого чистаго существа.

— Наташа... Наташа... тихо окликала она, но дѣвочка спокойно спала съ серьезнымъ и строгимъ лицомъ.

Мать задумчиво глядѣла на нее нѣсколько минутъ, точно что-то вспоминая, что-то предчувствуя...

Наконецъ, она тихо приподнялась съ колѣнъ, долго крестила дочь и, поцѣловавъ ее въ послѣдній разъ, осторожно вышла изъ комнаты и заперла за собой дверь.

Когда мать вышла, Наташа медленно открыла глаза...

А въ кабинетѣ еще долго свѣтился огонь и до утра раздавались мѣрные шаги Павла Петровича.

Digitized by Google

IV.

Лампадка мерцала и дрожащія тѣни ползали и трепетали по полу и по стѣнамъ дѣтской.

Въ одномъ уголкѣ пріютилась дѣтская кроватка съ длиннымъ кисейнымъ пологомъ, вся бѣленькая, чистая и какъ-то таинственно выдѣлявшаяся въ полумракѣ.

Въ этой кроваткѣ Наташа спала еще до поступленія своего въ гимназію и ни за что не хотѣла разставаться съ нею и переходить въ «большую», хотя изъ этой уже давно выросла. Ей нравилось, всей уютно скорчившись и поджавъ колѣна ногъ къ самой груди, свернуться въ «клубочекъ» и сладко засыпать въ ней, закрытой со всѣхъ сторонъ прозрачною кисеей.

Еще совсѣмъ, бывало, маленькою дѣвочкой, она укладывала на ночь вмѣстѣ съ собой и свою любимицу куклу и, крѣпко прижимая ее къ груди, лежала съ широко-раскрытыми глазами, боязливо вглядываясь въ глубину комнаты, казавшейся ей, сквозь легкій туманъ полога и въ слабомъ мерцаніи лампады, какою-то фантастическою и сказочною.

Наташа никогда не была особенно рѣзва и шаловлива. Въ ея дѣтской душѣ съ самаго ранняго возраста устроился какой-то совершенно особенный внутренній мірокъ. Вмѣсто того, чтобы бѣгать въ пятнашки и играть въ мячъ, она по

Digitized by Google

цѣлымъ часамъ засиживалась надъ сказками и книгами съ картинками, вся раскраснѣвшись, съ блестящими глазами, боязливо вздрагивая отъ каждаго шороха. Въ этихъ картинкахъ Наташа своимъ дѣтскимъ воображеніемъ умудрялась отыскивать гораздо больше, чѣмъ онѣ давали. Маленькіе звѣри, птицы и деревья, изображенные тамъ, принимали въ ея фантазіи гигантскіе размѣры и превращались въ живую дѣйствительность. Маленькіе пальмочки и азаліи, стоявшія на окнахъ дѣтской, начинали казаться ей великанами. Желтый паркетъ превращался въ цѣлую песчаную пустыню, гдѣ маленькій домашній котенокъ оказывался вдругъ свирѣпымъ тигромъ, дѣлавшимъ страшные скачки и злобно искавшимъ себѣ добычу. И дѣвочка, входя въ игру, съ ужасомъ прятала и спасала отъ него свою любимицу куклу. Птички на обояхъ вдругъ оживали для нея и перелетали, порхая, щебеча и звонко распѣвая, съ вѣтки на вѣтку; она начинала тихонечко пощелкивать языкомъ, поддѣлываясь подъ птичье щебетанье, и страшно рычала вмѣсто котенка, не узнавая и пугаясь собственнаго голоса. Котенокъ расшаливался вмѣстѣ съ нею и, чувствуя, что съ нимъ играютъ, начиналъ граціозно заигрывать со своею госпожой, прыгая за ней по стульямъ и диванамъ и ощетиниваясь на нее съ грознымъ видомъ. Въ дѣтской поднималась страшная возня. Котенокъ прыгалъ и кувыркался, а госпожа, какъ съумасшед-

Digitized by Google

шая бѣгала и, спасаясь отъ него, бросалась во всѣ углы, залѣзала даже подъ кровать и диванъ, отчаянно взвизгивая и крича.

На шумъ отворялась дверь и входила Марья Сергѣевна. Наташа бросалась къ ней съ громкимъ крикомъ.

— Тигръ!.. тигръ, мамочка!.. кричитъ она, заливаясь испуганнымъ и взвизгивающимъ хохотомъ и пряча голову въ материнскія колѣни.

Марья Сергѣевна сразу не понимаетъ, въ чемъ дѣло.

— Да вѣдь это Васька! котенокъ!—говоритъ со снисходительною улыбкой Марья Сергѣевна, тою улыбкой взрослаго человѣка, которая невольно является у большихъ, когда они говорятъ съ маленькими.—Посмотри же!

Марья Сергѣевна беретъ котенка и подноситъ его маленькое, пушистое, теплое, извивающееся тѣльце къ самому личику дочери. Но Наташа испуганно взвизгиваетъ и еще глубже прячетъ свой носикъ въ складки материнскаго платья.

Дѣвочка вся раскраснѣлась, глазенки ея блещутъ и горятъ, а на лбу и около шеи выступили даже влажныя капельки пота. Вся она трепещетъ и вздрагиваетъ отъ хохота, барахтается и даже брыкается ногами. Марья Сергѣевна видитъ, что дочка «совсѣмъ расшалилась», что теперь уже не успокоишь ее сразу, и цѣлуя, поднимаетъ ее и уноситъ съ собой.

— Нѣтъ, мама, я сама, сама!

Digitized by Google

Дѣвочка хочетъ соскользнуть съ рукъ матери, вырываясь отъ нея, но Марья Сергѣевна крѣпко держитъ ее и съ торжествомъ вноситъ въ столовую.

— Вотъ вамъ, папа, ваша буйная дочка!—говоритъ она, смѣясь счастливыми глазами, и опускаетъ дочку на колѣни къ мужу. Наташа быстро соскакиваетъ. Ей ужасно совѣстно, она вся покраснѣла и готова даже расплакаться, хотя въ то же время ей и смѣшно, и она и сама не знаетъ—плакать ей или смѣяться.

— Ну, садись, садись, дѣвчурка!—говоритъ Павелъ Петровичъ, придвигая ей стулъ. Наташа вдругъ стихаетъ и принимаетъ солидный видъ взрослой барышни. Она степенно снимаетъ салфетку съ тарелки и съ серьезнымъ видомъ начинаетъ откусывать маленькими кусочками нижнюю корочку хлѣба «какъ папа».

Ей уже скоро шесть лѣтъ и потому въ спокойныя минуты она искренно считаетъ себя «большою дѣвочкой».

Ей это очень нравится, и когда ее спрашиваютъ, сколько ей лѣтъ, она со строгою важностью объявляетъ:

— О, я уже большая, мнѣ седьмой годъ!

Она ни за что не скажетъ: мнѣ «шесть», а непремѣнно «седьмой»; это какъ-то важнѣе, и потому ей нельзя сдѣлать бо́льшаго оскорбленія, какъ взять ее на руки «точно маленькую».

— Ну, что подѣлывала сегодня, дѣвчурка?—начинаетъ разспрашивать ее отецъ.

Digitized by Google

Отца она немножко дичится; въ душѣ они очень любятъ другъ друга, но говорить между собою не умѣютъ.

Павелъ Петровичъ нѣсколько разъ принимался говорить съ ней, «поддѣлываясь подъ ея тонъ», даже не разъ принималъ участіе и въ ея играхъ; только изъ этого никогда ничего не выходило: дѣвочка отвѣчала неохотно и смущенно, а къ его играмъ относилась съ какимъ-то недовѣріемъ.

— Отчего же ты не хочешь играть съ папой?—спрашиваетъ бывало Марья Сергѣевна.

— Да я, мамочка, не умѣю.

— Какъ же это такъ не умѣешь? Вѣдь со мной же умѣешь и съ няней умѣешь, и даже одна...

— Такъ вѣдь то, мамочка, въ самомъ дѣлѣ...

— То есть какъ это въ самомъ дѣлѣ?—недоумѣваетъ слегка Марья Сергѣевна.

— Ну, да, когда я съ тобой играю, или съ няней, или одна... ну, какъ это?.. я не знаю.

Дѣвочка краснѣетъ и запинается съ виноватымъ и смущеннымъ лицомъ, не умѣя подыскать точнаго слова.

— Тогда мы по-настоящему играемъ...

— А съ папой развѣ не по-настоящему?

Наташа чуть не плачетъ, она не умѣетъ выразить ясно эту тонкую разницу.

Отецъ серьезенъ, всегда занятъ и на видъ немного холоденъ. Наташа привыкла видѣть его всегда за бумагами и слышать «Наташа, тише,

Digitized by Google

не шуми, папа занимается!» И потому видѣть его играющимъ ей какъ-то странно и смѣшно. Она улыбается, когда онъ начинаетъ бѣгать и прыгать вокругъ стола и представлять медвѣдя, чтобы позабавить ее, но улыбается такъ, какъ улыбаются взрослые на игры дѣтей. Взрослые знаютъ, что дѣти «только играютъ», то есть продѣлываютъ все это нарочно, а Наташа знаетъ, что отецъ именно тѣмъ и портитъ игру, что «нарочно играетъ». Она чувствуетъ, что эта игра не увлекаетъ его, какъ увлекается она сама своими играми, и это невольно расхолаживаетъ ее.

Ей даже дѣлается почему-то совѣстно, тогда какъ съ матерью она возится по цѣлымъ часамъ, бѣгаетъ, кувыркается, визжитъ и всею душой входитъ въ игру.

Послѣ обѣда Павелъ Петровичъ, поцѣловавъ жену и дочь, уходитъ къ себѣ въ кабинетъ заниматься.

Наташа бѣжитъ вмѣстѣ съ матерью въ комнату Марьи Сергѣевны. Эту комнатку онѣ обѣ очень любятъ. Она такая вся хорошенькая, уютная, мягкая... Марья Сергѣевна садится за какое нибудь вышиваніе передъ рабочимъ столикомъ на маленькій диванъ. Лампа, съ бѣлымъ колпакомъ, обливаетъ яркимъ свѣтомъ только доску стола, да пестрые узоры на канвѣ въ бѣлыхъ, съ голубыми жилками, рукахъ Марьи Сергѣевны. Остальная комната тонетъ въ мягкомъ полусвѣтѣ.

Наташа притащитъ на этотъ диванчикъ всѣ

Digitized by Google

свои книги и любимыя куклы. Ей хочется, чтобы всѣ были вмѣстѣ и она, плутовато косясь на мать, забирается за ея спину въ самый уголокъ дивана «съ ногами», чтобы не такъ страшно было. Тутъ ей такъ хорошо, тепло, уютно, и, грызя свои леденцы и яблоки, она вполнѣ счастлива своимъ дѣтскимъ нетребовательнымъ счастьемъ.

Котенокъ Васька также вдругъ откуда-то появляется и всегда вспрыгнетъ на диванъ такъ тихо и неожиданно, что каждый разъ Марья Сергѣевна и Наташа невольно вскрикнутъ; высоко поднявъ свой пушистый хвостъ, онъ начинаетъ подлащиваться къ нимъ, громко мурлыкая и назойливо подставляя свою полосатую мордочку съ розовымъ носомъ прямо къ ихъ лицамъ.

— Пусти, Васютка, говоритъ Марья Сергѣевна, а Наташа тихо смѣется и щекочетъ ему за ухомъ. Васютка, выбравъ себѣ, повидимому, уютное мѣстечко, укладывается наконецъ, свернувшись клубочкомъ и лѣниво прищуривая на огонь глаза, продолжаетъ блаженно мурлыкать. Онъ каждый разъ норовитъ присосѣдиться гдѣ нибудь на плечѣ или на колѣняхъ Наташи.

— Ахъ, мама!—вскрикиваетъ, какъ будто съ недовольнымъ видомъ, Наташа,—онъ опять ко мнѣ на шею забрался!

— Ну, сгони его!—говоритъ Марья Сергѣевна; но Наташѣ въ сущности это очень нравится, она вовсе не хочетъ сгонять его. Онъ такой

Digitized by Google

теплый и такъ смѣшно мурлыкаетъ у нея подъ самымъ ухомъ.

— Ну, ужъ пускай его!—снисходительно разрѣшаетъ она.

— Ну, а чего же ты утромъ боялась его?—вспоминаетъ Марья Сергѣевна.

— Да онъ утромъ, мамочка, тигръ былъ, страшный такой.

— Ахъ ты, дѣвчурка глупая!—смѣется мать.

Наташа заваливается совсѣмъ за спину матери; изъ-за рукъ Марьи Сергѣевны видно только съ одной стороны непокойныя ножки, а съ другой смѣющееся плутоватое личико дѣвочки.

— Ну, мамочка, разсказывай что нибудь!—уговариваетъ она мать просящимъ, тоненькимъ голоскомъ.

— Что̀ же тебѣ разсказать?

— Что нибудь, мамочка милая, пожалуйста... ну, хоть старое что нибудь.

Наташа страстно любитъ эти вечерніе разсказы матери.

Марья Сергѣевна, начавшая со сказокъ, перешла мало-по-малу въ своихъ разсказахъ къ живымъ людямъ, къ біографіямъ своихъ бабушекъ, тетушекъ, сестеръ и къ воспоминаніямъ собственнаго дѣтства. Ей самой нравится перебирать эти давнія странички своей жизни. Отъ нихъ вѣетъ чѣмъ-то такимъ далекимъ, почти позабытымъ и наполовину уже исчезнувшимъ, но все-таки милымъ и интереснымъ для нея: особенно года первой молодости вспоминаются всегда

Digitized by Google

такими свѣжими, отрадными, счастливыми, хотя въ то время они, быть можетъ, совсѣмъ и не были такъ счастливы и отрадны.

Чѣмъ больше разсказываетъ Марья Сергѣевна, тѣмъ и вспоминается все больше, все яснѣе. Кажется, вся жизнь, шагъ за шагомъ, картинка за картинкой, бѣжитъ предъ нею и вновь переживается ею.

Наташа слушаетъ съ потемнѣвшими отъ расширившагося зрачка глазами, съ ярко разгорѣвшимся лицомъ. Ея воображеніе страшно работаетъ, люди и картины плывутъ передъ ней совсѣмъ ясными, живыми. Иногда она прерываетъ мать какимъ нибудь вопросомъ.

— А тетя Лиза съ вами тогда жила?

— Тети Лизы тогда еще совсѣмъ не было!

Наташа поражается.

— Совсѣмъ не было?—протяжно удивляется она,—а гдѣ же она была?

— Она еще не родилась въ то время.

Наташа нѣсколько мгновеній молча смотритъ на мать, точно что-то думаетъ.

— А дядя Петя былъ?

— Петя былъ; онъ уже учился тогда въ гимназіи и только на лѣто пріѣзжалъ къ намъ. Такой кургузый былъ, краснощекій, и предъ нами, дѣвочками, ужасно важничалъ своимъ мундиромъ! А разъ онъ нашалилъ что-то и съ него въ наказаніе сняли мундиръ, и онъ цѣлую недѣлю ходилъ въ курточкѣ и панталонахъ. То-то

Digitized by Google

ужъ мы надъ нимъ смѣялись; все его важничанье ему отплатили.

Наташа задумчиво смотритъ куда-то вдаль.

— Какъ странно, тихо говоритъ она,—дядя Петя и вдругъ въ курточкѣ, тети Лизы совсѣмъ не было, а теперь есть... Тебя, мама, сначала тоже не было?

— Конечно, мой ангелъ.

— И папы? и бабушки?

— И папы, и бабушки...

— А было когда нибудь, что совсѣмъ, совсѣмъ никого не было?

— Да, дѣвочка, сначала и земли не было, и людей не было, Богъ потомъ все сотворилъ; вотъ будешь учиться, все узнаешь.

— Гдѣ же все это, мамочка, было?

Часто Наташа задаетъ такіе вопросы, на которые Марья Сергѣевна не всегда находитъ отвѣты.

— Ну, слушай дальше!

Но у Наташи уже образовался свой ходъ мысли и вопросы интересуютъ ее теперь больше разсказовъ о тетѣ и бабушкѣ.

— Ну, а вотъ дѣдушка былъ, а теперь его нѣтъ! —восклицаетъ она, повидимому, все еще занятая своими мыслями.

— Дѣдушка умеръ и пошелъ къ Богу!

— Къ Богу, это на небо значитъ?

— На небо.

— Мама, какъ же говорятъ: Богъ далеко и высоко; вѣдь онъ же на небѣ, а вѣдь небо

Digitized by Google

видно, а если что̀ далеко, такъ нельзя видѣть. Какъ же это?

— Богъ вездѣ, милая, и на небѣ, и на землѣ. Не прерывай же меня, если хочешь слушать.

— Ну, хорошо, хорошо, не буду, разсказывай, мамочка, дальше.

Но черезъ минуту она опять прерываетъ мать.

— Мама, на небѣ никогда никто не былъ?

— Никто.

— И никакъ нельзя попасть?

— При жизни нельзя, а послѣ смерти всѣ, кто праведно жили, тамъ будутъ.

— Тамъ, мамочка, вѣрно очень хорошо. Ты, мамочка, не знаешь, какъ тамъ? — задумчиво, съ мигающими глазами говоритъ она.

— Этого никто, дитя мое, не знаетъ.

— Ну, хоть немножечко не знаешь ли?

— Да слушай же, Наташа, а то я перестану.

— Нѣтъ, нѣтъ, мамочка, я не буду больше, ни одного словечка не буду.

Марья Сергѣевна опять начинаетъ прерванный разсказъ, Наташа мало-по-малу входитъ въ него и снова интересуется бабушками и тетушками, но вдругъ она начинаетъ хохотать.

— Чего ты?—удивляется Марья Сергѣевна.

Но Наташа заливается раскатистымъ хохотомъ и даже не можетъ говорить.

— Я, мамочка, все думала, какая это бабушка маленькая была, и вдругъ она показалась мнѣ!.. Смѣшная, смѣшная такая, лицо ста-

Digitized by Google

рое, какъ теперь и очки также, а платьице коротенькое и сама маленькая, и панталончики...

Марья Сергѣевна невольно улыбается; бабушка въ такомъ видѣ кажется и ей ужасно смѣшною...

— И вдругъ, мамочка, ея мама на нее разсердится и велитъ ее высѣчь!

И Наташѣ такъ живо представляется картина, какъ сѣкутъ бабушку, что она начинаетъ даже захлебываться отъ хохота. Марьѣ Сергѣевнѣ и самой смѣшно, но она старается внушить дочери, что надъ старшими смѣяться грѣшно.

— Какъ не хорошо, Наташа!—говоритъ она, стараясь сказать строгимъ голосомъ.—Я разсержусь на тебя.

— Ну, мамочка, мамуся, милая, не надо, вѣдь это же смѣшно, правда вѣдь смѣшно! да!

— Ну, полно, полно.

Но черезъ мгновеніе она стихаетъ и опять задумывается о чемъ-то.

— Мамочка, вѣдь всѣ люди должны быть сначала маленькими?

— Конечно, всѣ.

— Ни одного не было прямо большого.

— Ни одного!

— А потомъ стариками? да?

— Да, если доживутъ!

На минуту воцаряется тишина. Наташа о чемъ-то думаетъ. Марья Сергѣевна считаетъ

Digitized by Google

крестики своего узора. Наташа сбила ее и со счету, и съ нити разсказа.

— Я вдругъ старуха, а бабушка маленькая, какъ странно!—задумчиво начинаетъ Наташа опять. Мама, а какая я буду старухой? а? Посмотри, такая? да? Похожа?

Она морщитъ всю свою мордочку и выдвигаетъ впередъ нижнюю губу, стараясь изобразить на своемъ лицѣ старческую физіономію.

— Похоже?.. мамочка, смотри!—говоритъ она шепелявя и тряся головой...

Марья Сергѣевна не выдерживаетъ и, взявъ ея головку въ обѣ руки, нѣжно цѣлуетъ ее въ сморщенный носикъ. Наташа обхватываетъ ее руками и прижимается къ ней.

— Ты тоже, мамочка, старухой будешь?

— Тоже!

— Неправда! Ты красавица, ты всегда красавицей будешь! Да, да! скажи да, мамочка! пожалуйста. Я не хочу, чтобы ты старухой была!

— Ну, да, да! Я еще не скоро старухой буду, не бойся!

— Нѣтъ, совсѣмъ не надо!

— Совсѣмъ нельзя.

Наташа внимательно и задумчиво разсматриваетъ лицо матери, лаская его руками и цѣлуя ея глаза, лобъ, щеки и ротъ.

— Ну, хорошо, будь старухой, только не скоро, очень не скоро; вотъ что, вмѣстѣ со мной, когда я буду старухой, тогда и ты; хорошо? Ахъ, ма-

Digitized by Google

мочка, какъ это смѣшно будетъ; мы будемъ двѣ бабушки, старенькія, сѣденькія такія...

Марья Сергѣевна смѣется.

— Охъ, ужъ, дѣйствительно, это очень не скоро! Когда ты бабушкой-то будешь, меня и на свѣтѣ тогда не будетъ.

— Какъ не будетъ!—огорчается Наташа,— а гдѣ же ты будешь?

— Гдѣ? умру какъ дѣдушка.

— Мамочка!

И Наташа съ громкимъ крикомъ бросается къ матери и обхватываетъ ее руками, прижимаясь вся къ ней, точно боясь, что Марья Сергѣевна сейчасъ же уйдетъ отъ нея. Смерть матери такъ страшно пугаетъ ее, кажется ей такою ужасною и невѣроятною, что она тутъ же начинаетъ плакать. Марья Сергѣевна, встревожившись ея слезами, нѣжно утѣшаетъ ее, но дѣвочка, прижимаясь къ ней ближе, горько всхлипываетъ.

— Я не хочу... не надо... мамочка милая... пожалуйста... не надо...

— Да нѣтъ, глупенькая; вѣдь это не скоро еще будетъ...

— Совсѣмъ, совсѣмъ... не надо... я не хочу...

— Ну, хорошо, хорошо, мордочка моя, совсѣмъ не умру.

— Мы вмѣстѣ... вмѣстѣ, въ одну минуту... пожалуйста, мамочка... да?.. хорошо?

— Ну хорошо, давай вмѣстѣ помирать!

И она улыбается своей дѣвочкѣ съ любов-

Digitized by Google

ною, тихою лаской и нѣжно качаетъ ее на рукахъ, точно баюкаетъ.

Мало-по-малу Наташа успокоивается. Марья Сергѣевна хочетъ достать ей въ утѣшеніе изъ комода грушу, но послѣ подобныхъ предположеній Наташа уже не отпускаетъ ее и не отходитъ отъ нея ни на минуту. Она бѣгаетъ въ теченіе цѣлаго вечера шагъ за шагомъ вслѣдъ за матерью, держась даже за ея платье, точно боится, что Марья Сергѣевна умретъ сейчасъ же. И послѣ подобныхъ разговоровъ онѣ становятся еще нѣжнѣе другъ къ другу.

И мать, и дочь страстно любятъ эти вечера, для нихъ это самое лучшее время дня, и онѣ обѣ съ нетерпѣніемъ дожидаются вечера, но разно. Наташа нетерпѣливо и сознательно мечтая о нихъ, Марья Сергѣевна спокойно и скорѣе безсознательно...

Тема бесѣды никогда не истощается. Съ каждымъ годомъ разсказы и воспоминанія подходятъ все ближе и ближе къ переживаемой эпохѣ, и Марья Сергѣевна съ удовольствіемъ думаетъ, что когда Наташѣ минетъ 17—18 лѣтъ, воспоминанія разрастутся, разговоры станутъ еще задушевнѣе. Эта привычка,—дѣлиться съ дочерью всѣмъ, посвящать ее въ каждый маленькій уголокъ своей жизни,—даетъ возможность и самой Марьѣ Сергѣевнѣ какъ бы еще разъ пережить всю жизнь.

Digitized by Google

V.

Наташа быстро развивалась; у нея никогда не было подругъ и товарокъ однолѣтокъ, ея единственною, но за то постоянною подругой была ея мать. Эта дружба со взрослымъ человѣкомъ невольно развила скорѣй, и ее самоё пріучила чувствовать и думать по-взрослому раньше, чѣмъ въ большинствѣ случаевъ начинаютъ другія дѣти.

Когда Наташа поступила въ гимназію, то ихъ образъ жизни отчасти перемѣнился. По вечерамъ разсказывала теперь больше сама уже Наташа, а не Марья Сергѣевна. Множество новыхъ лицъ и впечатлѣній разомъ охватили дѣвочку. Ее все интересовало и занимало. Въ теченіе дня она замѣчала мельчайшія подробности своей новой гимназической жизни и вечеромъ торопливо спѣшила дѣлиться ими съ матерью. Потомъ онѣ вмѣстѣ садились за уроки. Въ отношеніи Марьи Сергѣевны Наташа была безсознательною деспоткой. Въ своей любви къ матери она доходила до полнаго обожанія, но за то и не хотѣла ни на минуту разставаться съ ней.

Куда бы мать ни шла, что бы она ни дѣлала, Наташа непремѣнно хотѣла «вмѣстѣ». Даже свои вечерніе уроки она хотѣла готовить непремѣнно «вмѣстѣ». «Мамочка, мы вмѣстѣ», просила она требовательнымъ тономъ избалованнаго ребенка, который знаетъ напередъ, что ему не откажутъ. Марья Сергѣевна, дѣйстви-

Digitized by Google

тельно, почти ни въ чемъ не могла отказать ей; и еслибы къ дѣвочкѣ не перешла наслѣдственно кротость матери и спокойная твердость отца, то мать, вѣроятно, скоро бы испортила ребенка.

Наташа была для нея маленькимъ кумиромъ, ея жизнью, ея прелестнымъ деспотомъ, подчиняться которому ей въ сущности даже нравилось.

Женщины не умѣютъ и почти не могутъ жить безъ этихъ «слѣпыхъ» привязанностей, изъ которыхъ онѣ дѣлаютъ себѣ боговъ и деспотовъ. Имъ нужно боготворить и подчиняться, и если онѣ не сдѣлаютъ себѣ такого кумира изъ мужа, то дѣлаютъ его изъ ребенка, иногда даже изъ братьевъ или отца, смотря потому, кто есть и кого жизнь ставитъ въ болѣе или менѣе подходящія для этого условія.

Жизнь Марьи Сергѣевны почти съ первыхъ дней молодости сложилась не только спокойно и безмятежно, но даже немного монотонно. Въ семнадцать лѣтъ она вышла замужъ за Павла Петровича, которому тогда было около тридцати пяти. Была ли она влюблена въ своего будущаго мужа, это она понимала довольно смутно и въ то время дать себѣ въ томъ отчетъ не съумѣла бы. Но онъ ей нравился и, что порой имѣетъ еще бо̀льшее значеніе, нравился окружавшимъ ее. Ей всѣ говорили, что она дѣлаетъ прекрасную партію. Павелъ Петровичъ имѣлъ хорошее положеніе и средства, былъ еще молодъ, очень представителенъ и пользовался отличною репутаціей.

Digitized by Google

Еслибы судьба столкнула его съ болѣе пожившею женщиной, чѣмъ была тогда его жена, то, вѣроятно, такая женщина полюбила бы его глубже, нежели была способна на то семнадцатилѣтняя дѣвочка. У женщины, много пережившей и страдавшей въ прошломъ, рождается и болѣе мощное чувство, чѣмъ у наивной дѣвочки. Къ тому же, для каждаго возраста женщины есть свой излюбленный типъ мужчины, а Павелъ Петровичъ, съ его холодною сдержанностью, спокойною разсудительностью и немоложавою наружностью, всего менѣе могъ увлечь воображеніе своей семнадцатилѣтней невѣсты.

Будь у нея натура болѣе пылкая, Маничка, вѣроятно, не замедлила бы влюбиться, хотя бы въ своего кузена, красиваго кавалергарда, съ которымъ такъ любила танцовать. Но молоденькая Маничка до такой степени еще не сформировалась, что ея натуру даже предсказать было очень трудно. Она вся была еще въ будущемъ.

Во всякомъ случаѣ, въ то время это была миленькая, очень благовоспитанная барышня, скорѣе застѣнчивая, чѣмъ бойкая. Не очень худенькая, но и не полная, съ хорошо посаженною на не округлившихся, еще полудѣтскихъ плечахъ, граціозною головкой, больше миловидною, чѣмъ красивою. Хороши были только глаза: большіе, темные, вѣчно переливающіеся, какого-то неопредѣленнаго цвѣта, но чаще всего великолѣпнаго синяго отлива. Эти глаза сіяли

Digitized by Google

дѣтскою чистотой и несложностью ясной, непорочной мысли...

Марья Сергѣевна была сиротой и жила у своего опекуна-дяди, а потому даже и родственно не была ни къ кому особенно горячо привязана. Она, конечно, любила родню дяди, но не такъ, какъ любила бы родную мать или отца.

Выйдя замужъ, она инстинктомъ поняла, какого надежнаго, безгранично, хотя и спокойно, любящаго друга пріобрѣла она въ мужѣ. Чѣмъ больше узнавала она его душу, умъ, характеръ, тѣмъ больше начинала цѣнить и уважать его. Чрезъ годъ она была увѣрена, что болѣе умнаго, великодушнаго и честнаго человѣка трудно найти. Разъ она могла это понять, влюбиться въ него, какъ часто влюбляются молоденькія жены въ своихъ мужей уже по выходѣ замужъ, было бы не трудно, найди она въ немъ самомъ болѣе для этого матеріала. Но обстоятельства сложились иначе. Павелъ Петровичъ былъ прекрасный мужъ и плохой любовникъ. Въ немъ не было ни тѣхъ порывовъ, которые такъ нравятся женщинамъ, ни даже особенной страстности въ характерѣ.

Еслибъ онъ хоть шутя увлекся бы другою, въ ней навѣрное проснулась бы вся страсть влюбленной женщины. Женщинамъ нравится страданіе, причиняемое имъ любовью, и чѣмъ мужчина больше причиняетъ имъ этихъ страданій, тѣмъ больше и страстнѣе любятъ онѣ его. Но Павелъ Петровичъ для подобныхъ отноше-

Digitized by Google

ній былъ и слишкомъ хорошій мужъ, и слишкомъ занятой человѣкъ. Ему и въ голову не приходило, что такой натурѣ, какъ его жена, необходимы были время отъ времени сильныя впечатлѣнія, и что чѣмъ дольше будетъ дремать эта въ сущности страстная натура, тѣмъ съ бо̀льшею силой прорвется она когда нибудь наружу.

Давай Павелъ Петровичъ своей женѣ хоть повременамъ возможность этихъ ощущеній, посредствомъ ревности къ ней, ревности къ нему, временнаго охлажденія и просыпающихся потомъ съ новою силой порывовъ страстной любви, вся сила чувства, дремавшаго въ Марьѣ Сергѣевнѣ, размѣнялась бы на эти мелочи и они благополучно миновали бы опасное время молодости, жаждущей бурь, и дожили бы, наконецъ, до того предѣла, когда ничто уже не опасно, потому что мало-по-малу всѣ страсти замираютъ и успокоиваются въ человѣкѣ, уступая дорогу старости.

Къ сожалѣнію, Павелъ Петровичъ заботился только о томъ, чтобъ окружить жену комфортомъ и полнымъ спокойствіемъ, котораго искалъ и желалъ самъ: онъ—пережилъ уже свои бури.

Въ глубинѣ души, сама Марья Сергѣевна всего менѣе подозрѣвала, что ей нужно нѣчто подобное. Она находила своего мужа лучшимъ изъ людей и сознавала, что имѣетъ все: и прекраснаго мужа, и полное семейное счастье, и хорошія, вполнѣ обезпеченныя средства, словомъ, все что̀

Digitized by Google

требуется для безпечальной жизни, а потому совсѣмъ искренно считала себя одною изъ счастливѣйшихъ женщинъ, и скажи ей кто нибудь, что для обезпеченія и продолженія ея семейнаго счастья нужно еще то-то и то-то, она первая вознегодовала бы и назвала бы это ложью.

За то весь запасъ нѣжности и страстности она перенесла на ребенка.

Въ своемъ тихомъ и безмятежномъ спокойствіи Марья Сергѣевна съ годами расцвѣтала все пышнѣе, красивѣе, и къ тридцати годамъ миленькая дѣвушка превратилась постепенно въ красавицу. Въ чемъ именно заключалась ея красота,—сказать было трудно. Она вся расцвѣла ровно, красиво, изящно.

За послѣднее время Марья Сергѣевна, инстинктомъ женщины, начала чувствовать въ словахъ, взглядахъ и ухаживаніяхъ мужчинъ что-то совсѣмъ новое... Иногда, поймавъ на себѣ жадный взглядъ мужскихъ глазъ, она вспыхивала и невольнымъ движеніемъ торопливо поправляла тонкое кружево на груди бальнаго платья. Эти взгляды, если не пугали и не смущали ее еще, то во всякомъ случаѣ какъ-то странно удивляли и тревожили.

Да и въ самой себѣ она стала замѣчать что-то новое, странное. Часто, взглянувъ въ зеркало, она нѣсколько секундъ не сводила съ него любопытныхъ синихъ глазъ. Иногда, причесываясь или одѣваясь предъ зеркаломъ, Марья Сергѣевна съ довольною и слегка удивленною

Digitized by Google

улыбкой всматривалась въ свое лицо. Она смутно припоминала себя худенькою дѣвушкой въ кисейномъ платьицѣ и почти не узнавала себя въ этой красивой фигурѣ, отражавшейся ей въ зеркалѣ.

Мало обращавшая прежде вниманія на костюмы, она, съ нѣкоторыхъ поръ, стала вдругъ очень любить нарядные туалеты. Чѣмъ красивѣе становилась она, тѣмъ больше являлось у нея почти безсознательнаго желанія быть еще интереснѣе и лучше. Хорошенькая женщина всегда немножко влюблена въ свое лицо.

Въ дни молодости Марья Сергѣевна не очень любила выѣзжать; она чувствовала себя для этого слишкомъ застѣнчивою и молчаливою. Дома ей нравилось больше; тутъ ей было свободнѣе и легче. Бальные костюмы стѣсняли ее, и она не умѣла даже придумывать ихъ. Къ ея гладенькой головкѣ простыя домашнія платья шли гораздо больше. Выѣзжая иногда въ бальномъ туалетѣ съ открытою шеей и руками, она чувствовала себя такою неловкою, точно связанною, и всегда старалась спрятаться гдѣ нибудь въ кружкѣ старушекъ. Но съ годами у нея явился навыкъ и вкусъ. Мало-по-малу она пріучилась не теряться въ большомъ обществѣ, и хотя не перестала быть все еще молчаливою, но на лицѣ ея, вмѣсто дѣтски-застѣнчиваго, явилось спокойное, нѣсколько горделивое выраженіе свѣтской женщины, привыкшей уже и къ толпѣ, и къ умѣнью держать себя

Digitized by Google

предъ этою толпой. Бальные туалеты уже не стѣсняли ее; напротивъ, чувствуя себя въ нихъ особенно интересною, она даже слегка оживлялась и дѣлалась развязнѣе. Разъ она явилась на вечеръ въ прелестномъ бѣломъ платьѣ, съ желтыми розами у кружевного корсажа. Оно очень шло къ ней и всѣ ей говорили, что она замѣчательно интересна; многіе даже не сразу узнавали ее. Это забавляло ее. И она улыбалась довольною улыбкой красивой женщины, сознающей, что она нравится и что на нее поминутно обращаются восхищенные взгляды.

Женщины любятъ возбуждать вниманіе. Съ этихъ поръ она стала относиться съ бо̀льшею внимательностію къ своимъ нарядамъ. Ей нравилось быть интересною, и она уже внимательнѣе выбирала цвѣта и фасоны платьевъ, шляпъ и тому подобныхъ вещей. Постепенно у нея развился вкусъ, она изучила свое лицо и фигуру и прекрасно знала, что̀ къ ней больше идетъ. Даже домашнія платья она отдѣлывала съ бо̀льшею обдуманностью и тщательностью.

Иногда, оставаясь дома, но одѣвшись болѣе удачно и находя себя особенно красивою и изящною, Марья Сергѣевна невольно чувствовала сожалѣніе (присущее исключительно женщинамъ), что ее никто не видитъ. Если женщина чувствуетъ себя очень интересною, а любоваться ею некому, ей всегда дѣлается немножко досадно и какъ-то скучно. Тогда невольно рождается желаніе «показаться», очу-

Digitized by Google

титься гдѣ нибудь въ толпѣ, все равно—на улицѣ ли, въ театрѣ ли, на вечерѣ ли—только въ обществѣ, гдѣ бы она чувствовала, что на нее смотрятъ и любуются ею. Правда, иногда онѣ довольствуются только однимъ цѣнителемъ, наряжаются только для одного и дорожатъ мнѣніемъ только этого одного. Но тогда этотъ одинъ замѣняетъ для нихъ все общество.

Марья Сергѣевна была еще одною изъ серьезныхъ женщинъ; вопросы выѣздовъ, туалетовъ, общества, развивающіеся у нѣкоторыхъ изъ ея сестеръ до грандіозныхъ размѣровъ, ей не казались еще очень важными и необходимыми.

Но во-первыхъ, у нея было слишкомъ много свободнаго времени. Наташа поступила въ гимназію, и ребенокъ уже не могъ наполнять своею жизнію всѣ досуги матери. Часы, которые она привыкла проводить съ дочерью, оставались теперь свободными, и порой она не знала, чѣмъ ихъ пополнить. Заняться хозяйствомъ? Но хозяйство было давно уже заведено разъ навсегда, задержекъ въ деньгахъ не было, волноваться, мудрить и выпутываться изъ разныхъ мелкихъ житейскихъ дрязгъ не приходилось.

Шить, вязать, читать...

Первое она не особенно любила, притомъ оно оставляло полный просторъ мысли, значитъ и скукѣ. Читать Марья Сергѣевна всегда любила, только чтеніе съ нѣкоторыхъ поръ какъ-то странно дѣйствовало на нее. Часто говорилось

Digitized by Google

о многомъ, чего она никогда не испытала и не знала. Иногда страстная любовь какой нибудь героини, описаніе какой нибудь сцены точно заражали ее самоё любопытствомъ и желаніемъ чего-то никогда еще не бывшаго въ ея собственной жизни.

Марья Сергѣевна никогда не любила. Не любила тою страстною, сполна захватывающею любовью, запасъ и потребность которой всегда таятся въ глубинѣ каждой женщины.

Читая теперь что нибудь, слушая иногда разсказы и признанія своихъ подругъ, Марья Сергѣевна испытывала какое-то странное чувство... точно зависть. Съ нею самой никогда не бывало ничего подобнаго... Она еще никогда не слыхала страстнаго шопота любви... такой любви, какую ей иногда приходилось наблюдать у другихъ, о которой она инстинктивно догадывалась и которой безсознательно желала. Разъ читая какую-то вещь, особенно сильно подѣйствовавшую на нее, она вдругъ на полстраницѣ отбросила книгу съ какою-то злостью въ самый уголъ комнаты и порывисто вскочила съ дивана. Лицо ея горѣло горячими пятнами и сердце усиленно билось. Она подошла къ зеркалу, прикладывая холодные пальцы рукъ къ пылающимъ щекамъ, и остановилась предъ нимъ, глядя на себя разсѣяннымъ взглядомъ. Нѣсколько мгновеній она стояла молча, ломая свои холодныя руки, грудь ея тяжело поднималась, сердце билось все чаще и чаще, въ

Digitized by Google

горлѣ щекотала какая-то сухая, судорожная спазма, и вдругъ, разомъ опустившись на маленькій табуретикъ предъ туалетомъ, она безпомощно уронила руки на столъ и, приникнувъ къ нимъ воспаленною головой, разразилась неудержимымъ рыданіемъ...

О чемъ она рыдала? Что ей нужно, чего недостаетъ?.. Она и сама не знала, ее томила какая-то безотчетная тоска. Когда она, наконецъ, успокоилась, ей стало совѣстно этихъ безпричинныхъ, «глупыхъ» слезъ. Ее смущали и озабочивали эти странные порывы и, усердно стараясь подавить ихъ въ себѣ, она тщательно скрывала ихъ отъ мужа и дочери. Ей было непріятно, что кто нибудь изъ нихъ могъ замѣтить это, она даже чувствовала себя точно въ чемъ-то виновною предъ ними, хотя опредѣлить суть своей вины не могла. Во всякомъ случаѣ, она рѣшилась бороться сама съ собой и не поддаваться этимъ «глупостямъ».

Павелъ Петровичъ ничего подобнаго не замѣчалъ. Его дѣла по службѣ шли прекрасно, повышеніе за повышеніемъ, но за то прибавлялось и работы. Заниматься приходилось не только днемъ, но и по вечерамъ; иногда онъ просиживалъ за своими бумагами до глубокой ночи. Внутренній міръ жены, съ его душевною работой и ломкой, ускользалъ отъ его вниманія.

Онъ видѣлъ только, что Мари всегда весела, спокойна, прекрасно одѣта и, повидимому, очень счастлива. Придавать же особенное значеніе яр-

Digitized by Google

кимъ пятнамъ на ея щекахъ и разсѣянному выраженію странно блестѣвшихъ глазъ ему не приходило даже и въ голову.

Превращеніе Марьи Сергѣевны изъ застѣнчивой домосѣдки въ свѣтскую женщину совершилось такъ постепенно, что его не замѣтилъ не только Павелъ Петровичъ, но даже и сама Марья Сергѣевна, часто съ недоумѣніемъ старавшаяся припомнить, когда въ ней «это» началось.

Одна Наташа угадывала что-то новое въ своей матери, но и то больше дѣтскимъ чутьемъ, чѣмъ сознаніемъ.

— Мамочка, ты сегодня опять куда нибудь ѣдешь? — спрашивала она за обѣдомъ.

— Да, въ оперу.

Сначала Наташа выражала очень мало удовольствія по поводу частыхъ выѣздовъ матери, но мало-по-малу и она къ нимъ привыкла.

— Ну, хорошо, я буду смотрѣть, какъ ты станешь одѣваться. Хорошо?

Для Наташи смотрѣть, какъ «одѣвается мама», было «ужаснымъ» наслажденіемъ. Она забиралась на большое кресло подлѣ туалета и, усаживаясь тамъ съ ногами, обхватывала руками согнутыя колѣнки и, прижавшись къ нимъ подбородкомъ, смотрѣла на мать восхищенными глазами, внимательно слѣдя въ то же время и за горничною, помогавшею Марьѣ Сергѣевнѣ одѣваться. Изрѣдка она кидала съ заботливымъ видомъ отрывистыя фразы.

Digitized by Google

— Тюникъ криво... цвѣтокъ лучше налѣво... поправь вонъ тотъ локонъ...

Наконецъ, туалетъ оканчивался. Наташа соскакивала съ кресла и, схвативъ канделябры со свѣчами, дѣлала матери послѣдній «инспекторскій» смотръ.

— Отлично, мамочка!—радостно восхищалась она,—восторгъ, какъ хорошо, мамочка, красота моя, прелесть!

Ей ужасно хотѣлось бы расцѣловать матери каждый «кусочекъ», какъ она говорила, но, боясь смять прическу и платье, она выдерживала характеръ и ограничивалась только прыганьемъ и хлопаньемъ въ ладоши.

Марья Сергѣевна молча стояла передъ ней, застегивая перчатки, нарядная, благоухающая, прелестная и невольно улыбающаяся и своей дочери, и своей красотѣ.

Ѳеня приносила мягкій темно-пунцовый шарфъ и пушистую на бѣломъ мѣху ротонду; вмѣстѣ съ Наташей онѣ старательно укутывали Марью Сергѣевну. Тогда начиналось прощанье. Имъ всегда было трудно разомъ разстаться другъ съ другомъ.

— Ну, будь же умница, дѣвчурка! — говорила каждый разъ по старой привычкѣ Марья Сергѣевна своей дочери.—Если захочешь кушать, спроси у Ѳени, тамъ въ буфетѣ я оставила тебѣ рябчика и сладкаго пирога.

Въ случаѣ, если Павелъ Петровичъ былъ дома и не сопровождалъ жену, она каждый разъ заходила проститься къ нему въ кабинетъ.

Digitized by Google

Наташа выбѣгала вслѣдъ за матерью въ переднюю.

— Кланяйся Ольгѣ Владиміровнѣ и Катѣ.

— Хорошо, дѣточка!

— Ну, прощай, мумуличка моя, смотри, пожалуйста, не распахивайся въ каретѣ и не опускай окна, да смотри, мамочка, не выходи потная на лѣстницу, опять горло захватитъ!—наказывала она со строгимъ видомъ заботливой маменьки, отпускающей дочку на балъ.

— Ну, прощай, Христосъ съ тобой!

— Прощай, веселись хорошенько.

Ѳеня отворяла дверь на ярко освѣщенную парадную лѣстницу, и Наташа выбѣгала на площадку.

— Наташа, уйди, простудишься!

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, тутъ тепло!

Она перевѣшивалась черезъ перилы и глядѣла вслѣдъ матери, пока та спускалась.

— Мамочка, смотри зайди какъ вернешься!—кричала она, перегибаясь внизъ,—хорошо? пожалуйста, я ждать буду.

Онѣ кивали, улыбаясь, другъ другу головой до тѣхъ поръ, пока массивная дубовая дверь не захлопывалась за Марьей Сергѣевною съ протяжнымъ стономъ.

Послѣ этого Наташа разомъ принимала серьезный видъ взрослой барышни и озабоченно произносила:

— Ну-съ, теперь заниматься!

Онѣ вмѣстѣ съ Ѳеней входили въ переднюю.

Digitized by Google

Ѳеня запирала дверь на крюкъ.

— Кажется, ничего не забыли... вѣеръ, перчатки, бинокль, платокъ... перебирала Наташа, озабоченно считая на пальцахъ,—все, кажется?

Ѳеня удостовѣряла, что все взято.

Облегченно вздохнувъ, Наташа отправлялась въ свою комнату за уроки.

Она была уже третій годъ въ гимназіи и занятій прибавлялось съ каждымъ годомъ. Училась Наташа очень прилежно, она была третья ученица, но ей непремѣнно хотѣлось сдѣлаться первою. По-своему, она была очень честолюбива и горда и потому почти весь вечеръ просиживала за учебниками.

Въ этомъ она была очень похожа на отца. Онъ къ службѣ, она—къ занятіямъ относились почти съ одинаковою серьезностью и занимались ими съ тѣмъ же упорствомъ, вниманіемъ и сосредоточенностью. Въ девять часовъ она выходила въ столовую пить чай и встрѣчалась тамъ съ Павломъ Петровичемъ, если онъ былъ дома. Съ тѣхъ поръ, какъ Марья Сергѣевна стала чаще выѣзжать, Наташа проводила съ отцомъ гораздо большую часть времени чѣмъ прежде, и постепенно они сближались все больше и больше. По вечерамъ она часто приходила къ нему въ кабинетъ «заниматься» своими уроками. Ей очень нравилась эта строгая тишина отцовскаго кабинета, заставленнаго массивною, немного тяжелою мебелью. Наташа усаживалась противъ отца за огромнымъ письменнымъ столомъ, углу-

Digitized by Google

бляясь въ книгу такъ же сосредоточенно, какъ онъ въ свои бумаги, и они сидѣли другъ противъ друга съ дѣловымъ видомъ, очень похожіе одинъ на другого, и только изрѣдка, поднимая голову, обмѣнивались торопливою улыбкой. Если она не понимала чего нибудь въ своихъ дробяхъ или склоненіяхъ, онъ подходилъ и, наклонившись надъ ея темнорусою головкой, объяснялъ ей.

Когда Наташа рано кончала свои уроки, онъ давалъ ей сортировать или читать вслухъ нѣкоторыя его бумаги и газеты. Ей это ужасно нравилось и она всегда торопилась покончить съ уроками. Прежняя дѣтская неловкость и натянутость въ ихъ отношеніяхъ совершенно исчезли. Онъ уже не старался поддѣлываться подъ ея тонъ, не предлагалъ ей играть въ прятки и не представлялъ больше ни медвѣдей, ни буку. Они говорили другъ съ другомъ товарищескимъ тономъ взрослыхъ людей, и это нравилось и тому, и другому. Она разсказывала ему о своей гимназіи, учителяхъ, урокахъ; онъ самъ не замѣтилъ, какъ началъ дѣлиться съ нею разсказами о своей службѣ. Она читала ему газеты и доклады, перечитывала и сортировала его бумаги, и мало-по-малу онъ привыкъ говорить съ нею о своихъ дѣлахъ.

Ея раннее развитіе порой даже удивляло его. Когда ему случалось увлечься и заговорить съ ней о слишкомъ уже недѣтскихъ вопросахъ, Наташа выслушивала его съ такимъ серьезнымъ видомъ, дѣлала порой такія дѣльныя замѣча-

Digitized by Google

нія, что онъ совсѣмъ забывалъ, что говоритъ съ дѣвочкой, которой едва минуло четырнадцать лѣтъ. Павелъ Петровичъ, скорѣе замкнутый чѣмъ сообщительный со всѣми другими, съ Наташей былъ откровеннѣе чѣмъ даже сознавалъ это самъ.

Всѣ свои разговоры они вели только наединѣ вечеромъ въ кабинетѣ или въ столовой за чаемъ.

Марья Сергѣевна даже и не подозрѣвала объ оригинальныхъ отношеніяхъ, завязавшихся между мужемъ и дочерью. Съ нею Павелъ Петровичъ почти никогда не говорилъ ни о дѣлахъ, ни о службѣ. Не то чтобъ онъ считалъ жену неспособною понимать это, но такъ какъ этого не случилось вначалѣ, то заводить съ нею такіе разговоры теперь, ему не приходило уже въ голову. Дочь въ этомъ отношеніи была ему какъ-то ближе. Онъ чувствовалъ въ ней свою натуру, свой складъ ума, свой характеръ, и это невольно сближало его съ нею.

Наташа такъ искренно интересовалась всѣмъ, что интересовало его, такъ быстро и легко усвоивала себѣ его мысли, вникала какимъ-то замѣчательно развитымъ въ ней чутьемъ въ его сферу и занятія, что въ концѣ концовъ поняла болѣе или менѣе весь ходъ его дѣлъ. Она всегда знала, какой докладъ былъ на очереди, когда назначено было засѣданіе и по какимъ вопросамъ, какихъ измѣненій и перемѣнъ ожидали въ министерствѣ. Знала по именамъ всѣхъ мини-

Digitized by Google

стровъ и главныхъ начальниковъ, и даже, разговаривая съ отцомъ, невольно перенимала и его выраженія и различные спеціальные термины.

Ее всегда немножко шокировало полнѣйшее невѣдѣніе Марьи Сергѣевны по этимъ вопросамъ, и если той случалось перепутать что нибудь, когда разговоръ заходилъ о чемъ нибудь подобномъ, Наташѣ такъ и хотѣлось прійти ей на помощь.

Разъ она даже не удержалась. Къ Марьѣ Сергѣевнѣ пріѣхала одна знакомая со своимъ мужемъ. Разговоръ коснулся одного изъ новыхъ назначеній. Марья Сергѣевна слышала что-то, но помнила довольно смутно.

— Ахъ, да!—воскликнула она,—говорятъ, N. назначается министромъ юстиціи!

— О, мама!—Наташа даже вся вспыхнула:—министръ юстиціи и не думаетъ уходить! N. назначается на мѣсто С. членомъ консультаціи при министерствѣ!

Нѣсколько мгновеній всѣ трое, молча, съ удивленіемъ глядѣли на эту дѣвочку въ коротенькомъ платьѣ, съ такимъ aplomb разсуждающую о смѣнѣ министровъ.

— Это совершенно вѣрно, заговорилъ, наконецъ, мужъ гостьи, съ улыбкой, — но откуда наша маленькая барышня знаетъ это?

Барышня вдругъ вся покраснѣла и молчала съ какимъ-то виноватымъ и сконфуженнымъ видомъ. Она еще въ первый разъ проговорилась о своемъ знаніи по этой части, и это испугало

Digitized by Google

и разсердило ее. Наташа безконечно дорожила довѣріемъ отца, и въ душѣ очень гордилась и этимъ довѣріемъ, и своимъ посвященіемъ въ «государственныя дѣла».

За то съ этихъ поръ она стала держать себя еще осторожнѣе, когда ей случалось слушать подобные разговоры.

Наташа ужасно любила пить чай по вечерамъ вдвоемъ съ отцомъ. Столовая была такая уютная, вся залитая свѣтомъ спускавшейся съ потолка надъ столомъ большой лампы. Въ углу топился, потрескивая и вспыхивая порой краснымъ пламенемъ, каминъ. Наташа садилась за самоваръ и, принимая видъ взрослой, начинала заваривать чай и перетирать чашки. За чаемъ отецъ съ дочерью болтали всегда съ особеннымъ удовольствіемъ. Иногда Павелъ Петровичъ смѣшилъ дочь, разсказывая ей что нибудь, и теперь это удавалось ему гораздо лучше, чѣмъ прежде, когда онъ представлялъ ей буку. Наташа заливалась звонкимъ смѣхомъ, запрокидывая назадъ голову, хохотала до слезъ и отъ восторга начинала даже болтать подъ столомъ ногами, какъ маленькая. Но въ большинствѣ случаевъ Павелъ Петровичъ былъ чѣмъ нибудь озабоченъ и чувствовалъ себя утомленнымъ.

— Ну, что у васъ новаго?—спрашивала Наташа, намазывая тартинки и съ аппетитомъ принимаясь за нихъ.

Павелъ Петровичъ сначала отвѣчалъ односложно и даже неохотно, если былъ не въ духѣ,

Digitized by Google

но постепенно увлекался и начиналъ пересказывать даже разныя мелочи.

Наташа внимательно и съ любопытствомъ слушала его.

— А у насъ въ гимназіи опять непріятности! — восклицала она, вспомнивъ вдругъ.

— А! что такое?

— Цѣлая исторія вышла.

И она съ мельчайшими подробностями пересказывала ему исторію. Ея дѣла, уроки и гимназія интересовали его такъ же, какъ ее — его служба, доклады и министры.

Послѣ чая они расходились по своимъ комнатамъ. Наташа брала книгу и укладывалась въ постель. Она нарочно ложилась раньше, чтобы подольше «почитать въ постели», что ей очень нравилось. Читала она вообще очень много. Въ 11 часовъ она тушила свѣчу и, свернувшись какъ нибудь поудобнѣе, сладко засыпала. Но едва раздавался звонокъ матери, Наташа тотчасъ просыпалась и, приподнимаясь на постели, съ нетерпѣніемъ глядѣла на дверь, въ которую всегда входила Марья Сергѣевна.

Легкіе торопливые шаги женской походки слышались въ гостиной, столовой и, наконецъ, въ будуарѣ. Дверь нѣсколько растворялась, пропуская Марью Сергѣевну, и Наташа съ восторженнымъ крикомъ бросалась къ ней:

— Мамочка!

Мамочка входила вся еще душистая, точно пропитанная атмосферой бальной залы, но въ

Digitized by Google

смятомъ уже слегка туалетѣ и горячо обнимала дочь.

— Ты что не спишь?—спрашивала она шопотомъ, точно боясь кого-то разбудить.

— Я спала, только услышала звонокъ и проснулась... Мамочка, милая!..

Марья Сергѣевна опускалась на кровать подлѣ дочери и онѣ сидѣли такъ нѣсколько мгновеній, нѣжно прижимаясь одна къ другой и молча цѣлуясь. Дрожащій огонекъ синей лампадки обливалъ мягкимъ и трепетнымъ свѣтомъ эту бѣлую комнатку и ихъ тѣсно прижавшіяся другъ къ другу фигуры. Это были ихъ лучшія минуты, имъ обѣимъ было такъ хорошо; какое-то особенное чувство наполняло и растрогивало ихъ обѣихъ. Съ отцомъ, какъ ни любила его Наташа, она никогда не испытывала такихъ минутъ полнаго наслажденія и даже какого-то блаженства...

И, точно боясь нарушить чудное состояніе, онѣ начинали говорить шопотомъ.

— Тебѣ было весело, да?—шептала Наташа, влюбленно смотря на мать.

Марья Сергѣевна молча кивала головой, отвѣчая дочери тѣмъ же полнымъ нѣжности и любви взглядомъ своихъ прелестныхъ глазъ.

Наташа еще нѣжнѣе прижималась къ ней.

— А ты думала обо мнѣ?

Тотъ же молчаливый кивокъ и та же ласкающая улыбка.

— И за мазуркой, какъ я просила, да?.. Ахъ, мамочка, милая... ненаглядная, красавица моя...

Digitized by Google

И она бросалась къ матери, обвивала ея открытую шею своими руками и осыпала ея лицо, глаза, грудь и руки поцѣлуями.

Наташа была положительно влюблена въ свою красавицу - мать. Она, какъ и въ пять лѣтъ, осталась для нея все тѣмъ же лучезарнымъ кумиромъ, предметомъ страстнаго обожанія.

Марья Сергѣевна всегда привозила дочери съ бала какіе нибудь фрукты. Это было маленькое вниманіе съ ея стороны, какъ бы молчаливое, но наглядное доказательство, что она и тамъ не забывала дочери.

Наташа понимала это, и если Марья Сергѣевна ничего не привозила, Наташа обижалась и разъ даже горячо проплакала всю ночь.

— Ты забыла! — говорила она съ упрекомъ.

Но когда все обстояло благополучно, то, нацѣловавшись вдоволь, Марья Сергѣевна поднималась, наконецъ, съ постели и нѣсколько отстраняла дочь.

— Ну, прощай, спи спокойно!—говорила она, крестя Наташу.

Но Наташа начинала протестовать.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, мамочка, я съ тобой... Минуточку только, минуточку, пожалуйста, вѣдь мы совсѣмъ и не говорили еще, ты даже ничего не разсказала мнѣ.

И она соскакивала съ постели, закутывалась въ одѣяло и, всунувъ голыя ножки въ туфли, бѣжала, слегка подпрыгивая и шлепая валивши-

Digitized by Google

мися съ ногъ туфлями, въ комнату Марьи Сергѣевны вслѣдъ за нею.

— Ты простудишься, Наташа!

— Да, нѣтъ, вѣдь я всегда такъ... Разскажи мнѣ, съ кѣмъ ты танцовала монстръ?

Марья Сергѣевна съ помощью горничной начинала раздѣваться и разсказывать дочери, какъ провела вечеръ.

— А Надя Войтова была?

— Была.

— Въ чемъ она была?

— Очень мило, платье изъ сюра, crême, съ маленькимъ букетомъ фіалокъ.

— Шло къ ней? Она много танцовала? а Анна Павловна, съ сестрой была или одна?

Наташа закутывалась плотнѣе въ одѣяло и, слегка вздрагивая отъ свѣжаго воздуха въ комнатѣ, ѣла дюшесу, стараясь не вытаскивать рукъ изъ-подъ облегавшаго ее одѣяла. Ее очень интересовали всѣ эти подробности и она совсѣмъ оживлялась.

— Все же ты, навѣрное, лучше всѣхъ была. Я увѣрена!—восклицала она.

Но Марья Сергѣевна чувствовала себя уже утомленною. Она торопливо раздѣвалась и устало опускалась на постель.

— Ну, иди, дѣтка, пора уже.

Наташа укутывала ее плотнѣе одѣяломъ.

— Теперь, пожалуй, можно и удалиться, снисходительно соглашалась она смѣясь. — Про-

Digitized by Google

щайте-съ! Спите спокойно! Желаю вамъ видѣть во снѣ все самое хорошее.

Онѣ опять цѣловались, крестя другъ друга, и, наконецъ, Наташа убѣгала, все такъ же шлепая туфлями и подпрыгивая на ходу, въ свою комнату...

VII.

Но съ нѣкоторыхъ поръ ихъ отношенія немного измѣнились и, что̀ хуже всего, продолжали измѣняться съ каждымъ днемъ... Сначала это было незамѣтно, и въ чемъ собственно заключалась перемѣна — было едва уловимо, но чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе обозначалось это, и не столько въ серьезной сторонѣ ихъ привязанности, сколько въ безчисленныхъ мелочахъ, въ которыхъ такія перемѣны чувствуются всего яснѣе.

Между матерью и дочерью пробѣжала черная кошка, оцарапала ихъ и маленькая царапинка не только не заживала, но дѣлалась съ каждымъ днемъ все глубже и больнѣе...

Обѣ онѣ хорошо помнили тотъ день, когда «это» началось.

Случилось это въ концѣ апрѣля. Наташа, начавшая уже держать экзамены и только что благополучно сдавшая одинъ изъ нихъ, вернулась домой изъ гимназіи и, вся еще радостно-взволнованная и раскраснѣвшаяся, вбѣжала въ комнату матери.

Digitized by Google

Марьи Сергѣевны въ спальнѣ не было и Наташа въ прискочку, размахивая на бѣгу книгами и тетрадями, пробѣжала въ гостиную.

— Двѣнадцать, мама, опять двѣнадцать! Уже третье двѣнадцать въ эти экзамены!—кричала она съ восторгомъ.

— Тише, Наташа!

Наташа остановилась и встрѣтила взглядъ чьихъ-то свѣтло-голубыхъ глазъ, окаймленныхъ слегка покраснѣвшими и немного припухшими вѣками.

Какъ разъ напротивъ нея сидѣлъ какой-то высокій, бѣлокурый, очень красивый господинъ, взиравшій на нее съ легкимъ недоумѣніемъ. Наташѣ не было видно Марьи Сергѣевны; она сидѣла на низкой оттоманкѣ, полузакрытая трельяжемъ и растеніями.

— Моя дочь!—слегка улыбаясь проговорила та.

Наташа, вся вдругъ покраснѣвшая, присѣла совсѣмъ по-дѣтски. Она вдругъ почувствовала себя такою неуклюжею и неловкою, и это сконфузило и разсердило ее. Ей было ужасно досадно, что она «такъ влетѣла» въ комнату при постороннемъ, «совсѣмъ какъ дѣвчонка».

Изящный господинъ слегка привсталъ и низко поклонился, протягивая ей руку.

— Совсѣмъ уже большая барышня, произнесъ онъ не то любезно, не то иронически.

Но Наташа въ эту минуту сознавала себя болѣе чѣмъ когда либо совсѣмъ маленькою, и искоса, сердито и быстро оглянувъ гостя

Digitized by Google

изъ-подлобья, вложила въ его красивую руку дѣтски неумѣло свою красную и нѣсколько крупную, какъ у большинства подростковъ, руку и сконфуженно опустилась на стулъ подлѣ матери, не зная, что сказать, какъ сидѣть и что дѣлать.

Марья Сергѣевна, казалось, также чувствовала себя не совсѣмъ ловко и краснѣла еще больше дочери. Когда Наташа сѣла, изящный господинъ продолжалъ свою прерванную рѣчь мягкимъ, пріятнаго тембра голосомъ.

Наташа сидѣла напротивъ него съ тѣмъ насупленнымъ и сердитымъ видомъ, который принимала всегда, когда чувствовала себя сконфуженною. Она сама не умѣла объяснить себѣ, почему этотъ изящный баринъ такъ злитъ и раздражаетъ ее. Говорилъ онъ очень умно и даже пріятнымъ голосомъ, а между тѣмъ каждое его слово, каждое движеніе безотчетно раздражали ее. Въ душѣ она была очень обижена на мать, которая приняла такъ равнодушно и холодно ея радостную вѣсть о новыхъ двѣнадцати и сидѣла теперь совершенно безучастная къ ея экзаменамъ, но очень, повидимому, внимательная къ разсказу гостя.

Гость, наконецъ, кончилъ свой разсказъ и на мгновеніе разговоръ оборвался. Переждавъ нѣсколько мгновеній и видя, что дамы молчатъ, онъ обратился къ Наташѣ, какъ къ новой, еще неисчерпанной темѣ.

— Барышня, кажется, выдержала блестящимъ образомъ экзаменъ?—обратился онъ къ ней.

Digitized by Google

Наташа опять вспыхнула, но ничего не отвѣтила, за нее отвѣчала Марья Сергѣевна.

— Она у меня отлично учится.

— Гм! это очень хорошо! А вы теперь въ который же классъ переходите?

— Въ третій... неохотно отвѣчала Наташа.

Она вовсе не желала говорить съ антипатичнымъ ей господиномъ и его вопросы только окончательно сердили ее. «Чего онъ присталъ ко мнѣ», думала она съ раздраженіемъ дѣтскаго каприза, «и чего онъ только, Господи, торчитъ!» Хотя въ душѣ она и была обижена на мать, но ей все-таки хотѣлось какъ можно скорѣе остаться съ ней вдвоемъ. А гость, повидимому, совсѣмъ не желалъ понимать ее. Онъ сидѣлъ въ очень спокойной позѣ и говорилъ тѣмъ медленнымъ тономъ, какимъ говорятъ люди, которымъ некуда торопиться.

— Въ третій! Это значитъ по нашему въ пятый? У васъ вѣдь, кажется, первый считается старшимъ? Значитъ вамъ остается еще три года только!

Наташа молчала, а онъ задумчиво переводилъ свои водянисто-голубые глаза съ дочери на мать, точно мысленно сравнивалъ ихъ.

— Совсѣмъ большая барышня! — прибавилъ онъ, ни къ кому спеціально не обращаясь и, вдругъ переведя глаза прямо на Марью Сергѣевну, воскликнулъ съ какимъ-то точно удивленіемъ.—А я почему-то воображалъ, что у васъ нѣтъ дѣтей!

Digitized by Google

— Да?—вспыхнула слегка Марья Сергѣевна и чему-то сконфуженно засмѣялась.

Гость продолжалъ нѣсколько мгновеній глядѣть на нее загадочно улыбающимися глазами.

«Какъ онъ глядитъ, какъ онъ глядитъ, какъ онъ смѣетъ такъ глядѣть!» Наташѣ даже захотѣлось наговорить ему дерзостей, и любезное выраженіе материнскаго лица ужасно сердило ее.

— Ну, теперь недолго уже и до конца осталось!—обратился онъ опять спеціально къ Наташѣ.—Каникулы—это радость всѣхъ гимназистовъ, гимназистокъ, институтокъ, словомъ, всего нашего маленькаго учащагося люда. Я прекрасно помню, въ какой неистовый восторгъ приходилъ я самъ въ тотъ день, когда насъ распускали, и потому буду отъ всей души сочувствовать вашей радости въ тотъ день, когда вы забросите ваши книги и тетради на полки, на цѣлые три мѣсяца, и приметесь снова за ваши игрушки и куклы. Я нахожу, что мы слишкомъ замучиваемъ нашихъ дѣтей ученьемъ зимой, а потому, чѣмъ больше они бѣгаютъ, играютъ и возятся лѣтомъ, тѣмъ лучше это и полезнѣе для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Онъ, повидимому, еще долго бы говорилъ о Наташѣ. Но Наташа съ ярко заблиставшими отъ негодованія глазами вдругъ рѣзко оборвала его.

— Я вовсе не собираюсь играть въ куклы и бѣгать въ пятнашки, мнѣ уже пятнадцатый годъ!

Въ ея голосѣ послышались и слезы, и злость,

Digitized by Google

и обида, и негодованіе; она вся раскраснѣлась и въ глазахъ ея сверкнули даже слезы.

— Наташа!—остановила ее Марья Сергѣевна полустрогимъ, полуиспуганнымъ взглядомъ, — во-первыхъ, тебѣ нѣтъ еще и четырнадцати, а во-вторыхъ, я попросила бы тебя не волноваться и не горячиться такъ.

— Конечно, мама; меня только что называли большою барышней, а теперь предлагаютъ играть въ куклы.

— Но, милая барышня, ради Бога, простите меня, я совсѣмъ не хотѣлъ этимъ обижать васъ, я говорилъ больше лично про себя, про свои воспоминанія дѣтства. Не безпокойтесь, Марья Сергѣевна, это просто маленькое недоразумѣніе между мной и вашею милою барышней. Я самъ виноватъ. У барышни очень впечатлительная и нервная натура, но мы съ ней все-таки будемъ друзьями. Не правда ли? Она протянетъ мнѣ свою ручку, а я обѣщаюсь никогда больше не поддразнивать ее, и мы совсѣмъ помиримся... Я всегда со всѣми дѣтьми въ дружбѣ! Не такъ ли, милая барышня? Ну, дайте же ручку.

— Наташа, дай же руку!

Марья Сергѣевна бросила на дочь недовольный и строгій взглядъ.

Наташа, презрительно вспыхнувъ глазами, гордо подняла головку и безучастно вложила свою похолодѣвшую отъ волненія ручку въ протянутую ей красивую, бѣлую руку, съ выточенными розовыми, какъ у женщины, ногтями.

Digitized by Google

— Простите ее, Викторъ Алексѣевичъ, она у меня совсѣмъ еще дичокъ, съ недовольнымъ и сердитымъ видомъ заговорила Марья Сергѣевна.

Ручка Наташи слегка дрогнула въ рукѣ Вабельскаго.

Викторъ Алексѣевичъ съ упрекомъ взглянулъ на Марью Сергѣевну и только покачалъ своею красивою головой.

— Ну, вотъ опять! ай, ай, ай, барыня, мы только что начали мириться, а вы опять хотите насъ поссорить! Совсѣмъ не барышня проситъ у меня извиненія, а я у нея...

Наташа молчала и, высвободивъ, наконецъ, свою руку, начала теребить складки своего гимназическаго передника. Ей хотѣлось уйти и въ то же время она ни за что не хотѣла уходить и молча продолжала сидѣть, бросая изъ-подлобья угрюмые взгляды по сторонамъ.

Викторъ Алексѣевичъ, понявъ, наконецъ, что маленькая хозяйка не желаетъ говорить съ нимъ, спокойно оставилъ ее и перешелъ къ другой темѣ.

Теперь Наташа уже не желала его ухода для того, чтобъ остаться наединѣ съ матерью; она видѣла, что мать изрѣдка оглядываетъ ее строгими глазами и, чувствуя, что та на нее сердится, обижалась чуть не до слезъ и свою обиду съ матери переносила на «отвратительнаго» Вабельскаго, какъ на виновника ссоры между ею и Марьей Сергѣевной.

Наконецъ пробило пять часовъ. Вабельскій

Digitized by Google

поднялся и началъ раскланиваться. Прощаясь съ Марьей Сергѣевной, онъ долго задержалъ ея руку въ своей, продолжая говорить о какихъ-то пустякахъ и какъ будто совершенно забывая, что онъ удерживаетъ ея руку, а она не отнимала ее и глядѣла на него искрившимися глазами.

— Ну-съ, барышня, вѣдь мы не въ ссорѣ? не правда ли? обратился онъ къ Наташѣ,—или мы должны привыкнуть прежде чѣмъ подружиться? Если такъ, то это еще лучше, дружба будетъ прочнѣе.

Наташа тоскливо стояла посреди комнаты.

«Лучше уйти къ себѣ, думала она; Господи, ну отчего онъ такой противный! только бы не вздумалъ еще часто бывать!»

Она прошла въ свою комнату и стала у окна, уныло смотря на улицу. Погода испортилась, шелъ дождь, перемѣшанный со снѣгомъ... Мостовыя, дома, люди — все казалось какимъ-то сѣрымъ, мокрымъ...

Чрезъ минуту послышались торопливые шаги. Марья Сергѣевна вошла, порывисто распахнувъ дверь, и заговорила съ рѣзко звенящими нотками въ голосѣ.

— Скажи на милость, что это еще за фокусы? Ты, кажется, совсѣмъ съума сошла! Какъ ты смѣешь говорить такъ съ моими гостями? Я тебя такъ избаловала, что просто ни на что не похоже! Ты скоро Богъ знаетъ что̀ будешь позволять себѣ. Разыгрываешь изъ себя боль-

Digitized by Google

шую, а ведешь себя какъ дѣвчонка. Обижаешься, требуешь какого-то почтенія... И потомъ, что это еще за объявленіе всѣмъ и каждому о своихъ годахъ? Слишкомъ рано начала прибавлять себѣ года; ты еще ребенокъ, и когда говоришь со старшими, должна это помнить. Прошу впередъ никогда и ничего подобнаго не викидывать!..

Марья Сергѣевна вышла и съ силой захлопнула за собою дверь. Наташа стояла у окна вся поблѣднѣвшая, съ какимъ-то пораженнымъ лицомъ.

Мать еще никогда въ жизни не говорила съ ней «такимъ тономъ». Обыкновенно Марья Сергѣевна была очень мягка съ дочерью и почти никогда не возвышала голоса.

— И вдругъ!

При словѣ «вдругъ» Наташѣ снова припоминались всѣ обидныя слова матери и ея искаженное гнѣвомъ лицо.

— Кричать какъ на дѣвчонку!—изъ-за какого-то Вабельскаго! о!

И Наташа горько зарыдала, прислонясь горячимъ лбомъ къ холоднымъ стекламъ окна...

VIII.

Къ обѣду Наташа вышла съ заплаканнымъ лицомъ и пасмурно сидѣла все время, изрѣдка только вскидывая на мать глазами.

Еслибы Марья Сергѣевна, встрѣтившись взгля-

Digitized by Google

домъ съ дочерью, улыбнулась ей, Наташа была бы готова сейчасъ же броситься къ ней на шею.

Но Марьѣ Сергѣевнѣ хотѣлось выдержать характеръ и сквозь паръ, поднимавшійся отъ супа, проглядывало какъ бы подернутое легкою дымкой ея лицо, съ сердито сжатыми губами, съ маленькою морщинкой между бровей, придававшею ея глазамъ холодное и гнѣвное выраженіе.

Наташа чувствовала, что мать «нарочно» не хочетъ встрѣчаться съ ней взглядами и, чувствуя это, она оскорблялась еще болѣе и дѣлалась все сумрачнѣе.

Марья Сергѣевна находила теперь, что она слишкомъ избаловала дочь, слишкомъ много дала ей воли, поставивъ ее въ положеніе скорѣе друга, чѣмъ ребенка. Прощаясь съ Вабельскимъ, она еще разъ извинилась предъ нимъ за дочь.

— Да полноте же!—отвѣчалъ онъ ей,—вѣдь это еще ребенокъ, правда, немножечко избалованный, такъ вѣдь это даже и не ея вина.

Марья Сергѣевна чувствовала это, и отчасти ей было это даже пріятно. Она сознавала, что Вабельскій правъ: конечно, Наташа еще совсѣмъ ребенокъ, и ребенокъ страшно избалованный самой же ею. Онъ правъ, это ея собственная вина. Но какъ исправить то, что уже испорчено? Она сама еще хорошенько этого не знала, но рѣшила, что надо будетъ принять какія нибудь мѣры наконецъ. Сдѣлавъ дочери выговоръ, она пришла къ себѣ въ кабинетъ и начала ходить

Digitized by Google

по немъ взадъ и впередъ, какъ всегда дѣлала это, когда была чѣмъ нибудь сильно раздражена.

Ее ужасно взволновала вся эта въ сущности пустая исторія, и, спрашивая себя «почему»? она отвѣчала самой себѣ: «потому, что я боюсь за Наташу».

Вспоминая выраженіе лица и самые отвѣты Наташи Вабельскому, Марья Сергѣевна находила ихъ страшно дерзкими, и ей было крайне непріятно, что ея родная дочь оскорбляетъ ея же гостей, совершенно незаслуженно, только потому, что эти гости не имѣютъ счастія нравиться «избалованной дѣвчонкѣ»! И тѣмъ болѣе ей было непріятно, что Наташа «наговорила дерзостей» именно Вабельскому, который былъ въ ея домѣ еще первый разъ: они познакомились еще недавно, но онъ ей очень понравился и съ нимъ ей, болѣе чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было, хотѣлось быть внимательною и любезною хозяйкой. Она даже старалась припомнить, не случалось ли такихъ исторій и раньше: быть можетъ, Наташа всегда и со всѣми была дерзка и невоспитана, и только она сама въ своемъ материнскомъ ослѣпленіи не замѣчала этого, пока простой случай не раскрылъ ей, наконецъ, глаза?...

— Да, я ее страшно испортила, и это когда нибудь тяжело отзовется и на мнѣ, и на ней самой; сама Наташа не поблагодаритъ меня за это впослѣдствіи.

Но какъ исправить это? Несомнѣнно, что ис-

Digitized by Google

править ее еще не поздно, но какъ начать? какъ приняться?

Марья Сергѣевна сознавалась себѣ, что она плохая воспитательница, по крайней мѣрѣ, «была», теперь же употребить всѣ силы, чтобы сдѣлаться лучшею.

Во-первыхъ, дѣвочка вѣчно между большими; это старитъ дѣтей раньше времени. Ей нужны подруги и дѣти ея возраста, нужны игры, шалости. Наконецъ, это необходимо и для здоровья... дѣвочка вѣчно въ комнатѣ, въ книгахъ, ей совсѣмъ не слѣдъ «торчать» въ гостиной, когда тамъ посторонніе. Марья Сергѣевна именно такъ и подумала «торчать»; это даже стѣсняетъ, нельзя ни о чемъ говорить...

Марья Сергѣевна долго еще думала и рѣшила, во-первыхъ, отдалить насколько возможно Наташу отъ большихъ и окружить ее подругами ея возраста; во-вторыхъ, быть гораздо строже и придерживаться съ нею извѣстной, разъ навсегда установленной, методы, а не такъ, какъ раньше было. Только въ строгости своей Марья Сергѣевна не была увѣрена и побаивалась, что не выдержитъ долго характера, но во всякомъ случаѣ рѣшила крѣпиться сколько возможно дольше и начать съ этого же дня.

Слѣдствіемъ этого и было то, что Марья Сергѣевна весь вечеръ не говорила съ Наташей, глядѣла на нее холодно и, цѣлуя дочь послѣ обѣда, едва прикоснулась къ ея лбу губами.

Digitized by Google

Она хотѣла, чтобы Наташа лучше поняла и свою вину, и то, что она, Марья Сергѣевна, очень ею недовольна.

Нѣсколько разъ въ теченіе вечера ей дѣлалось жаль дочери и казалось, что она уже достаточно наказала ее; ей даже хотѣлось позвать ее, поговорить съ ней «ласково, но серьезно» и совсѣмъ уже примириться послѣ этого. Разъ она даже встала и подошла къ двери Наташиной комнаты. Но каждый разъ она припоминала свое рѣшеніе и «выдерживала характеръ».

Гдѣ-то глубоко въ ея душѣ шевелилось безотчетное сознаніе, что она не совсѣмъ права, поступая такъ; разъ даже явилась мысль, что она разсердилась такъ на Наташу только потому, что та задѣла именно Вабельскаго.... но эта мысль [illegible]илась лишь на мгновеніе и какою-то смутною и Марья Сергѣевна, точно испугавшись, сейчасъ же отогнала ее и стала увѣрять себя, что ея долгъ вести себя именно «такъ», а не иначе, ради самой же Наташи, которая послѣ сама же будетъ благодарить ее за это. Когда будетъ это «послѣ», это она представляла себѣ не совсѣмъ ясно, но утѣшала себя мыслью, что когда нибудь да будетъ....

Что касается Наташи, то она была положительно поражена. Еще никогда въ жизни она не помнила Марьи Сергѣевны «такою». При ея страстномъ обожаніи матери, маленькая царапинка въ ихъ отношеніяхъ уже казалась ей боль-

Digitized by Google

шою раной. Сознаніе, что «онѣ поссорились», что «она» сердится на нее, страшно мучило Наташу; такъ же какъ и Марья Сергѣевна, она нѣсколько разъ подходила къ двери съ желаніемъ броситься къ матери на шею, расплакаться, расцѣловать ее и помириться.... И если Марья Сергѣевна не дѣлала этого изъ желанія «выдержать характеръ», то Наташа потому, что каждый разъ вспоминала «противную» физіономію Вабельскаго, изъ-за котораго ея мать кричала на нее и грозила ей какъ шестилѣтней дѣвочкѣ. Изъ-за Вабельскаго, котораго она едва знаетъ!

И она опять угрюмо садилась за книги, стараясь углубиться въ свои уроки, и въ то же время чутко прислушиваясь къ тому, что дѣлалось въ материнской комнатѣ. Но тамъ все было тихо.... Изрѣдка раздавался легкій кашель, да слышался шелестъ переворачиваемыхъ въ книгѣ листовъ. Разъ Наташѣ показалось, что мать встала и подошла къ двери. Наташа повернулась на стулѣ лицомъ къ двери и затаила дыханіе.... Вотъ, вотъ, дверь растворится... она войдетъ.... И она ждала такъ нѣсколько секундъ, не отрывая глазъ отъ двери... Но дверь не отворилась, и слышно было какъ кто-то отошелъ отъ нея.

Наташа тихо вздохнула и принялась за тетради.

Часу въ девятомъ Марья Сергѣевна позвонила горничную и стала собираться куда-то на

Digitized by Google

вечеръ. Наташа слышала, какъ она одѣвалась, говорила съ горничной, отдавала какія-то приказанія и, наконецъ, уѣхала, даже не зайдя къ ней проститься. Павла Петровича также не было дома весь день, Наташа не стала пить чаю и легла спать раньше обыкновеннаго. Но заснуть она не могла; все случившееся страшно волновало ее и казалось ей такимъ большимъ горемъ, которое если будетъ продолжаться, то убьетъ ее. И она все спрашивала себя, зайдетъ ли къ ней мать ночью, по возвращеніи, какъ всегда, или нѣтъ. Наташа гдѣ-то глубоко въ душѣ вѣрила, что мать непремѣнно придетъ къ ней, и тутъ-то онѣ и помирятся. Она даже представляла себѣ, какъ это будетъ: дверь отворится, мама войдетъ тихо, осторожно, какъ всегда, подойдетъ къ ней, Наташа бросится къ ней и... И, представляя это себѣ, она уже заранѣе чувствовала себя растроганною и умиленною до слезъ. До двухъ часовъ ночи она страстно ожидала возвращенія матери; ни думать о чемъ нибудь другомъ, ни спать она не могла и, безпокойно ворочаясь на постели съ боку-на-бокъ, лежала съ раскрытыми глазами, тревожно и чутко прислушиваясь къ каждому шороху и все ожидая звонка...

Нѣсколько разъ ей казалось, что позвонили; тогда она вскакивала, приподнималась на локтяхъ и слушала нѣсколько секундъ, не идутъ ли отворять... но, убѣждаясь, что ошиблась, опять тоскливо опускалась на подушки. Время тяну-

Digitized by Google

лось страшно долго, и ей казалось, что никогда еще Марья Сергѣевна не возвращалась такъ поздно.

— А что, если она не придетъ?...

Но отъ одной этой мысли сердце ея начинало болѣзненно биться, и слезы безпомощно катились изъ глазъ.

Тогда?... тогда она начинала придумывать, что съ ней случится что нибудь ужасное, самое ужасное, или она смертельно заболѣетъ, и тогда мать придетъ къ ней и будетъ упрекать себя за то, что довела ее, Наташу, «до этого». Что будетъ именно «этимъ», ей представилось довольно туманно, но во всякомъ случаѣ что-то ужасное.

Въ четвертомъ часу раздался звонокъ; Наташа вся вздрогнула и вскочила... «Это она»... Слухъ ея вдругъ напрягся до самой тонкой чуткости: она слышала, какъ въ передней отворяли дверь, какъ тамъ возились довольно долго, снимая, вѣроятно, шубу; слышала даже, какъ глухо упали на полъ снятыя съ ногъ калоши... Потомъ шаги—по залѣ, по столовой, по маленькой гостиной... все ближе, все явственнѣе, уже слышно даже, какъ мягко шелестятъ по мягкимъ коврамъ длинныя бальныя юбки... Наконецъ, вошли въ будуаръ. Наташа сѣла на кровати и опустила голыя ноги на полъ. Сердце ея страстно и тревожно билось, ей даже казалось, что ей больно отъ этихъ частыхъ и сильныхъ ударовъ...

Digitized by Google

Въ будуарѣ раздавались пониженные, тихіе голоса... Ѳеня раздѣвала свою барыню и что-то разсказывала монотоннымъ, слегка заспаннымъ голосомъ. Словъ различить было нельзя. Марья Сергѣевна говорила совсѣмъ тихо и мало; изрѣдка только вырывалось болѣе громкое, отрывистое слово...

— Ну, что же, что же она не входитъ?

Теперь на Наташу напалъ страхъ, что мать, дѣйствительно, не войдетъ къ ней, и съ каждою проходящею минутою она увѣрялась въ этомъ все больше: все ея существо еще безсознательно ждало, и увѣренность, что мать не придетъ, какъ-то странно смѣшалась со слѣпою, непоколебимою надеждою, что она придетъ.

Но приходили минуты, дверь не отворялась...

— Ахъ, когда Ѳеня уйдетъ!—радостно придумала вдругъ Наташа:—она не хочетъ только при Ѳенѣ, ну, конечно, конечно!

И съ новою надеждой она впилась въ дверь, отдѣлявшую ее отъ матери, ожидающими глазами.

Прошло еще нѣсколько минутъ, голоса почти не раздавались, слышны были только шаги... Это вѣрно Ѳеня наскоро прибирала вещи.

— Ахъ, скорѣе бы, скорѣе бы она уходила...

Теперь Наташа ждала уже только ухода горничной.

— Свѣчу погасить?

— Погаси...

Digitized by Google

Наташа судорожно вздрогнула.

«Погасить, какъ погасить?.. развѣ ужъ легла... значитъ»...

Сердце ея забилось еще чаще, еще болѣзненнѣе.

Въ сосѣдней комнатѣ кто-то дунулъ такъ, какъ дуютъ, когда гасятъ свѣчу. Погасла...

Опять послышались шаги, все удалявшіеся и, наконецъ, совсѣмъ замершіе гдѣ-то въ глубинѣ корридора.

Ѳеня ушла и съ ея затихшими шагами кругомъ воцарилась полная тишина, та тишина, которая разливается только ночью, когда вмѣстѣ съ людьми точно и все остальное засыпаетъ...

Наташа все еще сидѣла съ опущенными на полъ ногами... Она какъ будто все еще чего-то ждала... Лампадка слабо мерцала и блѣдныя тѣни ея ползали и трепетали по стѣнамъ и по полу комнаты. Наташа глядѣла на нихъ, прислушиваясь къ разлившейся по всѣмъ уголкамъ тишинѣ ночи... Ей было холодно, но она не чувствовала этого, хотя вся дрожала и зябко ежилась голыми плечами.

Въ углу, возлѣ печки, что-то тихо зашуршало, большой черный тараканъ, осторожно поводя длиннымъ усомъ, выползъ изъ-за печки и медленно переползалъ по карнизу, выдѣляясь чернымъ движущимся пятномъ на свѣтлыхъ обояхъ... Наташа поглядѣла на него... Гдѣ-то, вѣрно въ кабинетѣ, пробили глухо часы разъ... два... три... четыре...

Наташа слегка вздрогнула отъ пробѣжавшей

Digitized by Google

по ея тѣлу холодной дрожи и медленно приподняла голову. «Не пришла»... тихо прошептала она, и это слово показалось ей такимъ ужаснымъ, ей вдругъ сдѣлалось такъ больно и такъ мучительно жаль и самоё себя, и того, что мать не пришла, и того, что все кончилось... Что̀ кончилось, она не ясно еще понимала, но что-то кончилось и оборвалось—это она чувствовала съ острою, горькою болью.

IX.

Разладъ между матерью и дочерью, если и не обострялся, то во всякомъ случаѣ какъ-то странно затягивался и осложнялся. Наташа точно спряталась въ себя и Марья Сергѣевна, которой надоѣло, да и не хотѣлось уже «выдерживать характеръ», начала слѣдить за дѣвочкой уже съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и недоумѣніемъ.

Нѣсколько разъ порывалась она перейти къ прежнимъ отношеніямъ съ дочерью, но это плохо удавалось ей. Наташа не сердилась, не имѣла даже надутаго вида, какъ это часто свойственно избалованнымъ дѣтямъ, а между тѣмъ Марья Сергѣевна чувствовала, что дѣвочка уже не та, хотя на малонаблюдательный глазъ ихъ отношенія оставались почти такими же, какъ и прежде.

По прошествіи первыхъ же трехъ дней, Марья

Digitized by Google

Сергѣевна, видя, что Наташа не подходитъ «просить прощенія», не вытерпѣла и однажды за чайнымъ столомъ сама обняла и поцѣловала ее. Это было какъ бы водвореніемъ мира съ ея стороны, но, цѣлуя дочь, Марья Сергѣевна почувствовала въ ея отвѣтномъ поцѣлуѣ что-то совершенно новое, какъ будто холодное и равнодушное. И съ тѣхъ поръ это продолжалось.

Встрѣчаться имъ теперь приходилось рѣже: у Наташи шли экзамены, у Марьи Сергѣевны кончался сезонъ, давались послѣдніе вечера, дѣлались прощальные визиты и т. д.; тѣмъ не менѣе, встрѣчаясь, онѣ были, повидимому, очень ласковы другъ съ другомъ. Только Наташа стала какъ-то меньше болтать, дурачиться и восхищаться матерью. Она точно выросла за нѣсколько дней, стала задумчивѣе и какъ будто втайнѣ о чемъ-то грустила. Даже ея взглядъ сдѣлался глубже, и порой, уловивъ его на себѣ, Марья Сергѣевна невольно смущалась, хотя и не могла себѣ объяснить, почему. Часто это сердило ее. Прощаясь на ночь, онѣ, какъ и прежде, крестили другъ друга, но каждый разъ Марья Сергѣевна подмѣчала, что Наташа дѣлаетъ это теперь торопливо, немного сконфуженно и точно нехотя.

Всѣ эти маленькія, только Марьѣ Сергѣевнѣ замѣтныя, мелочи смущали и удивляли ее, но она надѣялась, что чрезъ нѣсколько времени все войдетъ въ обычную колею. Теперь ей было досадно, зачѣмъ она въ ту же ночь, по

Digitized by Google

возвращеніи съ бала, не вошла къ Наташѣ и тогда же не помирилась съ нею; въ душѣ она немножко сердилась на себя за то, что послушалась тогда Вабельскаго, которому какъ-то невольно разсказала все.

Она не чувствовала въ себѣ способности и умѣнья перевоспитывать дочь, и потому ей хотѣлось посовѣтоваться объ этомъ съ кѣмъ нибудь. Но съ кѣмъ—она не знала. Мужа ей почему-то не хотѣлось путать въ это дѣло, она даже хотѣла бы скрыть отъ него размолвку и была очень рада, что его весь день не было дома; родня же и знакомые слишкомъ мало знали и ее, и Наташу, и ихъ «особенныя» отношенія, чтобы съ пользой что нибудь посовѣтовать. Первая размолвка съ дочерью своею новизной и съ непривычки казалась ей цѣлою исторіей, чуть не переворотомъ, озабочивала и даже мучила ее, поглощая всѣ ея мысли. Она почти не могла ни думать, ни говорить о чемъ нибудь другомъ, а потому очень обрадовалась, когда въ числѣ гостей на вечерѣ увидѣла Вабельскаго. Все это произошло на его глазахъ, онъ былъ даже косвенною причиной ихъ ссоры, и Марьѣ Сергѣевнѣ казалось, что съ нимъ ей удобнѣе, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было, посовѣтоваться объ этомъ.

— Онъ такой милый и умница, что нибудь придумаетъ...

Вабельскій первый заговорилъ съ ней о Наташѣ и объ утреннемъ визитѣ.

Digitized by Google

Марья Сергѣевна сама не замѣтила, какъ мало-по-малу разсказала ему свои отношенія къ дочери, чуть ли не со дня ея рожденья. На нее вдругъ нашелъ какой-то порывъ откровенности.

Вабельскій молча и внимательно слушалъ ее, слегка склонивъ красивую бѣлокурую голову.

— Ваша Наташа, заговорилъ онъ, когда она, взволнованная своею неожиданною исповѣдью, примолкла на мгновеніе,—ваша Наташа прелестная дѣвочка, и изъ нея можетъ выйти чудная женщина, одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя встрѣчаются все рѣже и рѣже. Но...

Онъ запнулся съ тѣмъ выраженіемъ въ лицѣ, которое невольно является, когда не хотятъ сразу высказать свою мысль.

Она поняла его.

— Но?—повторила она вопросительно, точно желая этимъ заставить его продолжать.

— Но я боюсь, что вы сами же испортите ее... Вы не сердитесь, будемъ говорить откровенно, по-товарищески?

Онъ взялъ ея руку и слегка пожалъ ее.

— Нѣтъ, нисколько не сержусь; знаете, я и сама не разъ думала то же самое. Я давно уже хотѣла поговорить объ этомъ съ кѣмъ нибудь... но съ кѣмъ же?.. съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ мнѣ отцовъ и матерей? Но что̀ могутъ они посовѣтовать мнѣ, когда они всѣ сами точно такъ же, если еще не хуже, перепортили своихъ дѣтей? Чему они могутъ научить?..

Digitized by Google

Вабельскій засмѣялся.

— Это правда, сказалъ онъ, — большинство нашихъ дѣтей портится ихъ же собственными матерями. Сколько пользы могу я принести вамъ своимъ совѣтомъ—не знаю; дѣтей у меня нѣтъ, и потому о воспитаніи я могу судить только теоретически... Во всякомъ случаѣ я думаю, что съ дѣтьми необходима извѣстная выдержка и система, необходимъ болѣе или менѣе планъ воспитанія, такъ сказать правильный режимъ, а не то, что сегодня такъ, завтра иначе, и всегда—какъ Богъ на душу положитъ; авось, молъ, сойдетъ какъ нибудь, все равно и такъ выростутъ.

Марья Сергѣевна внимательно слушала.

— Но что̀ же, что̀ же дѣлать? Какъ воспитывать? А вотъ теперь... въ такихъ случаяхъ, какъ исправлять ошибки?..

— Да ваша же собственная Наташа учитъ васъ что̀ дѣлать. У нея уже есть и характеръ, и выдержка, а у васъ нѣтъ! Она не хочетъ идти просить у васъ прощенія и не пойдетъ, хотя и знаетъ, что вы сердитесь и мучитесь. А вы не выдержите и сегодня же сами первая пойдете къ ней мириться! Такимъ образомъ ваша Наташа не только не сознаетъ своей вины, но даже будетъ чувствовать себя отчасти мученицей, даромъ обиженною, и ужъ, конечно, совершенно правою, чему доказательствомъ ей будетъ служить уже самый тотъ фактъ, что въ концѣ-концовъ вы и сами это сознали и пришли

Digitized by Google

къ ней. И въ будущемъ вы не только не гарантируете себя отъ новыхъ капризовъ, но еще даете имъ полный просторъ развиваться и усиливаться. Вы мнѣ скажете: Наташа не дитя, не ребенокъ. Ей уже четырнадцать лѣтъ надняхъ минетъ. Положимъ, четырнадцать вдвое больше чѣмъ семь, но все-таки это еще не аттестатъ на зрѣлость и самостоятельность. Этотъ возрастъ даже болѣе трудный, опасный и требующій извѣстнаго ухода и выдержки, чѣмъ всякій другой, потому что съ него начинается переворотъ и перерожденіе дѣвочки въ будущую женщину.

Марья Сергѣевна въ душѣ соглашалась съ нимъ, но только чувствовала, что не съумѣетъ приняться за дѣло.

— Это очень трудно, задумчиво заговорила она, поднимая на него глаза. — И сдѣлать это гораздо труднѣе нежели понять, что̀ именно нужно дѣлать. Я понимаю, но исполнить едва ли съумѣю.

Онъ, улыбаясь, глядѣлъ на нее, какъ бы мысленно думая о чемъ-то совсѣмъ иномъ. Онъ сразу взялъ съ ней товарищескій тонъ и, слушая его, говоря съ нимъ, она чувствовала себя такъ легко и просто, что ей казалось, будто они уже давно знаютъ другъ друга. Она была глубоко благодарна человѣку, говорившему съ такимъ интересомъ о томъ, что̀ было для нея дороже всего, и руководившему ею тамъ, гдѣ она безъ посторонней помощи не могла найти твердой почвы подъ ногами.

Digitized by Google

Когда она спускалась съ лѣстницы, Вабельскій пошелъ проводить ее и, помогая ей одѣваться, шутливымъ и заботливымъ тономъ «наставлялъ ее».

Ей было смѣшно, что ее учатъ какъ маленькую, и въ то же время ей это нравилось тѣмъ болѣе, что она находила его совершенно правымъ.

— До свиданья! Смотрите же, не испортите моей Наташи!—шутливо проговорилъ онъ.

— Вашей?

— Ну, нашей!

Они глядѣли другъ другу прямо въ глаза и улыбались. Марья Сергѣевна чувствовала себя въ какомъ-то особенномъ настроеніи духа; ей было какъ-то безпричинно весело.

Подсаживая ее въ карету, Вабельскій крѣпко пожалъ ея руку.

— До свиданья. Заѣзжайте же, сказала Марья Сергѣевна.

Вабельскій ничего не отвѣтилъ и только поклонился.

Карета тронулась; онъ остался еще на подъѣздѣ и Марья Сергѣевна, еще разъ выглянувъ изъ окна кареты, поклонилась ему. Слабый отсвѣтъ отъ фонарей освѣтилъ на мгновеніе ея лицо, скользнувъ свѣтлою, желтоватою полосой по ея пунцовому плюшевому шарфу, изъ-подъ котораго на него сверкнули темные глаза и красиво обрисованный ротъ.

Вабельскій задумчиво глядѣлъ ей вслѣдъ. Какое-то странное выраженіе пробѣгало по его лицу.

Digitized by Google

— Очень ты, барынька, хороша! очень!— тихо проговорилъ онъ и, запахнувшись плотнѣе въ шинель, быстро вскочилъ на свои дрожки...

Когда карета отъѣхала отъ подъѣзда и плавно закачалась на упругихъ рессорахъ, Марья Сергѣевна откинулась въ самую глубь ея и, закинувъ голову на мягкія подушки, полузакрыла глаза. Улыбка, съ которою она простилась съ Вабельскимъ, еще не сбѣжала съ ея лица, придавая ему какое-то мечтательное выраженіе...

Было уже поздно; на улицахъ стояла тишина, кое-гдѣ лишь запоздавшія кареты быстро катились по мостовой, да рѣдкіе извозчики сонно почмокивали на такихъ же сонныхъ клячъ. Марья Сергѣевна томно глядѣла изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ въ окна кареты прямо противъ себя, машинально слѣдя взглядомъ за ѣдущими экипажами и мелькавшими предъ ней фонарями...

Какіе-то обрывки мыслей и фразъ вяло толпились въ ея головѣ, но ей было такъ хорошо въ мягкомъ сумракѣ кареты, въ тепломъ мѣху ротонды, на слегка покачивавшихся подушкахъ... Она не то дремала, не то мечтала о чемъ-то, убаюкиваемая тихою ѣздой.

X.

Весна подходила къ концу. Снѣгъ давно стаялъ, рѣка прошла, смолистыя сочныя почки на вздувшихся и почернѣвшихъ деревьяхъ ло-

Digitized by Google

пались, выпуская изъ себя липкіе ярко-зеленые листочки, еще совсѣмъ маленькіе и сморщенные, но свѣжіе и душистые тѣмъ особеннымъ запахомъ смолы, который присущъ имъ только въ маѣ...

Каждый годъ Павелъ Петровичъ, съ наступленіемъ лѣта, отправлялся въ дальнюю командировку, продолжавшуюся мѣсяца два, иногда три. До сихъ поръ это не выбивало Марью Сергѣевну изъ обычной колеи. Къ этимъ командировкамъ она привыкла уже давно и въ большинствѣ случаевъ, тотчасъ по его отъѣздѣ, онѣ съ Наташей перебирались на дачу, куда въ іюлѣ мѣсяцѣ пріѣзжалъ и Павелъ Петровичъ. Но это лѣто ихъ задерживали въ городѣ Наташины экзамены и Марья Сергѣевна находилась въ какомъ-то странномъ состояніи духа; она точно потеряла свое обычное спокойствіе и какія-то неясныя желанія бродили и зарождались въ ней.

Еще провожая Павла Петровича на станцію желѣзной дороги, она почувствовала это.

День былъ яркій, солнечный; все кругомъ ея двигалось, жило, суетилось, говорило, смѣялось; во всемъ сказывалось весеннее обновленіе и жизнь. Съ улицы доносилась трескотня экипажей, звонки конокъ и гулъ снующаго народа. Марья Сергѣевна стояла у вагона рядомъ съ Наташей и разсѣяннымъ взглядомъ слѣдила за толпой. Ей хотѣлось чего-то новаго, совсѣмъ новаго, и она съ любопытствомъ всматривалась въ эти оживленныя, чужія ей лица и въ лица дочери и мужа, такія спокойныя и серьезныя.

Digitized by Google

Наташа молча стояла подлѣ нея съ тѣмъ апатичнымъ выраженіемъ, которое всегда являлось у нея въ минуты грусти. Дѣвочкѣ, повидимому, было жаль разставаться съ отцомъ и, нѣжно сжимая его руку, она печально глядѣла на него. Онъ улыбался ей ласково, но сдержанно и что-то говорилъ ей своимъ спокойнымъ, нѣсколько медленнымъ голосомъ.

Марья Сергѣевна едва слушала ихъ. Бывало, отъѣзжающій поѣздъ всегда производилъ на нее тяжелое впечатлѣніе; даже, возвращаясь въ опустѣвшую квартиру, она не чувствовала такой гнетущей тоски, какъ въ эти минуты на вокзалѣ. Но теперь чудный весенній день невольно бодрилъ и ее. И на душѣ ея было скорѣе какъ-то радостно, нежели грустно.

Раздался послѣдній звонокъ. Павелъ Петровичъ еще разъ горячо обнялъ жену и Наташу.

— Пишите же...

— Да, да...

Онѣ вмѣстѣ кивали ему головой, и Наташа, улыбаясь сквозь катившіяся по ея щекамъ слезы, посылала рукой ему поцѣлуи.

За то, когда онѣ вернулись домой въ свои большія комнаты, казавшіяся послѣ яркаго уличнаго свѣта и оживленія немного темными и мрачными, Марья Сергѣевна вдругъ почувствовала страшную пустоту... И ощущеніе этой пустоты не только не проходило въ слѣдующіе дни, но даже усиливалось. Кажется, къ отъѣздамъ мужа она привыкла уже давно и, под-

Digitized by Google

чиняясь необходимости, никогда особенно и не скучала, а теперь... теперь на нее напала вдругъ безпричинная тоска, и Марья Сергѣевна инстинктивно чувствовала, что тоска эта не по мужѣ. Она сама не знала, о чемъ скучаетъ, но чего-то ей недоставало. Раздумывая порой объ этомъ, она рѣшила, что это происходитъ просто оттого, что, во-первыхъ, между ею и Наташей пробѣжала черная кошка; во-вторыхъ, потому, что онѣ отчасти выбиты изъ обычной колеи: въ городѣ становилось слишкомъ пыльно и душно, ее невольно тянуло въ зелень, на чистый воздухъ; въ-третьихъ, въ прежніе годы Марья Сергѣевна сама приготовляла дочь къ экзаменамъ, теперь же Наташа переходила уже въ третій классъ, занятія осложнились и Марья Сергѣевна чувствовала себя уже не въ силахъ лично подготовлять ее. Наташа знала положительно больше ея самой; притомъ она увѣряла, что заниматься одной или съ кѣмъ нибудь изъ своихъ товарокъ по классу ей гораздо удобнѣе, и потому рѣдко даже бывала дома. Днемъ—въ гимназіи, а по вечерамъ или она уходила къ одной изъ подругъ «готовиться», или къ ней приходила которая нибудь изъ нихъ, и онѣ просиживали такъ часовъ до десяти, послѣ чего Наташа, утомленная и усталая, спѣшила скорѣе лечь спать, чтобъ имѣть возможность встать на другой день пораньше.

Къ тому же, сдержанность Наташи съ матерью не проходила: дѣвочка точно не хотѣла

Digitized by Google

или не могла уже вернуться къ прежней искренности и задушевности, и Марья Сергѣевна, не разъ дѣлавшая слабыя попытки къ сближенію, чувствовала себя отчасти даже обиженною и незаслуженно-оскорбленною. Порой это даже возмущало ее и она сама становилась съ дочерью суше и холоднѣе.

Но тогда тоска и одиночество снова охватывали ее. Не разъ вспоминала она о Вабельскомъ, ей очень хотѣлось поговорить съ нимъ, посовѣтоваться, но съ того вечера, какъ они видѣлись, прошло уже около трехъ недѣль, а онъ не являлся. Сначала она все поджидала его, ей казалось, что онъ непремѣнно долженъ придти надняхъ, и видя, что его все нѣтъ, она немного удивлялась и досадовала.

Послѣ того вечера, когда она такъ задушевно разговорилась съ нимъ, она чувствовала къ нему какую-то невольную симпатію. Никогда еще не хотѣлось ей такъ имѣть подлѣ себя близкаго человѣка - друга, съ которымъ она могла бы поговорить и подѣлиться всѣмъ, что̀ накопилось у нея на душѣ. Прежде у нея или не было этой потребности, или же этого друга замѣняла ей Наташа. Теперь же, думая о Вабельскомъ, Марья Сергѣевна чувствовала, что именно онъ могъ бы быть такимъ другомъ, какого ей недоставало.

По утрамъ, когда она просыпалась и входившая Ѳеня поднимала темныя шторы на окнахъ, впуская цѣлые потоки солнца и свѣта, Наташа въ большинствѣ случаевъ была уже въ гимна-

Digitized by Google

зіи или еще спала, засидѣвшись наканунѣ, и въ домѣ царствовала тишина; только откуда-то изъ кухни доносились звонкіе голоса прислуги, звяканье посуды и смѣхъ кухарокъ и горничныхъ, перекликавшихся другъ съ другомъ на весь дворъ черезъ открытыя окна. Марья Сергѣевна задумчиво отхлебывала чай маленькими глоточками и разсѣянно перелистывала журналъ или газету. Потомъ она облокачивалась на подоконникъ и съ любопытствомъ засматривала внизъ. Свѣжій вѣтеръ колыхалъ возлѣ ея лица тонкія пряди ея волосъ и шелестилъ мягкими складками фуляроваго капота, сквозь широкіе рукава котораго ее охватывало слегка свѣжимъ воздухомъ. Здоровый румянецъ ярче заливалъ ея лицо и солнечные лучи, скользя по немъ, золотили мелкій, едва замѣтный въ тѣни нѣжный пушокъ на ея щекахъ. И снова, какъ тогда на вокзалѣ, на нее налеталъ какой-то особенный стихъ...

Ѳеня лѣниво убирала и подметала комнату, поминутно выбѣгая въ кухню и пропадая тамъ по получасу. Постель стояла еще неприбранная со смятыми подушками и разбросанными простынями, умывальникъ былъ залитъ мыльною водой, а снятыя съ вечера платья и юбки еще валялись разбросанныя по всѣмъ кресламъ и стульямъ. На всемъ лежалъ легкій слой пыли и только цвѣты въ жардиньеркахъ ярко свѣтились на солнцѣ и, казалось, тянулись къ нему, подставляя лучамъ его свои пышныя ароматныя головки.

Digitized by Google

И на Марью Сергѣевну снова нападала тоска, а предъ ней лежалъ еще длинный, безконечный день.

«Скорѣй бы ужъ кончались эти экзамены!» думала часто Марья Сергѣевна, «меня просто тянетъ на воздухъ въ зелень... оттого и тоска... переѣдемъ и все кончится».

Вабельскаго она уже больше не ждала, случайно узнавъ, что онъ почти на другой день послѣ вечера, на которомъ они въ послѣдній разъ видѣлись, былъ вызванъ въ Москву телеграммой по какому-то дѣлу.

XI.

Разъ утромъ, когда Марья Сергѣевна только что успѣла одѣться, вдругъ раздался звонокъ.

Марья Сергѣевна удивленно прислушивалась къ голосамъ въ передней. Въ послѣднее время звонки раздавались очень рѣдко: всѣ разъѣхались и визиты прекратились.

Ѳеня подала визитную карточку.

Марья Сергѣевна быстрымъ взглядомъ прочла ее и вдругъ торопливо и радостно поднялась съ дивана.

— Ахъ! Проси, проси... заговорила она взволнованнымъ голосомъ. — Постой, дай мнѣ что нибудь накинуть...

И схвативъ кружевной шарфъ, она торопливо завязывала его въ большой бантъ, бросая на

Digitized by Google

себя быстрые взгляды въ зеркало, и, завязавъ, наконецъ, пошла навстрѣчу Вабельскому, радушно протягивая ему обѣ руки...

— Здравствуйте! здравствуйте!—радостно заговорила она,—гдѣ же вы это были, куда пропали? я думала, что ужъ вы навѣки исчезли!

И она привѣтливо смѣялась ему, не отнимая отъ него своихъ рукъ, которыя онъ поцѣловалъ, хоть и почтительно, но съ какимъ-то едва уловимымъ оттѣнкомъ фамильярной, дружеской ласки.

— Ну, садитесь, садитесь, говорила она все тѣмъ же торопливымъ и радостнымъ голосомъ.— Впрочемъ, нѣтъ, пойдемте ко мнѣ, тамъ гораздо лучше; тутъ совсѣмъ нѣтъ солнца, у меня уютнѣе...

И она провела его въ свой залитый яркими лучами будуарчикъ, съ широко распахнутыми окнами, въ которыя врывались, колыхая тюлевыя занавѣски, струи теплаго воздуха.

— Вотъ садитесь здѣсь, и чего хотите—чаю, кофею? или не хотите ли позавтракать?

— Успокойтесь, ничего не надо, давайте лучше сядемъ вотъ тутъ и поболтаемъ. Мы съ вами такъ давно не видались.

Но она не успокоивалась.

— Да нѣтъ же, право, я сама завтракаю обыкновенно часа въ два, а теперь четверть второго, всего получасомъ раньше!

И она ласково смотрѣла на него, точно прося согласиться.

Викторъ Алексѣевичъ улыбнулся.

Digitized by Google

— Ну, будемъ завтракать, если ужъ вамъ непремѣнно хочется накормить меня.

— Вотъ и отлично!

Она вышла распорядиться и чрезъ минуту вернулась назадъ съ тѣмъ же смѣющимся, повеселѣвшимъ лицомъ, и это оживленіе дѣлало ее еще красивѣе.

— А теперь разскáзывайте, гдѣ были, чтò дѣлали?

— Ничего особенно интереснаго не дѣлалъ. Вызвали меня тогда въ Москву, такъ что я даже и проститься не успѣлъ заѣхать къ вамъ. Думалъ пробыть тамъ всего дней пять-шесть и ограничиться только Москвой, а между тѣмъ все это осложнилось, пришлось летѣть въ Нижній, въ Казань, и вмѣсто шести дней вышелъ почти мѣсяцъ.

Она прервала его.

— Когда вы вернулись?

— Вчера... вчера вечеромъ...

На минуту онъ остановился и посмотрѣлъ на нее пристальнымъ взглядомъ. Она ласково улыбнулась ему, въ душѣ ей было очень пріятно, что онъ вернулся только вчера и сегодня уже у нея,—«вспомнилъ такъ скоро»...

— Да, вчера, задумчиво повторилъ онъ и, точно вдругъ понявъ ея мысли, засмѣялся какимъ-то особеннымъ смѣхомъ.

Они глядѣли прямо въ глаза другъ другу и каждый изъ нихъ сознавалъ, что другой читаетъ и понимаетъ его мысли.

Digitized by Google

— Ну, а вы что подѣлывали безъ меня, что «наша» Наташа?

— Наша Наташа?—повторила она, улыбаясь слову «наша». — Ничего... въ гимназіи... держитъ экзамены...

— А ваша маленькая размолвка прошла благополучно? безъ слѣдовъ?

— Безъ слѣдовъ?—Марья Сергѣевна задумчиво и грустно улыбнулась:—нѣтъ, слѣды, кажется, остались... маленькіе... всего царапинки... не раны, прибавила она, успокоивая не то его, не то себя.

— И отлично! Я вамъ предсказывалъ, что все обойдется; впрочемъ, меня все это очень интересуетъ и разъ ужъ вы посвятили меня въ начало, будьте добры до конца, когда нибудь разскажите все подробнѣе... Нѣтъ, безъ шутокъ, я самъ не понимаю, отчего все, что касается васъ и вашей Наташи, такъ живо интересуетъ меня. Мы съ вами знакомы въ сущности еще очень немного, а между тѣмъ, знаете, я даже тамъ, въ Нижнемъ, среди всѣхъ этихъ дѣлъ, хлопотъ и непріятностей, не разъ вспоминалъ и думалъ о васъ и вашей Наташѣ...

— Въ самомъ дѣлѣ?

«Какой онъ милый!»

Вошла Ѳеня съ большимъ подносомъ, уставленными закусками и винами. Столовую оклеивали новыми обоями и завтракать тамъ было нельзя.

— Поставьте вотъ здѣсь, Ѳеня, на этотъ столикъ!

Digitized by Google

Марья Сергѣевна указала глазами на небольшой рабочій столикъ, стоявшій между ею и Вабельскимъ.

— Здѣсь намъ будетъ немного тѣсно, но за то здѣсь все-таки лучше и веселѣе какъ-то.

— Это ничего, улыбнулся онъ ей въ отвѣтъ,— Богъ дастъ не поссоримся и въ тѣснотѣ, у васъ тутъ очень уютно и сколько цвѣтовъ! совсѣмъ садъ.

— Это моя любимая комната.

— Я это вижу. Въ этой комнатѣ яснѣе, чѣмъ въ другихъ, чувствуется ваша рука; комната вся точно пропитана вами, на всемъ лежитъ вашъ отпечатокъ и вашъ вкусъ.

Они сидѣли совсѣмъ близко другъ противъ друга, раздѣленные только пространствомъ маленькаго стола, и Марья Сергѣевна чувствовала себя такъ хорошо настроенною, какъ давно уже съ ней не случалось.

Послѣ завтрака Вабельскій скоро собрался уѣзжать,—у него было еще много дѣлъ.

— Но, послушайте, неужели вы все такъ вотъ и сидите по цѣлымъ днямъ въ этой духотѣ?— спрашивалъ онъ, уже уходя и застегивая перчатки.

Марья Сергѣевна улыбнулась недовольною улыбкой.

— Что-жъ дѣлать? Приходится...

— Приходится!—воскликнулъ онъ, нетерпѣливо передернувъ плечами, — «приходится», и потому не протестующая покорность судьбѣ?

Digitized by Google

Нѣтъ, ужъ вы меня простите, но я положительно не позволю вамъ этого дѣлать! Хоть изрѣдка, но вы дайте мнѣ разрѣшеніе увозить васъ куда нибудь. Ну, хоть на тѣ же Острова, все лучше, а то вы положительно заболѣете!

— Положимъ, хоть и не заболѣю, но я не отказываю.

— Ну, вотъ и отлично, вы завтра свободны? не хотите ли проѣхаться куда нибудь, ну хоть на Стрѣлку? согласны?

Марья Сергѣевна колебалась. Въ сущности она была не прочь проѣхаться, но, во-первыхъ, ей казалось это немного неловко. До сихъ поръ она каталась только съ мужемъ, и это невольно смущало ее; къ тому же, она не знала, какъ быть съ Наташей. Оставлять ее одну не хотѣлось; взять съ собой? Но она боялась, что Наташа, пожалуй, не поѣдетъ, и молчала, не зная, на что рѣшиться.

Вабельскій понялъ ее.

— Мы и Наташу возьмемъ, уговоримъ ее ѣхать. Итакъ, рѣшено, завтра часовъ въ семь я пріѣду за вами и мы всѣ вмѣстѣ отправимся «дышать воздухомъ», договорилъ онъ, смѣясь и цѣлуя ея руку.

Она молча, съ нерѣшительнымъ выраженіемъ въ лицѣ, улыбалась ему. Ей такъ не хотѣлось отказывать ему, и она невольно согласилась.

Вабельскій уѣхалъ.

Вскорѣ пришла Наташа, ее вызывали одною

Digitized by Google

изъ среднихъ и потому она освободилась немного ранѣе.

Съ самаго начала обѣда, Марьѣ Сергѣевнѣ хотѣлось сказать дочери, что завтра онѣ поѣдутъ кататься, но она медлила, сама не зная почему. Ей даже не хотѣлось бы говорить Наташѣ и о томъ, что Вабельскій былъ; она чувствовала, что Наташа въ душѣ недолюбливаетъ его и сердится на него даже еще теперь, а потому сообщать дочери о его визитѣ ей было непріятно. Но въ то же время она не желала и скрывать отъ дочери не только его посѣщеній, но даже и своей къ нему симпатіи. Иначе выходило бы, что она въ угоду дочери не смѣетъ выбирать себѣ самостоятельно даже друзей.

— Хочешь ѣхать завтра кататься на Острова? За нами заѣдетъ Вабельскій!—спросила она, наконецъ, Наташу, но подъ вліяніемъ этихъ мыслей голосъ ея звучалъ холодно и строго.

Наташа быстро подняла глаза.

— Вабельскій?—переспросила она, точно не вѣря ушамъ.

«Начинается»... подумала съ раздраженіемъ Марья Сергѣевна и повторила еще суше и нетерпѣливѣе:—Ну да, Вабельскій!

Наташа смущенно молчала нѣсколько секундъ. Этотъ Вабельскій, который заставилъ ее такъ промучиться «тогда»...

Она уже было начала надѣяться, что онъ не явится къ нимъ больше никогда. И вдругъ даже кататься съ нимъ! Конечно, она не хочетъ! На-

Digitized by Google

таша вспыхнула и упорно молчала. Марья Сергѣевна пытливо глядѣла на нее; ей было очень непріятно, что Наташа могла сердиться на человѣка такъ долго изъ-за такихъ пустяковъ. Это отзывало уже злопамятною дѣвочкой.

— Ну, что же, хочешь?—переспросила она все съ бо̀льшимъ раздраженіемъ.

Наташа упрямо глядѣла въ свою тарелку.

— Я не могу, мнѣ надо приготовиться, въ среду экзаменъ.

— До среды долго—три дня осталось, еще успѣешь! — холодно проговорила Марья Сергѣевна.

— Нѣтъ, я не могу, я не поспѣю, мнѣ очень много нужно повторять.

Онѣ обѣ точно старались превзойти одна другую въ холодности тона.

Марья Сергѣевна отодвинула стулъ и встала изъ-за стола.

— Ну, какъ хочешь, никто и не принуждаетъ...

Наташа чуть замѣтно улыбнулась и, поцѣловавъ ея руку, молча ушла въ свою комнату.

По лицу Марьи Сергѣевны пробѣгали сердитыя тѣни.

Теперь ужъ она поѣдетъ во всякомъ случаѣ! хотя бы только для того, чтобы доказать избалованной дѣвчонкѣ, что на ея выходки никто не станетъ обращать вниманія!

Digitized by Google

XII.

На другой день, Марья Сергѣевна проснулась въ какомъ-то радостномъ и возбужденномъ состояніи духа. Наташа еще рано утромъ ушла заниматься къ одной подругѣ и Марья Сергѣевна, оставшись одна, нетерпѣливо поджидала вечера; ей такъ хотѣлось «вырваться» скорѣй изъ этой духоты.

День былъ страшно жаркій. Воздухъ давилъ свинцовою тяжестью. Отъ домовъ и мостовыхъ какъ бы вѣяло раскаленнымъ жаромъ и по яркосинему небу ползли густыя, тяжелыя облака. Марья Сергѣевна боялась, чтобы не собралась гроза, и тревожно поглядывала на небо.

Нѣсколько разъ она подходила къ зеркалу. Сегодня она была особенно интересна, она сама это видѣла. Лицо пылало яркимъ, чрезвычайно красившимъ ее румянцемъ, въ глазахъ поминутно вспыхивали и загорались блестящіе огоньки, даже волосы легли какъ-то особенно красиво и, высоко зачесанные кверху, открывали изящную линію шеи, завиваясь возлѣ нея въ маленькія колечки, болѣе свѣтлыя и золотистыя, нежели волосы на темени.

Она не разъ оглядывалась на часы и каждый разъ съ удивленіемъ замѣчала, что прошло еще такъ немного.

Облака между тѣмъ, надвигаясь откуда-то съ запада, заволакивали все небо, громоздясь и

Digitized by Google

вползая другъ на друга. Вдали прогрохоталъ вдругъ отдаленный еще громъ.

Марья Сергѣевна нетерпѣливо выглянула въ окно: неужели-таки будетъ гроза? впрочемъ, она вѣрно скоро кончится, еще рано, это не помѣшаетъ.

На улицахъ стемнѣло, стало какъ бы тише, и вдругъ налетѣвшій откуда-то вѣтеръ захлопнулъ въ столовой раскрытое окно, опрокинувъ горшокъ съ тоненькою пальмой, и, спустившись ниже къ землѣ, поднялъ съ мостовой сухую сѣрую пыль, закружилъ, завертѣлъ ее тонкимъ столбикомъ, извивавшимся нѣсколько мгновеній на одномъ и томъ же мѣстѣ, потомъ, разогнавъ его широкою полосой, понесъ прямо вдоль улицы, залѣпляя глаза прохожихъ и лошадей.

Въ сосѣдней камнатѣ Ѳеня, торопливо крестясь, захлопывала окна.

— Какая гроза-то будетъ!—сказала она, входя въ комнату Марьи Сергѣевны.—Окна запереть прикажете?

Марья Сергѣевна полулежала на окнѣ и, перегнувшись впередъ всѣмъ корпусомъ, подставляла голову подъ тяжелыя и рѣдкія еще капли дождя. Вѣтеръ крутилъ и развѣвалъ вьющіяся прядки ея волосъ и освѣжалъ ей пылавшее лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала она Ѳенѣ, слегка оборачиваясь къ ней,—не надо, не запирайте... я люблю...

Громъ грохоталъ все чаще и ближе, молніи поминутно вспыхивали въ разорванныхъ свин-

Digitized by Google

цовыхъ облакахъ, сквозь которыя мѣстами еще вырѣзывались клочки синяго яркаго неба. Воздухъ становился уже чище и она съ наслажденіемъ широко вдыхала его всею грудью. Гдѣ-то, совсѣмъ близко надъ ея головой, раздался сильный ударъ грома. Дождь, падавшій сначала тяжелыми и рѣдкими каплями, вдругъ зачастилъ и пошелъ сплошною стѣной.

Улица вся разомъ опустѣла, все засуетилось, затолкалось и попряталось по разнымъ подъѣздамъ, тщательно укрываясь дождевыми зонтами. Но налетавшій сильный вѣтеръ вырывалъ изъ рукъ зонтики, срывалъ шапки и хлопалъ дверями.

Марья Сергѣевна отошла, наконецъ, отъ окна. Косой дождь, заливая подоконникъ, попадалъ даже въ комнату.

Нехотя заперла она окно, борясь съ налетавшимъ вѣтромъ, который съ силой вырывалъ раму изъ ея рукъ. Дождь совсѣмъ смочилъ ее, вѣтеръ растрепалъ всѣ волосы, складки мокраго пеньюара холодили ея спину, а дождевыя капли, падавшія съ ея затылка, струясь, катились по шеѣ... А Марьѣ Сергѣевнѣ было и весело, и смѣшно.

— Ѳеня навѣрное надуется за измокшій пеньюаръ, скажетъ: опять надо перестирывать...

Но вошедшая Ѳеня не сказала ничего, она только съ удивленіемъ оглядѣла свою барыню.

— Точно маленькая, прости Господи!—съ презрѣніемъ сказала она, входя въ кухню и

Digitized by Google

сердито бросая злополучный пенюаръ, который еще утромъ вышелъ изъ-подъ ея рукъ такимъ нарядным и наплоеннымъ.

Кухарка, толстая, степенная и важная, съ тѣмъ же презрѣніемъ скосила ротъ въ улыбку.

— Дѣлать нечего...

Ѳеня говорила правду. Марья Сергѣевна, дѣйствительно, чувствовала себя совсѣмъ молоденькою, почти маленькою дѣвочкой. Вся дремавшая сила молодости вдругъ какъ бы разомъ проснулась въ ней почему-то, и закипѣла горячимъ ключемъ. Сердце билось тревожно, въ груди что-то замирало, наполняя ее всю какимъ-то сладкимъ ощущеніемъ.

Молніи еще изрѣдка слабо вспыхивали въ порѣдѣвшихъ облакахъ, раскаты грома становились глуше, гроза уходила вмѣстѣ съ убѣгавшими вдаль темными, сѣрыми тучами. Голубое небо прорѣзывалось сквозь нихъ все шире, и вдругъ въ одномъ лохматомъ, словно серебристою ватой отороченномъ облакѣ, блеснулъ яркій лучъ солнца и, точно разорвавъ его, заискрился въ глубокой синевѣ; черезъ нѣсколько мгновеній яркое солнце снова блистало въ расчищенномъ ясномъ небѣ.

Марья Сергѣевна опять распахнула всѣ окна. Улица вся вновь ожила, народъ точно высыпалъ изо всѣхъ тѣхъ норъ, куда позапрятался во время дождя. На мостовой образовались огромныя блестящія на солнцѣ лужи, въ которыхъ отражались куски голубого неба. Проѣз-

Digitized by Google

жавшіе экипажи перерѣзывали ихъ и множество крупныхъ брызгъ, высоко подпрыгивая и ярко блеснувъ на мгновеніе въ солнечномъ лучѣ безчисленными искрами, разлетались во всѣ стороны. Легкій вѣтеръ колыхалъ бѣлыя занавѣски въ комнатѣ Марьи Сергѣевны, а стоявшіе въ корзинкахъ душистые цвѣты пахли еще лучше въ посвѣжѣвшемъ послѣ дождя воздухѣ.

Былъ четвертый часъ; Марья Сергѣевна переодѣлась и взяла какую-то работу послѣ напрасной попытки читать: тысячи неуловимыхъ мыслей мѣшали и перебивали ея чтеніе...

Черезъ часъ пришла Наташа.

Подали обѣдать и онѣ вмѣстѣ сѣли за столъ, но разговаривали мало. Натянутость, начинавшая было мало-по-малу проходить, со вчерашняго дня опять усилилась между ними. Едва успѣли подать имъ послѣобѣденный кофе, какъ раздался сильный звонокъ. Марья Сергѣевна слегка вздрогнула, а Наташа вдругъ приподняла голову и пытливо взглянула на нее. Черезъ минуту въ сосѣдней комнатѣ раздались поспѣшные шаги Вабельскаго. Марья Сергѣевна сразу узнала его походку, она уже привыкла къ ней. Но, чувствуя на себѣ упорный взглядъ дочери, она невольно раздражалась; почему-то ей казалось, что Наташа нарочно такъ глядитъ на нее, наблюдая за нею, и яркая краска все гуще заливала ея лицо.

Вошелъ Вабельскій, торопливо стягивая рыжія модныя перчатки.

Digitized by Google

— А! всѣ въ сборѣ! — весело заговорилъ онъ, ну и отлично! я нарочно заѣхалъ пораньше; погода чудная! Здравствуйте, милая барышня, здравствуйте! Какъ ваши экзамены идутъ, благополучно ли?

Онъ говорилъ быстро и весело, здороваясь на ходу, и только на мгновеніе остановился передъ Марьей Сергѣевной, цѣлуя ея руку.

Марья Сергѣевна, бросивъ искоса взглядъ на дочь, замѣтила, что дѣвочка вдругъ вся вспыхнула и по лицу ея разлилось удивленно негодующее выраженіе.

— Такъ какъ же? ѣдемъ?—переспросилъ Вабельскій, садясь подлѣ нихъ за столъ, барышня милая, ѣдемъ? да?

Онъ, кажется, не былъ увѣренъ, что она поѣдетъ.

Марья Сергѣевна переждала немного, точно желая дать время Наташѣ отвѣтить, но видя, что та молчитъ, поспѣшила сказать за нее сама.

— Поѣдемъ только мы съ вами, Викторъ Алексѣевичъ, Наташѣ нельзя—у нея экзамены.

— Да? какъ это жаль! Но, можетъ быть, можно какъ нибудь устроить?—слабо протестовалъ онъ.

Наташа вдругъ поднялась изъ-за стола и проговорила упрямымъ голосомъ:

— Нѣтъ, мнѣ нельзя, я не поѣду.

Мать бросила на нее опять быстрый, тревожный взглядъ и, точно желая вознаградить Вабельскаго за нелюбезность дочери, улыбаясь, протянула ему руку.

Digitized by Google

— Подождите меня тутъ, Викторъ Алексѣевичъ, я сейчасъ буду готова, только надѣну шляпу.

И, наливъ ему маленькую чашку кофе, встала изъ-за стола и прошла въ свой будуаръ одѣваться.

Къ ея удивленію, Наташа пошла вслѣдъ за нею и, не проходя въ свою комнату, сѣла на большое кресло возлѣ туалета, какъ дѣлала это бывало и прежде, когда хотѣла присутствовать при одѣваньи матери; но теперь это почему-то стѣсняло Марью Сергѣевну и она сердито прикалывала къ своимъ волнистымъ волосамъ шляпу, стараясь не глядѣть и не обращать вниманія на дочь, которая не сводила съ нея упорнаго взгляда. Этотъ взглядъ смущалъ Марью Сергѣевну. Не будь тутъ дочери, она, прежде чѣмъ выбрала бы какую нибудь шляпу и накидку, примѣрила бы ихъ нѣсколько, выбирая ту, которая больше бы пошла къ ней, но теперь что-то удерживало ее отъ этого, и она съ нетерпѣливымъ раздраженіемъ завязывала кружевныя бриды шляпы въ неладившійся у нея бантъ.

Если она не хочетъ ѣхать, зачѣмъ же она сидитъ тутъ? Ясно, что она дѣлаетъ это нарочно!

Ѳеня также молча подавала накидку; она дулась на барыню еще съ утра за пенюаръ и потому не считала нужнымъ разговаривать и совѣтовать что нибудь въ отношеніи туалета. И эти двѣ молчаливыя фигуры выводили изъ себя

Digitized by Google

Марью Сергѣевну. Ей невольно припоминались другіе вечера, когда бывало не только Наташа, но и Ѳеня одѣвали ее съ такимъ интересомъ, такъ старательно наряжали и прихорашивали ее.

Наконецъ ей удалось завязать шляпу и, окинувъ себя въ послѣдній разъ въ трюмо, она осталась довольна.

— Ну, до свиданья!—сказала она, подходя по привычкѣ къ Наташѣ; Наташа приподнялась съ кресла и холодно поцѣловала ее.

Марья Сергѣевна чувствовала себя не только раздраженною, но какъ будто и виноватою въ чемъ-то. И это сознаніе сердило ее еще больше. Если изъ-за всякаго пустяка дѣлать «вопросъ», то, конечно, можно отравить себѣ всю жизнь! Кажется, въ томъ, что она ѣдетъ кататься,—немного еще дурного. Не ея вина, если Наташа вздумаетъ дуться на нее за всякую мелочь! Вѣдь ей же предлагаютъ ѣхать вмѣстѣ: что же она не ѣдетъ!..

И, сердито застегивая пуговки перчатки, она быстро прошла въ столовую, гдѣ ждалъ ее Вабельскій.

— Готовы?—спросилъ тотъ, отходя отъ камина, у котораго курилъ сигару, и смѣривъ ее опытнымъ и избалованнымъ уже, но все-таки восхищеннымъ, взглядомъ цѣнителя и знатока женской красоты. Ей онъ не сказалъ ничего, но по глазамъ его она поняла, что очень нравится ему въ эту минуту. И, дѣйствительно, въ своемъ свѣтломъ костюмѣ, въ шляпѣ изъ желто-

Digitized by Google

ватыхъ кружевъ, съ букетомъ блѣдныхъ чайныхъ розъ, она была, дѣйствительно, прелестна.

— Ну, до свиданья, барышня! — протянулъ руку Вабельскій Наташѣ, — очень жаль, что вы не ѣдете...

Она молча подала ему свою и въ то время, какъ онъ сжималъ ее, ихъ глаза встрѣтились съ одинаковымъ выраженіемъ; только у вспыльчивой и плохо еще умѣвшей владѣть собою Наташи оно обозначалось сильнѣе и понятнѣе. Въ глазахъ ея такъ и вспыхнула ненависть. У Вабельскаго же это выраженіе только слегка скользнуло по угламъ насмѣшливо улыбавшагося рта.

«Охъ, волченокъ, не доросъ ты еще тягаться со мной!» подумалъ онъ. «Куда тебѣ! Силенки не хватитъ, проиграешь!»

И онъ любезно, но сильно сжалъ ея маленькую ручку, и эта ручка вдругъ вся дрогнула и похолодѣла въ его рукѣ, точно дѣвочка инстинктивно поймала и поняла его мысль.

Когда Марья Сергѣевна, поддерживаемая Вабельскимъ, садилась въ коляску, Наташа стояла у окна и глядѣла на нее. Марья Сергѣевна улыбнулась и кивнула ей головой, но Наташа, словно задумавшись, не замѣтила и не отвѣтила ей, хотя и не спускала съ нея глазъ. И эти глаза, строгіе, упрекающіе и грустные, долго еще преслѣдовали Марью Сергѣевну, пока они съ Вабельскимъ не выбрались, наконецъ, изъ городской толкотни и шума на Каменно-Островское шоссе, гдѣ, среди зелени и воздуха, имъ обоимъ какъ-то стало легче.

Digitized by Google

XIII.

Когда они выѣхали за городъ, Вабельскій вдругъ повернулся въ сторону Марьи Сергѣевны и взглянулъ ей прямо въ лицо смѣющимися, веселыми глазами.

— А мнѣ кажется... началъ онъ немного нерѣшительно,—Наташѣ можно было ѣхать, только ей не хотѣлось... Мнѣ кажется, она просто избѣгаетъ меня, право; вы не замѣтили?

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, это просто такъ, она такая... такая дикая... странная... Впрочемъ, знаете, мнѣ кажется, что наша ссора, дѣйствительно, оставила слѣдъ... заговорила она вдругъ взволнованнымъ голосомъ, точносразу рѣшившись.—Наташа уже не та, я это чувствую... хотя, повидимому, ничто не перемѣнилось; она очень ласкова въ большинствѣ случаевъ, о той размолвкѣ ни я, ни она никогда даже и не упоминаемъ, но... но все-таки же это уже не то, добавила она съ грустною усмѣшкой и слегка вздыхая.

Вабельскій серьезно смотрѣлъ на нее.

— Знаете, что̀ я думаю, началъ онъ,—я думаю, что вопросъ далеко еще не рѣшенный, перемѣнилась ли ваша Наташа, вслѣдствіе той размолвки съ вами, или это просто наступили такіе годы. Мнѣ часто приходилось слышать отъ многихъ матерей и отцовъ стереотипную фразу: «ахъ, наша Маничка или Ваничка, со-

Digitized by Google

всѣмъ уже не то, что прежде, то есть не такіе, какъ были ребятами. Для родителей, Маничка или Ваничка такъ и остается тѣмъ маленькимъ существомъ, которое они помнятъ еще на рукахъ няньки, «ихъ ребенкомъ», который и въ двадцать, и въ тридцать лѣтъ будетъ казаться и оставаться для нихъ все тѣмъ же «ребенкомъ». Сознаніе и многія ясныя доказательства того, что этотъ ребенокъ мало-по-малу выросъ и выработался, такъ сказать, уже въ «получеловѣка», повергаютъ ихъ въ какое-то горестное удивленіе и недовѣріе, точно они хотятъ сказать: «Господи, да какъ же это, да когда же? давно ли, кажется»...

Марья Сергѣевна нетерпѣливо откинулась въ глубь коляски.

— Это очень печально, заговорила она,— если перемѣна въ нашихъ дѣтяхъ будетъ заключаться только въ ихъ отчужденіи отъ насъ. Пока они малы и безпомощны, мы и душой, и тѣломъ сливаемся съ ними въ одно существо, насъ не отталкиваетъ отъ нихъ разность ума, и мы ихъ любимъ не меньше отъ того, что они глупѣе насъ. А они! они выросли и начинаютъ вдругъ чувствовать насъ и глупѣе, и ниже себя! Но за что же? за что?

Вабельскій какъ-то странно усмѣхнулся.

— Ну, это вы, положимъ, берете ужъ черезчуръ сильно. Я не говорилъ о пренебреженіи, но мнѣ кажется, что легкая отчужденность обязательно должна являться. Они воспитываются и выро-

Digitized by Google

стаютъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ выростали и воспитывались вы; они будутъ жить съ людьми, которыхъ вы, быть можетъ, никогда не узнаете; ихъ взгляды, идеалы и даже самыя привычки будутъ не тѣ, что были у васъ, потому что самый вѣкъ, самое общество будетъ отчасти уже иное! Многое, что будетъ дорого и близко имъ, будетъ чуждо и непонятно вамъ, и наоборотъ. Явится разъединеніе взглядовъ, вкусовъ, принциповъ, привычекъ и во многомъ вы разойдетесь по разнымъ дорогамъ и перестанете понимать другъ друга... У меня у самого есть отецъ, славный старикъ, онъ всегда живетъ въ провинціи и видимся мы съ нимъ довольно рѣдко. Я очень люблю его, но жить бы съ нимъ не сталъ, а говорить по душѣ, вотъ хоть бы такъ, какъ говорю съ вами, не могъ бы. Да и безполезно; мы другъ друга все равно не убѣдимъ, не поймемъ и каждый изъ насъ останется при томъ мнѣніи, что другой не правъ и говоритъ вздоръ. И, вѣрите ли, были люди, совершенно чужіе для меня въ сущности, но которые, право, казались мнѣ ближе отца. Съ ними у меня было больше единства; мы лучше могли понять другъ друга, а слѣдовательно, были уже и ближе между собою.

Марья Сергѣевна задумчиво слушала Вабельскаго. Онъ замѣтилъ ея грусть и заговорилъ болѣе громкимъ и безпечнымъ тономъ.

— Во всякомъ случаѣ это совсѣмъ еще не такъ грустно и даже не такъ и близко еще...

Digitized by Google

— Нѣтъ, это очень грустно, печально вымолвила она.—Я думала, что я всю жизнь буду ея другомъ.

Онъ засмѣялся съ добродушною насмѣшкой:

— Ваша Наташа, когда была маленькая, навѣрное шла и еще дальше. Она навѣрное увѣряла васъ, что она проживетъ съ вами всю жизнь и выйдетъ замужъ только за васъ, чтобы не разлучаться съ вами...

Она грустно разсмѣялась и въ ея памяти промелькнули далекіе вечера, маленькая комнатка съ голубою лампой на столѣ и маленькая же Наташа съ разгорѣвшимся личикомъ, съ заплаканными глазами, жалобно умоляющая ее не умирать безъ нея...

Марья Сергѣевна тяжело вздохнула...

Гдѣ же все это? Неужели потеряно безвозвратно въ ряду исчезнувшихъ годовъ? И, вспоминая Наташу маленькою, толстенькою, смѣшною дѣвочкой, съ большими глазенками, съ обстриженными на лбу по-русски темными волосами, она невольно чувствовала, что та дѣвочка была какъ будто и ближе, и милѣе ей, чѣмъ эта высокая, худая дѣвушка съ серьезнымъ уже лицомъ, съ холодными глазами...

— Еще нѣсколько лѣтъ, спокойно продолжалъ Вабельскій,—и жизнь вполнѣ раскроется предъ вашею Наташей. Явится человѣкъ, совершенно чужой и, быть можетъ, даже антипатичный для васъ, но дорогой, близкій и милый для нея. Вы трепетали, пока она выростала, проси-

Digitized by Google

живали мучительныя, безсонныя ночи, когда она бывала больна; тотъ человѣкъ не дѣлалъ ничего подобнаго, и все-таки онъ пересилитъ васъ и займетъ ваше мѣсто. Вы знали ее всю жизнь и даже прежде, чѣмъ она родилась; онъ... онъ, быть можетъ, будетъ знать ее всего какіе нибудь два-три мѣсяца, а между тѣмъ она полюбитъ его не только такъ же, какъ и васъ, но даже несравненно больше. Вы всю жизнь отдали ей; тотъ, быть можетъ, только испортитъ ей жизнь, и все-таки же будетъ для нея дороже, чѣмъ вы со всею вашею любовью и жертвами.

Марья Сергѣевна глядѣла на Вабельскаго съ нѣмымъ испугомъ. Въ каждомъ его словѣ она чуяла правду, и чѣмъ болѣе сознавала ее, тѣмъ мучительнѣе рѣзало ее каждое его слово.

Вабельскій точно понялъ ее.

— Быть можетъ, я дѣлаю безтактность, напоминая вамъ все это; я увлекся и совсѣмъ забылъ, что говорю съ матерью, страстно любящею своего ребенка... Вѣдь я сказалъ это, конечно, только въ общемъ смыслѣ, и, Богъ дастъ, съ Наташей никогда ничего подобнаго и не будетъ. Въ большинствѣ случаевъ это чисто физіологическій законъ природы... Взгляните на птицъ, на животныхъ...

Но Марья Сергѣевна нетерпѣливо рванулась впередъ и рѣзко прервала его.

Животныя! птицы! Да развѣ это все равно, что человѣкъ? Какое ей дѣло до всего этого. Она знаетъ только то, что этому ребенку она

Digitized by Google

отдала всю себя, всю молодость, всю жизнь, всю любовь! Она не любила никогда и никого больше ея, и за все это ей сулятъ впереди отчужденіе, разность взглядовъ, мыслей и возможность быть промѣненною на перваго встрѣчнаго. Ради него надо будетъ отходить въ сторону отъ жизни своего ребенка и стушовываться на сотый планъ! Ради него, ее забудутъ, отъ нея отвыкнутъ и даже, быть можетъ, бросятъ. Нѣтъ, это неправда, это ложь, и она не вѣритъ, не хочетъ, не можетъ вѣрить этому!

Глаза Марьи Сергѣевны гнѣвно блистали и уголки рта судорожно вздрагивали. Вабельскій искоса поглядывалъ на нее, чуть замѣтно улыбаясь въ свои красивые бѣлокурые усы.

— Изъ этого слѣдуетъ, заговорилъ онъ съ ласковою насмѣшкой,—что «не слѣдуетъ» класть всю жизнь въ чужую жизнь; надо оставлять что нибудь и для себя. Оттого, что вы никогда и никого не любили больше вашей дочери, даже мысленно не подѣлили вашей любви къ ней съ кѣмъ нибудь другимъ, оттого, что вы убили всю молодость, лучшую часть жизни, только на дочь, повѣрьте, ни вамъ не будетъ легче, когда наступитъ ея время, ни ваша Наташа не постарается полюбить поменьше своего будущаго супруга, изъ благодарности къ вашимъ лишеніямъ. И если любимый ею мужъ не будетъ особенно благоволить къ вамъ, то и она, постепенно и незамѣтно для самой себя, начнетъ охла-

Digitized by Google

дѣвать къ вамъ. Развѣ мало видимъ мы примѣровъ, что очень нѣжныя дочери, по выходѣ замужъ, принимали всецѣло сторону мужа, глядѣли на все его глазами, слушали его ушами и кончали тѣмъ, что мало-по-малу прерывали всякія отношенія съ прежнею семьей, если мужъ этого хотѣлъ?

Конечно, Марья Сергѣевна знала, что, по всей вѣроятности, ея Наташа выйдетъ когда нибудь замужъ, она думала объ этомъ не разъ и порой даже мечтала, какъ это произойдетъ. И это казалось ей такъ естественно, такъ обыкновенно, что нисколько не пугало ея. Но слова Вабельскаго открыли ей новую, совсѣмъ неожиданную сторону вопроса. И теперь это возмущало и пугало ее, какъ страшная, но легко исполнимая возможность. Какое-то непріятное чувство, точно озлобленіе, зарождалось въ ней при этихъ мысляхъ противъ самой Наташи; теперь она уже предвидѣла возможность подобной вины въ будущемъ со стороны дочери, и это заранѣе оскорбляло ее. Она сидѣла, глубоко задумавшись и почти уже не вслушиваясь въ слова Вабельскаго. Ужаснѣе онъ ничего уже не могъ сказать ей.

А онъ все еще что-то такое говорилъ.

— Все-таки славная, милая дѣвчурка... Мы съ ней еще друзьями будемъ, вотъ увидите, это ничего, что она меня теперь немножечко дичится, за то потомъ поладимъ.

— Вы думаете?

Digitized by Google

Марья Сергѣевна тихо подняла голову и нѣсколько мгновеній задумчиво глядѣла на него. Нѣтъ, ей почему-то казалось, что Наташа съ Вабельскимъ никогда не поладитъ, и это было ей очень грустно. Она не понимала, почему дѣвочка такъ видимо сторонится и не любитъ его. Изо всѣхъ людей, которыхъ она знала, онъ былъ самый симпатичный для нея, ее невольно что-то влекло къ нему и сближало съ нимъ все больше и больше, а потому она желала бы, чтобъ и дочь ея относилась къ нему лучше. Онѣ еще въ первый разъ такъ видимо расходились въ своихъ симпатіяхъ; до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ бывало такъ: что не нравилось одной, не нравилось и другой; что любила одна, любила и другая.

Но Вабельскому уже надоѣло разсуждать о Наташѣ и онъ нашелъ, что теперь гораздо интереснѣе настроить ее на болѣе веселое расположеніе духа...

— Однако, знаете что!—воскликнулъ онъ, смѣясь,—вмѣсто того, чтобы загадывать, что будетъ впереди, и заранѣе огорчаться и волноваться, мы съ вами лучше выйдемъ изъ коляски и пройдемтесь немного по этой аллеѣ. Смотрите, какой тутъ чудный воздухъ, такъ и хочется дышать всей грудью.

Они ѣхали уже по Каменному Острову и вечеръ былъ такъ тихъ, что листья на деревьяхъ почти не шевелились и только изрѣдка легкій вѣтерокъ вдругъ пробѣгалъ по ихъ вѣткамъ и,

Digitized by Google

шелестя между ними, доносилъ откуда-то ароматъ цвѣтущей сирени и тянулъ съ Невы свѣжимъ, своеобразнымъ запахомъ воды.

Марья Сергѣевна охотно согласилась. Ей хотѣлось прогуляться и развѣяться немного отъ тѣхъ грустныхъ мыслей, которыя Вабельскій невольно нагналъ на нее.

Онъ подалъ ей руку и они пошли прямо, вдоль береговой аллеи. Марья Сергѣевна шла молча, любуясь на догорающій закатъ и причудливо разбросанныя по всему небу, розовыя облака, отражавшіяся цѣликомъ, какъ опрокинутыя точно, въ застывшей глади рѣки, и на душѣ ея было какъ-то и грустно, и отрадно, и тревожно отъ чего-то...

На своей рукѣ, лежавшей на его рукѣ, она чувствовала его легкое и нѣжное пожатіе, и это было ей пріятно, хотя внутреннее чувство подсказывало ей, что это нехорошо и не нужно, но она не отнимала отъ него своей руки, хотя и старалась придать своему лицу холодное и сухое выраженіе.

— Ну, вечеръ такъ хорошъ, сказалъ онъ, весело взглядывая на нее и невольно засматриваясь на ея тонкій изящный профиль, мягкимъ абрисомъ вырѣзывавшійся на свѣтломъ фонѣ прозрачнаго воздуха,—что, право, вамъ грѣхъ раскаиваться въ томъ, что вы согласились хоть немного подышать чистымъ воздухомъ послѣ вашей городской пыли.

— Я и не раскаиваюсь.

Digitized by Google

— Ну, и отлично, а у меня кстати явилась одна идейка. Вотъ тутъ, въ концѣ острова, есть маленькій ресторанчикъ...

Но онъ не успѣлъ еще договорить, какъ лицо ея приняло испуганное выраженіе и она даже слегка отшатнулась отъ него.

— Ну, вотъ, воскликнулъ онъ, смѣясь, — я такъ и зналъ, что вы испугаетесь! Ну, можно ли быть такой институткой! вѣдь это же ребячество.

Марьѣ Сергѣевнѣ такъ рѣдко приходилось бывать въ ресторанахъ, что онъ, дѣйствительно, почему-то пугалъ ее и казался ей чѣмъ-то предосудительнымъ. Во всю свою жизнь, она всего была раза четыре-пять и то всегда съ Павломъ Петровичемъ, и идти туда безъ мужа ей казалось ужасно неловкимъ. Но въ то же время ее задѣвали насмѣшливые упреки Вабельскаго, она совсѣмъ не хотѣла казаться въ его глазахъ какой-то наивностью и институткой; ей это было не только непріятно, но даже совѣстно; онъ могъ подумать, что она нарочно рисуется предъ нимъ и молодится, стараясь притворяться совсѣмъ неопытной, всего пугающейся дѣвочкой.

— Нѣтъ, сказала она смущенно, какъ бы оправдываясь, — я совсѣмъ не боюсь и не ребячусь, но... но...

— Но? — повторилъ онъ съ легкой насмѣшкой, — вѣдь у женщинъ всегда найдется какое нибудь «но»!

— Но я просто не люблю ресторановъ.

Digitized by Google

— Любить рестораны и въ кои вѣки разъ случайно заѣхать туда—двѣ вещи разныя! Мы съ вами просто заѣхали бы туда, заняли бы маленькій столикъ въ саду или на балконѣ, напились бы чаю, я же, кстати признаться, очень плохо обѣдалъ сегодня, и потому закусилъ бы съ большимъ удовольствіемъ, поболтали бы, посидѣли бы на чистомъ воздухѣ и самымъ безобиднымъ образомъ уѣхали бы домой. Ну, что тутъ страннаго или дурного, скажите на милость! Ахъ, барыня моя милая, совсѣмъ вы еще дитя, какъ я погляжу. И онъ засмѣялся, какъ смѣются взрослые надъ какимъ нибудь безосновательнымъ страхомъ дѣтей, и ласково пожалъ ея руку.

Марья Сергѣевна слушала его молча, но съ улыбкой, и въ душѣ уже колебалась. Кромѣ того, что ей не хотѣлось казаться въ его глазахъ робѣющей всего институткой и хотѣлось сдѣлать ему пріятное своимъ согласіемъ, ресторанъ еще манилъ ее, какъ что-то запретное и почти незнакомое ей. Къ тому же, онъ самъ признался, что голоденъ; положимъ, можно было бы пригласить его напиться чаю и закусить послѣ катанья къ себѣ домой. Но это такъ же какъ-то неудобно и неловко... Она готова была согласиться, но какой-то страхъ все еще удерживалъ ее, хотя она и говорила себѣ, что смѣшно и глупо бояться самыхъ простыхъ вещей и каждаго пустяка.

Но Вабельскій прервалъ ея сомнѣнія, заго-

Digitized by Google

воривъ вдругъ слегка обиженнымъ и грустнымъ тономъ.

— Ну, не будемъ говорить объ этомъ, если на это такъ трудно и страшно рѣшиться. Мнѣ обидно только одно, что вы такъ мало довѣряете мнѣ и можете думать, что я когда нибудь рѣшусь предложить вамъ что нибудь такое, что можетъ быть предосудительно для порядочной женщины! Вамъ, которую я такъ безгранично уважаю.

Марья Сергѣевна сконфуженно вспыхнула, испугавшись и смутившись, что онъ могъ заподозрить ее въ такихъ мысляхъ. Ей было это очень непріятно. Она такъ безусловно довѣряла ему и ужъ, конечно, не желала обижать его, а такое предположеніе легко могло задѣть и оскорбить его.

— Нѣтъ, пойдемте!—воскликнула она рѣшительно, чувствуя себя предъ нимъ ужасно виновною.—Я ничего подобнаго не думала, и еслибы не довѣряла вамъ такъ глубоко, то развѣ поѣхала бы съ вами сюда, развѣ была бы такъ откровенна? Какъ могли вы это подумать?

— Я невольно долженъ былъ это подумать, продолжалъ онъ все тѣмъ же грустно-оскорбленнымъ тономъ,—потому что иначе, право, трудно объяснить себѣ вашъ страхъ и недовѣріе къ такимъ въ сущности пустякамъ. Но кончимъ объ этомъ. Если вы не хотите и сомнѣваетесь, прилично ли это, то, слѣдовательно, никакой и рѣчи быть не можетъ...

Digitized by Google

— Да неправда, воскликнула она горячо,— совсѣмъ я не сомнѣваюсь и, напротивъ, пойду съ большимъ удовольствіемъ!

— Нѣтъ, дорогая барыня, я вѣдь знаю женщинъ, сначала согласятся, а потомъ будутъ мучиться да раскаяваться, да хорошо ли я сдѣлала, да прилично ли это: ахъ, не вышло бы какихъ нибудь сплетенъ и т. д. Право, прибавилъ онъ смѣясь,—я совсѣмъ еще не такъ голоденъ, чтобы подвергнуть васъ такой пыткѣ!

— Ну, вотъ, сказала она, сконфуженно улыбаясь,—теперь, значитъ, уже я должна васъ просить!...

Онъ тоже засмѣялся и опять крѣпко пожалъ ея руку.

— Ну, нѣтъ, сказалъ онъ, повеселѣвъ,—этого, положимъ, не будетъ, ужъ если вы такая милая и великодушная, что даже рѣшаетесь совсѣмъ расхрабриться, чтобы только накормить меня, то ужъ, конечно, я не заставлю себя долго упрашивать! И такъ, идемъ!

— Идемъ, повторила она смущенно, но весело.

Онъ крѣпко прижалъ къ себѣ ея руку и они пошли, болтая и смѣясь гораздо веселѣе чѣмъ сначала.

Когда они подошли къ ресторану, который весной былъ самымъ моднымъ и любимымъ мѣстомъ петербургской публики, стекавшейся туда по вечерамъ, послѣ катанья на стрѣлкѣ, онъ былъ уже почти полонъ и у подъѣзда стояло нѣсколько экипажей.

Digitized by Google

Но на Марью Сергѣевну, какъ только она подошла къ подъѣзду, опять напало чувство страха и неловкости и почему-то, боясь встрѣтиться съ знакомыми, она попросила Вабельскаго занять лучше маленькій отдѣльный кабинетъ, чѣмъ сидѣть въ саду на виду всей этой публики, невольно смущавшей ее.

Вабельскаго тутъ, повидимому, всѣ хорошо знали, и какъ только они вошли, одинъ изъ лакеевъ бросился къ нимъ навстрѣчу съ той стремительной почтительностью, съ которой они встрѣчаютъ обыкновенно уже давно знакомыхъ имъ и щедрыхъ гостей.

— Марья Сергѣевна тревожно поднималась вверхъ по лѣстницѣ за Вабельскимъ и поспѣшно бѣжавшимъ впереди татариномъ, съ круглой черной головой и съ широкимъ безукоризненно гладко выбритымъ лицомъ.

Когда они вошли въ маленькій кабинетъ, выходившій окнами прямо на Неву, татаринъ, все съ той же стремительностью, бросился сначала къ Вабельскому, помогая ему снимать пальто, а потомъ къ сервированному уже столу, блестѣвшему своей бѣлоснѣжной скатертью, наскоро обмахивая приборы висѣвшимъ у него на плечѣ чистымъ полотенцемъ.

Когда Вабельскій заказалъ ужинъ и вино и татаринъ убѣжалъ исполнять его порученія, онъ подошелъ къ застѣнчиво-снимавшей перчатки Марьѣ Сергѣевнѣ и, съ серьезнымъ, почти строгимъ, выраженіемъ въ лицѣ крѣпко, поцѣловалъ ея руку.

Digitized by Google

— Это за то, что вѣрите мнѣ...

Она чуть-чуть покраснѣла и съ улыбкой отвѣтила на его пожатіе.

— Ну-съ, а затѣмъ, милая трусиха, перешелъ онъ опять въ шутливый тонъ,—позвольте мнѣ вашу накидку и затѣмъ будьте какъ дома! И помните, прибавилъ онъ смѣясь, — что вы сами пригласили меня, а потому должны быть теперь любезной хозяйкой и занимать своего гостя.

Она смѣялась, но чувствовала себя все еще не совсѣмъ ловко. Такое чувство случалось ей, бывало, испытывать еще въ дѣтствѣ, когда, шаля, она знала, что это дурно и что ее за это накажутъ, и все-таки не могла удержаться и продолжала шалить.

Вся эта ресторанная обстановка, которую ей случалось видѣть такъ рѣдко, занимала и интересовала ее и она съ любопытствомъ оглядывалась кругомъ и, прячась за занавѣси, выглядывала въ садъ, разсматривая сидѣвшую тамъ публику. Ей было какъ-то и смѣшно, и забавно, и весело, и жутко на душѣ отъ чего-то.

Вабельскій былъ тутъ завсегдатай и зналъ почти всѣхъ и, стоя возлѣ нея, показывалъ ей разныхъ своихъ знакомыхъ, называя ихъ имена, а про нѣкоторыхъ разсказывая даже цѣлыя біографіи.

Къ своему удивленію, Марья Сергѣевна увидала тутъ нѣсколько и своихъ знакомыхъ даже между дамами и это успокоило ее, тѣмъ болѣе,

Digitized by Google

что общій видъ всей публики былъ крайне порядочный и даже фешенебельный.

Она стала развязнѣе, смѣлѣе и весело шутила и смѣялась, слушая Вабельскаго.

— Ну-съ, а теперь, сядемъ, сказалъ онъ, когда татаринъ внесъ подносъ съ первоначальными закусками.

Вабельскій велѣлъ придвинуть столъ къ самому окну, такъ чтобы имъ была видна Нева и весь противоположный берегъ, казавшійся издали очень красивымъ и какъ бы потонувшимъ въ садахъ и зелени.

Изъ сада имъ были слышны веселые голоса и смѣхъ сидѣвшей внизу публики, звонъ посуды и хлопанье пробокъ изъ бутылокъ, а съ противоположнаго берега доносились звуки музыки и свистки пробѣгавшихъ поминутно по рѣкѣ небольшихъ пароходиковъ.

И Марьѣ Сергѣевнѣ во всемъ и во всѣхъ чувствовалось какое-то особенное, новое для нея оживленіе, невольно заражавшее и ее самоё.

— А вотъ на Волгѣ, воскликнулъ Вабельскій, вскрывая устрицу, — я часто вспоминалъ васъ!

Она немножко удивилась,—почему?

— Видите ли, я попалъ туда какъ разъ въ самое лучшее время, во время разлива, а въ это время Волга всегда необыкновенно красива. Вы никогда не были на Волгѣ?

— Нѣтъ.

— Ну, это жаль — на ней стоитъ побывать.

Digitized by Google

Я, знаете, совсѣмъ не сентименталенъ, но, бывало, какъ выйдешь на палубу парохода ночью часа въ два, такъ невольно замечтаешься. Кругомъ тишина такая, все спитъ и только на берегахъ соловьи заливаются... Я, знаете, вообще довольно равнодушенъ къ этимъ соловьямъ, но тамъ они такіе концерты задавали, что поневолѣ заслушаешься. Бывало, слушаешь, слушаешь ихъ и даже тоска какая-то вдругъ обхватитъ... Богъ вѣсть о чемъ и почему... Вотъ тутъ и вспомнишь, бывало, о васъ, вѣдь вы навѣрное, ужъ признайтесь ужасно любите соловьевъ слушать?

Марья Сергѣевна слегка смутилась, она старалась припомнить, слыхала ли когда нибудь ихъ, кажется, что нѣтъ.

— Не знаю... кажется я никогда ихъ не слыхала...

Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Да неужели?

— Вѣдь мы весну проводимъ всегда въ Петербургѣ, а на дачу переѣзжаемъ довольно поздно...

— Да врядъ ли ихъ много и водится на нашихъ петербургскихъ дачахъ!—сказалъ онъ насмѣшливо и вдругъ о чемъ-то задумался и замолчалъ.

Марья Сергѣевна тоже задумалась и молча смотрѣла въ распахнутое окно и разстилавшуюся предъ ней ширь рѣки... Разсказъ Вабельскаго подѣйствовалъ на нее, и Волга, съ ея цвѣтущими берегами, такъ живо рисовалась предъ ея

Digitized by Google

мысленными глазами, что ее невольно обхватывало страстное желаніе побывать тамъ, и какая-то неясная тоска напала на нее и ее влекло куда-то, куда—она не знала еще сама, но дальше отъ этого Петербурга и отъ всѣхъ этихъ уже такъ наскучившихъ и надоѣвшихъ ей мѣстъ...

— Скажите, началъ Вабельскій, — вы всю жизнь жили безвыѣздно въ Петербургѣ?

— Да, почти... грустно отвѣчала она, — до замужества только, еще будучи совсѣмъ молоденькой дѣвушкой, почти дѣвочкой, я ѣздила съ кузинами и теткою заграницу. Но вышедши замужъ, я никуда уже не ѣздила; мужъ не любилъ уѣзжать изъ Петербурга, да и обстоятельства слагались все такъ, что что нибудь всегда мѣшало ѣхать намъ путешествовать.

Вабельскій, пристально глядѣвшій на нее, нѣсколько минутъ сидѣлъ молча, съ какимъ-то страннымъ, не то насмѣшливымъ, не то грустнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Скажите, спросилъ онъ вдругъ, — вѣдь вамъ вѣрно есть уже 30 лѣтъ?

Она немного смутилась и удивилась, не понимая, къ чему онъ спрашиваетъ ее объ этомъ.

— Да, сказала она, слегка краснѣя и отчего-то конфузясь,—мнѣ уже 33-й годъ!

— Ну, вотъ видите!—сказалъ онъ какъ будто съ укоромъ не то къ ней, не то къ кому-то другому и вдругъ воскликнулъ съ какимъ-то горячимъ раздраженіемъ:

— Прожить 30 лѣтъ и ничего не испытать,

Digitized by Google

ничего не узнать, не увидѣть!.. Такъ всю жизнь пропустить даромъ и даже не замѣтить ее!—Вѣдь вы даже и не любили еще никогда!

— Какъ не любила!—воскликнула она почти такъ же горячо, какъ и онъ, удивляясь въ душѣ, зачѣмъ онъ говоритъ ей такія вещи.—А Наташа, а мужъ.

Но Вабельскій нетерпѣливо передернулъ плечами и прервалъ ее.

— Ну, что тамъ мужъ, Наташа! Да развѣ этого достаточно! развѣ «такая» любовь нужна женщинѣ, полной жизни и молодости? Развѣ такая любовь удовлетворитъ ее всю, наполнитъ все ея существованіе? Да развѣ та жизнь, которою вы живете — жизнь? Развѣ тѣ чувства, которыя вы испытывали до сихъ поръ — любовь? Неправда! Никогда! Развѣ вы любили когда нибудь страстно, безумно, забывъ весь міръ и все на свѣтѣ, ни о чемъ не думая, не разсуждая и, быть можетъ, даже мучаясь, страдая порой, но за то и наслаждаясь такимъ полнымъ счастіемъ и восторгомъ, какое теперь вы даже и представить себѣ не можете? Ну, скажите же мнѣ откровенно теперь, любили вы такъ когда нибудь? Нѣтъ, я за васъ отвѣчу, я знаю, что нѣтъ! А каждая женщина хоть разъ въ жизни должна такъ любить, иначе... иначе ей не стоило и жить, не только родиться!...

Она слушала его, пораженная и обхватываемая какимъ-то чувствомъ стыда, жалости и боли къ самой себѣ, и вдругъ сознаніе страшное,

Digitized by Google

больное и мучительное для нея, что все это правда, впервые сдѣлалось ей ясно и испугало ее.

Къ чему, къ чему, онъ говорилъ ей все это?

Она боялась и не хотѣла слушать его, боялась этого страшнаго сознанія, впервые проснувшагося въ душѣ ея такъ ясно и такъ горько.

Не надо, не надо говорить объ этомъ, не надо думать объ этомъ! И она хотѣла встать и прекратить этотъ тяжелый и пугавшій ее разговоръ, но онъ, не давая ей опомниться, взялъ ее за руку и продолжалъ горячимъ голосомъ.

— Вѣдь у васъ даже молодости не было, даже воспоминаній никакихъ о ней не осталось! А вотъ взгляните!—воскликнулъ онъ вдругъ, крѣпко сжимая ея руку и привлекая ее къ окну, взгляните на всѣхъ этихъ людей, ихъ тутъ больше сотни, можетъ быть, и, вѣрьте мнѣ, что всѣ они живутъ, любятъ и наслаждаются! Всѣ они чувствуютъ жизнь и знаютъ ее, а не спятъ! и берутъ отъ нея все, что она только можетъ имъ дать! А вы! что вы взяли отъ нея? Скажите!.. А чрезъ семь лѣтъ вѣдь уже поздно будетъ!...

Она машинально глядѣла по направленію его протянутой руки, прислушиваясь къ долетавшимъ къ нимъ снизу смѣху и говору, и во всѣхъ людяхъ, сидящихъ тамъ, ей, дѣйствительно, чудилось отраженіе кипящей въ нихъ жизни и любви...

Digitized by Google

Лицо ея пылало, рука, судорожно сжатая его рукой, ныла отъ боли, но она не замѣчала этой боли, а въ сердцѣ ея все мучительнѣе, все тоскливѣе поднималась другая щемящая боль и горечь... Она чувствовала себя чѣмъ-то словно обдѣленной и обиженной предъ другими людьми, и собственная жизнь казалась ей теперь такой безцвѣтной ничтожной, и ей дѣлалось страшно при мысли, что теперь уже все потеряно, и страстное, мучительное желаніе жить, любить и наслаждаться, какъ живутъ другіе, какъ говорилъ Вабельскій, обхватывало ее все больше, и жгучія слезы уже готовы были брызнуть изъ ея глазъ... Но она подавила ихъ, тихо высвободила отъ него свою руку и опустилась на кресло, утомленная и разбитая тѣмъ страстнымъ вихремъ ощущеній и желаній, вдругъ налетѣвшимъ на нее...

Былъ уже 12-й часъ. Пурпуровый закатъ давно уже потухъ и раскиданныя по небу облака изъ ярко-розовыхъ превратились въ бѣлыя и прозрачныя, сквозь которыя кое-гдѣ мелькали блѣдныя весеннія звѣзды. Наступала бѣлая майская ночь, съ рѣки потянуло легкой сыростью и публика стала постепенно разъѣзжаться.

Голоса въ саду все затихали и на нѣсколько занятыхъ еще столиковъ уже принесли свѣчи подъ стеклянными колпаками, вокругъ которыхъ кружились ночныя мошки и маленькія бабочки, летѣвшія на огонь.

— Поѣдемте... сказала вдругъ Марья Сергѣе-

Digitized by Google

вна, поднимаясь. Лицо ея было блѣдно, но глаза горѣли сухимъ, горячимъ блескомъ.

Вабельскій молча поклонился и, вставъ, досталъ ея накидку и все также молча помогалъ ей застегивать ее, но на лицѣ его блуждала чуть замѣтная торжествующая улыбка.....

XIV.

Вернулись они въ городъ далеко за полночь и Вабельскій, прощаясь съ Марьей Сергѣевной у подъѣзда, крѣпко сжалъ ея руку и, цѣлуя, глядѣлъ ей прямо въ глаза. Марья Сергѣевна слегка покраснѣла и скользнула взглядомъ мимо его лица. Швейцаръ, услышавшій звонокъ, уже отворялъ дверь.

— До свиданья... до завтра... тихо проговорила она, все также избѣгая его взгляда.

Дверь захлопнулась, щелкнулъ замокъ и фигура швейцара скрылась за зеркальными стеклами дверей вслѣдъ за ея удалявшимся темнымъ силуэтомъ. Вабельскій задумчиво постоялъ еще нѣсколько секундъ у подъѣзда, но затѣмъ безпечная и немного плутоватая улыбка скользнула по его лицу.

— Пошелъ!—крикнулъ онъ, вскакивая въ коляску.

«А вѣдь она будетъ моею и даже скорѣе, чѣмъ я ожидалъ!»—сказалъ онъ себѣ, самодовольно улыбаясь...

Digitized by Google

Марья Сергѣевна прошла въ свой будуаръ.

— Барышня спитъ?—спросила она Ѳеню.

— Спятъ.

Марья Сергѣевна подумала, не зайти ли ей къ Наташѣ, но потомъ рѣшила, что будить жаль...

Она торопливо раздѣвалась, желая скорѣе остаться одна. Сновавшая взадъ и впередъ Ѳеня мѣшала ей думать и раздражала ее. Когда Ѳеня, наконецъ, ушла, Марья Сергѣевна устало опустилась на постель, уронивъ голову на подушки.

Она чувствовала себя очень утомленною и хотѣла бы скорѣй заснуть, но разныя мысли бродили въ ея головѣ и отгоняли сонъ... Весь этотъ день былъ для нея чѣмъ-то совсѣмъ новымъ, непривычнымъ и невольно оставилъ въ ней глубокое впечатлѣніе, и въ этой тишинѣ ночи она снова припоминала и переживала его. Подушка быстро нагрѣвалась подъ ея воспаленною головой и она безпрестанно перевертывала ее; одѣяло душило ее и она нетерпѣливо сбросила его съ себя, закинувъ руки за голову. Она чувствовала, что не заснетъ скоро, и это раздражало ее. Часы въ столовой пробили два. Марья Сергѣевна удивилась: «какъ поздно!» и тутъ же подумала: «какъ рано!»—впереди еще цѣлая безсонная ночь...

Предъ ней точно стояли красивые глаза Вабельскаго съ тѣмъ самымъ выраженіемъ, которое было въ нихъ, когда, прощаясь у подъѣзда, онъ поцѣловалъ ея руку. Даже, смыкая вѣки,

Digitized by Google

она не переставала ихъ видѣть; они вырѣзывались предъ ней съ такою подробностью, что она мысленно видѣла не только ихъ цвѣтъ и выраженіе, но даже свѣтлый отблескъ въ темномъ зрачкѣ, легкую припухлость вѣкъ и маленькія, чуть замѣтныя красноватыя жилочки по уголкамъ... Она не хотѣла думать о нихъ и старалась глядѣть на что нибудь другое, но они, все-таки, снова выплывали предъ ней, точно изъ какого-то туманнаго облачка, и глядѣли на нее прямо въ упоръ, красивые, смѣющіеся и ласкающіе... Потомъ мало-по-малу обрисовывались и другія черты его лица и чрезъ мгновеніе онъ вставалъ предъ ней во весь ростъ. Она видѣла его движенія, жесты, слышала его голосъ, слова, и вдругъ какая нибудь его фраза вспоминалась ей такъ живо и отчетливо, что ей казалось даже, будто онъ снова произноситъ ее надъ самымъ ея ухомъ.

— Что взяли вы отъ жизни? Ничего. Любили ли вы когда нибудь? Нѣтъ!

Да, это правда, и въ это мгновеніе сознательнѣе, чѣмъ, когда нибудь, чувствуетъ она всю силу этой правды. Никогда, никогда она не любила и вся ея жизнь, вся ея молодость промелькнули предъ ней тихо, безстрастно и монотонно до такой степени, что она даже не замѣтила ея... онъ сказалъ правду—нѣтъ даже воспоминаній! Все одинаково ровно, сегодня—какъ вчера и завтра—какъ десять лѣтъ тому назадъ! Единственныя перемѣны, возможныя для нея—

Digitized by Google

это перемѣна квартиры, дачи, платьевъ и прислуги.

А другія? другія на ея глазахъ любятъ, живутъ, чувствуютъ жизнь... Другія хоть путешествуютъ, а она, смѣшно сказать, дальше Петербурга и его дачъ не видѣла ничего, не была нигдѣ! Соловьи, разливъ Волги, яблони въ цвѣту... что̀ онъ тамъ еще разсказывалъ?... смѣшно, глупо, пошло, но даже и этого она не знаетъ, не видала, не слыхала. Даже такіе пустяки можетъ представить себѣ лишь туманно, фантастически и неясно. «А черезъ семь лѣтъ будетъ поздно!» Семь лѣтъ? А тридцать брошены даромъ! Проспала! проспала!

И она злобно засмѣялась, ломая надъ головой свои обнаженныя руки.

— О, лучше бы ей ужъ вѣчно спать! Къ чему пробуждаться, когда ужъ ничего нельзя вернуть? зачѣмъ, зачѣмъ онъ говорилъ ей все это?

Она порывисто вскочила съ постели и бросилась къ окну, лежать она больше не могла, спертый воздухъ душилъ и мучилъ ее. Схвативъ на ходу длинный пеньюаръ, она быстро накинула его на себя и, путаясь въ завертывавшемся подъ ея ногами шлейфѣ, кинулась на кушетку. На улицахъ еще стояла тишина, хотя было уже совсѣмъ свѣтло. Только изрѣдка сонно проѣзжалъ извозчикъ и колеса дрожекъ еще долго гулко потомъ грохотали по мостовой, пока, наконецъ, не замирали гдѣ нибудь въ отдаленіи...

Digitized by Google

Часы въ столовой опять пробили, но уже три часа.

О! Господи! ужъ утро бы что ли скорѣй! Эта ночь бѣлая и недвижущаяся раздражала и томила ее еще сильнѣе.

Она не замѣтила ея начала и не предвидѣла ей конца. Все одинаково свѣтло и неподвижно! И эта тишина... точно ея жизнь, такая же однообразная. Такъ же, какъ и въ этой ночи, она не могла припомнить начала ея, момента, съ котораго начала жить, понимать жизнь, чувствовать ее; времени, съ котораго изъ ребенка переродилась въ женщину. И также не предвидѣла конца этой дремотѣ и прозябанію... А впереди! что̀ оставалось ей теперь впереди? Старость, которая подкрадется такъ же незамѣтно, какъ прошла и цѣлая жизнь! Да что же и перемѣнится тогда въ сущности? Развѣ только волосы, да лицо? А жизнь, ея теченіе, чувства, даже самый ходъ ея, все останется то же!

Впрочемъ, правда, въ будущемъ для утѣшенія и разнообразія ей еще предстоитъ, какъ пророчитъ Вабельскій, охлажденіе Наташи, которая, влюбясь, промѣняетъ ее на перваго встрѣчнаго! Что же, за это, пожалуй, и претендовать нельзя; по крайней мѣрѣ не прозѣваетъ и не проспитъ какъ мать! Хоть что нибудь да переживетъ! А что касается матери, то какое же дѣло будетъ до этого Наташѣ? Вабельскій правъ, каждый живетъ для себя... одна она не знала этого... И злое чувство поднималось въ

Digitized by Google

ней и противъ Наташи, и противъ мужа; они казались ей точно виноватыми въ чемъ-то предъ ней и съ злымъ раздраженіемъ она обвиняла ихъ, подыскивая и вспоминая нарочно все, что могло бы увеличить въ ея глазахъ ихъ виновность еще больше. Мужъ виноватъ въ прошломъ, Наташа—въ будущемъ.

Только къ утру заснула, наконецъ, Марья Сергѣевна, но сонъ ея былъ такъ же непокоенъ, какъ вся эта ночь. Безпокойно мечась и вздрагивая, она поминутно бредила и стонала во снѣ...

XV.

Давно уже переѣхала Марья Сергѣевна съ Наташей на дачу. Стояли уже іюльскія душныя жары, то-и-дѣло прерываемыя сильными грозами. Зрѣлъ хлѣбъ и по вечерамъ въ синемъ небѣ, усѣянномъ звѣздами, поминутно вспыхивали красныя зарницы. За то вечеромъ, когда спадалъ удушливый жаръ и наступала ночь, лунная, ароматная, томная, вся точно дышащая нѣгой и страстью, Марья Сергѣевна выходила на балконъ и подолгу засиживалась тамъ, задумчиво всматриваясь въ звѣздную синеву небесъ.

Вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ она была почти постоянно въ какомъ-то экзальтированномъ состояніи. Она даже не умѣла рѣшить, счастлива ли она страстнымъ, безумнымъ, захватившимъ ее всю счастіемъ, или же несчастна, но несчаст-

Digitized by Google

на ужаснымъ, глубокимъ и непоправимымъ несчастіемъ, которое порой охватывало ее сознаніемъ такого ужаса и горя, что она не видѣла и не умѣла найти себѣ ни оправданія, ни исхода. Мучительнѣе всего сознавала она это въ тѣ рѣдкія теперь минуты, когда ей случайно приходилось оставаться вдвоемъ съ Наташей.

Оставаясь глазъ-на-глазъ съ дочерью, она терялась и не знала, о чемъ ей говорить и какъ держаться съ ней. Хотя Наташа не говорила ей ни слова, но Марья Сергѣевна сознавала, что дочь не только понимаетъ все, но и наблюдаетъ за ней.

Марья Сергѣевна влюбилась со всею страстностью тридцати-трехлѣтней женщины, еще никогда не любившей.

Порой, когда она спрашивала себя: какъ это началось, когда, съ какого момента,—она терялась и не знала сама; теперь ей казалось, что съ первой встрѣчи она уже любила его, ей казалось даже, что она всю свою жизнь инстинктивно ждала его...

Если въ началѣ ихъ знакомства она не сознавала еще ясно своей любви къ нему, то теперь уже была увѣрена, что съ перваго же момента поняла ея роковую неизбѣжность и только, испугавшись и боясь этой мысли, обманывала самоё себя, увѣряя, что относится къ Вабельскому только какъ къ другу. Потому-то и антипатія Наташи къ нему такъ задѣвала и раздражала ее на первыхъ порахъ. Теперь Марья Сергѣе-

Digitized by Google

вна понимала все это и уже не боролась съ своимъ чувствомъ. Она отдалась увлеченію сполна и, сознавая внутренно весь его ужасъ, нарочно закрывала глаза и старалась не думать ни о чемъ и все забыть. Будь что будетъ, но бороться больше она уже не могла и не чувствовала въ себѣ силы противостоять своему чувству и своему паденію. Но чѣмъ сильнѣе сознавала она свою вину, чѣмъ больше видѣла препятствій, тѣмъ больше любила, словно наперекоръ и разсудку, и закону, и всему міру. Внѣ этой любви для нея не существовало ни жизни, ни интереса. Она стала холодна и безучастна ко всему, что не касалось Вабельскаго и ея чувства къ нему. Она вспыхивала и смущалась при его имени, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвушка, и, думая о немъ, вспоминая его ласки, слова, поцѣлуи, замирала въ сладкомъ восторгѣ. Она любила даже все то, что принадлежало ему, чего касался онъ. Даже его чернаго пуделя она ласкала съ особенною нѣжностью, потому что это была «его» собака. Его перчатка, платокъ, книга, запонка,—все казалось ей чѣмъ-то священнымъ и дорогимъ.

Бывали минуты, когда холодность съ нимъ Наташи оскорбляла и возмущала ее до такой степени, что ей даже начинало казаться, будто она перестаетъ любить своего ребенка.

Тогда невольный ужасъ охватывалъ ее: неужели она дойдетъ даже до этого?!.. На мгновеніе въ ней просыпалось раскаяніе и даже вновь

Digitized by Google

рождалось желаніе бороться съ охватывавшимъ и порабощавшимъ ее недугомъ. Въ эти минуты ея любовь казалась ей преступленіемъ до такой степени безобразнымъ, что ее охватывало безконечное презрѣніе къ самой себѣ.

«Какъ могла я? какъ могла...» спрашивала она себя, и какой-то священный страхъ не только передъ мужемъ, Наташей и самою собой, но и предъ Богомъ овладѣвалъ ею.

Она хотѣла молиться о спасеніи, о прощеніи—и не могла. Она не дерзала обращаться съ молитвой къ Богу и въ ужасѣ ждала себѣ возмездія и наказанія.

Вабельскій смѣялся надъ ней, если она повѣряла ему свои «страхи», какъ онъ выражался, и, называя ее «своею институточкой», совѣтовалъ глядѣть на вещи проще и спокойнѣе.

— Весь міръ дѣлаетъ то же самое, и, однако, никакихъ несчастій не происходитъ. Къ чему же волноваться и мучиться по пустякамъ, все это излишняя впечатлительность, которую нужно сдерживать, иначе можно вѣдь и до съумасшествія дойти.

Онъ утѣшалъ ее со снисходительною улыбкой старшаго, успокаивающаго ребенка.

— Не надо дѣлать себѣ горя тамъ, гдѣ въ сущности можно найти много счастія!

Пока онъ былъ подлѣ нея, пока она чувствовала его присутствіе, ласки и любовь, она невольно забывала весь міръ и соглашалась съ нимъ, что это, дѣйствительно, только счастіе. А

Digitized by Google

если это счастіе и дастъ ей впослѣдствіи горе и позоръ, такъ развѣ оно не стоитъ того, чтобы ради него вынести все, пожертвовать всѣмъ? Пусть потомъ обрушатся на нее всѣ несчастія, пускай даже «тамъ» не получитъ она прощенія, лишь бы теперь не отнимали у нея ея счастія... Но онъ уходилъ и она опять оставалась одна, не смѣя пойти къ дочери и избѣгая даже постороннихъ людей...

Ей казалось, что всѣ знаютъ про ея паденіе, всѣ порицаютъ ее и въ каждомъ лицѣ, въ каждомъ словѣ и взглядѣ она находила что-то подозрительное, укоряющее и презрительное.

И боясь убѣдиться въ этомъ сильнѣе, она избѣгала всѣхъ знакомыхъ и старалась даже не выходить днемъ, предпочитая оставаться одна; такъ ничто не мѣшало ей думать, мечтать о немъ и снова все переживать. Но въ длинныя безсонныя ночи тоска и страхъ снова нападали на нее. Она стала бояться темноты и на ночь ей зажигали лампаду предъ висѣвшимъ надъ ея кроватью стариннымъ образомъ Нерукотвореннаго Спаса, которымъ ее благословилъ отецъ передъ смертью, когда она была еще совсѣмъ маленькою. Съ этою иконой она не разставалась никогда, но теперь, вглядываясь порой въ темный ликъ, въ почернѣлой отъ времени старой ризѣ, ей начинало казаться, что онъ точно оживаетъ и, обливаемый трепетнымъ свѣтомъ лампады, судитъ и караетъ ее своимъ строгимъ взоромъ. И она вся холодѣла въ

Digitized by Google

ужасѣ, закрывая глаза и тревожно прислушиваясь къ малѣйшему шороху.

Но начинало свѣтать, золотистые лучи проникали сквозь бѣлыя шторы и освѣщали комнату. Дневной свѣтъ успокаивалъ ея нервы и ночной ужасъ и страхъ разсѣевался вмѣстѣ съ послѣднею тѣнью ночи.

Тогда порой на нее нападало вдругъ озлобленіе.

Къ чему она мучаетъ и терзаетъ себя вмѣсто того, чтобы просто любить и наслаждаться? Развѣ мало знаетъ она женъ, измѣнявшихъ мужьямъ, и не только съ однимъ, но увлекавшихся многими; ея же собственныя пріятельницы признавались ей и повѣряли. И разныя интриги не только безъ укоровъ совѣсти, но даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, и, вмѣсто раскаянія предъ мужьями, ихъ же презрительно называли дураками, а о дѣтяхъ даже и не думали и отнюдь не считали себя виновными предъ ними въ чемъ нибудь. И еслибы кто нибудь сказалъ имъ это, онѣ навѣрное отвѣчали бы:

— Вотъ глупости! какое же дѣло дѣтямъ? одно другому не мѣшаетъ. Еще мужья—это, пожалуй, но и они должны винить только самихъ себя, никто не виноватъ, что они глупы и не умѣютъ удержать навсегда нашу любовь.

А она... порой она готова убить себя! Кто же вѣрнѣе смотритъ на жизнь: она или эти пріятельницы?

Digitized by Google

Конечно, она сознавала, что Павелъ Петровичъ не дуракъ, въ этомъ не было его вины, но въ минуты озлобленія она находила ему другую вину. Не онъ ли виноватъ, что ея чувство къ нему не разрослось въ такую же глубокую любовь и страсть, какою теперь она любитъ другого? Она всегда была той же, какъ и теперь, но онъ самъ искусственно заставлялъ ее дремать. Кто же виноватъ, что другой разбудилъ ее. Быть можетъ, любилъ и онъ, жилъ и онъ всею полнотой жизни въ двадцать пять, въ тридцать лѣтъ, а къ ней пришелъ уже успокоившійся и безстрастный! И женился на ней не для любви и жизни, а для успокоенія отъ всѣхъ страстей и бурь. Подумалъ ли онъ тогда о ней? подумалъ ли, что ей только семнадцать лѣтъ, что она-то вѣдь и не начинала еще жить, и что, рано ли, поздно ли, натура потребуетъ своего. Конечно, онъ забывалъ о ней и думалъ только о себѣ, объ устройствѣ лишь своего жизненнаго комфорта. А если онъ любилъ и жилъ, то почему же она не имѣетъ на это право? Остается Наташа... Но и у Наташи будетъ своя жизнь, свои увлеченія, свои чувства, и если она обвиняетъ ее теперь, то когда нибудь, полюбивъ сама, вѣрно пойметъ и проститъ свою бѣдную мать.

Время быстро летѣло, іюль былъ уже на исходѣ и Марья Сергѣевна тревожно поджидала мужа, какъ вдругъ въ одномъ изъ писемъ онъ увѣдомилъ ее, что дѣла осложнились,

Digitized by Google

приходится продлить командировку и раньше конца августа ему не вернуться.

Марья Сергѣевна радостно вздохнула; сама судьба за нее, еще немного отсрочки, еще лишній мѣсяцъ никѣмъ не тревожимаго счастья.

Она перечитала еще разъ письмо, точно все еще не вѣря ему, и улыбка, слегка насмѣшливая и презрительная, скосила углы ея губъ. Уже давно начала появляться у нея эта улыбка при чтеніи писемъ Павла Петровича. Ихъ тонъ, всегда немного дѣловой и торопливый, гдѣ единственными ласковыми словами были обычныя фразы въ началѣ: милая Маня и въ концѣ: «обнимаю тебя и Наташу, и остаюсь любящій тебя мужъ, П. Алабинъ», раздражали теперь Марью Сергѣевну. Она сознавала, что этотъ человѣкъ, не смотря на все свое неумѣнье выражаться нѣжно и страстно, въ душѣ все-таки очень любилъ и ее, и Наташу. Но какою сѣренькою и скучною казалась ей теперь его любовь въ сравненіи со страстью Вабельскаго.

Марья Сергѣевна нехотя садилась отвѣчать ему и писала тѣмъ обыкновеннымъ слогомъ, какимъ въ большинствѣ случаевъ переписываются жены съ мужьями послѣ пятнадцатилѣтней совмѣстной жизни. Въ прежніе годы она не замѣчала его «чиновничьяго тона» и сама не терялась въ своихъ письмахъ къ нему. И теперь еще, по привычкѣ, писала она ему о разныхъ мелочахъ и перемѣнахъ въ домѣ: о томъ, напримѣръ, что перемѣнила кухарку, которая стала сильно пить,

Digitized by Google

что отдала перекрыть мебель въ гостиной, что получила письмо отъ тетки и подписалась на новый журналъ, исполнила всѣ его порученія и т. д. Только письма ея стали болѣе натянутыми, такъ какъ, не зная о чемъ писать и боясь обмолвиться хоть маленькимъ намекомъ, она нарочно подбирала разныя хозяйственныя мелочи и старалась скорѣе закончить письмо, подписавъ привычную ей фразу: «я и Наташа крѣпко цѣлуемъ и обнимаемъ тебя. Да сохранитъ тебя Господь! Твоя жена, М. Алабина».

И, запечатавъ, наконецъ, конвертъ, она съ облегченіемъ вздыхала, думая о томъ, что цѣлую недѣлю ей не надо будетъ опять лгать и мучиться надъ составленіемъ ему письма.

За то, словно въ утѣшеніе и награду себѣ, она писала Вабельскому, переполняя всѣ письма къ нему страстною любовью, нѣжными именами и ни на одну секунду не задумываясь, «что дальше». Впрочемъ, ей недолго пришлось писать къ нему. Вабельскій скоро переѣхалъ на дачу по сосѣдству съ ними.

XVI.

Переѣхавъ на дачу, Вабельскій началъ проводить у Алабиныхъ почти все время. Это было тѣмъ удобнѣе для него, что лѣтомъ обыкновенно дѣлъ у него бывало всегда гораздо меньше.

Съ этихъ поръ для Марьи Сергѣевны насталъ

Digitized by Google

лучшій періодъ ея счастія. Видя Вабельскаго почти постоянно около себя, она забывала и страхъ, и мученія совѣсти. Даже сознаніе, что его частое присутствіе можетъ ее компрометировать, не останавливало ее.

Тѣмъ не менѣе, даже въ собственной прислугѣ Марья Сергѣевна подмѣчала что-то новое: какія-то двусмысленныя и таинственныя улыбочки. Ѳеня говорила теперь про Вабельскаго не иначе какъ «нашъ баринъ», и если ей случалось передавать Марьѣ Сергѣевнѣ какія нибудь записки отъ него или обратно, то она всегда принимала при этомъ такой таинственный и странный видъ, что Марья Сергѣевна невольно вспыхивала и конфузилась, а Вабельскій поспѣшно давалъ на чай.

Но все это были еще мелочи, которыя лишь слегка отравляли ея счастіе. Главное было впереди и должно было начаться съ пріѣздомъ Павла Петровича. И, предчувствуя близость этого «главнаго», Марья Сергѣевна спѣшила воспользоваться оставшимся ей уже недолгимъ свободнымъ временемъ и выпить до дна свою чашу любви и счастія, стараясь не замѣчать и обходить какъ нибудь все, что отравляло и отуманивало это счастье.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вабельскій переѣхалъ на дачу, Марья Сергѣевна стала энергичнѣе и, слушая его совѣты, невольно подчинялась имъ, заражаясь отчасти его взглядами. Даже къ натянутымъ отношеніямъ съ дочерью, которыя

Digitized by Google

такъ мучили ее сначала, она мало-по-малу привыкла и уже меньше обращала на нихъ вниманія. Чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ горячѣе привязывалась она къ Вабельскому. Если въ началѣ ихъ любви, на нее порой находили еще сомнѣнія и она не отдавала отчета себѣ, долго ли это продлится и будетъ ли это полнымъ переворотомъ въ ея жизни, то теперь она уже ясно сознавала, что прекратиться это можетъ только съ ея смертью. Она чувствовала, что разлюбить его уже не въ силахъ.

Что касается Вабельскаго, то въ началѣ его ухаживанья за Марьею Сергѣевной онъ глядѣлъ на ихъ отношенія не болѣе, какъ на обыкновенную интригу, которыми пересыпана была вся его жизнь, хотя въ то же время самая трудность побѣды надъ ней отчасти осложняла ихъ, бросая на нихъ нѣкоторую долю серьезности. Отвѣтственность и значеніе ихъ были все-таки же больше, чѣмъ со всѣми остальными женщинами, съ которыми до сихъ поръ у него были «романы». Самая многочисленность этихъ «романовъ» заставляла относиться его къ нимъ легко и поверхностно, не дѣлая изъ нихъ «вопросовъ жизни».

Не желая жениться, онъ никогда не ухаживалъ за дѣвушками, изъ опасенія «быть пойманнымъ, и, избѣгая продолжительныхъ и серьезныхъ связей, старался всегда благоразумно сдерживать свое увлеченіе и увлекаться лишь

Digitized by Google

насколько это нравилось ему самому, не мѣшало «дѣламъ» и не измѣняло хода его жизни. Но при всей легкости своихъ взглядовъ на женщинъ, онъ въ то же время очень любилъ ихъ, по привычкѣ, и скучалъ, если въ какой нибудь періодъ его жизни не случалось никакихъ «интригъ».

Вабельскій находилъ, что всѣ женщины, болѣе или менѣе, одинаковы и что въ каждомъ слоѣ общества есть и хорошенькія, и интересныя, и что, слѣдовательно, гораздо благоразумнѣе выбирать тѣхъ, которыя сами были болѣе удобны для подобныхъ отношеній. Почти за всю его жизнь ему ни разу не случалось еще ухаживать за вполнѣ порядочною женщиной. Онъ зналъ, что ни у одной изъ своихъ любовницъ онъ не былъ ни первымъ, ни послѣднимъ даже любовникомъ и это сознаніе упрощало его отношенія съ ними. Съ Марьей Сергѣевной у него съ самаго начала пошло дѣло не совсѣмъ такъ, какъ всегда, но если онъ и зналъ, что съ этою женщиной придется, пожалуй, «повозиться», какъ онъ мысленно говорилъ, подольше чѣмъ съ другими, то во всякомъ случаѣ отнюдь не предполагалъ, что эта связь можетъ сдѣлаться постоянною, серьезною и совершенно перевернуть спокойное и пріятное теченіе его жизни. А пока нѣкоторая доля серьезности въ ней и въ ихъ отношеніяхъ слегка даже нравилась ему. Онъ чувствовалъ себя уже уставшимъ и пресыщеннымъ всѣми своими легкими похожденіями.

Digitized by Google

Хотя дѣлъ у него, какъ у одного изъ самыхъ модныхъ и блестящихъ адвокатовъ въ столицѣ, было множество и куши за эти дѣла онъ получалъ порой огромные, но денегъ у него никогда не водилось. За то его квартира, въ которой онъ проводилъ только ночи да часы пріемовъ, была одна изъ самыхъ шикарныхъ въ Петербургѣ, рысаки—одни изъ лучшихъ въ городѣ, и даже женщинъ онъ предпочиталъ именно тѣхъ, которыя дороже стоили. У него на все образовался какой-то особенный вкусъ, что и было главною причиной его частаго безденежья.

Марья Сергѣевна не только не стоила ему ничего сама по себѣ, но, сойдясь съ нею, онъ и жить сталъ гораздо тише. Не требовалось безразсуднаго бросанія денегъ на вѣтеръ. И эта «передышка», какъ онъ мысленно называлъ свои отношенія къ ней, ему очень нравилась. «Отчего и не поскромничать полгодика?» говорилъ онъ.

Ея красота всегда сильно возбуждала его, а подъ вліяніемъ своей любви къ нему, Марья Сергѣевна, казалось, похорошѣла еще болѣе. Эта страстная любовь, переходившая порой въ какое-то безумное обожаніе, не только нравилась, но и льстила ему. Вабельскій былъ красивъ, ловокъ и уменъ въ модномъ смыслѣ слова, а потому увлеченіе имъ женщинъ было для него не новость; но сколько онъ ни припоминалъ, такъ глубоко, искренно и безконечно его не любила еще ни одна, и не смотря на то, что

Digitized by Google

страстное обожаніе Марьи Сергѣевны временами даже смѣшило его, но чаще оно трогало его и удивляло, рождая и въ немъ самомъ невольно больше нѣжности и уваженія къ ней.

Больше всего въ ихъ отношеніяхъ ему не нравилась Наташа. Онъ находилъ, что безъ нея было бы лучше и спокойнѣе; дѣвочка положительно мѣшала и чаще всего остального вызывала въ матери упреки совѣсти, раскаяніе и слезы, всегда немного скучноватыя для него. Онъ старался предугадать поведеніе Наташи по возвращеніи Павла Петровича и слегка побаивался, какъ бы она не напортила имъ чего нибудь.

Это возвращеніе, долженствовавшее послѣдовать очень скоро и гораздо скорѣе того «полгодика», который мысленно опредѣлилъ себѣ Викторъ Алексѣевичъ, не совсѣмъ-таки улыбалось ему. Къ тому же, рѣшеніе о полугодѣ онъ отчасти уже измѣнилъ.

«Сколько поживется»... неопредѣленно рѣшалъ онъ.

Вабельскій думалъ, что экзальтированная, не привыкшая къ фальши и подобнымъ положеніямъ Марья Сергѣевна не съумѣетъ повести дѣло такъ, чтобы не прерывать отношеній ни съ мужемъ, ни съ любовникомъ. И это немного тревожило и безпокоило его. Онъ надѣялся только на свое вліяніе надъ нею, которое заставитъ ее слѣдовать его совѣтамъ и тѣмъ предотвратитъ кое-какія опасности, хотя ему, уже давно

Digitized by Google

привыкшему къ подобнымъ вещамъ, эти опасности казались гораздо менѣе серьезны, нежели ей. При мысли о возвращеніи мужа ее охватывалъ какой-то безпомощный ужасъ и страхъ.

— Что намъ дѣлать! что намъ дѣлать?—съ отчаяніемъ спрашивала она его.

Вабельскій пожималъ плечами.

— Прежде всего не волноваться и, главное, не дѣлать драмъ изъ того, въ чемъ можно обойтись одною комедіей.

Но на этотъ разъ Марья Сергѣевна не вполнѣ соглашалась съ нимъ. Въ своемъ чувствѣ и поступкахъ она не могла видѣть только «комедію». И это слово было не только непонятно ей, но и больно.

— Во всякомъ случаѣ, Маня, если ты будешь только плакать, да мучиться, ни тебѣ, ни мнѣ, ни даже твоему Павлу Петровичу легче отъ этого не станетъ. Нужно устроиться такъ, чтобы хоть онъ, по крайней мѣрѣ, не мучился, то есть нужно только, чтобъ онъ ничего не зналъ. А это зависитъ вполнѣ отъ тебя, съумѣй продлить его невѣдѣніе, а остальное будетъ уже легко.

Но Марья Сергѣевна тоскливо вздохнула; ей это совсѣмъ не казалось легко.

Digitized by Google

XVII.

Однажды вечеромъ Марья Сергѣевна получила телеграмму и, еще не распечатывая ея, уже догадалась, отъ кого эта депеша и что несетъ съ собой; но, точно желая обмануть себя и продлить свое мнимое невѣдѣніе, она молча держала ее въ похолодѣвшихъ и дрожащихъ рукахъ, не рѣшаясь сразу распечатать.

Ѳеня спокойно стояла подлѣ, ожидая росписки, и поднявшей на нее испуганные глаза Марьѣ Сергѣевнѣ показалось, что горничная нарочно стоитъ тутъ и внутренно подсмѣивается надъ ней.

— Что же огня, дайте лампу!—нетерпѣливо окликнула она.

Ѳеня молча повернулась и вышла въ сосѣднюю комнату, а Марья Сергѣевна осталась одна въ темной гостиной.

— Да, я знаю, что въ этой телеграммѣ!—думала она, глядя сухими, горящими глазами куда-то въ уголъ комнаты.—Это конецъ... конецъ всего... и завтра начнется что-то новое... отвратительное...

Ѳеня внесла лампу и поставила ее на столъ передъ барыней.

Марья Сергѣевна прочла:

«Буду завтра съ почтовымъ.

Алабинъ».

Digitized by Google

— Да, это конецъ...

И вдругъ ей показалось, что она никогда не предугадывала этого конца... Ей, ежедневно ожидавшей этой телеграммы и возвращенія мужа, казалось теперь, что она никогда не ждала его такъ скоро.

— Во всякомъ случаѣ не завтра... Я знала, конечно знала, что это будетъ, что это должно быть, но не завтра же...

— Расписаться нужно-съ, напомнила Ѳеня.

Марья Сергѣевна тряхнула головой и взяла перо. На мгновеніе глаза ея встрѣтились опять съ усмѣхающимися глазами горничной и въ ней проснулись гордость и самообладаніе.

— Завтра баринъ пріѣдетъ, нужно приготовить комнату, сказала она, сама внутренно удивляясь естественному и вѣрному звуку своего голоса.

— Боковую?

— Да... протопите хорошенько, пожалуй холодно будетъ.

— Слушаю-съ...

Ѳеня ушла, взявъ росписку.

Марья Сергѣевна порывисто поднялась съ кресла и быстро вышла на балконъ. Весь день шелъ дождь и дорожки сада тускло блестѣли отъ бросаемаго на нихъ свѣта изъ освѣщенныхъ оконъ. На дворѣ было холодно тою особенною сыростью, которая нерѣдко бываетъ въ концѣ августа и въ началѣ сентября; но лицо Марьи Сергѣевны горѣло яркимъ румянцемъ.

Digitized by Google

Вабельскій обѣщалъ прійти только къ девяти часамъ, но теперь ей хотѣлось видѣть его и показать ему телеграмму сейчасъ же, и она не знала только, какъ это сдѣлать.

Послать записку...

Но, вспомнивъ усмѣхающееся лицо Ѳени, Марья Сергѣевна отказалась отъ этой мысли.

Сама она избѣгала бывать на его дачѣ, но въ данномъ случаѣ это было удобнѣе всего. Только дома ли онъ?...

Въ концѣ сада была аллейка, изъ которой днемъ были видны окна дачи Вабельскаго. Она вспомнила про это и, осторожно подобравъ одною рукой платье, а другой—плотнѣе закутывая на груди оренбургскій платокъ, пошла въ ту сторону. Тяжелыя намокшія вѣтви кустарниковъ и деревьевъ, нечаянно задѣваемыя ею, ударяли ее по лицу и спинѣ, оставляя послѣ себя мокрый холодящій слѣдъ.

Она торопилась и волновалась такъ, какъ будто ей казалось, что это мучившее ее завтра наступитъ сейчасъ же и прежде чѣмъ она успѣетъ предупредить его и, опершись одною рукой на рѣшетку забора, она приподнялась на цыпочки, стараясь сквозь чащу деревьевъ и темноту ночи различить его окна. Но они были ярко освѣщены и она сразу узнала ихъ.

Дома!..

Слегка вздрагивая отъ пронизывающей ее сырости, Марья Сергѣевна быстрымъ и осторожнымъ шагомъ пробиралась по мокрой травѣ и

Digitized by Google

скользкимъ отъ дождя дорожкамъ къ маленькой калиткѣ, изъ которой былъ ходъ прямо на улицу. Вернуться домой и пройти черезъ комнаты она боялась, хотя оттуда было ближе; тамъ ее могла увидѣть Наташа и задержать ее, начавъ разспрашивать что нибудь о телеграммѣ. И она шла скорымъ шагомъ съ тревожно бьющимся сердцемъ и радуясь этой темнотѣ и дурной погодѣ, которыя ограждали ее отъ свидѣтелей...

Викторъ Алексѣевичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и, низко наклонивъ свою курчавую голову, освѣщаемую большою кабинетною лампой, разбиралъ какія-то бумаги, когда Марья Сергѣевна быстро вошла къ нему, запыхавшаяся и раскраснѣвшаяся отъ ходьбы и волненія.

— Маня? вотъ сюрпризъ!

Онъ съ улыбкой поднялся навстрѣчу ей.

— Онъ пріѣхалъ... проговорила она тихимъ, упавшимъ голосомъ.

Викторъ Алексѣевичъ слегка вздрогнулъ и съ недоумѣніемъ остановился на полдорогѣ.

— Когда же?—тихо спросилъ онъ.

Слово «пріѣхалъ» поразило и его. Она молча, вмѣсто отвѣта, протянула ему смятую телеграмму.

Вабельскій быстро пробѣжалъ глазами по листку.

— Да вѣдь завтра же... сказалъ онъ, съ недоумѣніемъ взглядывая на нее.

Она молча кивнула головой.

— А ты сказала «пріѣхалъ»! я думалъ, что онъ уже тутъ...

Digitized by Google

Марья Сергѣевна нетерпѣливо передернула плечами.

— Ахъ... не все ли равно, завтра... сегодня... одно и то же...

Вабельскій еще разъ перечелъ телеграмму и, даже перевернувъ ее, посмотрѣлъ на оборотной сторонѣ адресъ, какъ будто все еще въ чемъ-то удостовѣряясь и въ первую минуту не зная еще самъ, что предпринять, какъ держать себя и что сказать.

— До завтра... машинально сказалъ онъ.

Марья Сергѣевна вздрогнула и это слово, выговоренное вслухъ имъ самимъ, показалось ей еще ужаснѣе, мучительнѣе, и она вдругъ разомъ опустилась на кресло и, закрывъ лицо руками, глухо зарыдала.

Викторъ Алексѣевичъ терпѣть не могъ женскихъ слезъ; онѣ всегда какъ-то странно дѣйствовали на него; при видѣ ихъ онъ и сердился, и терялся въ одно и то же время.

— Боже мой... Боже мой... повторяла она между рыданіями,—что дѣлать, что дѣлать!

Вабельскій сердито заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину, какъ всегда дѣлалъ это въ минуты сильнѣйшаго раздраженія. Слезы Марьи Сергѣевны, ея отчаяніе, ужасъ и страхъ невольно «сбивали съ толку», какъ онъ говорилъ, и его самого. До сихъ поръ его романы не отличались особеннымъ драматизмомъ и въ подобныхъ случаяхъ дѣло обходилось и просто, и легко. А тутъ, при видѣ

Digitized by Google

ея измученнаго лица и слезъ, ему и самому начинало казаться все это чѣмъ-то очень сложнымъ, какъ будто онъ въ чемъ-то такъ запутался, что не можетъ и не умѣетъ даже найти исхода.

— Ну, полно же... проговорилъ онъ, наконецъ, подходя къ ней. Въ глубинѣ души онъ все-таки чувствовалъ къ ней нѣкоторую нѣжность и ему было ее жаль. Онъ ласково отвелъ ея руки отъ заплаканнаго лица и поцѣловалъ ихъ въ ладони.

Она тихо всхлипывала, положивъ голову на его плечо и изрѣдка поднося его руку къ своимъ губамъ.

— Вѣдь мы и раньше ожидали этого, пугаться особенно нечего...

Марья Сергѣевна глядѣла на его лампу, на письменный столъ съ портретомъ какой-то тетки, на его дорогую ей руку, лицо... и мысль, что имъ придется лгать, притворяться, изворачиваться, наполняла ее и горечью, и стыдомъ, и отвращеніемъ.

— Теперь все кончится... сказала она вслухъ свою мысль, думая о томъ, что въ ихъ отношеніяхъ кончится все хорошее, что̀ она такъ любила, что̀ было ей такъ дорого.

— Э, глупости! ничего не кончится, если ты сама не испортишь всего.

Онъ долго и много говорилъ ей, хотя и не былъ увѣренъ, понимаетъ ли она его и съумѣетъ ли исполнить свою роль согласно его

Digitized by Google

ученію, и внутренно досадовалъ на нее: точно ребенокъ!.. даже странно: женщина, а хитрости ни на грошъ!

Ему рѣдко приходилось «учить» своихъ подругъ, а если и случалось наставлять болѣе неопытныхъ, то ученицы схватывали всю премудрость на лету и выучивались съ перваго же урока, «а эту, Богъ вѣсть, когда надоумишь!»

И онъ съ легкимъ раздраженіемъ, искоса, взглядывалъ на нее. Она сидѣла на диванѣ, тяжело опершись головой на одну руку. По ея, точно вдругъ осунувшемуся, лицу разлились желтоватыя, болѣзненныя тѣни, а полная фигура ея, тяжело и неграціозно согнувшаяся и даже самое лицо, обыкновенно такое прелестное, въ эту минуту показались ему некрасивыми и непривлекательными.

«Теперь дурнѣть еще начнетъ!» подумалъ онъ съ неудовольствіемъ, «начнутся эти вѣчныя слезы, упреки, терзанія и чрезъ годъ, глядишь, старухой будетъ... Нѣтъ, все-таки эти тридцатилѣтнія женщины ужасно непрочны въ своей красотѣ, держатся-держатся, да вдругъ разомъ и поблекнутъ».

— Во всякомъ случаѣ ужаснаго еще ничего не случилось, да, быть можетъ, и вовсе ничего особеннаго не случится, сказалъ онъ, ходя изъ угла въ уголъ.

— Ты думаешь...— Марья Сергѣевна тихо подняла голову и съ тоскливою задумчивостью взглянула на него.—А я... боюсь... что впе-

Digitized by Google

реди намъ, быть можетъ, предстоитъ нѣчто еще болѣе ужасное...

Вабельскій остановился мимоходомъ и тревожно взглянулъ на нее. Въ ея словахъ ему послышалось что-то подозрительное, что̀ вдругъ какъ-то непріятно подѣйствовало на него.

— То есть что̀ же это... нѣчто еще болѣе ужасное?

Марья Сергѣевна молчала, не глядя на него, какъ будто нарочно избѣгая его взгляда, и въ ея лицѣ было что-то странное, страдающее и недосказанное.

Вабельскій все тревожнѣе и пытливѣе смотрѣлъ на нее.

— Маня... что же...

Она нервно хрустнула пальцами и вдругъ быстро встала съ дивана.

— Ахъ, я не знаю еще...

И, отойдя въ самую глубь комнаты, наклонилась надъ стуломъ, поднимая съ него свой платокъ, такъ что все ея лицо приходилось въ тѣни, и Викторъ Алексѣевичъ не могъ разсмотрѣть не только его выраженія, но даже плохо различалъ сливавшіяся въ полусвѣтѣ черты его.

Она знала, что онъ не видитъ ее, и въ эту минуту это было для нее пріятно. Она чувствовала какое-то странное состояніе въ душѣ. Ей было стыдно мучительнымъ, тяжелымъ стыдомъ и оттого, что она угадывала въ себѣ, и оттого, что должна была высказать ему вслухъ мысль, при которой вспыхи-

Digitized by Google

вала даже наединѣ сама съ собой. Ей было горько и обидно инстинктивное сознаніе, что ему это непріятно и въ то же время гдѣ-то въ самой глубинѣ ея души шевелилось теплое и радостное чувство. Сознаніе, что она можетъ быть беременною, охватывало ее ужасомъ и отчаяніемъ, но мысль, что это будетъ его ребенокъ, невольно умиляла ее.

Наконецъ, она завернулась въ свой платокъ и подошла къ нему. Онъ стоялъ все также угрюмо и сумрачно опершись на край стола. Марья Сергѣевна тихо провела рукой по его лбу и, отстранивъ съ него курчавую прядь волосъ, взглянула ему прямо въ глаза...

Да, онъ не хочетъ... ему непріятно это... но...

Но въ эту минуту, она какъ бы чувствовала въ себѣ часть его существа и это дѣлало и его самого такимъ близкимъ и дорогимъ ей, что она невольно прощала ему все и даже самое его недовольство и нежеланіе, всегда такъ мучительно обидное и горькое для женщины... и, прощая ему все, безконечно любя его, она взяла его руку и горячо поцѣловала ее.

XVI.

Вернувшись отъ Вабельскаго около девяти часовъ, Марья Сергѣевна прошла прямо къ себѣ въ комнату. Викторъ Алексѣевичъ обѣщалъ все-таки прійти къ нимъ къ девяти часамъ, пить чай.

Наташа была въ своей комнатѣ. Марья Сер-

Digitized by Google

гѣевна понимала, что тянуть дольше нельзя и нужно сказать дочери сейчасъ же, что завтра пріѣзжаетъ отецъ. Она поднялась наверхъ къ Наташѣ и тихо растворила дверь.

— Ты все учишься?—спросила Марья Сергѣевна, только для того, чтобы начать какъ нибудь, но голосъ ея звучалъ ласковѣе, чѣмъ обыкновенно за послѣднее время: не смотря на ощущаемыя ею смущеніе и неловкость, она въ эту минуту, вся размягченная нравственно, чувствовала и къ дочери возвратъ прежней теплоты и нѣжности. Въ своемъ страданіи и смятеніи все ея существо инстинктивно требовало утѣшенія и ласки. И, подойдя къ дочери, она нѣжно прижала къ себѣ ея голову и горячо поцѣловала ее въ лобъ.

— Завтра пріѣдетъ папа, тихо проговорила она.

Наташа вздрогнула и взглянула на мать испуганными глазами.

— Папа?—тихо повторила она.

Марья Сергѣевна кивнула головой, и нѣсколько мгновеній онѣ молча глядѣли въ глаза другъ друга, внутренно сознавая, что каждая изъ нихъ хорошо понимаетъ всю важность его возвращенія «теперь», и Марьѣ Сергѣевнѣ казалось, что эти милые глаза, затеплившіеся вдругъ такою любовью и нѣжностью, сейчасъ заплачутъ; ей невольно вспомнилось, какъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она сильно обрѣзала себѣ руку и какъ стоявшая тогда подлѣ нея маленькая На-

Digitized by Google

таша, молча, съ ужасомъ глядѣла на эту руку, вся побѣлѣвъ, съ дрожащею челюстью и съ этимъ же самымъ выраженіемъ испуга, жалости, любви и боли, какъ будто ей самой было больно.

«Да, она понимаетъ», думала Марья Сергѣевна съ нѣжнымъ, благодарнымъ чувствомъ, «и жалѣетъ... Она любитъ и не переставала любить меня... и теперь это сказалось... А я-то... я-то...»

И, притянувъ дочь еще ближе, она хотѣла опять поцѣловать ее, но Наташа, не дожидаясь ея движенія, вдругъ сама быстро закинула руки къ ней на шею и, вся прижавшись къ ней, крѣпко поцѣловала ее. Такъ цѣловала она ее бывало еще въ дѣтствѣ, когда хотѣла утѣшить мать въ чемъ нибудь и не умѣла подобрать словъ для выраженія своей любви...

Надорванные нервы Марьи Сергѣевны не выдержали и, припавъ головой на плечо дочери, она вдругъ горько зарыдала...

— О, мамочка... милая... не надо...

Марья Сергѣевна чувствовала нѣжные поцѣлуи дочери и тихое прикосновеніе ея рукъ на своемъ лицѣ и какое-то умиленное, блаженное и радостное чувство охватывало ее все сильнѣе и сильнѣе... Все ея существо жаждало прощенія отъ этого чистаго существа, которое въ эту тяжелую минуту точно вновь вернуло ей всю свою прошлую любовь.

Часто потомъ, много времени спустя, Марья Сергѣевна, вспоминая эти минуты, думала,

Digitized by Google

что еслибъ онѣ тогда продлились, то вся ея жизнь пошла бы, быть можетъ, иначе и чувство, охватившее ее въ то время, не могло бы угаснуть такъ быстро и, быть можетъ, вернуло бы снова ее къ дочери и мужу...

Но дверь слегка пріотворилась и въ ней показалась фигура Ѳени.

— Викторъ Алексѣевичъ пришли и просятъ васъ внизъ...

Марья Сергѣевна вздрогнула и, поднявъ голову, взглянула на Ѳеню.

Она чувствовала, что вся душа ея еще полна этимъ чуднымъ состояніемъ, и ей хотѣлось продлить его, но въ то же время она инстинктивно сознавала, что оно уже разрушено и вернуть его невозможно.

Когда Ѳеня сказала, что пришли Викторъ Алексѣичъ и просятъ ее внизъ, Марья Сергѣевна почувствовала, какъ рука Наташи вздрогнула и крѣпко сжала ея руку своими холодными пальчиками, точно стараясь удержать и боясь отпустить ее отъ себя.

— И чай въ столовой уже поданъ... равнодушно продолжала Ѳеня и, подошедши къ Наташиной кровати, стала приготовлять ее на ночь.

Марья Сергѣевна слегка потянула свою руку отъ дочери и Наташа вдругъ, молча, выпустила ее и отодвинулась отъ матери. Марья Сергѣевна чувствовала, что ей не нужно уходить теперь, а лучше остаться съ Наташей, и что тогда, быть можетъ, между ними кончится все то тяжелое

Digitized by Google

и натянутое, что въ послѣднее время какъ бы стѣною стояло между ними. Но непреодолимая сила тянула ее внизъ и, смущенно наклонившись къ дочери, она нѣжно, съ виноватымъ выраженіемъ въ глазахъ, поцѣловала ее еще разъ, какъ бы прося ее простить за то, что уходитъ...

Но этотъ поцѣлуй уже не былъ такимъ горячимъ и нѣжнымъ, какъ тотъ, которымъ онѣ обмѣнялись за минуту назадъ...

XVII.

Марья Сергѣевна вмѣстѣ съ Наташей встрѣчали Павла Петровича на желѣзной дорогѣ. Когда поѣздъ подходилъ, Марья Сергѣевна сильно волновалась. Ей казалось, что какъ только поѣздъ подойдетъ и мужъ выйдетъ изъ вагона, сразу же начнется что-то страшное, отвратительное. Но когда поѣздъ подошелъ и Павелъ Петровичъ вышелъ на платформу, она спокойно и съ улыбающимся лицомъ пошла ему навстрѣчу, привѣтливо протягивая руку. Обмѣнявшись первыми поцѣлуями и привѣтствіями, она шла рядомъ съ нимъ просто и даже весело, удивляясь и своему спокойствію, и той простотѣ лжи, которая вдругъ явилась въ ней и дѣлала ее естественною и непринужденною.

Вокругъ нея сновалъ народъ, раздавались возгласы, привѣтствія, выкрикиванія носильщиковъ и комиссіонеровъ изъ разныхъ гостин-

Digitized by Google

ницъ, — и Марья Сергѣевна нарочно медлила, стараясь оставаться на вокзалѣ какъ можно дольше, инстинктивно понимая, что тутъ, среди суетни и чужого люда, ей легче быть «такою», нежели оставшись съ нимъ наединѣ. Но, наконецъ, все было готово, вещи принесены изъ багажнаго отдѣленія, экипажъ нанятъ и носильщикамъ заплачено.

— Ну, ѣдемъ же, ѣдемъ, говорилъ Павелъ Петровичъ, протягивая руку женѣ и торопливо направляясь къ выходу. Онъ поминутно оборачивалъ свое запыленное и какъ будто еще болѣе пожелтѣвшее съ дороги лицо то къ женѣ, то къ Наташѣ и, радостно улыбаясь, пожималъ имъ обѣимъ руки.

Они вышли, наконецъ, въ залу, гдѣ было просторнѣе и тутъ онъ рѣшилъ, что поѣдетъ домой, переодѣнется и отправится оттуда прямо въ департаментъ, гдѣ ожидалъ найти очень спѣшныя и важныя бумаги.

Марья Сергѣевна въ душѣ была этимъ очень довольна.

— Значитъ, мы тебѣ сейчасъ не нужны?

— Значитъ, не нужны, отвѣчалъ онъ, ласково цѣлуя ея руку и съ улыбкой взглядывая на Наташу.—И потому мой вамъ совѣтъ, поѣзжайте сейчасъ же на дачу, а къ пяти часамъ и я пріѣду, и надѣюсь, что вы меня хорошо накормите; я, признаюсь, все это время по этимъ разнымъ дорогамъ отвратительно ѣлъ.

Когда жена съ дочерью отъѣхали отъ него

Digitized by Google

на нѣсколько саженъ, онъ съ минуту еще оставался на подъѣздѣ вокзала, смотря имъ вслѣдъ. Наташа обернула къ нему свое раскраснѣвшееся личико и кивала ему головой, на мгновеніе обернулась и Марья Сергѣевна.

— Милыя мои!... подумалъ вдругъ Павелъ Петровичъ, и это слово, и сознаніе, что онъ «вернулся», и улыбающіяся ему издали лица жены и дочери все какъ-то разомъ подѣйствовало на него... Онъ чувствовалъ себя такъ безконечно счастливымъ и сознаніе своего счастія растрогивало его и охватывало благодарностью ко всѣмъ и ко всему, что было источникомъ этого счастія...

Марья Сергѣевна поѣхала съ Наташей сначала по разнымъ магазинамъ; она насильно хотѣла заставить себя какъ нибудь забыться хоть ненадолго, и потому нарочно схватилась за покупку разныхъ вещей, нужныхъ для ея и Наташиныхъ осеннихъ костюмовъ.

«Наташѣ нужно будетъ», думала она, «одно коричневое платье для гимназіи и еще какое нибудь для дома, простенькое... сѣренькое, отдѣлать можно будетъ... но отчего же мнѣ не страшно?... и отчего во мнѣ вдругъ пропало и то отчаяніе, и тотъ ужасъ, который я чувствовала еще вчера? И потомъ... отчего я не чувствую ни неловкости, ни стыда передъ нимъ? Какъ будто мнѣ все равно или какъ будто ничего не случилось...» Ея мысль возвращалась къ этимъ вопросамъ помимо ея воли и желанія и, ловя

Digitized by Google

себя на нихъ она снова съ досадой и нетерпѣніемъ старалась перенестись мысленно на что нибудь другое. Въ лавкѣ она очень долго выбирала различныя матеріи, спокойно и задумчиво драпировала ихъ въ красивыя складки и даже прикладывала къ лицу Наташи, рѣшая, пойдутъ онѣ къ ней или нѣтъ.

Наташа стояла больше молча, не совсѣмъ охотно помогая матери въ ея выборахъ и порой только взглядывая на нее съ легкимъ недоумѣніемъ, какъ будто чего-то не понимая и чему-то удивляясь.

Наконецъ, Марья Сергѣевна выбрала все, что нужно, и приказчикъ началъ отмѣривать. Она машинально глядѣла, какъ его руки быстро и ловко обтягивали вокругъ деревяннаго аршина мягкія полотнища матеріи.

«И какое у него было лицо, когда онъ стоялъ на подъѣздѣ и глядѣлъ имъ вслѣдъ?» вдругъ пришло ей въ голову.

— Двадцать аршинъ?—переспросилъ приказчикъ.

Она слегка кивнула головой.

«Да, конечно, онъ любитъ», продолжала она думать, мысленно припоминая его лицо. «Но его любовь не увлекаетъ... въ ней чего-то недостаетъ... Его нельзя любить безумно, потому что женщина, которую онъ любитъ, невольно чувствуетъ, что онъ и самъ не можетъ любить до безумія, увлекаться до забвенія... У него всегда будетъ чувствоваться эта граница, послѣ

Digitized by Google

которой онъ говоритъ себѣ: дальше нельзя! и не пойдетъ...».

Къ пяти часамъ аккуратно Павелъ Петровичъ пріѣхалъ на дачу. Обѣдъ былъ поданъ на балконѣ и яркіе лучи солнца, переломляясь на хрустальныхъ рюмкахъ и стаканчикахъ, бѣгали радужными зайчиками по бѣлой гладкой скатерти. Марья Сергѣевна встрѣтила Павла Петровича еще въ саду и съ улыбкой подставила къ его губамъ свой бѣлый душистый лобъ.

— Ну, вотъ я и дома! — радостно сказалъ Павелъ Петровичъ, оглядывая и жену, и знакомый садикъ, и балконъ дачи, на которой они жили уже шестой годъ, и свое любимое большое кресло, темнаго сафьяна, стоявшее на «его» мѣстѣ у обѣденнаго стола.—Здравствуйте, милая Ѳеня, здравствуйте!—прибавилъ онъ, увидѣвъ ее.

Ѳеня поклонилась не то любезно, не то насмѣшливо.

— А гдѣ же Наташа?

— Барышня у себя-съ, прикажете позвать?

— Да, да, пожалуйста, и давайте скорѣй обѣдать, я ужасно проголодался.

Ѳеня ушла, прошуршавъ своимъ густо накрахмаленнымъ платьемъ и, проходя по гостиной, чему-то зло усмѣхнулась.

— Не ждешь, миленькій...

Павелъ Петровичъ подошелъ къ женѣ и, обнявъ ее рукой, слегка откинулъ ея голову и крѣпко поцѣловалъ въ самыя губы.

Digitized by Google

Марья Сергѣевна чуть-чуть вспыхнула, но не отодвинулась отъ мужа и спокойно смотрѣла въ его лицо, какъ будто слегка смѣющимися глазами.

— Ты не знаешь, Marie, какое счастье вернуться послѣ всѣхъ этихъ странствій въ свой уголокъ, говорилъ Павелъ Петровичъ, — ты никогда не уѣзжала изъ дома и не понимаешь этого чувства...

— Нѣтъ, отчего же... я понимаю...

Она тихо освободила свою талію отъ его руки и, отойдя къ столу, начала приготовлять какой-то салатъ, низко наклоняя надъ нимъ свое краснѣющее лицо. Она не чувствовала ни страха, ни отчаянія, ни даже тоски, какъ ожидала, но его ласки и поцѣлуи стѣсняли и конфузили ее, какъ бы ласки посторонняго ей человѣка.

— Ну, вотъ и Наташа!

Павелъ Петровичъ усадилъ дочь рядомъ съ собой. Марья Сергѣевна разливала любимый раковый супъ Павла Петровича, и даже этотъ супъ былъ ему особенно пріятенъ, какъ внимательная заботливость жены. Противъ своего обыкновенія, Павелъ Петровичъ говорилъ очень много, разсказывалъ о своей поѣздкѣ, дѣлахъ и даже министерствѣ, что обозначало у него наилучшее расположеніе духа, и Марья Сергѣевна была очень рада его разговорчивости, дававшей ей возможность больше молчать и только слушать его съ внимательнымъ и ласковымъ видомъ. Но въ душѣ она волновалась.

Digitized by Google

— Сейчасъ, тревожно думала она,—онъ спроситъ меня, что мы безъ него подѣлывали; онъ всегда, всѣ пятнадцать лѣтъ каждый разъ это спрашивалъ... но теперь это будетъ самое тяжелое изо всего.

И Павелъ Петровичъ, точно дѣйствительно спѣша оправдать ея ожиданія, заботливо спросилъ:

— Ну, а вы что подѣлывали безъ меня?

— Ничего... отвѣчала Марья Сергѣевна спокойно,—что и всегда...

И даже слегка пожала плечами, какъ будто желая сказать этимъ: что же мы могли подѣлывать особеннаго?

— Ну, а Наташа? Ты какъ?

Наташа быстро вскинула глаза и, вся покраснѣвъ, снова торопливо опустила ихъ на тарелку.

Но Павелъ Петровичъ ничего не замѣчалъ.

— Экзамены прошли, конечно, отлично? Ты у меня вѣдь умница, моя дѣвочка? Я нахожу, что вы обѣ очень поправились и поздоровѣли нынѣшнее лѣто... даже могу сказать комплиментъ, продолжалъ онъ. — Не только поправились, но и похорошѣли обѣ... Marie особенно...

Марья Сергѣевна засмѣялась съ едва замѣтною принужденностью.

— Очень любезно! Остается только благодарить...

— Нѣтъ, право, очень похорошѣла и притомъ у тебя въ лицѣ явилось что-то новое... я

Digitized by Google

не знаю что... но что-то есть. Можетъ быть это отъ костюма, вы обѣ такія нарядныя, вѣрно для моего пріѣзда... Впрочемъ, сегодня ужъ такой удачный день, даже обѣдъ какъ-то особенно вкусенъ.

— Все твои любимыя блюда.

— Да, я это ужъ замѣтилъ, прибавилъ онъ шутливо,—и все это вмѣстѣ даетъ мнѣ право чувствовать себя сегодня въ нѣкоторомъ родѣ героемъ дня. Но мнѣ не нравится только одно: моя дѣвчурка стала ужасно молчалива; прежде по поводу моихъ возвращеній ея восторгъ выражался болѣе буйнымъ образомъ...

Марья Сергѣевна бросила бѣглый, пытливый взглядъ на дочь и на мужа, но слегка испуганное при этомъ выраженіе ея глазъ перешло почти сейчасъ же въ улыбку.

— Ростетъ... становится застѣнчивѣе... Всѣ дѣвушки застѣнчивы въ пятнадцать лѣтъ.

— Да, молодое ростетъ, а старое старится!— согласился съ легкимъ вздохомъ Павелъ Петровичъ.—Приходится уступать дорогу; но ты, Marie, не старишься, ты все такая же, какъ была и пятнадцать лѣтъ тому назадъ, даже, пожалуй, еще лучше!

Марья Сергѣевна насмѣшливо засмѣялась.

— Вотъ истинно «мужнинъ» комплиментъ! Кто говоритъ женщинѣ о годахъ, да еще желая сказать ей любезность? Нѣтъ, ты неисправимъ.

— Что дѣлать, Marie, говоря правду, я ни-

Digitized by Google

когда не умѣлъ говорить комплиментовъ. Сознаюсь. Помню даже, кузина Софи еще десять лѣтъ назадъ говорила, что я немыслимъ для женщинъ въ иной роли какъ только мужа...

Марья Сергѣевна вдругъ быстро приподняла голову и въ ея глазахъ пробѣжала какая-то загадочная и точно злая улыбка.

— Быть можетъ, она права... Да, но я все-таки нахожу, прибавила она послѣ маленькаго молчанія со своею насмѣшливою улыбкой, которой Павелъ Петровичъ совсѣмъ не помнилъ у нея прежде,—что я даже и права еще не имѣю стариться. Во всякомъ случаѣ для роли «жены» я не могу еще быть стара въ мои тридцать три года, тѣмъ болѣе, что я знаю многихъ мужчинъ, которые и въ тридцать шесть играли роль молодыхъ людей и жениховъ.

— Ого!—Павелъ Петровичъ разсмѣялся совсѣмъ уже весело и громко.—Даже у моей кроткой Marie выростаютъ коготки, когда нескромно заговорятъ о лѣтахъ. Что значитъ быть женщиной!... Хотя, спѣшу прибавить, пользуясь моимъ праздничнымъ настроеніемъ духа: прелестною женщиной!

— Не будемъ брать на себя чужихъ ролей.

И съ легкою насмѣшливою гримаской Марья Сергѣевна быстро встала изъ-за стола и отодвинула свой стулъ, давая этимъ понять, что обѣдъ конченъ.

Наташа поспѣшила уйти все съ тѣмъ же стыдливымъ и смущеннымъ выраженіемъ на лицѣ,

Digitized by Google

точно въ душѣ ей было совѣстно за ихъ разговоръ...

Павелъ Петровичъ задумчиво и нѣжно смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Она очень выросла и перемѣнилась, сказалъ онъ и, помолчавъ немного, снова подошелъ къ женѣ и обнялъ ее.

Онъ чувствовалъ сегодня какой-то особенный наплывъ нѣжности и любви къ женѣ. Ему все нравилось въ ней даже самый тонъ ея, слегка насмѣшливый, которымъ она раньше никогда не говорила съ нимъ, дѣлалъ ее въ его глазахъ еще интереснѣе и привлекательнѣе, и онъ со страстнымъ восторгомъ цѣловалъ ее...

А Марья Сергѣевна съ испугомъ и удивленіемъ глядѣла на его раскраснѣвшееся лицо и точно не узнавала его. Эти глаза, замутившіеся страстью, горячія губы, цѣловавшія ее, и даже самыя руки, обвивавшіяся вокругъ ея таліи, казались ей какимъ-то оскорбленіемъ, насиліемъ, и, съ трудомъ удерживая въ себѣ слезы, она до-боли закусывала свои побѣлѣвшія губы и не чувствовала уже больше предъ нимъ ни стыда, ни страха, ни угрызеній совѣсти, а только злость и отвращеніе.

XVIII.

Августъ былъ уже въ концѣ; стоявшая все время прекрасная погода вдругъ измѣнилась и дождь полилъ почти безостановочно. Все небо обложило хмурыми, сѣдыми облаками, и въ этой

Digitized by Google

безконечно однообразной сѣрой пеленѣ, нависшей надъ мокрою отъ дождей землей, не проскальзывало ни одного солнечнаго луча, не проглядывало нигдѣ свѣтлаго клочка синевы. Осень наступала быстро и сразу послѣ лѣтней жары. Все потянулось съ дачи обратно въ городъ и по всѣмъ закоулкамъ и улицамъ ползли огромные возы съ мебелью. Все больше оголялись деревья, сдергивались со всѣхъ балконовъ бѣлыя маркизы и обрывались въ палисадникахъ уѣзжавшими дачниками послѣдніе измокшіе на дождѣ цвѣты. Опустошенныя дачи стояли съ раскрытыми настежъ дверями, дождь уныло барабанилъ въ окна и крупныя капли его, точно слезы, катились по стекламъ. Вѣтеръ, стуча и хлопая оторванными кое-гдѣ ставнями, глухо шумѣлъ и завывалъ на вздувшемся, почернѣломъ озерѣ, вспѣнивая на немъ бѣленькіе гребешки, и со свистомъ налеталъ на деревья, сердито пригибая ихъ къ землѣ.

А между тѣмъ Марья Сергѣевна, подъ разными благовидными предлогами, откладывала день за днемъ свой переѣздъ, не смотря на то, что Павелъ Петровичъ, вернувшійся слишкомъ поздно для того, чтобы переѣзжать на дачу, жилъ въ городѣ и каждый свой визитъ просилъ и жену перебираться скорѣе.

Но Вабельскій еще оставался на дачѣ и видѣться имъ съ Марьей Сергѣевной тутъ было гораздо удобнѣе чѣмъ въ городѣ, а потому она и затягивала насколько возможно свой переѣздъ.

Digitized by Google

Наступило уже тридцатое число. Наташѣ давно пора было въ гимназію, Павелъ Петровичъ торопилъ все настоятельнѣе и рѣшительнѣе, откладывать становилось невозможно и сознаніе этой невозможности раздражало и пугало Марью Сергѣевну.

Очутиться въ городѣ, въ одной квартирѣ съ мужемъ, постоянно быть вмѣстѣ съ нимъ, выносить его ласки, лгать, притворяться всегда, каждую минуту, и наконецъ — что было для нея хуже всего — потерять возможность видѣть Вабельскаго не только уже каждый день, но даже болѣе или менѣе часто, все это заранѣе мучило ее и она предчувствовала, что на такую игру у нея не достанетъ ни характера, ни умѣнья.

Непринужденность ея лжи предъ мужемъ, на первыхъ порахъ, удивляла ее самоё, но съ каждымъ ихъ новымъ свиданіемъ эта маска притворства становилась ей все тяжелѣе и отвратительнѣе. Та злость и отвращеніе, которыя она почувствовала къ мужу въ первый день по пріѣздѣ его, начинали проявляться въ ней все съ бо́льшею силой. Она постоянно переходила отъ раскаянія къ озлобленію.

Когда мужа не было съ ней, она сознавала, какъ много виновата предъ нимъ, и съ мучительною болью чувствовала всю низость и подлость своего поведенія. Но когда онъ пріѣзжалъ и особенно въ тѣ минуты, когда онъ былъ наиболѣе нѣженъ съ нею, безсильная злость и отвращеніе тотчасъ овладѣвали ею. Она него-

Digitized by Google

довала на него за то, что должна лгать и притворяться съ нимъ, за то, что онъ имѣлъ всѣ «законныя» неотъемлемыя права любить ее и отъ нея требовать того же, за то, что принадлежала ему, тогда какъ все ея существо возмущалось противъ этого и рвалось къ другому человѣку, котораго она не только не смѣла открыто признавать своимъ, но и невольно краснѣла предъ каждымъ за краденое чувство.

Чѣмъ сильнѣе сознавала она все это, тѣмъ безумнѣе любила Вабельскаго, и чѣмъ больше любила она его, тѣмъ сильнѣе чувствовала къ мужу отвращеніе. Она утѣшалась только тѣмъ, что Павелъ Петровичъ, занятый болѣе чѣмъ когда нибудь своими дѣлами и службой, пріѣзжалъ на дачу не болѣе двухъ разъ въ недѣлю.

Викторъ Алексѣевичъ Вабельскій очень интересовался «положеніемъ дѣлъ съ мужемъ», какъ онъ шутя говорилъ порой Марьѣ Сергѣевнѣ и, слушая ея откровенные обо всемъ разсказы, приходилъ въ пріятное удивленіе. Положительно, онъ не ожидалъ отъ нея такой ловкости.

Она разсказывала ему все, находя какое-то наслажденіе раскрывать ему всю свою душу и изливать предъ нимъ всю свою муку. Когда она призналась ему въ своемъ отвращеніи къ мужу, Вабельскій почувствовалъ какое-то безотчетное удовольствіе. До сихъ поръ онъ никогда не ревновалъ къ мужьямъ, признавая ихъ законныя права, но Павелъ Петровичъ и его

Digitized by Google

нѣжность къ женѣ какъ-то странно коробили его. Онъ предпочелъ бы, чтобы мужа совсѣмъ не было въ данномъ случаѣ. Онъ не желалъ ни жениться на Марьѣ Сергѣевнѣ, ни открыто сойтись съ ней навсегда, но въ то же время чувствовалъ, что ему было бы пріятнѣе, еслибъ она принадлежала ему одному. Постоянная боязнь за свои къ ней отношенія и возможность даже конца ихъ, въ случаѣ, еслибы Павелъ Петровичъ узналъ что нибудь, вовсе не нравились ему.

Порой ему казалось, не будетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, лучше, если Марья Сергѣевна разойдется съ мужемъ. Многими своими сторонами эта мысль нравилась ему, но боязнь, что тогда ихъ отношенія могутъ принять слишкомъ серьезный характеръ и даже, пожалуй, затянуться навсегда—останавливала его.

Марьѣ Сергѣевнѣ уже давно приходило подобное желаніе, но остановиться на немъ окончательно она все еще не рѣшалась.

«Разойтись съ мужемъ»—въ душѣ она только о томъ и мечтала, но сдѣлать это сейчасъ же и сразу у нея недоставало смѣлости и характера. Къ тому же, мысль о Наташѣ поневолѣ останавливала ее. Марья Сергѣевна предчувствовала, что мужъ, узнавъ все, не легко отдастъ ей дочь, и эта мысль сильнѣе всего другого мѣшала ей рѣшиться. Тѣмъ не менѣе она все чего-то ждала, предчувствуя, что конецъ уже близокъ, что тянуть подобную лямку долго

Digitized by Google

у нея недостанетъ силы и потому все это какъ нибудь скоро кончится.

Чѣмъ кончится, какимъ образомъ,—все это ей представлялось какъ-то неясно, но что оно должно кончиться, это она хорошо сознавала и предчувствовала, что конецъ долженъ наступить именно въ городѣ.

Наконецъ, Павелъ Петровичъ, не понимавшій медленія Марьи Сергѣевны, потребовалъ очень рѣшительно и даже съ легкимъ неудовольствіемъ, чтобы переѣздъ состоялся въ началѣ слѣдующей же недѣли. У Наташи пропускались занятія, и хотя Марья Сергѣевна и говорила, что ходить дѣвочкѣ въ гимназію все равно будетъ нельзя, такъ какъ у нея болѣло горло и она кашляла, но Павелъ Петровичъ на это только поморщился. Онъ не любилъ, когда по такимъ, въ сущности еще не серьезнымъ причинамъ, Наташа манкировала классами.

— Да и во всякомъ случаѣ ея кашель въ городѣ пройдетъ, вѣроятно, гораздо скорѣе чѣмъ тутъ. У тебя, Наташа, очень болитъ горло?—обратился онъ къ дочери.

Наташа немного вспыхнула, что вообще за послѣднее время съ ней случалось очень часто во время разговоровъ съ отцомъ и, вопросительно взглянувъ на мать, отвѣтила не совсѣмъ рѣшительно:

— Не очень, папа... но... болитъ.

Павелъ Петровичъ слегка пожалъ плечами.

— Ну, вотъ видишь! Значитъ задерживать

Digitized by Google

это не можетъ. Я ничего бы не имѣлъ противъ того, чтобы вы оставались на дачѣ подольше, еслибы погода была хороша, но теперь... Итакъ рѣшено, я васъ жду не позже среды. Трехъ дней достаточно для укладки. И къ тому же... къ тому же, моя дорогая, я такъ долго былъ лишенъ твоего и Наташинаго общества, что буду очень радъ очутиться въ немъ снова, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!—прибавилъ онъ уже болѣе нѣжно, цѣлуя руку жены.

Марья Сергѣевна молчала и хотя не отнимала отъ мужа своей руки, но онъ замѣчалъ, что въ ея лицѣ было что-то угрюмое и недовольное, невольно удивлявшее его.

XIX.

Наконецъ переѣхали въ городъ. Дни стояли такіе сумрачные, холодные и дождливые, что напоминали глубокую осень, и подъ этимъ вліяніемъ погоды Марьѣ Сергѣевнѣ, въ своихъ уютныхъ и такъ любимыхъ прежде комнатахъ, казалось теперь еще мрачнѣе. Въ прежніе годы, тотчасъ по переѣздѣ съ дачи, она всегда съ особенною любовью и заботливостью принималась за уборку своей квартиры «по-зимнему». Теперь же, какъ бы чувствуя себя на бивуакахъ, она слѣдила за всѣмъ этимъ апатично и нехотя.

— Къ чему?... спрашивала она себя,—не все ли равно?...

Digitized by Google

Первые дни Павелъ Петровичъ ни въ женѣ, ни въ начавшейся съ ея переѣздомъ домашней жизни не замѣчалъ ничего особеннаго. Наташа все такъ же ходила въ гимназію, онъ все такъ же ѣздилъ каждый день на службу, работы за его отсутствіе накопилось такъ много, что ему приходилось заниматься даже и по вечерамъ, и потому при всемъ его желаніи проводить съ женой побольше времени онъ не могъ этого дѣлать, зарабатываясь въ министерствѣ, или въ своемъ кабинетѣ. Но, приходя порой въ комнату жены посидѣть съ ней немного и приглядываясь къ ней, онъ находилъ ее если и не странною, то во всякомъ случаѣ словно какою-то больною.

Павелъ Петровичъ замѣчалъ, что Марья Сергѣевна похудѣла, осунулась, какъ будто втайнѣ о чемъ-то хандрила, но приписывалъ это ея немного болѣзненному состоянію и скверной осенней погодѣ, всегда дурно дѣйствовавшей на нее.

Наташа болѣе удивляла его. Она не приходила, какъ въ прошлыя зимы, заниматься по вечерамъ въ его кабинетъ, не читала ему газетъ и докладовъ, не болтала съ нимъ о своихъ дѣлахъ и гимназіи, даже, повидимому, не интересовалась больше его службой, и порой ему казалось даже, что она почему-то стѣсняется и нарочно избѣгаетъ его. Это и удивляло, и огорчало Павла Петровича. Не зная, чему приписать въ ней подобную перемѣну, онъ не разъ хотѣлъ

Digitized by Google

поговорить съ ней, но множество дѣлъ и занятій все мѣшали ему, не оставляя почти свободной минуты, и онъ мысленно рѣшилъ отложить объясненіе до тѣхъ поръ, пока онъ ясно убѣдится, что перемѣна въ ней, дѣйствительно, произошла, а не кажется лишь ему.

Наташа видѣла, что отецъ замѣчаетъ ея странное для него поведеніе и огорчается имъ, и когда ей приходило въ голову, что онъ, быть можетъ, думаетъ, будто она чуждается его потому, что разлюбила его, ей дѣлалось такъ больно и такъ мучительно жалко и его, и себя, что она готова была со слезами броситься къ нему на шею и увѣрить, что она не только не переставала любить его, но любитъ даже больше и горячѣе, чѣмъ когда бы то ни было. И боясь это сдѣлать невольно, она нарочно старалась избѣгать его.

Страстно любя, но въ то же время и страстно ревнуя мать, она съ мучительною тоской наблюдала за ней все лѣто. Она подмѣчала каждое ея слово, каждый влюбленный взглядъ матери, брошенный на Вабельскаго, вслушивалась даже въ самый голосъ ея, звучавшій въ разговорѣ съ нимъ особенно мягко и нѣжно, и ревнивымъ чутьемъ угадывая силу любви матери къ Вабельскому, оскорблялась ею, не будучи въ состояніи понять, какъ ея мать можетъ любить чужого человѣка больше чѣмъ ее, Наташу.

Порой чувство этого оскорбленія и обиды доводило ее до негодованія на мать и до ожесто-

Digitized by Google

ченія противъ Вабельскаго. Иногда она, точно желая разбередить свою боль, мысленно представляла себѣ этого ненавистнаго ей человѣка наединѣ съ матерью и тогда, подъ гнетомъ мучительнаго стыда и ревности, не желая дѣлить ея любовь съ этимъ человѣкомъ, дѣлалась къ Марьѣ Сергѣевнѣ еще холоднѣе, еще дальше отходила отъ нея.

Веселый видъ Марьи Сергѣевны и счастье, написанное на ея лицѣ, которое порой она не могла скрыть въ себѣ, еще больше возмущали дѣвочку. Иногда, видя, что Марья Сергѣевна одѣвается съ особеннымъ стараніемъ, Наташа слѣдила за ней, думая: «это для него!» и съ гордымъ презрѣніемъ окидывала глазами нарядный и изящный туалетъ матери, надѣвавшійся для ея врага.

Еще годъ тому назадъ, на этой же самой дачѣ, Наташа зачастую бѣгала и шалила какъ настоящій ребенокъ; теперь же она почти по цѣлымъ днямъ сидѣла одна у себя въ комнатѣ сумрачная и серьезная, какъ старая женщина, и мучила самоё себя, вѣчно думая о матери и о «немъ». Такъ же какъ и Марья Сергѣевна, Наташа вдругъ стала дичиться всѣхъ знакомыхъ и подругъ, находя во всѣхъ что-то подозрительное и презрительное по отношенію къ себѣ. Ей казалось, что «про маму знаютъ всѣ», и потому когда кто нибудь изъ встрѣчавшихся ей иногда знакомыхъ спрашивалъ у нея что нибудь о Марьѣ Сергѣевнѣ, она смущалась и

Digitized by Google

конфузилась, не зная что̀ сказать и какъ отвѣтить. Даже въ самомъ простомъ вопросѣ ей чудились какіе-то странные недоговоренные намеки, одно предположеніе о которыхъ заставляло ее мучительно вспыхивать.

Въ этихъ постоянныхъ переходахъ отъ ревности къ озлобленію и отъ ненависти къ страстной любви для Наташи протянулось все длинное лѣто вплоть до того дня, когда Марья Сергѣевна, получивъ отъ мужа телеграмму, вошла съ нею въ комнату дочери. Когда Наташа въ ту минуту взглянула въ измученное и точно сразу постарѣвшее лицо матери, она впервые почувствовала къ ней, кромѣ жгучей ревности, что-то еще иное, болѣе теплое и нѣжное. Когда же Марья Сергѣевна, обнявъ ее и положивъ къ ней на грудь свою голову, вдругъ заплакала, въ душѣ Наташи начался какой-то переломъ. Она вдругъ начала понимать, что ея бѣдная мать, кромѣ того, что виновата, въ то же время еще и глубоко несчастлива, чего до сихъ поръ она, Наташа, не хотѣла замѣтить и понять. И ей вдругъ сдѣлалось такъ больно за мать и стыдно того, что раньше не хотѣла понимать ея горя, а только мучила ее еще сильнѣе своею ревностью и отчужденіемъ; и Наташа заплакала вмѣстѣ съ ней, какъ бы утѣшая ее своимъ сочувствіемъ. Когда же Марья Сергѣевна ушла, вызванная Вабельскимъ, Наташа уже не почувствовала ни озлобленія, ни ревности. Она не думала больше ни о немъ, ни о любви къ нему

Digitized by Google

матери, а думала только, что «она» страдаетъ и мучается, и за это страданіе не только прощала ей все, но и чувствовала себя предъ ней безконечно виноватою.

Съ этихъ поръ въ ея душѣ настало какое-то странное смятеніе. Разъ понявъ страданіе и горе матери, она не могла уже не жалѣть ее, но въ то же время ей также мучительно жалко было и отца. И предъ нимъ она чувствовала какую-то страшную вину не только за мать, но какъ будто даже и за себя. Какъ тогда она почувствовала себя виноватою предъ матерью тѣмъ, что не понимала ея горя и была съ ней холодна и горда; такъ теперь, сознавая какой-то ужасный и отвратительный обманъ, она чувствовала себя виноватою предъ отцомъ, но только еще гораздо большею виной, чѣмъ предъ матерью. Ей казалось, что и она также вмѣстѣ съ матерью и Вабельскимъ какъ-то отвратительно и ужасно обманываетъ его.

Часто, не умѣя понять, что̀ она должна дѣлать, какъ можетъ помочь «ихъ» страшному горю, она начинала горячо молиться, повторяя въ слезахъ: «Господи, помоги имъ, помоги имъ, Господи»...

Но все, что̀ она чувствовала наединѣ, она почему-то старательно скрывала отъ нихъ и особенно отъ отца. Она инстинктомъ понимала, что отецъ не долженъ ничего знать, что разъ онъ узнаетъ, это будетъ еще ужаснѣе и для него, и для матери. И она слѣдила за каждымъ

Digitized by Google

своимъ словомъ, движеніемъ, даже взглядомъ, ежеминутно боясь какъ нибудь проговориться и однимъ неосторожнымъ намекомъ открыть ему то, что такъ старательно скрывала. Вотъ почему Наташа избѣгала отца, говорила съ нимъ только самое необходимое и, порой встрѣчаясь съ его удивленнымъ взглядомъ, она вспыхивала и, чувствуя на душѣ и стыдъ, и слезы, и жалость, смущенно опускала глаза, точно боясь, что они выдадутъ ее помимо воли.

XX.

Марья Сергѣевна видѣла эту новую перемѣну въ дочери и какъ бы изъ благодарности ласкала ее горячѣе и больше, чѣмъ лѣтомъ; но чувство неловкости все-таки не проходило и порой дѣлало ее даже раздражительною.

Эта странная и какая-то болѣзненная раздражительность начинала проявляться въ ней все чаще, и причина ея становилась съ каждымъ днемъ ей все понятнѣе и яснѣе. Ея предположеніе о беременности перешло уже въ увѣренность и не оставляло больше никакихъ сомнѣній.

Видѣться съ Вабельскимъ, какъ она и ожидала, было теперь гораздо труднѣе, чѣмъ на дачѣ. Каждый разъ она должна была лгать, придумывать разные предлоги, бояться подозрѣній и выслѣживаній. Прежде она очень ча-

Digitized by Google

сто выѣзжала изъ дому, и ни на одно мгновеніе ей не приходило въ голову, что мужу это можетъ показаться страннымъ; теперь же ей казалось, что всѣ подозрѣваютъ ее и слѣдятъ за нею и, уходя порой даже и не къ Вабельскому, она боялась вызвать подозрѣніе въ томъ, что идетъ именно къ нему. Все это мучило и раздражало ее еще сильнѣе. Она устала лгать, притворяться и быть подъ вѣчнымъ страхомъ, что все каждую минуту можетъ открыться.

Въ одно изъ свиданій съ Вабельскимъ она пришла къ нему въ какомъ-то сдержанномъ волненіи, и въ ея серьезномъ поблѣднѣвшемъ лицѣ было что-то новое, строгое.

— Я рѣшилась, сказала она спокойнымъ, немного глухимъ голосомъ,—я сегодня же скажу ему все... и мы разъѣдемся. Дольше такъ нельзя, это слишкомъ отвратительно, безобразно... Я дольше не могу... мнѣ стыдно... мнѣ гадко...

— Ну, и прекрасно. Чего же волноваться-то?...

Вабельскій не особенно удивился ея рѣшенію; онъ предчувствовалъ его давно и, къ своему собственному удивленію, не только не былъ въ душѣ противъ, но даже скорѣе отчасти былъ доволенъ подобнымъ оборотомъ. Виктору Алексѣевичу надоѣли и слезы, и сцены, а между тѣмъ разорвать эту связь и тѣмъ прекратить всѣ эти исторіи ему не хотѣлось и было жаль. Онъ чувствовалъ, что привыкъ къ ней болѣе, нежели бы ему хотѣлось. Къ тому же, беременность Марьи Сергѣевны поневолѣ осложняла

Digitized by Google

вопросъ. До сихъ поръ у Вабельскаго еще никогда не было дѣтей, и ожиданіе этого ребенка отъ Марьи Сергѣевны, если и не радовало его, то во всякомъ случаѣ какъ-то странно занимало и интересовало.

— Это, пожалуй, даже и лучше, если она разойдется со своимъ муженькомъ и переѣдетъ отъ него, думалъ онъ. — Начать съ того, что тогда будетъ и свободнѣе, и безопаснѣе. Разъ дѣло съ нимъ будетъ покончено, то и мѣшать онъ не будетъ имѣть права.

Но даже и допуская разрывъ Марьи Сергѣевны съ мужемъ, онъ не желалъ допустить мысли, что ихъ отношенія вслѣдствіе этого могутъ сдѣлаться вѣчными. Болѣе свободными — да, но вѣчными ни подъ какимъ видомъ. Ребенокъ, конечно, отчасти могъ болѣе скрѣпить ихъ, но и то не навсегда.

Одно время его смущало все это въ матеріальномъ смыслѣ. Лично его дѣла были все еще не въ блистательномъ положеніи; въ предшествующіе годы онъ жилъ слишкомъ широко и потому немного запутался. Но оказалось, что у Марьи Сергѣевны было своихъ пятьдесятъ тысячъ, полученныхъ ею въ приданое послѣ отца. Разспрашивая ее подробнѣе объ этихъ деньгахъ, Викторъ Алексѣевичъ узналъ, что онѣ положены лично на ея имя и что мужъ никогда изъ нихъ ни копѣйки не требовалъ и даже проценты съ нихъ предоставлялъ въ ея личное распоряженіе.

Digitized by Google

Вабельскій никогда не жалѣлъ денегъ на женщинъ, но содержать всецѣло жену или любовницу съ правами жены казалось ему всегда страшно дорого и трудно, и онъ рѣшился избѣгать подобной возможности, хотя траты его на актрисъ и кокотокъ обходились ему вдвое дороже. И потому онъ былъ очень доволенъ самостоятельными средствами Марьи Сергѣевны. Все это вмѣстѣ заставляло его, если не желать и не вполнѣ одобрять ея разъѣздъ съ мужемъ, то во всякомъ случаѣ и не имѣть ничего противъ. И хотя раньше онъ все еще колебался и взвѣшивалъ всѣ стороны за и противъ, заставляя ее подъ разными предлогами отлагать это рѣшеніе, но теперь, когда она такъ категорически объявила ему, что дальше выносить эту пытку не въ состояніи и что сегодня же объяснится съ мужемъ, онъ ничего не возразилъ ей и только слегка пожалъ плечами.

— Какъ хочешь, милая, ты знаешь мое мнѣніе: я ничего не имѣю противъ, если ты непремѣнно желаешь этого.

И, пересиливъ легкое раздраженіе, онъ взялъ ея руку и проговорилъ, цѣлуя ее:—Такъ я пріищу тебѣ квартиру, комнаты три, четыре... больше тебѣ не надо.

Она тихо кивнула головой, но продолжала сидѣть угрюмо и сумрачно. Что-то было оскорблено въ ней. Его тонъ коробилъ ее и ей хотѣлось услышать отъ него въ отвѣтъ на свое рѣшеніе что-то другое, болѣе радостное, нѣж-

Digitized by Google

ное. Въ его словахъ она инстинктомъ чувствовала недостатокъ любви и это оскорбляло, пугало ее; но какая-то гордость не позволяла высказать это, и мысленно она даже успокоивала себя. Просто она разстроена, оттого ей и кажется все такъ скверно. И стараясь заглушить въ себѣ свое безотчетное недовольство, она начала совѣтоваться съ нимъ насчетъ квартиры и дальнѣйшихъ плановъ.

Викторъ Алексѣевичъ, со своей стороны, желалъ только одного, чтобы всѣ эти объясненія и рѣшенія происходили безъ него. Онъ едва зналъ Павла Петровича, лишь изрѣдка встрѣчая его въ обществѣ, и мысль о переговорахъ съ нимъ по такому вопросу была ему очень непріятна. Разъ, что Марья Сергѣевна непремѣнно желаетъ заварить всю эту кашу, пусть, по крайней мѣрѣ, не вмѣшиваетъ его. И онъ старался дать ей это понять и научить ее дѣйствовать такъ, чтобы все сошло благополучно и согласно его желаніямъ. Условливаясь и совѣтуясь обо всемъ этомъ, Марья Сергѣевна просидѣла у него дольше обыкновеннаго и опоздала домой къ обѣду.

Павелъ Петровичъ привыкъ обѣдать ровно въ половинѣ шестого. Въ пять онъ уѣзжалъ изъ присутствія, а въ четверть шестого былъ дома. На этотъ разъ его немного задержали въ министерствѣ; онъ пріѣхалъ почти двадцатью минутами позднѣе обыкновеннаго и, вбѣгая поспѣшно по лѣстницѣ, думалъ, что Марья Сер-

Digitized by Google

гѣевна уже ждетъ его въ столовой. Но оказалось, что Марьи Сергѣевны вовсе не было дома. Это немного удивило Павла Петровича; онъ любилъ, чтобы къ обѣду всѣ были въ сборѣ, и поступаться своими привычками ему было непріятно даже въ мелочахъ.

Узнавъ, что жена еще не возвращалась, онъ прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ, уже немного разстроенный и удивленный этимъ, и ждалъ тамъ до половины седьмого. Затѣмъ онъ позвонилъ и велѣлъ подавать обѣдъ. Сѣсть за столъ безъ жены ему было крайне непріятно, но ждать дольше онъ не могъ, такъ какъ къ семи часамъ къ нему долженъ былъ пріѣхать по дѣламъ министерства одинъ изъ его чиновниковъ. Войдя въ столовую, онъ спокойно поцѣловалъ дочь, отодвинулъ стулъ и сѣлъ на него, развернувъ привычнымъ жестомъ свою салфетку, но взволнованная и слегка испуганная Наташа замѣтила, что въ душѣ онъ недоволенъ и сердится.

Придя изъ гимназіи, она застала мать уже на лѣстницѣ и по тому, какъ та была одѣта, и по внутреннему своему чутью, замѣчательно развившемуся въ ней въ послѣднее время, поняла, что мать идетъ къ «нему».

Каждый разъ, видя, что мать уѣзжаетъ къ Вабельскому, Наташа страшно волновалась и успокоивалась только тогда, когда та возвращалась. Она сознавала, что мать дѣлаетъ что-то «ужасное», уходя къ нему, и боязнь, что отецъ узнаетъ про это, мучила ее. Сегодня же, зная,

Digitized by Google

что Марья Сергѣевна еще не вернулась, тогда какъ отецъ уже былъ дома, она волновалась еще больше. Почти все время простояла она у окна своей комнаты, тревожно вглядываясь въ каждую проѣзжавшую женщину и съ нетерпѣніемъ поджидая «ея» звонка. Но когда ее позвали обѣдать, не дождавшись возвращенія Марьи Сергѣевны, Наташа съ тяжелымъ предчувствіемъ чего-то грознаго и уже близкаго пришла въ столовую, всѣми силами стараясь не выказать отцу своимъ волненіемъ чего нибудь подозрительнаго.

— Ты не знаешь, гдѣ мама?—спросилъ, наконецъ, Павелъ Петровичъ, повидимому, совсѣмъ спокойно.

Наташа на мигъ подняла на него испуганные глаза.

— Она, кажется, у tante Софи, проговорила она съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ, мучительно краснѣя отъ своей лжи.

Павелъ Петровичъ не хотѣлъ еще предполагать ничего дурного въ поступкахъ своей жены, но не замѣчать чего-то страннаго и въ ней, и въ Наташѣ, онъ, при всемъ своемъ желаніи, уже больше не могъ. И это «новое», показавшееся ему сначала легкимъ нездоровьемъ съ ея стороны, не только не казалось ему таковымъ теперь, но уже тревожило и пугало его. Еслибы онъ хотѣлъ и наблюдалъ, то могъ бы еще яснѣе убѣдиться, что въ странностяхъ его семьи кроется что-то очень серьезное, но Павелъ Пе-

Digitized by Google

тровичъ вовсе не желалъ подобнаго убѣжденія и боялся его. Онъ такъ привыкъ къ прочности своего счастья, ходъ его жизни такъ установился въ извѣстную, разъ навсегда заведенную колею, что выбиться изъ нея казалось ему чѣмъ-то невозможнымъ и невѣроятнымъ, чего съ «нимъ» никогда и не могло случиться. Не смотря на всѣ эти логичныя разсужденія, порой, когда онъ внимательнѣе приглядывался къ женѣ, его вдругъ охватывала какая-то невольная боязнь чего-то, какое-то тяжелое предчувствіе. И если въ большинствѣ случаевъ онъ скоро овладѣвалъ собою и своими расходившимися, какъ онъ думалъ, нервами, то теперь, въ тѣ минуты, что̀ провелъ у себя въ кабинетѣ и тутъ въ столовой въ ожиданіи жены, эта тоска, боязнь и предчувствіе охватили его съ бо̀льшею силой, чѣмъ когда нибудь.

Около семи часовъ раздался звонокъ. И Наташа, и Павелъ Петровичъ вздрогнули и на мгновеніе вскинули другъ на друга тревожнымъ взглядомъ.

Марьѣ Сергѣевнѣ нужно было пройти къ себѣ въ комнату черезъ столовую; проходя мимо мужа и дочери, она кивнула имъ головой и спокойно проговорила:

— Вы уже обѣдаете... я запоздала...

Павелъ Петровичъ ничего не умѣлъ ей отвѣтить и, взглянувъ на ея поблѣднѣвшее, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ, лицо, не только не почувствовалъ облегченія, но его опасенія

Digitized by Google

какъ бы усилились еще. Онъ молча, поспѣшно доканчивалъ свой обѣдъ, спѣша уйти къ себѣ въ кабинетъ и отвлечься отъ своихъ личныхъ думъ и чувствъ за офиціальными дѣлами. Наташа тревожно прислушивалась къ шагамъ и голосу матери, долетавшимъ изъ будуара Марьи Сергѣевны, и по временамъ искоса поглядывала на отца. Лицо матери и ее рѣзнуло какою-то острою болью и, низко наклоняясь надъ тарелкой, она чувствовала въ своей душѣ такой страхъ чего-то еще не совсѣмъ яснаго, боль и тоску, что готова была заплакать, заплакать совсѣмъ по-дѣтски, какъ плакала, бывало, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ребенкомъ, когда чего нибудь пугалась и боялась.

Отецъ съ дочерью тотчасъ послѣ обѣда разошлись по своимъ комнатамъ. Проходя къ себѣ чрезъ будуаръ Марьи Сергѣевны, Наташа подошла къ ней и молча поцѣловала ее, какъ всегда это дѣлала послѣ обѣда. Марья Сергѣевна отвѣтила на ея поцѣлуй какъ-то разсѣянно, видимо думая о чемъ-то другомъ, и когда дочь ушла, она еще долго ходила по своему кабинетику взволнованною походкой. У Павла Петровича сидѣлъ чиновникъ изъ министерства и Марья Сергѣевна съ мучительнымъ, тяжелымъ нетерпѣніемъ поджидала его ухода. Она сама не умѣла рѣшить, хочетъ ли она приблизить минуту объясненія или, инстинктивно боясь ея, рада этому невольному съ ея стороны промедленію, вслѣдствіе котораго конецъ, такъ

Digitized by Google

страстно желаемый ею и такъ мучительно пугающій ее, откладывался еще на лишній часъ. Наконецъ чиновникъ ушелъ. Голоса въ кабинетѣ затихли. Марья Сергѣевна остановилась на минуту около своего туалета.

Идти? мысленно спросила она себя, и страхъ, тоска, и боль, испытываемыя ею все время, вдругъ охватили еще сильнѣе и мучительнѣе. И сердце ея забилось такъ нервно и часто, что ей было даже больно отъ его сильныхъ ударовъ.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, но тотчасъ же остановилась, почувствовавъ какую-то дрожь въ ногахъ и даже легкое головокруженіе. Она снова опустилась на кресло и въ эту минуту ей вдругъ стало казаться, что это объясненіе совсѣмъ не нужно, что будетъ гораздо лучше, если все останется «такъ», какъ было до сихъ поръ. «То», что̀ должно было начаться сейчасъ же за этимъ объясненіемъ, представлялось ей теперь такимъ ужаснымъ, что она не рѣшилась добровольно пойти на это.

— Не надо... не надо... проговорила она машинально, думая о томъ, что не надо идти къ мужу, и на мгновеніе по ея лицу скользнула даже улыбка, та улыбка, которая невольно является у человѣка, когда онъ видитъ, что страшная опасность, грозившая ему, вдругъ отошла и миновала его.

Но это длилось только мгновеніе. Чрезъ минуту она опять «почувствовала», что идти на-

Digitized by Google

до. И надо сейчасъ же, чтобы рѣшить все сразу и не мучиться дольше въ этой неизвѣстности.

— И потомъ... вѣдь я... беременна... Значитъ не идти, только отложить... а рано ли, поздно ли, но сказать нужно...

Она вдругъ рванула колокольчикъ и нѣсколько разъ нетерпѣливо позвонила имъ.

— Баринъ одинъ?—спросила она у вошедшей на зовъ Ѳени и тутъ же подумала:—«Зачѣмъ я спрашиваю... вѣдь я же знаю, что онъ одинъ! отсрочиваю только, обманываю себя же».

— Одинъ-съ.

— Да! ну, хорошо... идите, мнѣ больше ничего не надо.

Ѳеня вышла, а Марья Сергѣевна, прислушившись къ ея затихающимъ въ дальнемъ корридорѣ шагамъ, вдругъ разомъ вся какъ-то двинулась и быстрыми, не колеблющимися уже больше шагами пошла къ кабинету мужа...

Digitized by Google

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

На другой день послѣ объясненія съ мужемъ Марья Сергѣевна поднялась съ тяжелою головною болью. Первымъ ощущеніемъ, пока она еще не совсѣмъ проснулась, было какое-то странное чувство чего-то невыносимо тяжелаго, мучительнаго и болѣзненнаго... но чего? сразу она не могла уяснить себѣ. Она смутно помнила только, что наканунѣ случилось что-то нехорошее, ужасное...

Но это продолжалось всего нѣсколько мгновеній.

Марья Сергѣевна вспомнила все: и вчерашнее объясненіе съ мужемъ, и страшную для нея сцену съ Наташей во время выбора, и то, что сегодня кончается все старое и начинается что-то новое, еще не совсѣмъ опредѣленно представляемое ею себѣ, но ужъ пугающее своею неизвѣстностью.

Digitized by Google

Марья Сергѣевна опять закрыла глаза и опустила голову на подушки, какъ бы вновь стараясь уснуть и забыться.

Но заснуть опять она уже не могла и машинально прислушивалась къ мѣрному бою старыхъ часовъ, висѣвшихъ въ сосѣдней комнатѣ.

Маятникъ ходилъ гулко и звучно, и Марья Сергѣевна, сама не зная почему, машинально считала его удары.

— Завтра... завтра ея уже не будетъ здѣсь...

Она безсознательно повторяла слово «завтра», и ей казалось, что оно какъ нельзя больше подходитъ къ мѣрному звуку маятника. Это какъ-то странно отвлекало ея мысль отъ личныхъ чувствъ...

Прошло нѣсколько минутъ... все было тихо, вѣрно еще очень рано... не встали...

Она глядѣла широко раскрытыми глазами на одну точку въ узорѣ обоевъ на противоположной къ ней стѣнѣ и ей было лѣнь отвести глаза...

Такъ лежала она безъ движенія, безъ мысли и даже безъ тоски, боясь выйти изъ этого полубезсознательнаго состоянія и начать снова мыслить, чувствовать и страдать...

Въ сосѣдней комнатѣ хлопнула дверь. Марья Сергѣевна вздрогнула. Кто-то подошелъ къ двери ея комнаты и остановился, заглядывая въ маленькую щелочку, образовавшуюся между двумя несовсѣмъ плотно притворенными половинами дверей.

Digitized by Google

— Еще спятъ, послышалось ей.

Марья Сергѣевна вдругъ быстро приподнялась на кровати и сразу вышла изъ своего оцѣпенѣнія.

— Нѣтъ... нѣтъ, я не сплю. Это ты, Ѳеня?

— Я, сударыня!

— Войди, который часъ?

— Ужъ скоро десять.

— Десять?

Она думала—гораздо раньше...

Ѳеня подошла къ окну и, откинувъ занавѣсъ, стала подымать штору. Мягкій бѣловатый свѣтъ осенняго утра разлился по угламъ комнаты. Маленькіе диванчики, этажерки и цвѣты выступили рельефнѣе, но отъ бросаемаго съ неба грязновато-молочнаго отсвѣта тонули въ какомъ-то сѣроватомъ тонѣ.

Марья Сергѣевна машинально разглядывала темный силуэтъ Ѳени въ свѣтломъ пространствѣ окна и свѣтлую полосу, проходившую косымъ угломъ по всему боку ея фигуры, въ которой мелкій рисунокъ ситца ея платья выдѣлялся яснѣе.

Розовенькіе цвѣточки... безсознательно думала Марья Сергѣевна, — вѣдь это я ей покупала?.. да я... но когда же? ахъ да, къ прошлой Святой, да, да, и ей, и прачкѣ, обѣимъ одинаковые... какъ она долго носитъ!..

И Марьѣ Сергѣевнѣ вдругъ вспомнились даже и лавка, въ которой она покупала тогда этотъ

Digitized by Google

ситецъ, и лицо приказчика, продававшаго ей, и даже другіе куски матерій, лежавшихъ подлѣ...

Ѳеня подняла сторы обоихъ оконъ и подошла къ постели.

— Одѣваться сейчасъ прикажете?

Марья Сергѣевна безучастно глядѣла на Ѳеню и потомъ, точно вдругъ уяснивъ себѣ ея вопросъ, заторопилась.

— Да, да, сейчасъ, давай скорѣе...

Ѳеня подала своей барынѣ юбки и пошла доставать изъ шкафа капотъ.

Барыня молча слѣдила за горничной. Знаетъ ли она? Марьѣ Сергѣевнѣ ужасно захотѣлось провѣрить сейчасъ же и навѣрное, знаетъ Ѳеня что̀ случилось или нѣтъ. Но спросить прямо ей было совѣстно и, разсѣянно одѣваясь, она искоса вглядывалась въ лицо Ѳени, хотя узнать что нибудь по этому розовому, курносому и миловидному лицу, всегда съ задорно плутоватымъ выраженіемъ столичной горничной, она не могла.

Надо было, однако, сказать Ѳенѣ, чтобъ она уложила вещи и бѣлье. Но какъ сказать? Марья Сергѣевна стѣснялась: что̀ если она ничего не подозрѣваетъ, удивится, начнетъ разспрашивать, зачѣмъ, почему.

— Вы поможете мнѣ, Ѳеня, уложить нѣкоторыя вещи, бѣлье...

И, говоря это, Марья Сергѣевна чувствовала, какъ яркая краска заливаетъ все ея лицо, и это сердило ее. Неужели отнынѣ она будетъ

Digitized by Google

краснѣть за свои поступки даже передъ этою Ѳеней?..

— Слушаю-съ.

Ѳеня отвѣтила такъ просто и спокойно, какъ будто бы барыня приказала принести ей чашку чаю.

Барыня была сконфужена и удивлена спокойствіемъ своей горничной гораздо болѣе самой горничной. Ѳеня не была особенно предана ей, но дорожила хорошимъ мѣстомъ и вѣрнымъ жалованьемъ. Она всегда одна изъ первыхъ видѣла и замѣчала все, что̀ совершается въ домѣ; вчерашнее объясненіе Марьи Сергѣевны съ мужемъ не было для нея неожиданностью; она давно уже начала смекать подобный конецъ. Когда Павелъ Петровичъ вчера послалъ ее за Наташей, она потомъ долго стояла, притаившись у запертой двери кабинета и не разслышавъ чего-нибудь, осторожно прикладывалась глазомъ къ щелочкѣ замка. Всѣмъ случившимся Ѳеня была даже встревожена отчасти.

При мѣстѣ она останется или безъ мѣста? И если при мѣстѣ, то при комъ лучше, при барынѣ или баринѣ?

Ѳеня рѣшила, что при барынѣ пожалуй лучше будетъ. Баринъ, поди, уѣдетъ куда нибудь теперь. Но, предвидя впереди разныя хлопоты и непріятности, она въ душѣ даже сердилась на Марью Сергѣевну.

«Вотъ ужъ именно, что съ жиру бѣсится! Одурѣла совсѣмъ подъ старость! Только бѣднымъ людямъ изъ-за нихъ хлопоты да горе»...

Digitized by Google

— Барышнино бѣлье прикажете отъ прачки взять?

— Да, конечно. Барышня у себя?

— Онѣ одѣваются; ихъ баринъ къ себѣ велѣли звать, какъ готовы будутъ.

Марья Сергѣевна тревожно поднялась. Опять, Боже мой. Да зачѣмъ же? Развѣ не все кончено! Зачѣмъ же опять звать къ себѣ? говорить... но о чемъ же? Быть можетъ, онъ передумалъ и хочетъ уговорить Наташу остаться съ нимъ. Нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть, онъ не сдѣлаетъ этого, если разъ уже сказалъ... Проститься... просто хочетъ еще разъ проститься... но что̀ если они оба, оставшись одни, безъ нея, не выдержатъ, и въ послѣднюю минуту Наташа сама уже не захочетъ идти къ ней...

Ея глубокая любовь къ дочери, подъ вліяніемъ охватившей ее страсти, слегка какъ будто охладѣла одно время и отодвинулась на второй планъ; но когда насталъ часъ, въ который Марья Сергѣевна ясно сознала и увидала, что дочь можетъ на всю жизнь быть отнята у нея, навсегда потеряна для нея, временное охлажденіе къ ней внезапно исчезло; подъ страхомъ утраты, вся любовь и привязанность къ своему ребенку воскресла въ Марьѣ Сергѣевнѣ съ новою страстною силой. И, не смотря на вчерашнюю сцену, въ которой Наташа выбрала мать, Марья Сергѣевна мучилась и боялась, что за ночь дѣвочка передумала и, переговоривъ съ отцомъ, снова откажется отъ нея и перейдетъ къ нему.

Digitized by Google

— Кофе сюда подать прикажете?

— Послѣ; идите теперь; я позову, когда мнѣ будетъ нужно.

Ѳеня вышла. Марья Сергѣевна порывисто встала, подошла къ двери Наташиной спальни и пріотворила ее сначала тихонько, осторожно заглядывая внутрь комнаты.

Наташа стояла прямо лицомъ къ ней, застегивая пуговицы своего лифа.

— Ты встала уже, Наташа? спросила Марья Сергѣевна только для того, чтобы какъ нибудь начать.

— Да, мама, я уже готова.

Марья Сергѣевна подошла къ дочери и, приподнявъ ея голову за подбородокъ, взглянула ей въ глаза.

Наташино личико приходилось почти въ уровень съ ея головой и глядѣло на нее своими серьезными задумчивыми глазами.

Но какая она большая... совсѣмъ, совсѣмъ большая!.. И Марья Сергѣевна съ удивленіемъ смотрѣла на Наташу, точно понявъ теперь только, что эта дочка уже не тотъ маленькій ребенокъ, который когда-то на ея колѣняхъ тянулся къ ея груди крошечнымъ сморщеннымъ ротикомъ и пухленькими рученками, и даже не тотъ, котораго она сама учила азбукѣ, а совершенно новое, такое взрослое и понимающее существо, какъ сама она... и это поражало и пугало ее почему-то и она съ удивленіемъ глядѣла на нее, почти не узнавая въ этой серьез-

Digitized by Google

ной дѣвушкѣ свою Наташу, которая ей еще такъ недавно казалась совсѣмъ маленькою дѣвочкой...

— Меня звалъ папа, тихо начала Наташа.

Да, да... вѣдь она за этимъ и пришла...

— Я знаю, моя дорогая, но... ты пойдешь?

Наташа какъ-будто слегка удивилась.

— Вѣдь онъ же звалъ меня, мама!..

— Я знаю... знаю, дитя мое, но я боюсь... я не знаю... достанетъ ли у тебя силы... Наташа, дитя мое, если и ты не увѣрена, то... лучше не ходи...

И она съ нервною силой сжала руки дочери, не замѣчая сама, что ломаетъ ихъ до боли.

— Я не могу нейти, мама, когда папа зоветъ меня.

— Но ты... ты не останешься?.. Наташа, милая, дай мнѣ слово...

Она вдругъ зарыдала и, судорожно всхлипывая, припала головой къ груди дочери и, обхвативъ ее, крѣпко прижала ее къ себѣ, точно боясь выпустить.

По блѣдному личику Наташи пробѣгали судорожныя подергиванія.

— Мама, милая, останемся... останемся... пускай все будетъ какъ прежде... Онъ проститъ... останемся...

И, тихо плача, Наташа цѣловала волосы и заплаканные мокрые глаза матери съ тою нѣжною лаской, которую онѣ уже такъ рѣдко видѣли другъ отъ друга за послѣднее время.

Digitized by Google

Марья Сергѣевна на мгновеніе какъ будто поддалась этому ласкающему голосу, но чрезъ минуту зарыдала еще сильнѣе...

— Нѣтъ, нѣтъ, Наташа, это уже невозможно, нѣтъ, дай мнѣ только слово, что ты...

— Да отчего невозможно?.. Мама, милая!..

— Нѣтъ, Наташа, ты не поймешь этого. Теперь уже поздно... понимаешь, прежняго все равно уже не будетъ.

Она слегка успокоилась и заговорила уже болѣе ровнымъ голосомъ, но все еще не выпуская изъ своихъ рукъ руку Наташи.

— Того, что случилось, уже нельзя исправить, и останусь ли я, уйду ли, и въ томъ и въ другомъ случаѣ прежняя жизнь уже немыслима, и счастливѣе отъ того, что я останусь ни я, ни твой отецъ не сдѣлаемся. Когда ты выростишь совсѣмъ, ты сама все это поймешь и... быть можетъ, простишь мнѣ, что я невольно отняла у тебя отца. Вѣрь, Наташа, я мучаюсь, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ онъ, но передѣлать уже ничего нельзя... Я хочу только знать твердо, увѣренно знать, что ты останешься со мной и не бросишь меня, что̀ бы ни случилось. Если ты мнѣ дашь въ этомъ слово, тогда я не побоюсь отпустить тебя къ отцу не только сейчасъ, но и потомъ. Ты такъ и папѣ скажешь, что когда ты или онъ захотите повидать другъ друга, это всегда будетъ зависѣть отъ васъ, и я никогда не помѣшаю, но прежде только дай мнѣ слово, что ты не оставишь меня.

Digitized by Google

— Я сказала тебѣ... и ему еще вчера.

— Никогда?

Наташа посмотрѣла на нее долгимъ, точно испытующимъ взглядомъ своихъ недѣтскихъ глазъ.

— Да, никогда, твердо, но грустно повторила она за матерью.

Марья Сергѣевна радостно вздохнула.

— Моя дѣвочка, моя милая, я тебѣ вѣрю и теперь спокойна... Теперь, если хочешь, иди къ нему, я не боюсь больше.

Она слегка оттолкнула дочь отъ себя и со счастливою улыбкой глядѣла на нее.

— Иди, дѣточка...

И она все улыбалась ей, какъ бы ожидая отъ дочери въ отвѣтъ ту же улыбку.

И Наташа, дѣйствительно, улыбнулась ей, но какъ-то однѣми только губами, а глаза оставались все такими же серьезными, загадочными и строго-холодными.

Наташа ушла, а Марья Сергѣевна осталась на томъ же мѣстѣ, задумчиво глядя вслѣдъ дочери.

— Совсѣмъ, совсѣмъ уже большая... а я-то...

И она болѣзненно закрыла лицо руками и предъ ея закрытыми глазами стояла все та же фигура дочери не въ гимназическомъ короткомъ платьицѣ, а въ томъ, въ которомъ она сейчасъ была и въ которомъ казалась ей почему-то еще старше, загадочнѣе и отчужденнѣе.

Digitized by Google

II.

Когда Наташа вошла въ кабинетъ отца, Павелъ Петровичъ съ угрюмымъ, но спокойнымъ лицомъ ходилъ изъ угла въ уголъ крупными шагами, заложивъ руки за свою широкую и немного сутуловатую спину. Павелъ Петровичъ рѣшилъ уѣхать въ этотъ же день и потому желалъ проститься съ Наташей. Онъ находилъ, что это нужно сдѣлать и что уѣхать, не повидавъ дочери еще разъ, невозможно, но ему было непріятно и какъ-то совѣстно видѣть теперь кого бы то ни было, даже дочь. И въ его взглядѣ, который онъ обратилъ на Наташу, когда та вошла, было что-то сухое и холодное. Онъ не чувствовалъ охлажденія къ ней за то, что ея мать обманула его; онъ не сердился на нее даже за то, что она все-таки предпочла ему эту мать; но сознаніе этого обмана и оскорбленія охватывали его такимъ мучительнымъ стыдомъ и униженіемъ, что онъ былъ не въ силахъ заглушить ихъ въ себѣ даже предъ Наташей. Признаніе жены не породило въ немъ жгучей, страстной ревности. Но онъ чувствовалъ въ душѣ такой стыдъ, позоръ, униженіе, какъ еслибъ ему публично дали пощечину. И теперь, избѣгая встрѣчаться взглядомъ съ дочерью, онъ испытывалъ то самое чувство, которое, казалось ему, было бы въ немъ въ томъ случаѣ, еслибъ она была свидѣтельницей этой пощечины. Чув-

Digitized by Google

ство это было такъ сильно въ немъ, что онъ предпочелъ бы лучше совсѣмъ не видѣть ее въ данную минуту. Но этого было нельзя и съ тяжелымъ чувствомъ Павелъ Петровичъ покорился, пересиливъ себя, и призвалъ ее, чтобы дать ей кое-какія распоряженія по случаю своего отъѣзда, такъ какъ видѣть и объясняться еще съ Марьей Сергѣевной онъ уже не хотѣлъ, предпочитая всѣ переговоры съ ней вести теперь чрезъ Наташу. Павелъ Петровичъ сознавалъ, что нужно что-то сдѣлать предъ отъѣздомъ; что нельзя уѣзжать такъ, разомъ бросая все на произволъ судьбы. Но что̀ именно сдѣлать, какія дать распоряженія, это не совсѣмъ ясно представлялось ему, именно теперь, когда Наташа стояла предъ нимъ и съ нею нужно было о чемъ-то заговорить.

Послѣ вчерашняго дня, обрушившагося на него такъ неожиданно, онъ чувствовалъ себя какимъ-то потеряннымъ и въ то же время какъ-то странно оледенѣвшимъ, такъ что даже прощаніе съ горячо любимою имъ дочерью не растрогивало его. Сознавая только его неизбѣжность, онъ старался какъ можно скорѣе покончить его.

— Я уѣзжаю, Наташа... началъ онъ, не глядя на нее, — и сегодня же...

Наташа слегка вздрогнула.

— И хотѣлъ проститься съ тобой... Я еще не знаю, когда вернусь, во всякомъ случаѣ не

Digitized by Google

ранѣе мѣсяца, а потому желалъ бы сдѣлать нѣкоторыя распоряженія.

Павелъ Петровичъ говорилъ сухимъ, дѣловымъ тономъ, какъ бы говоря о какомъ нибудь офиціальномъ дѣлѣ, инстинктивно избѣгая не только объясненія, «почему» онъ ѣдетъ, но и косвенныхъ намековъ на то, что̀ случилось, какъ избѣгалъ бы снова повторять и разсказывать дочери о той пощечинѣ, которую она видѣла сама. Но онъ зналъ, что она понимаетъ его, и надѣялся, что, съ присущимъ ей тонкимъ пониманіемъ и деликатностью, не станетъ и сама заговаривать съ нимъ о томъ, чего онъ не желалъ вспоминать при ней.

И дѣйствительно, какъ бы чутьемъ угадывая его мысли и желанія, Наташа молча стояла предъ нимъ, не прерывая и не глядя на него.

Ей было все такъ же, какъ и прежде, мучительно жаль отца; сознаніе страшной виновности предъ нимъ, не только материнской, но и своей, теперь уже вполнѣ ясной для нея, мучило ее, а между тѣмъ тотъ стыдъ, который мучилъ его, испытывала и она. Она не понимала только, за кого именно чувствуетъ она этотъ стыдъ. Ни отецъ, ни даже она не сдѣлали ничего дурного, а между тѣмъ ей казалось, что ей стыдно не только за мать и за то, что̀ случилось, но и за него, за этого бѣднаго добраго отца, котораго она любила такъ горячо.

Сказавъ, что онъ желаетъ сдѣлать распоряженія, Павелъ Петровичъ опять нѣсколько сму-

Digitized by Google

тился, тщательно пріискивая и не находя въ умѣ своемъ тѣхъ распоряженій, которыя долженъ былъ сдѣлать.

— Но... но все это, началъ онъ, вдругъ оживляясь отъ удачной мысли, пришедшей ему наконецъ въ голову и выводившей его изъ затрудненія, — очень сложно и требуетъ обстоятельнаго изложенія, и потому я все это напишу тебѣ, моя милая, изъ Москвы въ первые же дни по пріѣздѣ. Затѣмъ, въ столѣ лежитъ около четырехъ сотъ рублей... я ихъ оставлю... быть можетъ, понадобится тамъ... на что нибудь... Затѣмъ...

Затѣмъ Павелъ Петровичъ чувствовалъ, что сказать ему больше нечего и остается самое тяжелое и трудное: проститься съ дочерью и выдержать до конца тотъ тонъ дѣловой офиціальности, который какъ бы защищалъ и удерживалъ ихъ обоихъ отъ слезъ и выраженія своихъ страданій и горя. Почему не нужно этихъ слезъ, онъ не отдавалъ себѣ отчета, но чувствовалъ только, что этого не нужно, и боялся, стыдясь ихъ.

Всякое сожалѣніе, даже Наташино, явно высказанное, было бы ему тяжело и оскорбительно. Боясь растрогаться невольно и тѣмъ сдѣлаться въ глазахъ дочери и своихъ собственныхъ еще болѣе жалкимъ, онъ всѣми силами сдерживалъ себя и говорилъ все суше и торопливѣе.

— Во всякомъ случаѣ черезъ мѣсяцъ я надѣюсь увидѣться съ тобой, а пока до свиданія, моя милая...

Digitized by Google

Онъ подошелъ къ дочери и, слегка обнявъ ее одною рукой, другою перекрестилъ три раза.

Наташа стояла предъ нимъ съ серьезнымъ и блѣднымъ лицомъ, съ какимъ-то строгимъ, сдержаннымъ выраженіемъ въ глазахъ, и когда онъ кончилъ крестить ее, молча взяла его руку и, крѣпко прижавшись къ ней, нѣсколько мгновеній не отнимала ее отъ своихъ губъ.

И Павлу Петровичу стало вдругъ такъ мучительно жаль и ее, и себя, и прошлаго счастія... Онъ до боли закусилъ губу и быстро отодвинулъ отъ себя дочь, точно боясь, что онъ не выдержитъ и зарыдаетъ помимо воли.

Наташѣ страстно хотѣлось сказать ему что-то, обнять его, заплакать, но угадывая, что онъ не хочетъ этого, она крѣпилась и сдерживалась. И только выйдя за дверь его кабинета, она опустилась на первый попавшійся стулъ и заплакала. Ей вдругъ вспомнилось, какъ страстно молилась она Богу, чтобъ онъ помогъ имъ.

— И все-таки же... все-таки это случилось... О, Господи! вѣдь Тебѣ все возможно... зачѣмъ же... зачѣмъ... Ты не помогъ...

III.

Павелъ Петровичъ уѣхалъ. Онъ, всегда жертвовавшій всѣмъ ради служебныхъ дѣлъ, тутъ все вдругъ бросилъ. На другой день онъ не поѣхалъ даже въ министерство и, только подавъ

Digitized by Google

заявленіе о своей болѣзни, мысленно рѣшилъ, что будетъ просить отпуска, а потомъ и полнаго перевода изъ Петербурга; куда, въ какой городъ, все равно, но только дальше отъ всего, что̀ напоминало ему прошлое, гдѣ всѣ знали его прежнюю жизнь, а чрезъ недѣлю всѣ будутъ знать и его позоръ,—гдѣ, наконецъ, онъ каждый день могъ встрѣтить «ихъ».

Служба, карьера, обѣщавшая быть такою блестящею, все казалось уничтоженнымъ, поломаннымъ и неважнымъ. Ясно, что его отъѣздъ изъ Петербурга, внезапная просьба о переводѣ въ провинцію испортитъ все или во всякомъ случаѣ очень многое, дальше онъ уже не пойдетъ; но отъ этого сознанія ему не дѣлалось даже тяжелѣе. Ему казалось, что онъ потерялъ такъ много, что потерять затѣмъ больше или меньше уже безразлично. И онъ угрюмо сидѣлъ въ своемъ отдѣленіи вагона, стараясь не выходить на станціяхъ, избѣгая сосѣдей и боясь каждую минуту встрѣтить кого нибудь изъ знакомыхъ и услышать чей нибудь вопросъ «про нее».

Почему онъ ѣхалъ именно въ Кіевъ, а не въ другой какой нибудь городъ, онъ и самъ не могъ бы сказать. Онъ просто выбиралъ то мѣсто, гдѣ меньше знали его, гдѣ онъ рѣже бывалъ и гдѣ онъ самъ бы могъ знать и слышать «про нихъ» какъ можно меньше. Долго ли онъ останется и что̀ онъ будетъ дѣлать тамъ, онъ тоже не зналъ и старался не думать, ища въ своей поѣздкѣ хоть легкаго забвенія.

Digitized by Google

Пріѣхавъ въ Кіевъ, пробывъ тамъ нѣсколько дней наединѣ съ собою, немного оправившись отъ перваго удара, Павелъ Петровичъ много думалъ о случившемся съ нимъ и, анализируя какъ самый фактъ, такъ и лично свои поступки, пришелъ къ тому заключенію, что поступилъ слишкомъ поспѣшно.

Какъ бы то ни было, но эта женщина во всякомъ случаѣ его жена, онъ взялъ ее неопытною дѣвочкой, почти ребенкомъ, и въ теченіе пятнатцати лѣтъ она все-таки была прекрасною женой. Къ тому же, она носила его имя, у нея осталась ихъ дочь, и теперь, нѣсколько смягчившись, онъ находилъ, что его долгъ позаботиться объ ея дальнѣйшей судьбѣ.

Почему-то Павелъ Петровичъ плохо вѣрилъ въ любовь къ ней Вабельскаго и возможность ея счастія съ нимъ, но если ужъ такъ случилось, то этотъ господинъ во всякомъ случаѣ долженъ жениться на ней. Это было необходимо и для нея, и для дочери; онъ не можетъ позволить своей женѣ, носящей его имя, жить открыто съ любовникомъ. Но, плохо вѣря въ любовь Вабельскаго, онъ еще меньше вѣрилъ въ его желаніе жениться на Марьѣ Сергѣевнѣ, и потому рѣшилъ написать ему слѣдующее письмо:

«Милостивый государь, пишу вамъ только потому, что считаю своимъ долгомъ позаботиться какъ о добромъ имени, такъ и о дальнѣйшей судьбѣ женщины, которая была такъ близка мнѣ. Я не желаю и не считаю себя въ

Digitized by Google

правѣ насиловать ея чувства и стѣснять ея свободу, но я желаю и считаю своимъ правомъ знать, что ея увлеченіе окончится для нея по возможности счастливо и не позорно. Оставляя ей честное имя, на которомъ до сихъ поръ не лежало ни одного пятна, а также имя моей дочери, довѣряемой мной ея попеченію, я требую, чтобъ имена ихъ остались столь же незапятнанными, какъ были до сихъ поръ. Не видя для этого иного исхода, кромѣ брака, я буду съ этого же дня хлопотать о разводѣ. Вину я беру на себя, но за то требую отъ васъ, какъ отъ порядочнаго человѣка, чтобы, по прошествіи мѣсяца со дня развода, жена моя получила ваше имя и права вашей законной жены. Въ противномъ случаѣ, предваряю, что мое снисходительное поведеніе по отношенію къ вамъ, происходящее только изъ уваженія къ моей женѣ, перейдетъ въ болѣе рѣшительныя дѣйствія и тогда я буду считать своимъ правомъ потребовать отъ васъ, милостивый государь, личнаго удовлетворенія».

Написавъ это письмо, Павелъ Петровичъ началъ другое къ Наташѣ.

«Мое дорогое дитя. Обстоятельства, разлучившія насъ, такъ потрясли меня своею неожиданностью, что я не успѣлъ даже сдѣлать никакихъ распоряженій. Распоряженія эти касаются только матеріальныхъ вопросовъ, такъ какъ по вопросамъ чувства я не могу ничего приказывать тебѣ. Скажу только, что видѣться съ тобою, хотя бы время отъ времени, переписываться въ

Digitized by Google

промежутокъ этихъ свиданій, мое горячее желаніе, и вѣрю, что это желаніе найдетъ откликъ и въ твоемъ сердцѣ. Гдѣ я буду жить и что предприму, я еще не знаю и сказать рѣшительно въ данную минуту не могу; но гдѣ бы я ни былъ, ты всегда будешь знать о моемъ мѣстопребываніи и, по первому твоему желанію, мы будемъ видѣться съ тобой, когда и гдѣ ты захочешь. Не думай, Наташа, чтобъ я былъ недоволенъ и могъ бы сердиться на тебя за твое рѣшеніе—остаться съ матерью. Я понимаю твое чувство къ ней и не сомнѣваюсь въ таковомъ же и ко мнѣ съ твоей стороны, и какъ ни больно мнѣ было лишиться тебя, но я нахожу, что ты поступила такъ, какъ и должна была поступить. Я сильнѣе твоей матери и мнѣ легче чѣмъ ей переносить испытанія; они тяжелѣе для нея, и я боюсь, что ей предстоитъ ихъ еще не мало, а потому твой долгъ быть съ нею и поддерживать ее въ тяжелыя минуты. Твоя мать скоро будетъ женою другого человѣка. На все воля Божія и, покоряясь ей, я не хочу осуждать никого, но также не хочу, чтобы тебѣ, моей единственной дочери, пришлось жить на средства посторонняго для меня человѣка, хотя бы и мужа твоей матери, и потому каждый мѣсяцъ ты будешь получать отъ меня 150 рублей, изъ которыхъ сто будешь отдавать матери на твое воспитаніе и содержаніе, пятьдесятъ же оставлять себѣ на свои личные расходы. Я не хочу, чтобы ты, моя милая дѣвочка, нуждалась

Digitized by Google

хоть въ чемъ нибудь; мнѣ будетъ легче, если я буду знать, что ты обезпечена и независима. Когда твое воспитаніе окончится, ты будешь оставлять себѣ сто рублей, и еслибы въ случаѣ какихъ бы то ни было нужныхъ и желаемыхъ тобою расходовъ этого недостанетъ, то не только моя просьба, но и «приказаніе» обращаться только ко мнѣ, и я надѣюсь, моя дорогая, что твое сердце и умъ подскажутъ тебѣ, почему я этого хочу и почему мнѣ будетъ крайне больно и обидно твое непослушаніе мнѣ въ этомъ случаѣ. Затѣмъ мысленно горячо обнимаю и благословляю тебя, мое дорогое дитя. Что̀ бы ни случилось съ тобою, помни, Наташа, что у тебя есть отецъ, который безконечно любитъ тебя и никогда не перестанетъ думать и заботиться о тебѣ. Какое бы горе ни случилось съ тобою, пиши мнѣ все искренно и откровенно и не переставай никогда видѣть во мнѣ того горячаго друга, котораго ты знала во мнѣ съ ранняго дѣтства. До свиданія. Горячо цѣлую тебя и благословляю. Я скоро возвращаюсь въ Москву и, вѣроятно, пробуду тамъ съ мѣсяцъ; пиши мнѣ прямо туда до востребованія».

IV.

Получивъ отъ Павла Петровича письмо, Викторъ Алексѣевичъ страшно раздражился.

Если онъ допускалъ временный разъѣздъ Марьи Сергѣевны съ мужемъ, то ужъ конечно

Digitized by Google

не для того, чтобы самому имѣть удовольствіе жениться на ней. Когда Марья Сергѣевна написала ему, что мужъ послѣ объясненія съ ней уѣхалъ, предоставивъ ей право развода, Викторъ Алексѣевичъ остался очень доволенъ этимъ поспѣшнымъ отъѣздомъ, дававшимъ ему возможность избѣжать всякихъ личныхъ переговоровъ и объясненій, столь нежелаемыхъ имъ и даже отчасти пугавшихъ его. На право развода, предоставляемое Марьѣ Сергѣевнѣ мужемъ, онъ почти не обратилъ вниманія и только съ легкимъ неудовольствіемъ сказалъ себѣ, читая эти строки, «ну, ладно, какъ же»... Вообще же весь оборотъ, который приняло это дѣло, казался ему относительно благополучнымъ. Въ душѣ онъ только немножечко побаивался, что все это выйдетъ гораздо хуже и затруднительнѣе. Правда, фактъ, что Наташа осталась-таки съ матерью, сначала разсердилъ его, но потомъ, обсудивъ спокойнѣе, онъ нашелъ, что такъ пожалуй и лучше. По крайней мѣрѣ, это избавляло его отъ совмѣстнаго сожительства съ Марьей Сергѣевной. Еслибы Марья Сергѣевна бросила для него не только мужа, но и дочь, то очень вѣроятно, что она, страстно влюбленная въ него и вполнѣ уже свободная тогда, пожелала бы и жить съ нимъ вмѣстѣ. Викторъ Алексѣевичъ прекрасно зналъ, что на это онъ никогда не согласится; но подобное желаніе съ ея стороны могло повлечь за собой, въ случаѣ его отказа, новыя непріятности и исторіи. Теперь же, при взрос-

Digitized by Google

лой дочери, Марья Сергѣевна, понятно, и сама не станетъ желать этого. Наташа, какъ бы невидимо, будетъ разъединять ихъ именно насколько это нужно, чтобъ отношенія ихъ не сдѣлались бы ни постоянными, ни слишкомъ ужъ интимными. Очень мѣшать дѣвчонка не можетъ; съ ней онъ всегда съумѣетъ справиться, тѣмъ болѣе теперь, когда карты раскрыты и нечего опасаться каждую минуту, что она можетъ разсказать что нибудь папенькѣ. Теперь папенька и самъ все знаетъ. И Викторъ Алексѣевичъ съ легкимъ духомъ и даже въ пріятномъ настроеніи, какъ бы отъ удачно выиграннаго имъ процесса, любезно принялъ на себя разныя хлопоты по случаю переѣзда Марьи Сергѣевны. Какъ вдругъ это проклятое письмо!

Прочтя его, Викторъ Алексѣевичъ даже вспыхнулъ отъ злости. Въ душѣ онъ долженъ былъ признаться себѣ, что этого письма или вообще какого нибудь объясненія и нужно было ожидать; но, не получая почти недѣлю ничего подобнаго, онъ началъ совсѣмъ было успокоиваться и думать, что все покончено. Письмо было непріятнымъ сюрпризомъ. Въ первую минуту Викторъ Алексѣевичъ призадумался, что̀ ему дѣлать. Слѣдуетъ ли отвѣчать и, если слѣдуетъ, то какъ.

Конечно, онъ не желалъ жениться на Марьѣ Сергѣевнѣ и прекрасно зналъ заранѣе, что никогда этого не сдѣлаетъ, но такъ прямо и отвѣтить въ виду категорическаго запроса Павла

Digitized by Google

Петровича, онъ не хотѣлъ, понимая, что тогда все это осложнится еще непріятнѣе и даже можетъ привести его къ чему нибудь очень для него печальному и, конечно, нежелательному. Не отвѣчать ничего—тоже было нельзя. Павелъ Петровичъ, не получая отвѣта, могъ пріѣхать и потребовать личнаго объясненія, что̀ будетъ еще хуже и глупѣе. Отвѣчать же согласіемъ и закрѣпить подобное письмо своею подписью — крайне опасно. Это значило какъ бы выдать на самого себя добровольный вексель, бумажный документъ, которыхъ онъ всегда терпѣть не могъ, а особенно въ такихъ щекотливыхъ дѣлахъ.

Теперь онъ былъ не только недоволенъ, но и негодовалъ на себя за то, что допустилъ всю эту «дурацкую» исторію съ разъѣздомъ. Вѣдь шло же дѣло прекрасно и безо всякихъ разъѣздовъ; очень нужно было добровольно всовывать голову въ петлю.

Викторъ Алексѣевичъ продумалъ почти цѣлый день, какъ поступить ему такъ, чтобы, не подвергаясь опасности, найти для себя удобный и благополучный исходъ.

Въ сущности, въ виду такихъ непріятныхъ осложненій, онъ былъ бы очень радъ хоть сейчасъ же развязаться съ этою исторіей и покончить всякія отношенія съ Марьей Сергѣевной, переходившія изъ легкихъ и пріятныхъ въ затруднительныя и непріятныя. Но онъ понималъ, что теперь это невозможно. Павелъ

Digitized by Google

Петровичъ, узнавъ о подобномъ концѣ, вмѣсто развода, потребуетъ удовлетворенія.

— Чортъ знаетъ что̀ такое!—говорилъ себѣ Викторъ Алексѣевичъ со злостью и раздраженіемъ.—Какъ все это глупо вышло! И кой чортъ толкалъ меня соваться во всю эту путаницу?

Онъ былъ золъ и недоволенъ и собой, и обстоятельствами, и своимъ лакеемъ Аристархомъ, и Марьей Сергѣевной, и проиграннымъ въ довершеніе всѣхъ благъ однимъ важнымъ для него въ судѣ дѣломъ.

— Ну, полоска подошла! Одно за другимъ!

Наконецъ онъ рѣшилъ написать Павлу Петровичу слѣдующее:

«Милостивый государь. — Прошу васъ быть вполнѣ увѣреннымъ, что ваше предложеніе не только не встрѣтитъ препятствій съ моей стороны, но что я самъ лично буду споспѣшествовать, насколько возможно, къ скорѣйшему его окончанію. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи готоваго къ услугамъ вашимъ В. А. Вабельскаго».

Перечтя свое посланіе, Викторъ Алексѣевичъ остался имъ доволенъ. Ни именъ, ни ясныхъ обѣщаній, никакихъ фразъ, могущихъ компрометировать и обязывать его къ чему нибудь! А между тѣмъ отвѣтъ вполнѣ ясный, точный и прямой, хотя настоящій смыслъ его можетъ быть понятенъ только Павлу Петровичу, тогда какъ никому другому отвѣтъ его не объяснялъ, о какомъ дѣлѣ говорится въ письмѣ. Вабельскому,

Digitized by Google

какъ присяжному повѣренному, не разъ приходилось посылать подобныя письма къ своимъ многочисленнымъ кліентамъ по офиціальнымъ дѣламъ.

Отвѣтъ временно освобождалъ его отъ дальнѣйшихъ непріятныхъ столкновеній и объясненій съ Павломъ Петровичемъ, а между тѣмъ, прежде чѣмъ этотъ глупѣйшій разводъ будетъ оконченъ, онъ придумаетъ какой нибудь иной исходъ, да, наконецъ, и сами обстоятельства, быть можетъ, сложатся еще такъ, что избавятъ его не только отъ женитьбы, но и ото всей этой пошлой исторіи, въ которую онъ запутался какъ мальчишка, глупо и неосторожно. Къ тому же, разводъ всегда можно болѣе или менѣе затянуть, а ему, съ его связями и знакомствами въ судѣ и консисторіи, это даже легче чѣмъ кому бы то ни было. И стараясь успокоиться и выйти изъ того дурного расположенія духа, которое нагнали на него всѣ эти размышленія, Викторъ Алексѣевичъ умылся, причесался и одѣлся, какъ всегда, съ особенною заботливостью и вниманіемъ, и поѣхалъ по разнымъ дѣламъ.

V.

Послѣдніе возы нагружались предъ растворенным настежъ параднымъ подъѣздомъ Альбиныхъ.

Марья Сергѣевна, слѣдя за переноской, пе-

Digitized by Google

чально сидѣла на вынесенномъ изъ мужнина кабинета креслѣ, въ своемъ опустѣломъ будуарѣ. Она тоскливо глядѣла, какъ выносили вещь за вещью и сердце ея сжималось ноющею болью.

Каждая вещь вызывала въ ней воспоминаніе о чемъ-то далекомъ, отрадномъ и миломъ... Сколько вещей уложила она своими руками, сколько попалось ей вещей уже старыхъ, позабытыхъ и только во время укладки вновь попавшихся на глаза... Каждая изъ нихъ имѣла свою исторію и развертывала предъ ней свою отжитую страничку жизни... Еще дороже казались ей тѣ вещи, которыя она оставляла здѣсь. И взглядами, и ласковымъ прикосновеніемъ руки, она прощалась съ ними, какъ бы съ живыми, близкими ей существами, ея товарищами прежнихъ счастливыхъ и спокойныхъ дней.

Въ этой квартирѣ она прожила почти одиннадцать лѣтъ, и теперь эти годы вставали въ ея памяти ожившими до мельчайшихъ подробностей.

Она такъ страстно желала еще недѣлю назадъ свободы, независимости и начала совсѣмъ новой, иной жизни. И вотъ это совершилось, все сдѣлалось такъ, какъ она хотѣла, а въ душѣ своей она чувствовала только боль, тоску и пустоту. Мысль о Вабельскомъ уже не вызывала въ ней особенной радости и счастія.

Такъ сильна еще была надъ нею власть прошлаго и привычки и только теперь она поняла

Digitized by Google

это. Съ этого дня кончалась ея прежняя жизнь, съ ея привязанностями, привычками и условіями, и все это ей казалось теперь лучше и дороже чѣмъ прежде. Она поняла, что воспоминанія объ этомъ прошломъ будутъ отравлять и портить ея новое счастіе и жизнь, и эта новая жизнь и счастіе, которыя она сама же избрала, не казались ей уже такими полными и прекрасными, какъ въ то время, когда она еще только мечтала о нихъ.

Съ невольно охватывавшими ее сомнѣніемъ и ужасомъ она спрашивала себя: то ли это, что̀ она хотѣла, и если то, дѣйствительно ли оно было нужно и хорошо. Серьезное, печальное лицо дочери, какъ бы постарѣвшей за эти дни, смущало ее еще сильнѣе.

Она угадывала ту ломку, которую сама же подняла въ душѣ Наташи. Марья Сергѣевна не могла скрыть отъ себя, что въ горѣ Наташи виновата одна она, и сознаніе этой вины мучило ея совѣсть, но исправить зло она уже не могла.

Когда послѣдній возъ былъ уже уложенъ и люди пришли сказать ей, что все готово, она тяжело поднялась съ кресла и, сказавъ, чтобъ ее ждали внизу, прошла въ кабинетъ мужа.

Тамъ все было по-старому. Его кабинетъ, столовая и зала остались нетронутыми; каждая вещь стояла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она помнила ее и двѣ недѣли и десять лѣтъ назадъ.

Все знакомо, каждая вещь, каждый уголъ... сколько тутъ поставлено ея же рукой!... Она

Digitized by Google

грустно переводила глаза съ одной вещи на другую и задумчиво взглянула на портфель мужа, лежавшій подъ ея рукой.

Онъ тоже несчастливъ, подумала она, и глаза ея затеплились мягкимъ, влажнымъ свѣтомъ,— оттого и я не чувствую счастья... Они несчастливы оба... Мое счастіе вытекаетъ изъ ихъ несчастія, и такое счастіе не можетъ быть полно...

Въ сосѣдней комнатѣ раздался голосъ Ѳени, спрашивавшей у носильщиковъ, гдѣ барыня.

Марья Сергѣевна нетерпѣливо откликнулась и, выйдя въ залу, остановилась на минуту около двери, запирая ее на ключъ. Ключъ до пріѣзда Павла Петровича нужно было отдать швейцару. Когда замокъ щелкнулъ протяжнымъ металлическимъ звукомъ, ноющая тоска опять засосала ея сердце.

Ѳеня съ узлами и картинками, сидя на окнѣ, ожидала ее въ опустѣлой гостиной. Подходя къ гостиной, Марья Сергѣевна слышала, какъ Ѳеня, любившая выражаться по-книжному и деликатно, сказала кухаркѣ:

— Точно развалины...

Марья Сергѣевна вздрогнула.

Да... правда, это развалины всего прежняго, прошлаго и на нихъ она строитъ новое... Ей вдругъ вспомнилась притча изъ Евангелія, о томъ, какъ одинъ человѣкъ построилъ домъ свой на пескѣ и домъ не выдержалъ первыхъ же дождей и вѣтровъ, и рухнулъ. И это рухнетъ...

Digitized by Google

сказала она себѣ, и въ это мгновеніе ей было такъ ясно и понятно, что оно должно рухнуть. Но какъ бы испугавшись своего предчувствія и желая отогнать его, она начала торопливо расплачиваться и раздавать на чай всѣмъ ожидавшимъ ее дворникамъ и носильщикамъ. На всѣхъ этихъ лицахъ ей видѣлось любопытство и недоумѣніе, и мысленно она уже слышала всѣ тѣ сплетни, которыми всѣ они втихомолку судятъ и рядятъ ее теперь, за ея же спиной. Она сконфуженно краснѣла и, стараясь ни на кого не глядѣть, поспѣшно спускалась съ лѣстницы. Наташа дожидалась ея уже въ каретѣ. Но когда карета тронулась и стоявшіе на крыльцѣ швейцаръ и дворники сняли предъ ней въ послѣдній разъ шапки и кланялись имъ на прощанье съ какимъ-то точно сожалѣніемъ, Марьѣ Сергѣевнѣ стало вдругъ такъ жаль не только опустѣвшей квартиры, но даже этихъ добродушныхъ бородатыхъ лицъ, которыя въ теченіе многихъ лѣтъ она привыкла видѣть и встрѣчать почти каждый день. Она невольно подняла кверху глаза и взглянула еще разъ на оголенныя темныя окна своей квартиры. Только на окнахъ залы и кабинета сторы были спущены, точно тамъ былъ тяжело больной.

Наташа еще долго, пока онѣ не повернули за уголъ и домъ совсѣмъ не скрылся изъ виду, глядѣла изъ кареты на убѣгающія вдаль темныя окна его... И когда ихъ совсѣмъ не стало видно, она вдругъ заплакала и, быстро

Digitized by Google

вытирая глаза, старалась, чтобы мать не замѣтила ихъ.

— Прощай, папа... сказала она, тихо плача.

VI.

Перебравшись на новоселье, Марья Сергѣевна стала жить очень замкнуто и уединенно. Вся ея исторія съ Вабельскимъ и съ разводомъ скоро разгласилась по всему кругу ея знакомыхъ и сдѣлалась достояніемъ сплетенъ и пересудовъ. Хорошо сознавая всю двусмысленность своего положенія, она и сама тщательно избѣгала всѣхъ встрѣчъ съ прежними знакомыми.

Прошло почти полгода со времени ея разлуки съ Павломъ Петровичемъ, а ощущеніе чего-то неопредѣленнаго, неизвѣстнаго и бивуачнаго, которое она испытывала тогда, не проходило и теперь. Она невольно сознавалась себѣ, что раньше, мечтая, она представляла себѣ новую жизнь совсѣмъ не такою, какою она оказывалась въ дѣйствительности. Порой ей даже казалось, что прежде было лучше; тогда еще всѣ надежды и мечты возлагались на будущее, а теперь это будущее стало настоящимъ, а надеждъ и вѣры становилось все меньше. И впереди, кромѣ рожденія ребенка, котораго она поджидала со страннымъ чувствомъ тревоги и радости, почти не могло уже случиться ничего та-

Digitized by Google

кого, что̀ снова повернуло бы ея жизнь къ лучшему. Она старалась заглушить и подавить въ себѣ чувство пустоты, когда оно слишкомъ сильно подступало ей къ сердцу, приписывая его всему: и ложности своего положенія, и болѣзненному состоянію беременности, и укорамъ совѣсти за мужа и дочь, и только настоящую причину его не хотѣла понять, хотя сознаніе этой причины безсознательно жило въ ней.

Причина была та, что она инстинктивно чувствовала въ Вабельскомъ недостатокъ любви. Этимъ инстинктомъ она также понимала и непрочность своего счастія съ нимъ и невольнымъ предчувствіемъ предугадывала въ будущемъ нѣчто еще худшее и болѣе тяжелое, чѣмъ то, что было теперь. Но чѣмъ сильнѣе говорило въ ней это предчувствіе, чѣмъ меньше вѣры оставалось въ прочность его любви къ ней, тѣмъ больше любила она его, какъ бы только изъ страха потерять его совсѣмъ. Она сознавала, что въ немъ весь интересъ, вся полнота и прелесть ея существованія, что безъ него существованіе ея будетъ окончательно разрушено и безцѣльно, и инстинктивно цѣплялась за него, какъ за единственное спасеніе. Самая громадность жертвъ ея, принесенныхъ для него и такъ исковеркавшихъ весь строй ея жизни, заставляла ее еще горячѣе привязываться къ нему.

Бракоразводное дѣло шло очень медленно и, затягиваемое различными проволочками, грозило не кончиться, по крайней мѣрѣ, еще годъ. Но

Digitized by Google

въ душѣ Марья Сергѣевна была бы довольнѣе, еслибы мужъ совсѣмъ не поднималъ этого дѣла. Его великодушіе и доброта порой даже тяготили ее, а мысль, что онъ беретъ всю вину на себя и пачкается изъ-за нея въ грязи ложныхъ на себя свидѣтельствъ, была ей противна и тяжела, тѣмъ болѣе, что она хорошо понимала всю безполезность этого развода. Перестать вѣрить въ то, что Вабельскій любитъ ее все такъ же страстно и горячо, какъ ей казалось это вначалѣ, она не хотѣла да и не могла; но она хорошо сознавала, что онъ не хочетъ жениться на ней.

Онъ самъ нѣсколько разъ намекалъ ей болѣе или менѣе ясно, что бракъ не въ его принципахъ и что, по всей вѣроятности, онъ никогда не женится. Марья Сергѣевна со своею врожденною деликатностью и застѣнчивостью и не обязывала его къ этому не только словами, но и мысленно.

Одно, чего она желала, это не потерять его совсѣмъ и, страстно боясь этого, она довольствовалась тѣми крохотными правами, которыя отчасти у нея были на него, и не требовала ничего бо̀льшаго, боясь потерять и послѣднее. Но все-таки Марья Сергѣевна не могла бы сказать, что она была совсѣмъ несчастлива. Она такъ любила его, что уже самая сила этого чувства давала ей нѣкоторое счастіе. И любя его такъ страстно, она находила счастіе въ томъ, что̀ не удовлетворило бы другую женщину, любя-

Digitized by Google

щую менѣе горячо и ослѣпленно. Каждая его маленькая ласка дѣлала ее уже счастливою и, радуясь ей, она забывала всякое горе. Будущее, правда, пугало ее и пугало особенно сильно именно, когда этихъ ласкъ съ его стороны не было. Живя съ мужемъ, она всегда представляла себѣ свое будущее простымъ, яснымъ и опредѣленнымъ. Теперь же, думая порой о немъ, она терялась и, не будучи въ состояніи никакъ представить его себѣ, начинала невольно пугаться и бояться его.

Павелъ Петровичъ перевелся въ Москву и жилъ тамъ, переписываясь время отъ времени съ дочерью. Иногда Наташа приносила эти письма матери. Но Марья Сергѣевна и сама Наташа чувствовали какую-то неловкость и смущеніе, читая ихъ вмѣстѣ, а потому, какъ бы молча сговорившись, старались умалчивать о нихъ. Мать съ дочерью рѣдко говорили объ отцѣ. Каждый подобный разговоръ стѣснялъ ихъ, и воспоминанія о чемъ бы то ни было касавшемся прежняго были имъ обѣимъ непріятны и тяжелы. Та страстная, трогательная жалостливость къ матери, которую Наташа впервые почувствовала къ ней наканунѣ возвращенія отца и продолжала испытывать почти все время до полнаго разрыва Марьи Сергѣевны съ мужемъ, стала постепенно опять исчезать въ ней. Наташѣ дѣлалось за это стыдно, но вызвать ее въ себѣ вновь она почему-то уже не могла. Она не могла точно опредѣлить себѣ

Digitized by Google

то время, когда въ ней началось это новое охлажденіе и отчужденіе къ матери; но ей казалось, что скорѣе всего это началось въ ту самую минуту, когда она съ плачемъ кинулась на шею къ отцу, какъ бы прося этимъ простить ее за то, что она выбираетъ мать, а не его. Наташа выбрала мать, такъ какъ въ ту минуту ей казалось, что она не въ состояніи будетъ жить безъ нея и еще по чувству какого-то нравственнаго долга, который обязывалъ ее, какъ она думала, не бросать мать и защищать ее въ несчастіи. Но когда Наташа сдѣлала этотъ ужасный для нея выборъ, заставлявшій ее отказываться отъ одного изъ горячо любимыхъ ею существъ, въ душѣ ея невольно и безсознательно поднялось чувство горечи и раздраженія противъ того изъ нихъ, во имя котораго она отказывалась отъ другого. Съ тѣхъ поръ эта горечь не проходила и, часто растравляемая явными доказательствами страстной любви матери къ Вабельскому, сильнѣе поднималась въ душѣ дѣвочки и больше портила и безъ того уже ихъ неискреннія отношенія. Онѣ мало говорили другъ съ другомъ, каждая изъ нихъ жила своею внутреннею жизнію, что̀ еще больше разъединяло ихъ, и симпатія, стремленія, мечты, надежды—все было у нихъ разное и мечты одной противорѣчили желаніямъ другой.

Къ этому въ Наташѣ прибавилась тоска по отцѣ и по «прежнему». Она не могла забыть это «прежнее» и страстно обращалась къ нему

Digitized by Google

всею душой. Оно составляло для нея всю цѣль желаній и надеждъ. И такъ какъ она видѣла мать совершенно переродившеюся и принадлежащею всецѣло тому новому, которое Наташа глубоко ненавидѣла, то все «прежнее», святое и счастливое, воплотилось для нея въ образѣ отца. Любовь ея къ нему стала сильнѣе чѣмъ когда нибудь, но хотя совѣсть и мучила ее за измѣну ему, она все же знала теперь, что не бросила бы мать и не ушла бы отъ нея. Она видѣла ее слабою, безпомощною, запутавшеюся въ чемъ-то ужасномъ и, чувствуя себя нравственно сильнѣе и тверже, считала своимъ долгомъ не оставлять ея, быть при ней, помогать и защищать ее отъ того «ужаснаго», въ чемъ она запуталась. Какъ это сдѣлать, какъ можетъ она защитить мать, Наташа и сама не умѣла ясно опредѣлить себѣ. Но, ненавидя Вабельскаго всѣми силами души, она знала только, что онъ-то и есть источникъ и виновникъ всего зла и несчастія, постигщаго ихъ семью, и что именно онъ-то и есть тотъ страшный врагъ, то «ужасное», противъ чего она должна бороться до послѣдней возможности. Наивная, неопытная и нѣсколько экзальтированная, какъ и вообще подростки въ пятнадцать лѣтъ, она часто, лежа по ночамъ у себя въ постели, придумывала, какъ освободиться отъ Вабельскаго, и создавала въ своей головѣ цѣлые романы. Она то убивала его, что̀ не только не вызывало въ ней ужаса и страха, но, напротивъ, она

Digitized by Google

мысленно совершала это съ тѣмъ чувствомъ наслажденія, съ какимъ въ дѣйствительной жизни раздавила бы ядовитую гадюку, готовую ужалить ея мать. То она жертвовала какъ-то собою, своею жизнью, и мать, растроганная ея жертвой и смертью, раскаивалась и сама возвращалась къ отцу. То какою-то иною, нравственною силой она побѣждала своего врага, вырывала изъ сердца матери ея несчастную любовь къ нему и онѣ вмѣстѣ возвращались къ отцу, къ прежней жизни и счастью. Порой ей казалось, что все это только сонъ, страшный кошмаръ; вотъ-вотъ она проснется и тогда все пройдетъ и окажется неправдой. Иногда, просыпаясь поутру, она спрашивала себя: не сонъ ли все, что̀ было, и медлила открыть глаза, мечтая, что, раскрывъ ихъ, увидитъ опять знакомыя милыя стѣны ихъ старой квартиры на Николаевской. По ночамъ, когда она лежала одна въ темной комнатѣ, разгоряченная и взволнованная мечтами, ей все это казалось просто, легко и осуществимо; но днемъ, когда она снова входила въ дѣйствительную жизнь, ея умъ, въ которомъ была частица трезвости и дѣловитости отца, снова уяснялъ себѣ всю несбыточность и невозможность ея грезъ. Часто также, и особенно часто опять-таки по ночамъ, она силилась мысленно представить себѣ, гдѣ теперь отецъ, что̀ дѣлаетъ въ эту минуту и что̀ думаетъ. Она создавала въ своемъ воображеніи отчетливую до мельчайшихъ подробностей кар-

Digitized by Google

тину, въ которой мысленно видѣла не только его самого, но что̀, по ея мнѣнію, должно было окружать его въ эту минуту. Она видѣла мебель, его письменный столъ съ бумагами, стаканъ чаю съ серебряными рѣшоточками подстаканника и круглымъ кусочкомъ лимона, плавающимъ въ немъ, точно такъ, «какъ тогда было при нихъ», а его лицо, фигура и руки, выступавшія изъ-подъ широкихъ рукавовъ крахмаленной рубашки, застегнутыхъ круглыми плоскими, его любимыми запонками чернаго серебра, рисовались ей такъ ясно и живо, что ей хотѣлось броситься къ нему на шею и крѣпко прижаться къ этой волосатой милой рукѣ. И она жмурила глаза, чтобъ еще яснѣе запечатлѣть предъ собой свою мысленную картину, и по той складочкѣ, которую, ей казалось, она видитъ между его бровей, она чутьемъ угадывала всю тоску его одиночества, и страстная жалость и любовь къ нему еще сильнѣе охватывали ее и, плача сама, она начинала утѣшать его, говорить съ нимъ и ласкать его. Чѣмъ больше думала она объ отцѣ, тѣмъ отвратительнѣе и ужаснѣе становился для нея Вабельскій. Она ненавидѣла не только его самого, но и каждую черту его порознь: его фигуру, лицо, голосъ, брови, взглядъ, зубы, все, что̀ составляло какимъ нибудь образомъ его принадлежность. Какъ собака или перчатка Виктора Алексѣевича вызывали въ Марьѣ Сергѣевнѣ отблескъ нѣжности и любви, такъ эта же собака и пер-

Digitized by Google

чатка Наташу заставляли блѣднѣть и вздрагивать отъ какого-то гадливаго чувства. Даже руки своей она не могла протянуть ему безъ того, чтобы не почувствовать въ себѣ этого чувства гадливости. И когда она видѣла его, въ ней сразу мѣнялось не только расположеніе духа, но и самое лицо и голосъ.

Викторъ Алексѣевичъ прекрасно понималъ, какое чувство вызываетъ онъ въ Наташѣ, и ото всей души платилъ «дѣвчонкѣ» тѣмъ же. Но, сознавая свое превосходство и силу, онъ иногда съ какимъ-то наслажденіемъ старался нарочно разжечь и раздразнить ее, какъ бы желая этимъ и отомстить, и показать ей нагляднѣе все ея безсиліе. И зная, чѣмъ всего скорѣе можно возмутить ее, онъ начиналъ, нарочно, при ней показывать свое вліяніе и близость къ Марьѣ Сергѣевнѣ. Говорилъ ей «ты», ласкалъ, требуя шутя въ отвѣтъ такихъ же ласкъ, и взглядывалъ при этомъ на Наташу своими свѣтлыми, насмѣхающимися, холодными глазами, какъ бы мысленно говоря: «Что, волченокъ! чья взяла?»

Наташа инстинктомъ чувствовала, что онъ дѣлаетъ это «нарочно, на зло ей»; она блѣднѣла, глаза ея вспыхивали злымъ огнемъ и приливъ ненависти охватывалъ ее съ такою страстною силой, что она забывала все и, чувствуя только на себѣ этотъ «его» взглядъ, внутренно издѣвающійся надъ нею, какъ бы безумѣла; ее одолѣвало страстное желаніе бро-

Digitized by Google

ситься на него и, вцѣпившись въ его горло, задушить его съ мучительнымъ наслажденіемъ собственными руками. И она до боли закусывала губы и убѣгала къ себѣ, съ помутившимися глазами, задыхаясь отъ внутренней борьбы.

Марья Сергѣевна, сдерживавшаяся, стѣснявшаяся прежде и избѣгавшая быть при дочери очень ласковою съ Викторомъ Алексѣевичемъ, постепенно привыкала къ ея присутствію и незамѣтно для самой себя начала сдерживаться все меньше и меньше. Сначала она не допускала Вабельскаго пріѣзжать къ нимъ на квартиру слишкомъ часто и подолгу оставаться у нихъ. Она предпочитала сама ѣздить къ нему, гдѣ чувствовала себя болѣе свободною. Но ея беременность, крайне тяжелая, осложнившаяся еще и болѣзненными припадками сердца, часто заставляла ее не только не выходить подолгу изъ дома, но и лежать по нѣскольку дней въ постели. Тогда ей было тяжело не видѣться съ нимъ такъ долго и она сама посылала за нимъ. Онъ пріѣзжалъ, просиживалъ по нѣскольку часовъ и она сама удерживала его, чувствуя страшную тоску при одной мысли, что онъ уѣдетъ и что она опять останется одна, больная и безпомощная, и, быть можетъ, не увидитъ его ни завтра, ни послѣзавтра. Если въ комнатѣ была Наташа или горничная, Марья Сергѣевна сдерживалась сколько могла, говорила съ нимъ на «вы» и какимъ-то особеннымъ плохо выдер-

Digitized by Google

жаннымъ офиціальнымъ тономъ, и только украдкой сжимала на мгновеніе его руку въ своей и не сводила съ него влюбленныхъ жадныхъ глазъ. Но какъ только онѣ уходили, она сейчасъ же, какъ бы спѣша вознаградить себя за добровольное лишеніе и притворство, переходила опять на «ты» и осыпала его беззвучными, но страстными поцѣлуями и ласками, отъ которыхъ Викторъ Алексѣевичъ только слегка поморщивался и отстранялся. Иногда она не выдерживала даже и при Наташѣ, и у нея невольно вырывался какой нибудь влюбленный жестъ, слово, взглядъ. Часто она проговаривалась и при дочери называла его «ты». Выдавъ себя такимъ образомъ, Марья Сергѣевна вспыхивала и бросала на Наташу быстрый сконфуженный взглядъ. Но Наташа съ угрюмымъ упрямствомъ не поднимала на нее глазъ, а по ея лицу трудно было рѣшить, замѣтила ли она промахъ матери или нѣтъ. Въ большинствѣ случаевъ, какъ только Вабельскій пріѣзжалъ, она тотчасъ уходила къ себѣ. Но ея комната приходилась стѣна о стѣну съ материнскою, и она не только слышала ихъ голоса, но если они случайно возвышались, то до нея ясно долетали и слова. Тогда она краснѣла и быстро вскакивала и, спустивъ тяжелую портьеру на своей двери, крѣпко зажимала уши руками и начинала вслухъ долбить какой нибудь урокъ, стараясь своимъ голосомъ заглушить тѣ слова, что̀ раздавались въ сосѣдней комнатѣ.

Digitized by Google

Но мучительнѣе всего было для Наташи сознаніе, что у ея матери скоро будетъ другой ребенокъ. Ей казалось это чѣмъ-то такимъ ужаснымъ, обиднымъ и оскорбительнымъ, что она почти не вѣрила въ подобную возможность. А между тѣмъ эта возможность дѣлалась все очевиднѣе и все приближалась. Она видѣла измѣнившуюся фигуру матери, ея болѣзненные припадки и при видѣ ихъ и этой фигуры Наташу охватывало брезгливое и непріятное чувство. Ей дѣлалось противно и горечь сильнѣе поднималась въ душѣ ея. Марья Сергѣевна сначала старалась отчасти маскировать отъ дочери свое положеніе, но потомъ она поняла, что дочь все равно догадывалась. Наташа часто заставала мать за шитьемъ крошечныхъ рубашекъ и пеленокъ; при ея входѣ Марья Сергѣевна всегда торопливо прятала ихъ по какому-то тайному чувству, не позволявшему ей приготовлять бѣлье будущему ребенку своего любовника въ присутствіи дочери своего мужа. Но съ теченіемъ времени прошло постепенно и это чувство.

Чѣмъ больше онѣ расходились съ Наташей, чѣмъ болѣе чуждыми становились другъ для друга, тѣмъ съ большею нѣжностью думала Марья Сергѣевна о будущемъ ребенкѣ. Чувствуя непрочность любви Вабельскаго, охлажденіе съ дочерью, разрывъ съ мужемъ и полное разстройство всей жизни, въ случаѣ, еслибы Вабельскій бросилъ ее, она инстинктомъ искала въ этомъ ребенкѣ новой цѣли, новаго источ-

Digitized by Google

ника счастья и жизни, новой привязанности, безъ которой не могла обойтись. Порой ей даже казалось, что въ этомъ ребенкѣ воскреснетъ «ея» прежняя Наташа, которая осталась гдѣ-то въ далекомъ прошломъ и по которой она такъ часто и горько тосковала...

VII.

Въ ночь на 29 марта у Марьи Сергѣевны родился сынъ.

Наташа съ какимъ-то болѣзненнымъ и тревожнымъ ощущеніемъ прислушивалась къ страшнымъ крикамъ, долетавшимъ до нея изъ комнаты матери. Силой природнаго инстинкта женщины, она не только постигала всю муку этой ужасной боли, но, слыша эти раздирающіе крики, она какъ бы чувствовала и въ себѣ то страданіе, которое должна была испытывать ея мать. Ощущеніе этой рефлективной боли дѣлалось въ ней порой до того острымъ и физическимъ, что она даже схватывала себя за грудь и крѣпко сжимала ее, такъ какъ ей казалось, что эту боль она чувствуетъ именно въ груди, то есть тамъ, гдѣ, она думала, чувствуетъ ее и Марья Сергѣевна... Но въ то же время въ душѣ ея не было жалости къ матери. Жалость заглушалась въ ней сознаніемъ, что въ новомъ страданіи матери виноватъ все тотъ же Вабельскій, то есть врагъ ея, котораго въ эти ми-

Digitized by Google

нуты она ненавидѣла сильнѣе чѣмъ когда нибудь. Еще годъ тому назадъ Наташа не съумѣла бы понять, какимъ образомъ этотъ ребенокъ могъ быть ребенкомъ Вабельскаго, а не ея отца, за которымъ ея мать была замужемъ. Но за этотъ годъ она пріучилась думать, наблюдать, вглядываться и допытываться до всего; ей пришлось пережить и испытать больше, чѣмъ бы слѣдовало для ея возраста, и врожденный инстинктъ женщины развился въ ней постепенно, и многое ей стало безсознательно понятно. Въ силу этого инстинкта, она еще задолго до рожденія ребенка поняла, что онъ чужой для ея отца, а слѣдовательно и для нея. Она не находила въ себѣ даже простого участія, и одна мысль, что отецъ этого ребенка—ея заклятый врагъ, уже возстановляла и ожесточала ее и противъ самого ребенка. И, думая о немъ, она чувствовала почти такую же ненависть, какую чувствовала и къ его отцу.

Наташа не раздѣвалась и не ложилась спать всю ночь. Сидя на окнѣ, она машинально смотрѣла на темную пустую улицу, чутко прислушиваясь къ тому, что дѣлалось въ сосѣдней комнатѣ. На дворѣ моросилъ частый дождикъ, небо начинало уже блѣднѣть и занимался сѣренькій дождливый день, болѣе напоминавшій позднюю осень, чѣмъ раннюю весну.

Постепенно Наташа привыкала къ стонамъ, доносившимся изрѣдка изъ спальни. И лишь при какомъ нибудь особенно раздирательномъ кри-

Digitized by Google

кѣ она вздрагивала и тревожно приподнимала голову, нѣсколько мгновеній смотря на запертую дверь испуганными, широко раскрытыми глазами.

Къ утру ее одолѣла, наконецъ, усталость. Всѣ кости ея болѣли; отъ неудобной напряженной позы, въ которой она просидѣла на окнѣ почти всю ночь, у нея затекли ноги и ломило поясницу. Она встала, слегка потянулась и подошла къ кровати. Ей страшно хотѣлось прилечь, во рту у нея непріятно пересыхало и въ головѣ стучала, приливая, кровь, но, боясь заснуть, она не хотѣла ложиться совсѣмъ и, только присѣвъ на открытую постель, устало опустила на подушки свою голову. Хотя она не протянула даже ногъ, но ей вдругъ показалось необыкновенно удобно и хорошо на этой постели. Она свернулась еще больше «калачикомъ», подсунувъ руку подъ лицо, легла, какъ любила, бывало, лежать еще маленькою. Ощущеніе теплоты, разлившейся по всему ея нывшему тѣлу, вдругъ какъ-то сразу отодвинуло отъ нея и крики матери, и рожденіе ребенка, и все, что она думала...

Въ сосѣдней комнатѣ что - то говорили...

Наташа крѣпко спала на томъ самомъ боку и въ той самой позѣ «клубочка», въ которой заснула. Конецъ одѣяла соскользнулъ съ нея и, раскрывъ ея спину, упалъ на полъ, но она не чувствовала ничего, не видѣла сновъ и ни разу не повернулась на другую сторону. Только ли-

Digitized by Google

цо ея все разгорѣлось и пылало ровнымъ яркимъ румянцемъ, да на лбу, около корней темныхъ волосъ, выступили маленькія влажныя капельки пота. И она бы долго такъ проспала, но что-то вдругъ стало ей мѣшать. Какой-то звукъ... Что-то, гдѣ-то кричало, и сквозь сонъ она слышала этотъ крикъ; онъ смутно тревожилъ ее, какъ иногда тревожитъ спящаго человѣка жужжащяя вокругъ его головы неотвязная муха. Какъ бы желая заглушить для себя этотъ мѣшающій ей крикъ, Наташа сквозь сонъ потянула плотнѣе на себя одѣяло. Но звукъ продолжался, и продолжалъ постепенно разбивать ея сонъ; она нетерпѣливо тряхнула головой и нехотя повернулась на другой бокъ, думая, вѣроятно, прекратить звуки этимъ движеніемъ. Они какъ будто стихли, но чрезъ мгновеніе поднялись съ новою силой и ей казалось, что они не только продолжаются, но и усиливаются, превращаясь въ какой-то пронзительный плачъ, и приближаются къ ней. Она лѣниво открыла глаза и нехотя приподняла голову. Въ первое мгновеніе она ничего не могла сообразить и съ неудовольствіемъ оглядывалась вокругъ сердитыми, еще совсѣмъ сонными, слегка покраснѣвшими глазами. И вдругъ звукъ, разбудившій ее, раздался такъ ясно и близко, что она даже вздрогнула...

Съ испугомъ вслушиваясь въ этотъ громкій плачъ, которымъ кричатъ только новорожденныя, да еще самыя маленькія грудныя дѣти, Наташа встала съ постели, осторожно подошла

Digitized by Google

ближе къ двери и молча слушала все съ тѣмъ же выраженіемъ въ лицѣ, какъ бы испуга и удивленія. Наконецъ, плачъ сталъ затихать, затихать и прекратился совсѣмъ.

Въ сосѣдней комнатѣ кто-то ходилъ, баюкая, повидимому, ребенка, и Наташа ясно слышала то «шш-и, шши, шш», которымъ няньки укачиваютъ обыкновенно дѣтей.

Потомъ кто-то, кажется акушерка, громко проговорилъ:

— Нѣтъ, кормить рано... просто ромашки тепленькой дать...

Наташа тихо вздохнула и, отойдя отъ двери, сѣла на стулъ.

Теперь она прекрасно все вспомнила и поняла. Не помнила только одного, когда она заснула и сколько проспала. Было уже совсѣмъ свѣтло, дождь пересталъ, но небо попрежнему было обложено дождливыми сѣрыми облаками.

Она прекрасно помнила, что не хотѣла засыпать всю ночь, именно потому, что хотѣла дождаться «этой» минуты. Почему она этого хотѣла, она не объясняла себѣ. И теперь ей было досадно, что она все-таки проспала и не дождалась. Теперь она менѣе чѣмъ когда нибудь чувствовала къ этому ребенку предубѣжденія и злого чувства. Скорѣй въ ней было къ нему какое-то любопытство. И мысленно она даже силилась представить себѣ, «какой онъ». Она никогда не видала еще новорожденныхъ, и этотъ ребенокъ пробуждалъ въ ней теперь

Digitized by Google

любопытство женщины, желающей узнать то, чего она еще не знаетъ.

— Онъ навѣрное будетъ похожъ на него... сказала она себѣ, и при этой мысли добродушное любопытство вдругъ стало какъ бы потухать въ ней и снова смѣняться отталкивающимъ и непріятнымъ чувствомъ.

Наташа угрюмо сидѣла на стулѣ, когда вошла Ѳеня съ кувшиномъ холодной воды, приносившейся для Наташи каждое утро на умыванье.

— Да ужъ вы и встали!—сказала Ѳеня,—а мы думали, еще спите, я ужъ будить пришла, одиннадцать часовъ скоро... и гимназію свою проспали.

И она остановилась, взглянувъ Наташѣ прямо въ лицо своими плутоватыми, усмѣхающимися глазами съ тѣмъ выраженіемъ, которое часто появляется у людей, когда они хотятъ объявить какую нибудь интересную новость.

— А вамъ Богъ братца послалъ!

Наташа вспыхнула и быстро скользнула глазами съ лица Ѳени на кувшинъ, который она держала въ рукахъ.

— Хорошенькій такой, продолжала Ѳеня,— розовенькій, да такой большой, просто можно сказать на удивленье ребеночекъ, даже бабушка удивляется: красавчикъ, говоритъ, будетъ...

Наташа все ниже и ниже опускала глаза, и пунцовая краска, залившая ея щеки, разлилась вдругъ и по лбу, и по шеѣ, и зажгла даже уши.

Digitized by Google

— Нѣтъ, зачѣмъ она мнѣ это говоритъ, думала она,—зачѣмъ?... Она знаетъ, что мнѣ непріятно... О, всѣ, всѣ онѣ перешли «къ нему». Даже эта Ѳеня, которую нанялъ еще отецъ.

И ей страшно хотѣлось заплакать и оттого, что у нея «братецъ родился», и оттого, что Ѳеня нарочно дразнитъ ее, какъ ей казалось, и оттого, что въ эту минуту она лучше и яснѣе чѣмъ когда нибудь сознавала, что то «прошлое», о которомъ она все еще мечтала, уже окончательно невозвратимо и невозможно.

— Да, сказала она себѣ,—теперь ужъ нельзя, совсѣмъ нельзя...

И она вдругъ рѣзко оборвала Ѳеню:

— Ну, давай мыться...

Ѳеня подошла къ умывальнику и, наливая воду на руки Наташи, продолжала все съ тѣмъ же плутовато-невиннымъ и непонимающимъ видомъ разсказывать и о «маленькомъ», и о томъ, какъ барыня мучилась, а теперь радуются, и тому подобныхъ вещахъ.

Наташа не совсѣмъ ошибалась. Между ею и Ѳеней уже давно завязалась скрытая непріязнь и даже борьба, начало которой положилъ опять-таки же Вабельскій.

Вабельскій всегда былъ очень щедръ съ чужою прислугой, лакеями и швейцарами, и потому пользовался ихъ фаворомъ. За эти полгода Ѳеня не только вполнѣ освоилась съ новымъ хозяиномъ, но почувствовала къ нему даже ту особенную слабость, которая часто

Digitized by Google

является у женской прислуги къ красивому и щедрому барину.

Къ Павлу Петровичу Ѳеня относилась съ тою сдержанною насмѣшливостью, съ оттѣнкомъ даже какъ бы легкаго презрѣнія и сознанія собственнаго превосходства, съ какимъ относилась и къ Марьѣ Сергѣевнѣ, и къ Наташѣ, и почти ко всѣмъ другимъ господамъ, которымъ служила. Къ Виктору же Алексѣевичу она чувствовала какое-то почтеніе, не только лично къ нему, но и къ его красотѣ и къ тому особенному тону, который онъ съ нею держалъ. Скорѣе любезный и даже шутливый, но вполнѣ игнорирующій ее и ни на одну секунду не позволявшій ей забыться предъ нимъ, онъ плѣнилъ ее и какъ прислугу, и какъ женщину, и она служила ему съ особеннымъ стараніемъ и удовольствіемъ. Именно вслѣдствіе этого-то и завязалась затаенная вражда между ею и барышней.

Наташа огорчалась, видя, что Ѳеня перешла совсѣмъ на сторону Вабельскаго, и не любила ее за это; Ѳеня же и раньше не чувствовала къ барышнѣ особенной нѣжности, а теперь, зная ея ненависть къ Вабельскому, никогда не упускала случая раздразнить ее чѣмъ нибудь. Изъ-за этого у нихъ часто завязывались ссоры, доходившія даже до Марьи Сергѣевны. И Марья Сергѣевна, дорожившая Ѳеней именно за ея преданность Вабельскому, и убѣдившись за послѣднее время, что у Наташи дѣйствительно дурной характеръ, нерѣдко принимала сторону

Digitized by Google

горничной, что всегда возмущало и оскорбляло Наташу чуть не до слезъ. Марья Сергѣевна за послѣднее время не только привыкла, но даже привязалась къ Ѳенѣ настолько, что почти не могла обходиться безъ нея. Ѳеня знала всю исторію, знала ея отношенія и къ мужу, и къ Виктору Алексѣевичу, и къ Наташѣ, и, повидимому, не только не порицала ихъ, но отношенія къ Вабельскому даже одобряла. Марья Сергѣевна, внутренно вѣчно искавшая себѣ защиты и оправданія, была въ душѣ очень благодарна своей горничной, понимавшей и не порицавшей ее. Мало-по-малу она дѣлалась съ ней, сама того не замѣчая, все откровеннѣе и откровеннѣе. Марья Сергѣевна никогда не уставала говорить про Вабельскаго, Ѳеня всегда слушала все касавшееся его съ замѣтнымъ удовольствіемъ. Вслѣдствіе этого Марья Сергѣевна и дорожила Ѳеней, и въ то же время, постоянно почему-то боясь, что Ѳеня отойдетъ отъ нея, старалась задобривать ее деньгами, подарками и во всемъ уступать ей. Въ сущности въ домѣ было два хозяина: Вабельскій и Ѳеня; остальные исполняли только ихъ приказанія и служили имъ. Ѳеня прекрасно поняла и воспользовалась своимъ новымъ положеніемъ; у нея сразу явился какой-то особенный авторитетный тонъ и съ господами, и съ остальною въ домѣ прислугой, съ которою она держала теперь себя полною хозяйкой, зная заранѣе, что всегда съумѣетъ заставить барыню отказать кому захочетъ и взять кого попроситъ.

Digitized by Google

VIII.

Около двѣнадцати часовъ Ѳеня опять пришла къ Наташѣ и сказала ей, что Марья Сергѣевна проситъ ее къ себѣ. Наташа удивилась; она почему-то не ожидала, что мать захочетъ видѣть ее такъ скоро. Она поспѣшно вышла изъ комнаты. Нужно было идти кругомъ черезъ корридоръ и гостиную, такъ какъ по случаю болѣзни дверь, ведущая въ комнату Наташи, была заставлена диваномъ, на которомъ спала Ѳеня.

Наташа торопливо шла по темному корридору; ей было и жутко какъ-то, и совѣстно отъ того, что она сейчасъ увидитъ, а въ то же время любопытно.

Войдя въ комнату Марьи Сергѣевны, она въ первую минуту ничего не могла разобрать въ полумракѣ спущенныхъ синихъ сторъ.

Но Марья Сергѣевна сама окликнула ее.

— Это Наташа?—спросила она тихимъ, совсѣмъ упавшимъ за ночь отъ ужасныхъ криковъ голосомъ.

— Да, это барышня вошла! Можете, барышня, подойти къ мамашѣ; только много разговаривать не дамъ.

Наташа только тутъ замѣтила, что въ комнатѣ, переливая что-то изъ чайника въ стаканъ, стоитъ Анна Васильевна, акушерка, принимавшая у матери; и, замѣтивъ ее, Наташа въ душѣ обрадовалась.

Digitized by Google

— По крайней мѣрѣ не вдвоемъ.

Она чувствовала, что въ эту минуту остаться съ матерью глазъ-на-глазъ ей было бы неловко и тяжело.

— Наташа, поди ко мнѣ, позвала ее опять Марья Сергѣевна и, какъ бы желая привлечь къ себѣ дочь, слегка протянула ей руку.

Наташа подошла ближе къ кровати и остановилась съ растеряннымъ выраженіемъ въ лицѣ, которое всегда являлось у нея, когда она бывала чѣмъ нибудь сильно смущена. Но, замѣтивъ, что Марья Сергѣевна хочетъ поцѣловать ее, она торопливо нагнулась и, взглядывая искоса въ тотъ уголъ, гдѣ стояла Анна Васильевна, какъ бы желая убѣдиться, что она еще тутъ, быстро и застѣнчиво поцѣловала Марью Сергѣевну въ блѣдный влажный лобъ. И въ то время, какъ она, наклонившись, цѣловала мать, она вдругъ почувствовала между собою и ею чье-то еще чуть замѣтное дыханіе и увидѣла прямо предъ собою маленькую, красную и сморщенную головку, тихо и странно какъ-то чмокавшую крошечнымъ ртомъ.

Наташа снова вспыхнула, ноздри ея дрогнули и раздулись, и потемнѣвшіе сразу глаза заискрились тѣми холодными зеленоватыми огоньками, которые Марьѣ Сергѣевнѣ напоминали холодный блескъ глазъ Павла Петровича въ ту минуту, когда она призналась ему про Вабельскаго.

Марья Сергѣевна поняла, что Наташа замѣтила ребенка, но какъ это на нее подѣйство-

Digitized by Google

вало и что она теперь думаетъ и чувствуетъ, Марья Сергѣевна, по выраженію ея лица, понять не могла. Наташа молча глядѣла на лежавшую предъ ней крошечную фигурку въ бѣлыхъ пеленкахъ, и на спокойномъ лицѣ ея только одна бровь слегка приподнялась и вздрагивала.

Марья Сергѣевна мало-по-малу такъ привыкла къ мысли о своей беременности, что это даже не огорчало и не мучило ее стыдомъ и ужасомъ, какъ сначала. Но въ эту минуту, подъ молчаливымъ взглядомъ дочери, она снова почувствовала неловкость смущенія и даже какой-то безотчетный страхъ. Ей страстно хотѣлось, чтобы Наташа заговорила сама первая, сказала бы ей что нибудь или хоть просто улыбнулась бы. Но Наташа молчала, и Марья Сергѣевна заговорила, наконецъ, сама робкимъ и неувѣреннымъ голосомъ:

— Мнѣ бы хотѣлось... чтобы ты... полюбила его, Наташа.

Наташа не отвѣчала и только вспыхнула еще ярче. Но въ душѣ она подумала: «Развѣ я могу насильно заставить себя любить?.. Нѣтъ, я не могу и не должна любить его»...

— Онъ не виноватъ... прибавила тихо Марья Сергѣевна и съ глубокою нѣжностью взглянула на ребенка.

Теплотой своего живого тѣльца онъ согрѣвалъ ея грудь и эта теплота, проникавшая къ ней отъ него и пріятно разливавшаяся по ея

Digitized by Google

собственному тѣлу, дѣлала его для нея какъ бы еще ближе, дороже и милѣе, и наполняла ее всю такою растроганною нѣжностью къ нему, жалостью и любовью. И упорное молчаніе дочери, не хотѣвшей раздѣлить ея нѣжность къ этому крошечному существу, казавшемуся ей такимъ слабымъ, безпомощнымъ, беззащитнымъ, было ей обидно, больно и даже оскорбительно.

Но чѣмъ нѣжнѣе становился взглядъ матери, тѣмъ холоднѣе дѣлались глаза Наташи.

— Ну, довольно, довольно, сказала Анна Васильевна, подходя къ нимъ,—поцѣловались и будетъ на первый разочекъ... Впрочемъ, можетъ быть барышнѣ братца поглядѣть хочется? обратилась она вдругъ къ Наташѣ и осторожнымъ, ловкимъ движеніемъ она подняла ребенка и, взявъ его въ свои умѣлыя, привычныя руки, слегка откинула покрывавшій его головку бѣлый платочекъ и поднесла малютку къ самому лицу Наташи.

Ребенокъ морщился и щурилъ крошечные слипающіеся глазенки. Анна Васильевна ласково нагнулась надъ нимъ и улыбалась ему своимъ широкимъ, добродушнымъ ртомъ.

— Агу, маленькій, агу!—приговаривала она, радостно чему-то смѣясь.—Ну, вотъ видите, какой мы? Совсѣмъ кавалеръ! Здоровякъ какой, восторгъ! Вотъ увидите, какимъ мы молодцомъ выростемъ; увидите, мамаша, потомъ радоваться будете, да Анну Васильевну благодарить. Такъ вѣдь?

Digitized by Google

Марья Сергѣевна слабо улыбнулась и, чтобы лучше видѣть красную мордочку сына, слегка приподняла съ подушки свою ослабѣвшую голову.

— Ну, дайте мнѣ его, сказала она, глядя на Анну Васильевну съ какимъ-то завистливымъ выраженіемъ въ глазахъ, точно ей было жаль, что акушерка, а не она, Марья Сергѣевна, держитъ на рукахъ ребенка.

Анна Васильевна была полная, бѣлокурая женщина, съ розовыми здоровыми щеками и веселыми смѣющимися глазами; опытная и умѣлая въ своемъ мастерствѣ, она принимала всегда съ такимъ довольнымъ и радостнымъ видомъ, какъ будто своимъ появленіемъ на свѣтъ ребенокъ доставлялъ ей личное удовольствіе. И чѣмъ ребенокъ былъ крѣпче, больше и здоровѣе, тѣмъ больше чувствовала она самодовольной гордости.

— Сейчасъ, сейчасъ, говорила она, смѣясь и укладывая свой живой бѣлый свертокъ на постели Марьи Сергѣевны.—Охъ, ужъ эти маменьки! Всѣхъ ребятъ мнѣ всегда перепортятъ... баловницы. Вотъ и Марья Сергѣевна, страсть какая баловница будетъ, я ужъ и теперь вижу; да вотъ и барышня на-лицо, признавайтесь-ка: очень мамаша-то вѣдь баловала.

Анна Васильевна, сама того не подозрѣвая, дотрогивалась до самаго больного мѣста Наташи.

Наташа исподлобья взглянула на мать и на мгновеніе ихъ глаза встрѣтились; но Марья

Digitized by Google

Сергѣевна, слегка вспыхнувъ, быстро скользнула взглядомъ мимо дочери.

Она чувствовала, что Анна Васильевна говоритъ правду и что этого ребенка она будетъ страстно любить и баловать, но за это сознаніе ей дѣлалось какъ-то совѣстно предъ Наташей. Какъ будто она отъ нея отнимала эту любовь и обдѣляла ее въ пользу новаго ребенка.

Въ передней раздался громкій звонокъ и Наташа замѣтила, что, услышавъ его, Марья Сергѣевна радостно вздрогнула и счастливое выраженіе быстро освѣтило все ея лицо. Онѣ обѣ изучили «этотъ» звонокъ и каждый разъ, услышавъ его, невольно вздрагивали, одна отъ радости, другая отъ ненависти.

Наташа быстро вышла въ гостиную; она не хотѣла встрѣчаться съ Вабельскимъ и думала, что поспѣетъ еще пройти, не встрѣтясь съ нимъ. Но Ѳеня, также хорошо изучившая его звонокъ и всегда сама поспѣшно бѣжавшая отворять ему дверь, уже снимала съ Вабельскаго въ передней шинель и что-то говорила ему тѣмъ особеннымъ торопливымъ и ласковымъ голосомъ, который являлся у нея только при немъ.

— Ну, и слава Богу! Очень, очень радъ... отвѣчалъ онъ, улыбаясь и наскоро расчесывая передъ зеркаломъ свою мокрую отъ дождя бороду.

Наташа, какъ бы боясь нечаянно коснуться его въ крошечной передней, остановилась у окна въ гостиной, поджидая, пока онъ пройдетъ мимо.

Digitized by Google

Хотя Марья Сергѣевна и очень желала въ душѣ, чтобы Викторъ Алексѣевичъ былъ во время родовъ при ней, но присутствіе Наташи стѣсняло ее, и потому Ѳеня только рано поутру съѣздила за нимъ.

— А, барышня! уже здѣсь! — проговорилъ Викторъ Алексѣевичъ, увидя въ гостиной Наташу. Обыкновенно, когда они встрѣчались безъ Марьи Сергѣевны, они не подавали другъ другу руки и довольствовались только молчаливымъ поклономъ, и нынѣшній разъ Викторъ Алексѣевичъ хотѣлъ уже пройти мимо, но вдругъ передумалъ и подошелъ къ ней, протягивая ей руку и окидывая ее всю насмѣшливою улыбкой своихъ свѣтлыхъ голубыхъ глазъ.

— У мамаши были? — спросилъ онъ съ усмѣшечкой.

Наташа съ удивленіемъ глядѣла на него, не понимая, зачѣмъ онъ подошелъ къ ней и что̀ ему отъ нея нужно.

— Ну, и что̀ же, и мальчугана видѣли?

Наташа вдругъ поняла.

«А ты вотъ зачѣмъ...» сказала она себѣ, но отвѣтила совсѣмъ спокойно:

— Видѣла.

И только ея губы поблѣднѣли и задрожали отъ негодованія.

Вабельскій слегка усмѣхнулся. Онъ видѣлъ, что Наташа «злится», и это смѣшило и подзадоривало его.

— Ну, и что̀ же... продолжалъ онъ, — нравится?

Digitized by Google

И зная, какъ этотъ ребенокъ нравится ей и какъ она безсильно возмущена въ эту минуту противъ него, онъ даже разсмѣялся. «Волченокъ» положительно забавлялъ его и онъ любилъ дразнить его.

Но Наташа совсѣмъ не желала, чтобы кто нибудь забавлялся ею, а тѣмъ болѣе онъ, и, хорошо понимая, что онъ нарочно дразнитъ ее, она, въ душѣ возмущенная и оскорбленная, старалась оставаться на видъ совершенно спокойною, чтобы только не доставить ему удовольствія видѣть, какъ онъ достигъ своей цѣли и раздражилъ ее. Но, когда онъ такъ видимо въ упоръ издѣваясь надъ ней, спросилъ: «нравится ли?» рука ея, тяжело опиравшаяся на край стола, вдругъ вся вздулась и налилась синебагровою кровью отъ той судорожной силы, съ которою она еще тяжелѣе налегла ею на столъ, и она вдругъ снова почувствовала въ себѣ тотъ страстный приливъ ненависти, который не разъ охватывалъ ее желаніемъ броситься на Вабельскаго и задушить его... Она молчала, крѣпко стиснувъ зубы и всею силой опираясь на столъ, какъ бы насильно удерживая на немъ свои руки. Въ ея опьянѣвшемъ отъ ненависти мозгу смутно проносились неясныя мысли о матери, о ея болѣзни, о необходимости для нея спокойствія и она инстинктивно сдерживала себя страшнымъ напряженіемъ воли, безсознательно чувствуя, что если она хоть на мгновеніе отдастся своему безумному порыву,

Digitized by Google

то въ ту же секунду вцѣпится въ его горло, съ тою силой, отъ которой теперь дрожалъ подъ ея затекшими и посинѣлыми руками тяжелый дубовый столъ.

Вабельскій, улыбаясь, ждалъ ея отвѣта. Его интересовало, что̀ она ему на это скажетъ. Но, когда онъ встрѣтилъ ея потемнѣвшій взглядъ ему вдругъ стало какъ-то жутко. И это чувство разсердило его и ему стало даже какъ-то совѣстно и неловко, что «онъ» боится вдругъ этой «ничтожной дѣвчонки». Нарочно стараясь пересилить въ себѣ это непріятное ощущеніе и какъ бы желая наказать ее за тотъ страхъ, который она смѣла вселять въ него, онъ подыскивалъ въ своемъ умѣ, что̀ бы сказать ей еще злѣе и обиднѣе, отъ чего бы она «еще больше разозлилась!...»

Но при первомъ же звукѣ его голоса Наташа подняла на него свои совершенно потемнѣвшіе глаза и выраженіе ихъ было такъ странно, что Викторъ Алексѣевичъ вдругъ оборвалъ начатую фразу и отошелъ отъ нея.

«Ну, дѣвчонка!» сказалъ онъ себѣ и, заложивъ руки въ карманъ, отправился въ комнату Марьи Сергѣевны, стараясь идти своею обычною, беззаботною, слегка раскачивающеюся походкой и заглушить въ себѣ противное ему чувство страха, въ которомъ ему даже совѣстно было сознаваться себѣ. — Чортъ знаетъ что̀! со злостью думалъ онъ: этого еще только недоставало...»

Digitized by Google

И недовольный и собой, и всѣмъ окружающимъ, онъ съ досадой вошелъ въ комнату Марьи Сергѣевны.

Увидѣвъ его, Марья Сергѣевна вдругъ вся просіяла и радостно рванулась къ нему навстрѣчу; но боль, про которую она забыла, отъ этого быстраго движенія поднялась еще сильнѣе и заставила ее съ глухимъ стономъ снова опуститься на подушки. И хотя отъ страданія у нея мгновенно поблѣднѣло и перемѣнилось все лицо, но глаза ея сіяли такимъ счастіемъ и любовью, что болѣзненное выраженіе въ ея лицѣ какъ бы исчезло подъ ихъ яркимъ свѣтомъ и дѣлалось незамѣтнымъ. Викторъ Алексѣевичъ взглянулъ на нее и ему невольно вспомнилось только что испугавшее его лицо Наташи, такъ похожее и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ страшно не похожее на материнское.

— Да, не въ маменьку!—подумалъ онъ, — совсѣмъ не въ маменьку!

И онъ наклонился надъ Марьей Сергѣевной, цѣлуя ея протянувшуюся къ нему навстрѣчу блѣдную руку.

IX.

Марья Сергѣевна ни за что не хотѣла брать кормилицу къ своему сыну и кормила его сама, хотя врачи и находили, что для нея это можетъ имѣть очень вредныя послѣдствія. Ей было жаль отдать своего мальчика чужой женщинѣ и раздѣлять съ ней его любовь.

Digitized by Google

Едва оправясь, она уже возилась съ нимъ по цѣлымъ днямъ. Онъ спалъ въ ея комнатѣ, въ люлькѣ, стоявшей рядомъ съ ея кроватью, и при малѣйшемъ его движеніи она быстро вскакивала, съ радостною тревогой прислушиваясь къ его дыханію. Въ тѣ минуты, когда онъ лежалъ у ея груди, тихо причмокивая сморщеннымъ ротикомъ и прижимая ручонкой ея грудь, и она ясно ощущала, какъ ея теплое молоко переходитъ въ него, отдѣляясь отъ ея собственнаго существа, ее охватывало чувство глубокаго умиленія и даже какого-то блаженства. Она глядѣла на него съ улыбкой во влажныхъ глазахъ и минутами, когда онъ улыбался ей, сжимая крѣпче ея грудь своими крѣпкими уже деснами, ей, не смотря на сильную отъ этого боль, дѣлалось вдругъ такъ хорошо и отрадно на душѣ, что слезы невольно катились изъ ея глазъ. Она плакала не отъ горя, но отъ того страстнаго умиленія, которое въ эти минуты наполняло ее... Этотъ ребенокъ какъ бы олицетворялъ собою для нея и любовь ея къ Вабельскому, и его самого, и лучшія минуты ея счастья съ нимъ. Часто, держа малютку на рукахъ, она припоминала первое время ихъ любви, какую нибудь мелочь, слово, ласку, которую это красненькое личико вдругъ точно подсказывало, напоминая ей. И каждая мысль и воспоминаніе о любви отца заставляли ее еще нѣжнѣе любить сына. Порой она даже не могла рѣшить, кого любитъ она болѣе, отца или

Digitized by Google

ребенка. Они оба слились для нея въ одно безконечно дорогое и близкое существо, и одинъ какъ бы воплощалъ собою другого. Въ сынѣ она любила отца, въ отцѣ — сына. Прежде, когда она не видѣла, бывало, Вабельскаго дня два-три она скучала и мучилась ревностью и тоской. Теперь же нерѣдко случалось, что Викторъ Алексѣевичъ не пріѣзжалъ по нѣскольку дней, а разъединеніе съ Наташей чувствовалось сильнѣе чѣмъ когда нибудь, но она не замѣчала одиночества и не испытывала того мучительнаго чувства пустоты, раздраженія и недовольства, которыя до рожденія Коли такъ часто нападали на нее. И къ отсутствію Виктора Алексѣевича она относилась гораздо легче и спокойнѣе. Не видя его, она какъ бы довольствовалась тѣмъ, что его ребенокъ былъ съ нею. Ребенокъ, постоянными хлопотами и заботами о немъ, наполнялъ весь ея день и, чувствуя день наполненнымъ, она думала, что полна и сама жизни. Еслибы не болѣзни Коли и ея собственныя, то ей казалось бы, что она совсѣмъ теперь счастлива. Эти частыя болѣзни мучили и утомляли ее. Въ своей страстной любви къ ребенку, она преувеличивала всѣ опасности и пугалась малѣйшихъ пустяковъ. Пустая простуда казалась ей опасною и даже смертельною болѣзнью. Стоило ребенку почему нибудь раскричаться посильнѣе, она уже тревожилась и приписывала капризъ нездоровью. Если же онъ, дѣйствительно, немножко заболѣвалъ, она

Digitized by Google

забывала все на свѣтѣ, плакала, мучилась, не спала по цѣлымъ ночамъ и нетерпѣливо мѣняла врачей, отыскивая все лучшихъ и лучшихъ.

Лѣтомъ, когда они переѣхали на дачу, ребенокъ сталъ замѣтно крѣпнуть и поправляться. По мѣрѣ того, какъ онъ росъ, Марья Сергѣевна открывала себѣ въ немъ цѣлый міръ новаго счастья. Ее занимало все, каждая мелочь, почти не замѣтная на посторонній, не материнскій глазъ. Но она замѣчала все, и то, что онъ уже «держитъ головку», что онъ началъ улыбаться, что у него уже чешутся зубки и т. д., и все это давало ей счастіе и радость. Чутьемъ матери она понимала каждое его движеніе, плачъ, дѣтскій лепетъ вмѣсто словъ, неясные и непонятные для другихъ, но не для нея. По тому, какъ онъ кричалъ, она угадывала, чего онъ хочетъ, кушать ли, гулять ли. На дачѣ онѣ съ Ѳеней и нянькой заняли почти весь верхъ, предназначая лучшія комнаты для удобства ребенка. Въ одной она сама спала съ нимъ, въ другой рядомъ спали Ѳеня съ няней, въ третьей его купали и т. д. Комната Наташи помѣщалась внизу; она сама предпочла именно эту, потому что тутъ она была ото всего болѣе отдалена.

Вабельскій раза два-три въ недѣлю пріѣзжалъ къ нимъ. Нынѣшній годъ, отговариваясь множествомъ дѣлъ, онъ самъ на дачѣ не жилъ. Пріѣзжая, онъ почти всегда заставалъ Марью Сергѣевну или съ ребенкомъ на рукахъ, или

Digitized by Google

при немъ, или купающею его, и только снисходительно на это улыбался.

— Опять возня!—говорилъ онъ съ легкимъ недоумѣніемъ, удивляясь этой «бабьей» способности и охотѣ няньчиться вѣчно съ ребятами.

Увидѣвъ его, Марья Сергѣевна торопливо, но все-таки съ легкимъ вздохомъ, передавала маленькаго Колю Ѳенѣ или нянькѣ.

Она замѣчала, что «онъ» не любитъ этой возни, и старалась при немъ удерживаться, боясь раздражить его и вызвать въ немъ нетерпѣніе. Но хотя она и оправдывала его и даже увѣряла себя, что всѣ мужчины вообще не любятъ грудныхъ дѣтей, въ душѣ ей все же это было немного больно и обидно.

«Даже вѣдь и Павелъ Петровичъ, припоминала она (въ душѣ она всегда отдавала ему справедливость въ томъ, что онъ былъ рѣдкій семьянинъ), не любилъ няньчиться съ Наташей, пока она мала была; это потомъ уже является у нихъ».

Она не желала, чтобъ онъ «няньчился»,—конечно, это не мужское дѣло,—но ей хотѣлось только вызвать въ Викторѣ Алексѣевичѣ чувство нѣжности къ ребенку. И, замѣчая инстинктомъ матери, что этого въ немъ нѣтъ, она огорчалась, но и тутъ такъ же, какъ и при чувствѣ неувѣренности въ любовь Вабельскаго, она, наперекоръ инстинкту и разуму, старательно обманывала самоё себя, боясь сознаться, что онъ совершенно равнодушенъ къ Колѣ.

Digitized by Google

Иногда Викторъ Алексѣевичъ, будучи въ хорошемъ настроеніи духа, «ласкалъ» ребенка по ея просьбѣ и желанію для того только, чтобы сдѣлать ей удовольствіе; но, не чувствуя подобнаго желанія въ самомъ себѣ, онъ не умѣлъ и сдѣлать этого нѣжно и ласково.

Когда Марья Сергѣевна только что забеременила, Викторъ Алексѣевичъ ожидалъ рожденія ребенка съ нѣкоторымъ любопытствомъ и даже интересомъ, не зная еще, какое чувство вызоветъ въ немъ впослѣдствіи его ребенокъ. Онъ очень мало обращалъ вниманія на дѣтей, и если они не отталкивали его, то и не привлекали. Онъ просто не замѣчалъ ихъ, а порой и совершенно забывалъ о ихъ существованіи на землѣ. Во всякомъ случаѣ, это существованіе не касалось его и не играло никакой роли въ его жизни. Иногда только, видя у кого нибудь изъ знакомыхъ красиваго и нарядняго ребенка лѣтъ пяти-шести, который смѣшилъ и забавлялъ взрослыхъ, ему приходило въ голову, что, пожалуй, недурно было бы имѣть и для себя гдѣ нибудь подобнаго же бутуза, съ которымъ время отъ времени можно было бы позабавиться.

Когда же у Марьи Сергѣевны родился, наконецъ, ребенокъ, и Викторъ Алексѣевичъ въ бѣлыхъ пеленкахъ увидѣлъ что-то красное, теплое и тихо шевелящееся, онъ не только не почувствовалъ радости и любви, но ощутилъ скорѣе что-то въ родѣ брезгливости. Онъ почти че-

Digitized by Google

резъ силу принудилъ себя прикоснуться слегка губами, по желанію Марьи Сергѣевны, къ бархатистому красному лобику, и это вынужденное прикосновеніе было ему почти противно. Съ тѣхъ поръ, боясь повторенія этихъ поцѣлуевъ и ласкъ, онъ, по возможности, старался избѣгать не только ихъ, но и самого ребенка.

Это, какъ казалось ему, постоянно кричащее, хныкающее и безсмысленное существо вызывало въ немъ порой даже раздраженіе, особенно въ тѣ минуты, когда Марья Сергѣевна, заслышавъ его пискъ, бросала все и, забывая все остальное въ мірѣ, даже самого его, поспѣшно бѣжала къ нему. Викторъ Алексѣевичъ положительно не постигалъ возможности подобной «дурацкой» любви; но, съ другой стороны, онъ этимъ былъ отчасти даже очень доволенъ.

Постоянно занятая ребенкомъ, Марья Сергѣевна не требовала уже его «вѣчнаго торчанія» подлѣ себя, и теперь у нея было уже меньше времени и возможности слѣдить за нимъ и за его образомъ жизни. Онъ чувствовалъ себя несравненно свободнѣе и пріятнѣе, чѣмъ за періодъ ея беременности, когда она, подъ вліяніемъ болѣзненнаго раздраженія, рыдала и дѣлала ему сцены и упреки за каждый просроченный имъ часъ. Послѣднее время предъ ея родами онъ началъ даже сильно побаиваться, что рожденіе ребенка свяжетъ, пожалуй, еще больше его свободу, тѣмъ болѣе, что разводъ грозилъ окончиться скорѣе, чѣмъ онъ предпола-

Digitized by Google

галъ. Порой, въ виду этой грозящей ему опасности, онъ подумывалъ, что самое лучшее будетъ ему теперь же уѣхать куда нибудь въ провинцію или заграницу; но на его рукахъ оставалось еще нѣсколько выгодныхъ процессовъ и дѣлъ, и бросить ихъ, передавъ въ руки кого нибудь другого, ему было жаль.

Вслѣдствіе этого Викторъ Алексѣевичъ былъ почти всегда не въ духѣ и даже въ нѣкоторомъ унынiи; онъ почти не видѣлъ возможности освободиться отъ надѣтаго на себя «ярма», и это раздражало его. Будь Марья Сергѣевна одна, она бы мало смущала его и онъ не чувствовалъ бы себя такимъ связаннымъ и зависимымъ какъ теперь. Но за ней стоялъ Павелъ Петровичъ, который и составлялъ главную суть «ярма» для Виктора Алексѣевича. Вабельскiй предчувствовалъ, что въ случаѣ чего нибудь ему придется имѣть съ нимъ очень много непрiятностей, и одно предположенiе объ этомъ уже тяготило его. Но сдаться окончательно на его условiя и жениться на Марьѣ Сергѣевнѣ Вабельскiй все же не хотѣлъ; онъ все еще надѣялся, обойдя ихъ, вывернуться какъ нибудь изъ своего «дурацкаго» положенiя. Но все это заставляло дѣйствовать его гораздо осторожнѣе и мягче, нежели бы онъ поступалъ въ иномъ случаѣ, гдѣ онъ просто разорвалъ бы надоѣвшую ему связь, не задумываясь о послѣдствiяхъ.

Когда Алабины переѣхали на дачу, онъ легче вздохнулъ. Сначала онъ ѣздилъ къ нимъ раза

Digitized by Google

по три и четыре въ недѣлю, но потомъ, мало-по-малу, сталъ наѣзжать рѣже, отговариваясь дѣлами, и, видя Марью Сергѣевну рѣже и рѣже, понемногу началъ даже успокоиваться и чувствовать себя свободнѣе. Даже самый разрывъ началъ представляться ему гораздо легче и возможнѣе.

Это произойдетъ постепенно, незамѣтно, онъ постарается къ тому времени покончить всѣ дѣла и уѣдетъ куда нибудь, хоть на время. Вѣдь не погонится же за нимъ «муженекъ»; да, наконецъ, вѣдь и знать не будутъ, гдѣ онъ. Не адресъ же имъ оставлять!

Порѣшивъ эти вопросы, Вабельскій вполнѣ успокоился, повеселѣлъ и, чувствуя себя на свободѣ, бросился опять въ свой прежній образъ жизни, гдѣ одинъ кутежъ смѣнялся другимъ и одна женщина другою.

Послѣ своего продолжительнаго «поста и говѣнья», какъ смѣясь говорилъ самъ Викторъ Алексѣевичъ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ возвратился «на лоно природы»,—въ свой старый міръ и къ старымъ знакомымъ.

И міръ, и знакомые встрѣтили съ восторгомъ его «возвращеніе на путь истины», какъ остроумно замѣтила одна опереточная примадонна; всѣ были ему рады и особенно она сама, такъ какъ онъ снова началъ ухаживать за ней и подносить ей букеты и бриллiанты. Его положительно недоставало въ ихъ компаніи, какъ увѣряли разныя примадонны и не-примадонны.

Digitized by Google

Безъ него чего-то не хватало, было скучно, къ нему всѣ такъ привыкли, онъ былъ «свой», и вдругъ исчезъ. Это даже не честно, за то теперь они наверстаютъ!

И Викторъ Алексѣевичъ, дѣйствительно, старался наверстать потерянное время. Ѣздилъ по всѣмъ Аркадіямъ, Ливадіямъ, ухаживалъ сразу за нѣсколькими женщинами и устраивалъ, по случаю своего возвращенія въ «родную семью», разныя торжественныя пиршества по всѣмъ загороднымъ ресторанамъ.

Разъ послѣ спектакля, въ которомъ Вабельскій поднесъ корзину цвѣтовъ съ браслетомъ своей новой страсти, той самой примадоннѣ, которая радовалась за него, что онъ «возвратился на путь истинный», вся ихъ компанія, человѣкъ въ двадцать, отправилась въ верхнее помѣщеніе ресторана и заняла тамъ почти всѣ комнаты.

Викторъ Алексѣевичъ въ этотъ вечеръ былъ въ особенномъ ударѣ; онъ, уже отчасти отвыкшій ото всего этого, чувствовалъ себя такъ, какъ долженъ чувствовать себя человѣкъ, долгое время пробывшій гдѣ-то въ глуши и вернувшійся, наконецъ, на родину. Послѣ долгой разлуки эта родина казалась ему теперь и лучше, и интереснѣе, и даже ближе чѣмъ прежде. Его опьянялъ, какъ новичка, одинъ видъ этихъ кутежей съ цыганами, волнами табачнаго дыма, пролитымъ шампанскимъ и женщинами, на лицахъ которыхъ еще не стерлись слѣды театральнаго

Digitized by Google

грима и которыхъ онъ только что видѣлъ почти голыми въ розовомъ, черномъ и красномъ трико, распѣвающихъ пикантные, задорные куплеты. И всѣ эти женщины, даже самыя незамѣтныя изъ нихъ, казались ему послѣ тихой и застѣнчивой Марьи Сергѣевны интересными, шикарными и имѣющими въ себѣ то нѣчто острое и пикантное, чего никогда, думалъ онъ, не найти въ этихъ «порядочныхъ», какъ ихъ называютъ, женщинахъ съ ихъ кислосладкою добродѣтелью и чопорностью. И особенно эта примадонна Гальская. Лѣтъ пять тому назадъ, онъ слегка ухаживалъ за нею и не безъ пріятныхъ воспоминаній, положимъ недолго, недѣли три; но тогда она нравилась ему гораздо меньше, онъ не понималъ тогда всего ея вкуса. Теперь же, разсматривая ея скуластое смуглое лицо, съ безпокойными блестящими глазами, съ широкимъ вздернутымъ носомъ и большимъ ртомъ, сверкающимъ ослѣпительно зубами, онъ находилъ въ ней особенную «дикую» прелесть.

Въ ней не было не только красоты, но даже миловидности, и весь эффектъ ея лица заключался въ его странности, въ оригинальной безпорядочной прическѣ сухихъ черныхъ волосъ и красномъ карминѣ губъ. А между тѣмъ она и занимала, и притягивала его къ себѣ. Въ ней было что-то кошачье и лживое, и это разжигало и опьяняло его, и онъ чувствовалъ себя способнымъ натворить ради этой женщины бездну глупостей и страстно влюбиться въ нее, не-

Digitized by Google

надолго, положимъ, но все-таки же страстно. Она сидѣла рядомъ съ нимъ такъ близко, что ея продушенное крѣпкими духами яркое пестрое платье почти закрывало его колѣни. И поминутно поворачивая къ нему свою живую, безпрестанно двигающуюся голову съ блестящими калмыцкими глазами, она наклонялась совсѣмъ близко къ его лицу, обдавая его всего горячимъ дыханіемъ своего чувственнаго рта. Пунцовые цвѣты вздрагивали и трепетали на ея волнующейся груди и колыхались за нарумяненнымъ ухомъ. Она громко хохотала и напѣвала разные куплеты изъ своихъ партій въ опереткахъ, и Викторъ Алексѣевичъ чувствовалъ, что не только этотъ низкій гортанный голосъ, но и самыя складки ея пестраго душистаго платья волнуютъ и опьяняютъ его.

А «тамъ», думалъ онъ, вспоминая Марью Сергѣевну,—этого никогда не было, оттого что въ этой жизнь, страсть, огонь, а у той только вѣчныя слезы да драмы...

X.

Марья Сергѣевна не только ничего не знала, но даже и не подозрѣвала. Она жила гдѣ-то за третьимъ Парголовымъ, нарочно подальше отъ модныхъ мѣстъ и знакомыхъ и, занятая исключительно своимъ Колей, почти совсѣмъ не ѣздила въ городъ, кромѣ двухъ-трехъ разъ къ доктору посовѣтоваться насчетъ своего

Digitized by Google

сердца, все больше и больше тревожившаго ее. Видя Вабельскаго веселымъ и ласковымъ, она была совершенно спокойна и, вѣря въ его дѣла, примирилась даже съ его рѣдкими визитами.

Викторъ Алексѣевичъ, зная за собой довольно-таки много разныхъ провинностей, но не желая, чтобъ и Марья Сергѣевна узнала про нихъ, также старался быть съ ней ласковѣе и нѣжнѣе чѣмъ прежде, усыпляя этимъ всѣ ея подозрѣнія. Ему довольно было сказать ей нѣсколько ласковыхъ словъ и она сейчасъ же успокоивалась и все прощала ему. Послѣднее время она все чаще и чаще начинала чувствовать себя очень нехорошо. Ее мучили какія-то странныя ощущенія въ сердцѣ и во всей лѣвой сторонѣ груди, постепенно все усиливавшіяся. Прежде она приписывала ихъ разстройству нервъ, вслѣдствіе различныхъ непріятностей, но теперь непріятностей въ сущности было гораздо меньше чѣмъ прежде, а болѣзнь не проходила. Ея разстроенный разными потрясеніями организмъ, разъ надломившись, не могъ уже вполнѣ поправиться, и почти не проходило недѣли безъ того, чтобъ она не была чѣмъ нибудь больна или не испытала бы, по крайней мѣрѣ, мучительнаго сердечнаго припадка. Во время этихъ припадковъ біеніе ея сердца становилось такимъ неправильнымъ, что она то почти задыхалась отъ учащенныхъ перебоевъ его, то ей казалось, что оно совсѣмъ замираетъ и останавливается. Тогда на нее на-

Digitized by Google

ходилъ паническій ужасъ. Что-то холодѣло подъ ея лѣвою грудью, вся лѣвая рука цѣпенѣла и ей начинало казаться, что сердце ея сейчасъ же разорвется и она умретъ... И съ необычайною живостью ей мысленно представлялось это разорвавшееся въ ея груди сердце, съ лопнувшими жилами и запекшеюся кровью. Ее охватывалъ мучительный страхъ смерти и, вся холодѣя отъ ужаса, она вскакивала съ кровати, судорожно растирая и цѣпляясь за грудь, какъ бы насильно удерживая бьющееся и замирающее сердце. У ея отца былъ порокъ сердца, но умеръ онъ тифомъ. За то всѣ симптомы родной тетки, умершей пять лѣтъ назадъ, она помнила хорошо и, припоминая ихъ теперь, находила полное сходство со своею болѣзнью. Тѣ же ощущенія и боли, на которыя жаловалась та, тѣ же припадки... Неужели и у нея порокъ сердца? И она холодѣла при одной этой мысли. Теперь болѣе чѣмъ когда нибудь она хотѣла жить. На ея рукахъ былъ ребенокъ: что̀ же будетъ съ нимъ, если она умретъ? За Наташу она не боялась: эта уже большая, и у нея есть отецъ. Да Наташа и не пропадетъ. У нея есть и законное имя, и положеніе, и состояніе. Быть можетъ, съ ея смертью она сдѣлается даже счастливѣе, по крайней мѣрѣ вернется къ отцу, къ которому уже давно рвется всею душой. Развѣ не видно, не чувствуется, что Наташа раскаивается въ томъ, что осталась съ нею? И если не уходитъ теперь, то

Digitized by Google

только изъ гордости и потому, что ей совѣстно это сдѣлать. Марья Сергѣевна уже не вѣрила больше въ любовь дочери и не замѣчала ее ни въ чемъ. Наташа сама отходитъ отъ нея, чуждается, и это уже не изъ ревности, какъ прошлый годъ, а съ холоднымъ сознаніемъ. Теперь онѣ сдѣлались совсѣмъ чужими другъ для друга. Чужія уже потому, что Наташа ненавидитъ ея бѣднаго Колю. Чѣмъ виноватъ ребенокъ? А между тѣмъ Наташа до сихъ поръ не прощаетъ ему его рожденія, не примиряется съ нимъ ни на одну секунду и ненавидитъ его чуть ли еще не больше, чѣмъ самого Вабельскаго.

Чѣмъ яснѣе видѣла Марья Сергѣевна холодность дочери къ ребенку, тѣмъ сильнѣе любила его сама. Эта нелюбовь не только оскорбляла ее, но даже отталкивала ее и отъ самой Наташи. Она могла еще прощать ея ненависть къ своему любовнику, сознавая, что та имѣетъ на это право. Но ненависти къ ребенку, ни въ чемъ неповинному, не только не умѣла и не могла прощать, но даже и не хотѣла заглушать въ себѣ за это недоброе чувство къ дочери. Часто, подмѣтивъ на Колѣ холодный взглядъ дочери, она раздражительно вспыхивала и, отворачиваясь отъ нея, еще крѣпче прижимала къ себѣ сына, нарочно осыпая его нѣжными, страстными ласками, какъ бы желая и вознаградить его за ненависть сестры, и наказать этимъ ее. Чѣмъ холоднѣе была На-

Digitized by Google

таша къ ребенку, тѣмъ холоднѣе становилась къ ней мать; чѣмъ меньше Наташа скрывала свою холодность къ малюткѣ, тѣмъ меньше желала скрывать Марья Сергѣевна свою холодность и къ ней, какъ бы нарочно мстя и отплачивая дочери ея же оружіемъ.

Всю нѣжность и страстность, съ которою она когда-то любила дочь, перенесла она теперь на сына; сначала невольно и незамѣтно для самой себя, потомъ замѣчая и мучаясь за это укорами совѣсти, потомъ постепенно привыкая къ этому и раздражаясь все чаще и чаще противъ Наташи, Марья Сергѣевна перестала уже и упрекать себя. Минутами это раздраженіе противъ дочери поднималось въ ней такъ сильно, что она почти начинала желать, чтобы та сама ушла къ отцу, и порой даже спрашивала себя съ раздраженнымъ удивленіемъ: почему она такъ боялась и не хотѣла терять ее сначала, почему съ такимъ страстнымъ желаніемъ боролась изъ-за нея съ Павломъ Петровичемъ. Почемъ знать, быть можетъ, для нихъ всѣхъ было бы лучше, еслибы Наташа осталась у отца?

Ей было мучительно больно и горько сознаніе, что у дочери есть и имя, и средства, и отецъ, а у ея любимаго ребенка не было ничего, не было даже законнаго права родиться и существовать... Она почти завидовала дочери за сына и минутами ей казалось это такою страшною несправедливостью, какъ еслибы Наташа на-

Digitized by Google

сильно отняла или украла у Коли всѣ его права, завладѣвъ ими одна.

Онѣ холодно встрѣчались за обѣдомъ и чаемъ, какъ бы избѣгая видѣться въ другое время дня, и, обмѣниваясь равнодушнымъ поцѣлуемъ, иногда просиживали весь обѣдъ, почти не говоря другъ съ другомъ.

Наташа перешла уже во второй классъ; ей шелъ шестнадцатый годъ, и отъ той Наташи, какою она была полтора года назадъ, почти не осталось слѣда. Задумчивая и молчаливая, часто даже угрюмая, она казалась года на три старше своихъ лѣтъ. Въ ея лицѣ не было мягкой и нѣжной красоты Марьи Сергѣевны, и она не обѣщала сдѣлаться даже хорошенькою. Лучше всего у нея были глаза и густые, не вьющіеся, но чисто русскіе волосы, прямые и мягкіе, заплетенные въ тяжелыя длинныя косы.

Сходство дочери съ мужемъ почему-то было теперь непріятно Марьѣ Сергѣевнѣ. Она не умѣла объяснить, почему ей хотѣлось бы, чтобъ дочь меньше напоминала ей отца. Одни глаза она всецѣло взяла отъ матери: большіе, продолговатаго разрѣза, задумчивые и глубокіе, прекраснаго темно-синяго цвѣта, искрившіеся мягкимъ лучистымъ блескомъ, сквозь длинныя, слегка загнутыя рѣсницы, они, казалось, всегда о чемъ-то думали и жили какою-то глубокою внутреннею жизнью. Но и въ нихъ проглядывало отцовское серьезное спокойствіе. И вотъ это-то спокойствіе, горделивое и холодное, часто даже

Digitized by Google

слегка какъ будто презрительное, больше всего другого смущало и раздражало Марью Сергѣевну. Она не выносила ихъ взгляда и порой, невольно чувствуя себя виноватою предъ дочерью, Марья Сергѣевна волновалась и, стараясь оправдаться предъ самой собою, начинала обвинять дочь въ томъ, что она нарочно вызываетъ въ ней раздраженіе этимъ молча карающимъ взглядомъ своимъ. Иногда она начинала даже жаловаться Ѳенѣ.

Наташа нарочно старается мучить и волновать ее. Она знаетъ, что это вредно не только для нея, Марьи Сергѣевны, но и для маленькаго Коли, которому молокомъ она передаетъ и свое раздраженіе. Да, можно ли бы прежде думать, что изъ нея выйдетъ такая сухая и черствая натура! Маленькая она была такая ласковая, привязчивая... Какъ можно ошибиться въ человѣкѣ! Чего же ждать отъ постороннихъ, когда изъ собственныхъ дѣтей выходятъ чуть не враги?

Ѳеня вполнѣ соглашалась и, только укорительно покачивая головой, начинала пересказывать разныя мелочи изъ поведенія барышни, которыхъ еще не знали. Осторожно припирая дверь, чтобы кто не подслушалъ ихъ, она шептала барынѣ.

— Что̀ ужъ и говорить! всѣ вѣдь видятъ! Напримѣръ, еще вчера барышня захлопнула дверь въ свою комнату предъ самымъ носомъ Ѳени,

Digitized by Google

когда та хотѣла войти туда вмѣстѣ съ Колинькой, который плакалъ и хотѣлъ именно въ ту комнату. Развѣ барышня не могла позволить постоять имъ тамъ немного! Комнаты вѣдь, отъ этого, кажется, не убудетъ! Охъ, ужъ лучше и не говорить, только не хочется барыню понапрасну безпокоить, а развѣ мало есть чего сказать. Да вотъ хоть бы въ среду! Взяли и выбросили совсѣмъ чистые чулки только потому, что они немножечко порвались. Вѣдь онѣ знаютъ, что люди всѣ заняты, тогда Колинька больны были животикомъ. И она, и нянька были подлѣ него всѣ три дня напролетъ—барыня сама знаетъ, даже ночей не спали, кухарка занята, стряпаетъ, посуду моетъ, въ аптеку бѣгаетъ. Такъ развѣ нельзя самимъ было зашить дырочки? Вѣдь не бросить же больного ребенка изъ-за чулокъ. А онѣ еще даже крикнули: «Дайте другую пару, эта рваная!» Я и говорю, что всѣ чулки въ стиркѣ, другой нѣтъ. А онѣ вдругъ посмотрѣли этакъ съ презрѣніемъ, какъ всегда смотрятъ; когда разсердятся, усмѣхнулись да и говорятъ: «если чулокъ мало, значитъ еще купить нужно». Какъ это вамъ покажется! Вѣдь уже это прямо, значитъ, такъ и сказали, попаша дескать деньги за меня платятъ, мнѣ чулокъ купить не могутъ! Кто же не пойметъ! Ахъ, барыня милая, да всего и не перескажешь! Вотъ письма также каждый-то день, каждый-то день все пишутъ и пишутъ, и о чемъ только, думаешь! Вѣрно жалуются все. И все сами потихоньку отъ насъ

Digitized by Google

ихъ на почту относятъ. Намъ никогда не довѣряютъ, боятся видно, что вамъ передадимъ.

Марья Сергѣевна угрюмо слушала.

Наташа прекрасно все это видѣла и, оскорбленная тѣмъ, что мать не только промѣняла ее на любовника и новаго рабенка, но даже и слушаетъ еще всѣ сплетни Ѳени, вѣря горничной больше чѣмъ ей, дочери, еще глубже пряталась въ себя и еще дальше старалась уходить отъ всѣхъ домашнихъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ она чувствовала себя въ домѣ матери какъ-то неловко, точно лишнею, стѣсняющею всѣхъ другихъ своимъ присутствіемъ. Годъ тому назадъ ей казалось, что ея долгъ оставаться съ матерью, спасая и защищая ее отъ чего-то. Теперь же это спасеніе казалось ей дѣтской, неисполнимой мечтой, о которой безполезно было даже и думать. Ни о какомъ возвращеніи къ прежнему она уже не мечтала и, не вѣря въ эту возможность, даже почти и не желала его. Какъ она казалась Марьѣ Сергѣевнѣ новою, чуждою, непонятною и совсѣмъ уже не тою Наташей дѣвочкой, которую когда-то она такъ страстно любила, такъ и Марья Сергѣевна казалась Наташѣ такой же новою и непонятною и совсѣмъ, совсѣмъ не тою, предъ которою она когда-то такъ благоговѣла. Постепенно изъ лучезарнаго, святого существа мать превратилась въ ея глазахъ въ простую смертную, грѣхъ и паденіе которой были ей тѣмъ больнѣе и ужаснѣе, что ей было тяжело разставаться съ

Digitized by Google

своимъ прекраснымъ кумиромъ, теряя въ него вѣру и... и даже уваженіе...

Какъ ни страшно Наташѣ было сознаться въ этомъ даже самой себѣ, но, вопреки желанію, она чувствовала, что это такъ. Уваженіе, дѣйствительно, исчезало въ ней съ каждымъ днемъ и, замѣчая это, она съ ужасомъ обвиняла себя. Прежде она просто ревновала Марью Сергѣевну къ Вабельскому, какъ ревновала бы къ каждому, съ кѣмъ мать хоть отчасти бы раздѣлила свою любовь къ ней. Теперь же, выростая и развиваясь, она перестала уже ревновать къ нему. Она чувствовала его ничтожество и только невольно удивлялась ослѣпленію матери, такъ безумно любившей его. И эта любовь матери къ нему постепенно какъ бы вырывала изъ сердца Наташи ея собственную любовь къ ней. Послѣ того раза, когда она, въ день рожденія Коли, чуть было не убила Вабельскаго, поддразниваемая имъ, она уже никогда больше не говорила съ нимъ и, завидѣвъ еще издали его фигуру, поспѣшно уходила къ себѣ. Послѣ сцены въ гостиной, Викторъ Алексѣевичъ и самъ уже не рѣшался дразнить и затрогивать Наташу, и иногда случайно, встрѣтясь съ ней въ одной изъ комнатъ, обмѣнивался съ ней холоднымъ едва замѣтнымъ кивкомъ головы и довольствовался однимъ молчаливымъ саркастическимъ взглядомъ.

Порой, чувствуя себя лишнею, одинокою и оскорбленною всѣми этими мелочами, Наташа и

Digitized by Google

сама не понимала, что̀ удерживаетъ ее вернуться къ отцу. А между тѣмъ что-то удерживало. Не то какая-то совѣстливость, не то жалость къ матери. Другое дѣло, когда Марья Сергѣевна выйдетъ, наконецъ, замужъ за Вабельскаго! Тогда она можетъ уже съ полнымъ правомъ уйти отъ нея и возвратиться къ отцу. Иногда ей даже хотѣлось, чтобы Марья Сергѣевна сама пожелала удалить ее, такъ какъ сдѣлать это самой у нея недоставало духа, не смотря на сознаніе, что теперь это уже не причинитъ горя Марьѣ Сергѣевнѣ. Мало того, что она уйдетъ, не сдѣлавъ ничего изъ того, о чемъ мечтала, но этимъ она какъ бы добровольно докажетъ всѣмъ, что любовникъ пересилилъ въ ея матери все—даже ея родную дочь. Быть можетъ, это даже дастъ поводъ говорить потомъ, что Вабельскій самъ принудилъ Марью Сергѣевну удалить отъ себя дочь, точно выгналъ ее отъ родной матери. И Наташа гнѣвно вспыхивала и рѣшалась переносить лучше все, чѣмъ дать право своимъ уходомъ «такъ» говорить чужимъ людямъ объ ея матери. Пускай лучше думаютъ, что онѣ все такъ же дружны, все такъ же любятъ другъ друга, какъ и прежде, при отцѣ. И въ тѣ рѣдкіе случаи, когда Наташѣ случалось гулять вмѣстѣ съ матерью, она гордо шла съ нею подъ руку, высоко неся свою головку и какъ бы желая доказать всему міру, что она не только не стыдится своей матери, но и уважаетъ ее такъ же, какъ и прежде. Она

Digitized by Google

съ ужасомъ и стыдомъ думала, что если кто нибудь догадается о томъ, что она, родная дочь, перестала уже чувствовать это уваженіе къ своей матери, то какъ же начнутъ относиться къ ней посторонніе? И она не только не признавалась отцу, какъ тяжело живется ей, но старалась скорѣй дать ему понять, что ей хорошо и что она все также надѣется и мечтаетъ о лучшемъ будущемъ. Къ чему причинять и ему лишнее, новое страданіе? Помочь все равно ничему нельзя.

Ѳеня лгала, говоря, что Наташа пишетъ Павлу Петровичу чуть не каждый день. Напротивъ, она писала рѣдко. Оба они чувствовали, что не могутъ писать другъ другу вполнѣ такъ, какъ имъ бы того хотѣлось; что о многомъ они должны умалчивать и даже лгать, утѣшая и успокоивая одинъ другого. И это дѣлало то, что ихъ письма были не только коротки, но и слегка натянуты. Они какъ бы боялись нечаянно проговориться другъ другу о томъ страшномъ горѣ, тяжелымъ бременемъ лежавшемъ на ихъ душѣ и такъ отравлявшемъ жизнь.

Но если самъ Вабельскій уже не вызывалъ иного чувства въ Наташѣ, кромѣ презрѣнія и гадливости, за то маленькій Коля нерѣдко пробуждалъ въ ней ея уснувшіе порывы ревности къ матери. Она старалась заглушать ихъ въ себѣ не потому, чтобы не считала себя на это въ правѣ, но по инстинктивной потребности того спокойствія, которое одно оставалось ей послѣ

Digitized by Google

потери всего, что̀ она называла своимъ счастіемъ, и которое ей было необходимо, какъ она думала, для того чтобы заниматься и блестяще кончить курсъ. Точно изъ-за того, чтобы забыться и развлечься хоть нѣсколько, Наташа теперь съ особенною страстностью накинулась на свои занятія и книги, проводя за ними почти все время. И все-таки порой, не смотря на всю свою твердую волю быть благоразумною въ этомъ отношеніи, Наташа не всегда могла выдержать. Особенно часто случалось это съ ней въ тѣ минуты, когда она наблюдала, какъ мать кормитъ ребенка своею грудью.

Марья Сергѣевна нѣжно склоняла надъ нимъ свое счастливое лицо и, крѣпко прижимая его къ себѣ, осыпала его горячими ласками и поцѣлуями. Наташа сумрачно глядѣла на нихъ, глядѣла на это совершенно вдругъ измѣнившееся лицо, на эту полную бѣлую грудь съ тонкими, голубыми жилками, къ которой деспотично, какъ бы сознавая свое полное неотъемлемое право, припадалъ маленькій Коля, и болѣзненная ревность снова мучительно поднималась въ ней. Она какъ бы съ удивленіемъ и негодованіемъ глядѣла на мать, не умѣя понять, какъ она, «ея» мать, можетъ любить это новое, для нихъ всѣхъ такъ внезапно явившееся въ ихъ семью и жизнь маленькое существо больше чѣмъ ее, свою Наташу. Что мать любитъ его больше, она уже не сомнѣвалась; она прекрасно сознавала и то, что когда Марья Сергѣевна

Digitized by Google

увлеклась Вабельскимъ, она только охладѣла къ ней, Наташѣ, но все-таки не переставала любить ее, тогда какъ съ рожденіемъ новаго ребенка дочь какъ бы совершенно перестала вдругъ существовать для нея, и все свое страстное чувство Марья Сергѣевна исключительно перенесла на сына. Часто, когда мать няньчилась и играла съ маленькимъ, Наташа задумчиво слѣдила за ними, мысленно припоминая то время, когда сама она была еще маленькою дѣвочкой. Ей вдругъ вспоминалась какая нибудь сцена, случай изъ далекаго дѣтства, тогда незначительный и пустой, но теперь милый ей и дорогой. Особенно живо представлялись ей голубая комната Марьи Сергѣевны на Николаевской улицѣ, рабочій столикъ съ фарфоровою лампой и мягкій кретоновый диванчикъ съ большими букетами розъ и гвоздики, на который она, бывало, примостившись за спиной матери, слушала ея разсказы о разныхъ тетяхъ и бабушкахъ въ длинные зимніе вечера. Ей казалось, что это было еще такъ недавно, она еще почти могла вызвать въ себѣ то, захватывавшее ей, бывало духъ, ощущеніе нетерпѣнія и какой-то жуткой тревожной радости, когда, лежа вечеромъ въ своей кроваткѣ подъ бѣлымъ кисейнымъ пологомъ, она поджидала прихода матери. Гдѣ все это?.. И неужели это уже никогда больше не вернется? Да, не вернется; теперь все другое, даже это лицо «ея». Наташа пристально вглядывается въ лицо Марьи Сергѣевны,

Digitized by Google

разговаривающей съ Ѳеней, и ей кажется, что то лицо, которое было у Марьи Сергѣевны «тогда», и это «теперешнее» — два совершенно разныя лица, почти не похожія одно на другое, по крайней мѣрѣ изъ того, какое у нея сейчасъ, исчезло что-то такое, что Наташа такъ страстно любила въ немъ, что дѣлало его въ ея глазахъ такимъ прекраснымъ, благороднымъ, свѣтлымъ, почти святымъ. Пропала всего одна какая-то черточка, одно выраженіе, а измѣнилось все лицо. И той духовной красоты его, свѣтившей особенно мягко, бывало, въ глазахъ ея, уже не чувствовалось больше: теперь оно почти всегда чѣмъ нибудь озабочено и раздражено. Правда, это прекрасное выраженіе временами еще вспыхиваетъ на немъ, бо̀льшей частью, когда она съ нѣжною задумчивостью кормитъ грудью маленькаго Колю. Но теперь это выраженіе уже не трогаетъ Наташу. Напротивъ, уловивъ его иногда на озаренномъ лицѣ матери, она тоскуетъ еще больше и въ подобныя минуты ей кажется еще сильнѣе, что этотъ ребенокъ отнялъ у нея то, на что̀ не имѣлъ права... И злое чувство противъ него вспыхиваетъ въ ней еще сильнѣе, еще больше раздражаетъ ее и противъ ребенка, и противъ матери, и даже противъ самой жизни.

Digitized by Google

XI.

Осенью, когда Алабины опять переѣхали въ городъ, свобода Вабельскаго отчасти должна была уменьшиться. Онъ уже не могъ, отговариваясь дѣлами, не показываться по нѣскольку дней въ ихъ квартирѣ. Къ тому же, какъ только онъ «пропадалъ», сейчасъ же являлась или Ѳеня, просить его отъ имени барыни сегодня же вечеромъ пожаловать къ нимъ, или даже и сама барыня. Виктора Алексѣевича это положительно возмущало. Разъ отвоевавъ свободу обратно, онъ вовсе не желалъ вновь терять ее и позволять Марьѣ Сергѣевнѣ попрежнему вмѣшиваться въ каждый шагъ своей жизни. Увидѣвъ у себя въ передней фигуру Ѳени или услышавъ въ гостиной шаги Марьи Сергѣевны, Викторъ Алексѣевичъ моментально раздражался и сердился.

Что онъ маленькій что ли, чтобъ отдавать отчетъ въ своемъ поведеніи. Ему ужъ надоѣло это вѣчное выслѣживанье! Онъ проситъ разъ навсегда не вмѣшиваться въ его дѣла, не требовать отъ него никакихъ отчетовъ и не бѣгать по его пятамъ, слѣдя, гдѣ онъ и что̀ онъ. Это ни на что̀ не похоже, наконецъ!

Марья Сергѣевна блѣднѣла и печально опускала голову. Ей было и больно, и совѣстно. Къ чему онъ такъ говоритъ! Развѣ она слѣдитъ? ей просто хотѣлось видѣть его, онъ не

Digitized by Google

былъ пять дней, она боялась, не заболѣлъ ли онъ! Нельзя ли не бояться? ему ужъ это надоѣло!

Викторъ Алексѣевичъ раздраженно ходилъ по кабинету, стараясь только не глядѣть на Марью Сергѣевну и не встрѣчаться съ ея взглядомъ. Эти глаза, темные, глубоко запавшіе въ орбиты исхудавшаго и поблекшаго лица ея, съ нѣмымъ тоскливымъ упрекомъ слѣдившіе за нимъ изъ угла въ уголъ, вызывали въ немъ непріятное, неловкое чувство. Онъ чувствовалъ ихъ на своей спинѣ, когда шелъ въ противоположную сторону, и на своемъ лицѣ, когда шагалъ въ направленіи къ ней.

Чего она отъ него хочетъ? Не можетъ же онъ пришиться къ ея юбкѣ и вѣчно торчать у Коленькиныхъ пеленокъ! Вѣдь у него, слава Богу, кажется и другія дѣла еще есть! Нельзя же бросить все только потому, что ей «скучно»! Если скучно, пускай займется, читаетъ, гуляетъ, возится съ дѣтьми, съ хозяйствомъ, у нея вѣдь, кажется, цѣлый домъ на рукахъ: могла бы отыскать подходящее занятіе и не скучать! Такъ нѣтъ, это тоже все скучно; ихъ нужно забавлять, развлекать. А того не думаютъ, что съ этими развлеченіями, въ концѣ концовъ, можно до того дойти, что и ѣсть будетъ нечего. Она вѣдь, кажется, знаетъ, что онъ обезпеченъ только трудомъ своимъ и что ему нужно работать, а не баклуши бить.

Викторъ Алексѣевичъ говорилъ громко и съ

Digitized by Google

полнымъ, повидимому, убѣжденіемъ своей правоты и справедливости, но въ душѣ былъ не совсѣмъ покоенъ. Какъ ни странно было это для него самого, какъ ни удивлялся онъ самъ своей «глупой деликатности», тѣмъ не менѣе невольно и почти безсознательно чувствовалъ предъ Марьей Сергѣевной какую-то неловкость, порой даже нѣкоторый страхъ и укоры совѣсти.

Но подобное ощущеніе раздражало его еще больше чѣмъ упреки, письма и пріѣзды самой Марьи Сергѣевны. Онъ даже слегка какъ будто старался оправдываться предъ самимъ собою.

Вѣдь онъ, кажется, не давалъ ей ни клятвъ, ни обѣщаній жениться на ней, или вѣчно жить съ ней... И то онъ уже почти два года проняньчился съ ней. Если это не кончится теперь, потомъ будетъ уже поздно. Лучше прекратить все сразу. Одно несчастье: дѣла его еще не покончены, уѣхать нельзя, а пока онъ будетъ тутъ, въ Петербургѣ, конецъ почти немыслимъ; она будетъ и сама ѣздить, и Ѳеню посылать, если онъ прекратитъ свои посѣщенія; къ тому же, начнутся слезы, сцены, мелодрамы и чортъ знаетъ что такое! Нѣтъ, ужъ лучше дотянуть кое-какъ, пока онъ будетъ въ состояніи уѣхать совсѣмъ куда нибудь изъ Петербурга. И подумать только, что изъ-за такой глупѣйшей исторіи приходится вдругъ уѣзжать, бросать и городъ, и дѣла, и кліентовъ, чтобы только какъ нибудь выпутаться. Во всякомъ

Digitized by Google

случаѣ «ее» нужно обуздать, по крайней мѣрѣ ясно показать ей, что никакихъ правъ надъ собою онъ ей не дастъ и никакихъ посягательствъ на себя и свою свободу не позволитъ! вообще отстранить ее «на благородную дистанцію»!

И Викторъ Алексѣевичъ продолжалъ «тянуть всю эту канитель», хотя эта канитель страшно ему наскучила. Онъ не только не находилъ уже ничего красиваго и интереснаго въ Марьѣ Сергѣевнѣ, но одна мысль о томъ, что нужно къ ней ѣхать и сидѣть съ ней цѣлый вечеръ, уже нагоняла тоску и злость.

Пріѣзжалъ онъ къ Алабинымъ почти всегда не въ духѣ и старался только о томъ, чтобы сколько возможно сократить свой визитъ. Сначала это «не въ духѣ» являлось у него невольно, само по себѣ; но потомъ, замѣтивъ, что Марья Сергѣевна боится подобнаго въ немъ расположенія и не осмѣливается въ такое время «приставать» къ нему ни съ упреками, ни съ ласками, онъ очень обрадовался своему открытію и съ тѣхъ поръ, въ какомъ бы настроеніи ни находился, но какъ только звонилъ у дверей Алабиныхъ и Ѳеня отворяла ему, онъ сейчасъ же дѣлалъ сердитое лицо и говорилъ уже не иначе какъ недовольнымъ и раздраженнымъ тономъ. Весь домъ начиналъ ходить на «цыпочкахъ», Викторъ Алексѣевичъ молчалъ и сидѣлъ въ своемъ углу надувшись, а Марья Сергѣевна даже приказанія отдавала шопотомъ,

Digitized by Google

какъ бы боясь возвысить голосъ и тѣмъ еще больше раздражить его.

— Онъ не въ духѣ, потихоньку говорила она Ѳенѣ, выходя въ сосѣднюю комнату и размѣниваясь съ ней многозначительнымъ взглядомъ. Въ эти часы даже маленькому Колѣ приходилось плохо. Марья Сергѣевна вздрагивала, какъ только онъ начиналъ плакать и кричать и, поймавъ суровый взглядъ Виктора Алексѣевича, блѣднѣла и, поспѣшно вскочивъ, схватывала ребенка на руки и уносила его куда нибудь въ дальнія комнаты, запрещая нянькѣ не только выходить оттуда съ нимъ, но и отворять даже дверь.

Она хитрила, притворялась веселою, не смѣла спросить его о причинѣ раздраженія и всячески старалась только продлить его присутствіе.

Когда онъ уѣзжалъ, приходила Ѳеня, и начинались длинные разговоры.

— У него все непріятности по его дѣламъ, говорила Марья Сергѣевна сочувствующимъ, но не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ, какъ бы желая и Виктора Алексѣевича оправдать, и объяснить причину его дурного настроенія и Ѳенѣ, и самой себѣ.

— Конечно!—соглашалась Ѳеня, сочувствовавшая Вабельскому чуть ли не одинаково съ барыней.—День-то деньской устанутъ. Мало ли у нихъ дѣлъ да хлопотъ разныхъ!

Онѣ обѣ точно старались найти успокоеніе и утѣшеніе въ словахъ и выводахъ другъ друга

Digitized by Google

и, казалось, вполнѣ искренно вѣрили въ эти дѣла и непріятности, раздражавшія его, тогда какъ въ глубинѣ души каждой жило невольное, хотя и смутное сознаніе совсѣмъ иной причины.

Боязнь потерять его была такъ сильна въ Марьѣ Сергѣевнѣ, что она забывала гордость и самолюбіе, а если они невольно поднимались въ ней, то она насильно старалась давить ихъ. Она молча сносила всѣ рѣзкости Вабельскаго, обидныя фразы, оскорбительное поведеніе его, стараясь или вовсе не замѣчать ихъ, или приписывать имъ иное значеніе, и смыслъ не только предъ нимъ и Ѳеней, но и предъ самою собой, и предъ собой даже болѣе, чѣмъ предъ другими.

Онъ былъ съ нею грубъ, невнимателенъ нисколько, не стѣсняясь показывать ей, какъ она надоѣла и наскучила ему, — и все-таки она страстно и безумно любила его, и теперь даже болѣе чѣмъ тогда, вначалѣ, когда онъ старался нравиться ей и былъ нѣженъ, внимателенъ и предупредителенъ. Она привязалась къ нему тою собачьею преданностью, которая заставляетъ собаку лизать руку только что побившему ея хозяину. Порой даже самъ Викторъ Алексѣевичъ поражался этимъ полнымъ отсутствіемъ въ ней обидчивости и самолюбія. Въ самомъ худшемъ случаѣ она начинала только плакать, но и тутъ прощала его сейчасъ, не только при первомъ ласковомъ словѣ, но даже когда онъ, раздраженный ея слезами, начиналъ сердиться

Digitized by Google

и браниться еще больше. Она быстро утирала глаза и упрашивала его умоляющимъ голосомъ:

— Ну, я не буду, милый, не буду; не сердись только...

Часто, смотря на ея опустившуюся фигуру и поблекшее лицо, онъ съ удивленіемъ спрашивалъ себя: да неужели же это та самая женщина, которая когда-то такъ сильно нравилась ему? И что̀ съ ней сдѣлалось, что она такъ страшно перемѣнилась и нравственно, и физически! И невольно припоминалъ, какою была она два года тому назадъ, когда онъ впервые увидѣлъ ее на вечерѣ у однихъ знакомыхъ.

Тогда ея красота удивила и его. Въ тотъ же вечеръ онъ началъ слегка ухаживать за ней, но ухаживать съ тою почтительною внимательностью, съ какою рѣдко относился вообще къ женщинамъ. Всматриваясь тогда въ ея прекрасные, спокойные глаза, ровныя движенія и горделивую осанку, Викторъ Алексѣевичъ сознавался, что ухаживать за этою женщиной съ опредѣленными цѣлями и надеждами почти не сто̀итъ, такъ какъ успѣхъ врядъ ли возможенъ.

«Слишкомъ ужъ спокойна и горда и своею безупречностью, и своимъ положеніемъ, и навѣрное слишкомъ развито сознаніе обязанностей!» сказалъ онъ себѣ. И только уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ ему пришлось какъ-то вальсировать съ ней, и въ то время, когда она, какъ бы вся полулежа на его плечѣ, обдавала его своимъ горячимъ дыханіемъ, онъ подмѣтилъ

Digitized by Google.

такіе огоньки въ этихъ спокойныхъ синихъ глазахъ и такую страстную черточку въ уголкахъ красиваго рта, что невольно призадумался на минуту.

«А вѣдь ухаживать-то, можетъ быть, и стòитъ!—подумалъ онъ, пристально всматриваясь въ нее своимъ опытнымъ взглядомъ, — и даже не только «можетъ быть», но и навѣрное стòитъ, только съ большимъ терпѣніемъ и тактомъ. Ну, чтò-жъ, будемъ пробовать!»

И хотя терпѣнія потребовалось меньше, чѣмъ онъ предполагалъ, и это удивило и даже какъ будто слегка разочаровало его даже, но все же въ первое время она поддерживала въ немъ то чувство уваженія, которое умѣла вызывать во всѣхъ, кто ее зналъ, но какое онъ, Викторъ Алексѣевичъ, очень рѣдко чувствовалъ по отношенію къ другимъ своимъ многочисленнымъ любовницамъ. А теперь она не только уже не вызывала въ немъ этого невольнаго уваженія къ себѣ, но, напротивъ, дѣлаясь ему все противнѣе и скучнѣе, падала въ его глазахъ ниже всѣхъ своихъ предшественницъ. Почти ни съ одною изъ нихъ онъ не обращался такъ дерзко и грубо, какъ позволялъ это себѣ съ ней. Порой это даже забавляло его; онъ какъ будто нарочно старался узнать, до чего можетъ дойти ея терпѣніе и его сила надъ ней, и невольно удивлялся неистощимости и того, и другого. Но чѣмъ терпѣливѣе была она, тѣмъ противнѣе становилась ему. Онъ мысленно сравнивалъ ее съ Галь-

Digitized by Google

скою, завладѣвшею имъ въ послѣднее время, и какъ та казалась ему какимъ-то острымъ пикантнымъ кушаньемъ, пріятно разжигавшимъ его аппетитъ, такъ Марья Сергѣевна вызывала въ немъ почти отвращеніе, какъ опротивившее кушанье. Иногда онъ пріѣзжалъ врасплохъ и заставалъ ее неодѣтою, нечесанною, съ желтымъ лицомъ, въ старомъ капотѣ, и невольно удивлялся ея старообразію, какъ ему казалось. Въ тридцать три года ей можно было дать лѣтъ двадцать-семь двадцать-восемь, въ тридцать же пять ей казалось за-сорокъ. Она совершенно перестала заниматься своею наружностью и туалетомъ и, вся поглощенная вознею съ Колей, чувствовала себя гораздо лучше и свободнѣе въ старомъ фланелевомъ капотѣ, къ которому она такъ привыкла, что ей даже жаль было разстаться съ нимъ. Постепенно она теряла вкусъ и почти разучилась одѣваться къ лицу, изящно и красиво, какъ умѣла это прежде. Иногда же, когда въ ней вдругъ снова просыпалось желаніе быть интересною и красивою, только для того конечно, чтобы нравиться ему, она одѣвалась во что нибудь нарядное, свѣтлое, розовое или голубое, что̀, какъ ей казалось, должно было молодить ее, но что̀ давно уже перестало идти къ ней. Ему же въ этихъ костюмахъ она казалась еще старѣе, непривлекательнѣе и смѣшнѣе. Сама она не замѣчала, что старѣетъ, опускается и дурнѣетъ, и только иногда, взглянувъ на себя попристальнѣе въ зеркало, поражалась,

Digitized by Google

увидя, какъ серебрится на вискѣ черная прядь ея волнующихся волосъ и какія глубокія и частыя морщины проступаютъ на лбу и по угламъ рта.

Тогда она удивлялась съ горечью и испугомъ.

Отчего же это? Неужели... неужели пора? Вѣдь ей нѣтъ еще и тридцати пяти лѣтъ. И съ тоскливою тревогой она всматривалась въ лица окружавшихъ ее людей, какъ бы желая убѣдиться, перемѣнились ли и они тоже. Но лица Вабельскаго и Ѳени казались точно такими же, какъ были и два года назадъ; одна Наташа очень перемѣнилась за это время и казалась уже не дѣвочкой, а дѣвушкой. И Марья Сергѣевна старалась успокоить себя; ей такъ еще не хотѣлось стариться!

«Глупости, утѣшала она себя, просто я больна, оттого и подурнѣла немножко, но это пройдетъ, вотъ поправлюсь и пройдетъ все». Никто не перемѣнился, значитъ не перемѣнилась и она. Она тревожно взглядывала на свой большой портретъ, снятый около двухъ лѣтъ назадъ, и прелестное лицо, глядѣвшее на нее оттуда, успокоивало и утѣшало ее.

Вѣдь не могла же она состариться въ полтора года!

Нѣсколько времени спустя, она снялась опять вмѣстѣ съ Колей. Коля вышелъ прекрасно, но ея карточка казалась ей такою неудачною и не похожею, что еслибы не изображеніе Коли, она не взяла бы ее совсѣмъ. Ей ужасно хотѣлось,

Digitized by Google

чтобъ у Виктора Алексѣевича былъ Колинъ портретъ, но все-таки этой карточки она ему не дала.

Дѣла Виктора Алексѣевича, наконецъ, ликвидировались, и онъ рѣшилъ уѣхать не далѣе какъ недѣли черезъ двѣ.

На первое время, онъ поѣдетъ куда нибудь заграницу, а вернувшись, проживетъ до осени въ Одессѣ. Его всегда тянуло въ этотъ городъ, тѣмъ болѣе, что и Гальская теперь тамъ играла. Она нѣсколько разъ писала ему, зовя его къ себѣ, и онъ самъ былъ вовсе не прочь провести съ ней эту зиму. Оставалось только распродать мебель; онъ было и принялся хлопотать объ этомъ, но потомъ передумалъ. Во-первыхъ, все это пойдетъ за безцѣнокъ, да и задержитъ его порядочно, а главное Марья Сергѣевна ясно пойметъ тогда, что онъ, значитъ, уѣзжаетъ совсѣмъ и ему не избѣжать сценъ, рыданій и объясненій. Можетъ появиться на сцену даже и самъ Павелъ Петровичъ. Лучше увѣрить ее, что онъ уѣзжаетъ на-время, ненадолго, по дѣламъ; сначала можно будетъ и писать ей для успокоенія. Но и дѣло съ мебелью устроилось очень удачно. Ему удалось передать свою квартиру на годъ одному богатому пріѣзжему провинціалу не только съ мебелью, но и съ лошадьми, кучеромъ и лакеемъ Аристархомъ.

«По крайней мѣрѣ не продаю, думалъ Викторъ Алексѣевичъ, — понадобится и опять все есть; даже и въ матеріальномъ отношеніи до-

Digitized by Google

вольно выгодно». Самъ онъ за квартиру платитъ двѣсти рублей въ мѣсяцъ, а получать будетъ шестьсотъ. Оставалось только уѣхать болѣе или менѣе спокойно, избѣгнувъ по возможности всякихъ «трогательныхъ прощаній». Для этого онъ рѣшилъ сказать Марьѣ Сергѣевнѣ о своемъ отъѣздѣ лишь наканунѣ. По крайней мѣрѣ всѣ эти слезы и разставанія будутъ недолго продолжаться. Наканунѣ отъѣзда онъ, дѣйствительно, пріѣхалъ къ Алабинымъ и былъ съ Марьей Сергѣевной любезнѣе обыкновеннаго. За обѣдомъ онъ вдругъ объявилъ, что вчера вечеромъ получилъ телеграмму, вызывавшую его немедленно заграницу по одному очень спѣшному и важному дѣлу, и потому ему завтра же придется выѣхать туда недѣли на три, а можетъ и на мѣсяцъ.

Марья Сергѣевна поблѣднѣла и отъ испуга уронила вилку.

— На мѣсяцъ!—тихо повторила она за нимъ, и ей вдругъ сдѣлалось и страшно, и больно при одной мысли, что она не увидитъ его цѣлый мѣсяцъ:—тридцать дней! Ужасно!

— Да, на мѣсяцъ!—повторилъ онъ, спокойно разрѣзывая говядину и стараясь не глядѣть на нее. — Самое большое на полтора... Дѣло, я какъ-то говорилъ, кажется, если только помните, вы такая разсѣянная... дѣло Генемановъ о наслѣдствѣ съ ихъ германскими родственниками.

Но Марья Сергѣевна ничего подобнаго не помнила, и еслибъ онъ и, дѣйствительно, даже

Digitized by Google

говорилъ ей что нибудь, то въ эту минуту, подъ вліяніемъ страха разлуки, все равно бы забыла. Она разомъ замолчала и, сдерживая всею силой подступавшія слезы, машинально и торопливо доѣдала свой супъ.

Кажется, сойдетъ спокойнѣе, чѣмъ я предполагалъ, съ удовольствіемъ подумалъ Викторъ Алексѣевичъ и слегка приподнялъ голову, чтобы лучше убѣдиться, какое впечатлѣніе произвели его слова на Марью Сергѣевну. Но ея лицо было низко опущено надъ тарелкой и только по краснымъ пятнамъ, запылавшимъ на ея щекахъ и шеѣ, видно было, какъ она взволновалась.

Викторъ Алексѣевичъ хотѣлъ уже опять отвернуться, но почему-то совершенно машинально взглянулъ въ Наташину сторону.

Наташа глядѣла прямо въ упоръ на него, не сводя съ него пытливаго взгляда. Викторъ Алексѣевичъ слегка покраснѣлъ и быстро отвернулся отъ нея. Но въ теченіе всего обѣда онъ чувствовалъ на себѣ этотъ молча испытующій взглядъ ея строгихъ глазъ.

Марья Сергѣевна торопилась доканчивать обѣдъ, боясь каждую минуту, что она не выдержитъ и расплачется, и крѣпилась только при дочери, но какъ только они встали изъ-за стола и Наташа ушла къ себѣ, она быстро подошла къ Виктору Алексѣевичу и, положивъ ему на плечи руки, взглянула прямо въ глаза.

— Правда это, Викторъ?—тихо спросила она,

Digitized by Google

всматриваясь въ его лицо. Она какъ будто все еще не вѣрила этому, словно ожидая, что онъ это только такъ шутилъ.

Викторъ Алексѣевичъ слегка передернулъ плечами.

— Конечно, правда! Съ чего же ему лгать?

Марья Сергѣевна, не отнимая отъ него своихъ рукъ, положила на нихъ голову и заплакала.

Викторъ Алексѣевичъ нетерпѣливымъ движеніемъ скинулъ ея руки и отошелъ къ окну.

— Начинается! — раздраженно воскликнулъ онъ.—Такъ и зналъ, безъ мелодрамъ никогда нельзя обойтись! Сейчасъ же слезы, сцены, упреки, недостаетъ только обмороковъ. Подумаешь, въ Китай собрался. Уѣзжаетъ человѣкъ на одинъ мѣсяцъ, а исторій на десять лѣтъ! Удивительно...

Марья Сергѣевна оправдывалась робкимъ, неувѣреннымъ голосомъ. Какія же исторіи? Развѣ она что нибудь говоритъ? Конечно, пускай ѣдетъ, если это нужно... но... это только немного тяжело ей... Она такъ привыкла къ нему...

Что же, изъ-за этой привычки ему по-міру идти что ли? только чтобъ она не отвыкала и не плакала? Вѣдь это изъ рукъ вонъ, наконецъ! Что же ему дѣла что ли всѣ бросить? Пускай все гибнетъ, и дѣла, и карьера, и репутація, и средства, и самъ онъ, потому что вѣдь ужъ, конечно, не она же будетъ думать и заботиться о томъ, на что̀ ему жить и кушать!

Викторъ Алексѣевичъ раздраженно кричалъ и

Digitized by Google

сердился, не давая ей вставить ни одного слова, чувствуя, что такъ ему легче будетъ выиграть сраженіе и справиться съ ней. Она испугается и скорѣе уступитъ ему, постаравшись обойтись безъ лишнихъ вопросовъ, упрековъ и слезъ.

И Марья Сергѣевна, дѣйствительно, оправдывалась, стараясь успокоить его и увѣрить, что она ничего не хочетъ и не требуетъ и никогда не позволитъ себѣ мѣшать ему въ его дѣлахъ. Пусть ѣдетъ куда нужно, она будетъ совсѣмъ спокойно ждать его, только-бъ онъ писалъ ей, и больше она ничего не проситъ.

Она всѣми силами сдерживала слезы и старалась говорить спокойнѣе и веселѣе, чтобы только не раздражать его и получше провести послѣдній вечеръ. Викторъ Алексѣевичъ, убѣдившись, что все обошлось благополучно, смягчился и сталъ даже довольно любезенъ. Онъ обнялъ ее за талію и, ходя съ ней по комнатѣ, разсказывалъ свои планы касательно отъѣзда и устройства дѣлъ заграницей.

Марья Сергѣевна, обрадованная его перемѣнившимся къ лучшему расположеніемъ духа, съ любовью и не спуская съ него глазъ слушала его.

Въ его квартирѣ, говорилъ Викторъ Алексѣевичъ, пока будетъ жить одинъ его родственникъ. Онъ только надняхъ пріѣхалъ изъ провинціи и остановился у него. Ей лучше не бывать тамъ пока; еще, пожалуй, столкнется съ нимъ и тотъ потомъ чортъ знаетъ что будетъ разсказывать

Digitized by Google

о ней вездѣ. У него прегадкій язычокъ, а она кажется, знаетъ, какъ ему, Виктору Алексѣевичу, бываетъ всегда непріятно и тяжело, если кто нибудь двусмысленно отзывается о ней. Писать онъ будетъ прямо сюда къ ней и, «пожалуйста», прибавилъ онъ съ легкой тѣнью неудовольствія, «не сходи съ ума по пустякамъ и не тревожь себя даромъ. Въ случаѣ, еслибы ты не получала писемъ немного дольше, пожалуйста, не безпокойся, значитъ что нибудь мѣшаетъ, дѣла какія нибудь задерживаютъ, разъѣзды, ну, мало ли что... Во всякомъ случаѣ, не придумывай только ничего ужаснаго, все устроится и кончится прекрасно, и я преблагополучно вернусь къ тебѣ и къ маленькому Колѣ: никто не отниметъ», заключилъ онъ съ улыбкой, цѣлуя ее въ голову.

Она глядѣла на него глазами полными слезъ, всѣми силами подавляя въ себѣ рыданіе, но не смотря на это, лицо ея улыбалось и сіяло счастіемъ и любовью. Хотя она знала, что онъ завтра же уѣзжаетъ и что она долго не увидитъ его, но въ эту минуту она была почти счастлива. Онъ такъ рѣдко баловалъ ее своими ласками, что малѣйшая изъ нихъ радовала ее. Весь вечеръ онъ былъ съ ней нѣженъ и внимателенъ, а предъ отъѣздомъ зашелъ даже вмѣстѣ съ ней въ комнату Коли и поцѣловалъ его на прощанье въ маленькій лобикъ.

Она глядѣла на нихъ обоихъ счастливая и растроганная, и на минуту непріятное чувство

Digitized by Google

смущенія и стыда обхватили Виктора Алексѣевича. Ему вдругъ сдѣлалось какъ будто жаль ее и на мгновеніе мелькнула даже мысль: не остаться ли? и почему, зачѣмъ онъ бросаетъ эту женщину, которая ничего не требуетъ отъ него, ничему не мѣшаетъ и только безконечно любитъ его? Но Викторъ Алексѣевичъ сейчасъ же постарался отогнать всѣ эти «сентиментальныя» мысли и не далъ воли своимъ расходившимся нервамъ.

«Иначе это затянется на всю жизнь!» сказалъ онъ себѣ, и это «ужасное на всю жизнь» пугало его, придавая ему рѣшимости.

Онъ уговорилъ ее не ѣздить на другой день провожать его на вокзалъ: будетъ одинъ изъ кліентовъ по этому дѣлу, имъ нужно еще кое-о-чемъ переговорить; но за то обѣщалъ еще разъ заѣхать проститься, если успѣетъ.

Наконецъ онъ вышелъ въ переднюю и накинулъ шинель. Марья Сергѣевна еще разъ горячо прижалась къ нему и, приподнявъ свое облитое слезами лицо, нѣсколько разъ перекрестила его, шепча блѣдными, вздрагивающими отъ сдержанныхъ рыданій, губами тихую молитву.

Викторъ Алексѣевичъ терпѣливо стоялъ, не надѣвая шапки и слегка только нагибая голову подъ ея крестами, а когда она кончила, онъ еще разъ крѣпко обнялъ ее и съ бо́льшимъ чувствомъ, чѣмъ ожидалъ этого самъ, поцѣловалъ ее. Она уже не сдерживалась и, растроганная

Digitized by Google

еще больше его лаской, плакала, нервно всхлипывая и вздрагивая плечами, и ловила его руки, страстно прижимаясь къ нимъ лицомъ и губами. Но хотя Викторъ Алексѣевичъ и далъ себѣ слово не допускать ее ни до какихъ «трогательныхъ» сценъ, въ эту послѣднюю минуту у него недостало духу остановить ее и, только молча улыбаясь ей какою-то жалкою и растерянною улыбкой, онъ торопливо и смущенно вышелъ на освѣщенную площадку лѣстницы.

Марья Сергѣевна вмѣстѣ съ выбѣжавшею въ переднюю Ѳеней, вышла за нимъ туда же и, облокотясь на перила, молча глядѣли ему вслѣдъ.

— До завтра... вполголоса сказала она.

Викторъ Алексѣевичъ приподнялъ голову и улыбнулся ей въ отвѣтъ все тою же торопливою и смущенною улыбкой.

— Да, да, до завтра...

Когда дверь захлопнулась за нимъ и онѣ вернулись въ гостиную, Марья Сергѣевна опустилась на первый попавшій стулъ и расплакалась, уже не сдерживая и не заглушая своихъ рыданій.

— Господи... Ѳеня... говорила она между всхлипываній, нервно ломая свои тонкіе пальцы,—вѣдь на полтора мѣсяца... можетъ быть даже больше.. я какъ подумаю... такая тоска... такая тоска...

Ѳеня молча стояла передъ ней.

Digitized by Google

— Да, ужъ что̀ веселаго!—сказала она съ какимъ-то раздраженіемъ.

Ея лицо тоже слегка подергивалось и вздрагивало, и ей при мысли, что Виктора Алексѣевича не будетъ у нихъ цѣлые полтора мѣсяца, тоже какъ будто хотѣлось плакать.

XIII.

Когда Викторъ Алексѣевичъ вышелъ на улицу, шелъ легкій, крутящійся въ воздухѣ снѣжокъ и лицо ему опахнуло свѣжимъ морознымъ воздухомъ.

— Подавать, баринъ?—крикнулъ стоящій у подъѣзда извозчикъ.

— Не надо!—сердито отвѣчалъ Викторъ Алексѣевичъ. Ему хотѣлось пройтись немного пѣшкомъ, чтобы лучше и скорѣй успокоиться. На душѣ его было положительно нехорошо, — какъ будто лежало непріятное ощущеніе какой-то гадости, которую онъ только что продѣлалъ.

«Во всякомъ случаѣ, думалъ онъ, плотнѣе запахиваясь въ шинель, это тяжело и даже тяжелѣе, чѣмъ кажется... Нѣтъ, кончено, больше ужъ никогда и ни одной серьезной связи въ жизни. Право, гадко какъ-то...»

Онъ остановился на минуту и, чиркнувъ спичкой, старался закурить папиросу, прикрываясь шинелью отъ задувавшаго ее вѣтра, но вдругъ

Digitized by Google

почувствовалъ, что кто-то тронулъ его. Викторъ Алексѣевичъ обернулся и съ недоумѣніемъ оглядѣлъ какую-то небольшую женскую фигурку, въ шубкѣ и бѣломъ платкѣ на головѣ.

— Пойдемте сюда... за уголъ... пойдемте!

Она говорила нервнымъ, сдавленнымъ голосомъ, и слегка тянула его за рукавъ шинели. Викторъ Алексѣевичъ плохо различалъ ея черты и почти не узнавалъ голоса, но, по непріятному и жуткому ощущенію, вдругъ охватившему его, онъ скорѣе инстинктивно догадался, чѣмъ распозналъ кто это.

— Куда пойдемте?—заговорилъ онъ не то испуганнымъ, не то сердитымъ голосомъ.—Вы, должно быть, съ ума сошли, что вздумали вдругъ по улицамъ ловить меня! Никуда я не пойду, и что такое вамъ вдругъ понадобилось отъ меня, что вы мнѣ въ комнатѣ не могли сказать, а изволите выбирать такое удобное мѣсто для разговоровъ?.. Отправляйтесь лучше домой. Никуда я не пойду.

— Нѣтъ, вы пойдете! Я не мама, слышите, не мама... со мной нельзя какъ съ ней, и если я васъ зову, то вы пойдете, слышите? должны идти... шептала она задыхающимся и дрожащимъ отъ страстной ненависти голосомъ.

Викторъ Алексѣевичъ съ удивленіемъ глядѣлъ на нее.

«Чортъ знаетъ что̀ такое, этого только не доставало!» думалъ онъ: «и чего эта дѣвчонка тутъ еще суется?» Онъ подозрительно огляды-

Digitized by Google

валъ ее. «Она ужъ не героиню ли вздумала разыгрывать, еще чего добраго стрѣлять вздумаетъ! онѣ всѣ вѣдь нынче на этомъ помѣшаны!»

— Да вамъ нельзя ли тутъ объяснить мнѣ, чего вы собственно отъ меня желаете, а не бѣгать по разнымъ закоулкамъ...

— Нѣтъ, нельзя, тутъ народъ, пойдемте въ переулокъ, тамъ никого нѣтъ...

Они стояли у фонаря другъ противъ друга, свѣтъ отъ котораго падалъ теперь прямо на лицо Наташи, и Викторъ Алексѣевичъ видѣлъ, какъ лихорадочно горѣли и переливались ея глаза какими-то дикими, злыми огоньками.

«Чортъ знаетъ что̀ такое! мысленно бранился онъ, и какъ все это глупо!» Онъ положительно не зналъ, что ему дѣлать, но на душѣ у него было какъ-то жутко и непріятно, а сознаться себѣ, что онъ боится ея, онъ не хотѣлъ, — боится этой дѣвчонки, ничтожной и безсильной, которую онъ въ случаѣ чего нибудь можетъ пристукнуть однимъ пальцемъ!

«Да, наконецъ, въ квартирѣ Алабиныхъ нѣтъ ни одного револьвера, а купить не могла, такой не продадутъ»...

Наташа вдругъ окинула его презрительнымъ взглядомъ.

— Да вы не бойтесь! — проговорила она съ такою насмѣшкой и отвращеніемъ, что Викторъ Алексѣевичъ даже вспыхнулъ. — Мнѣ съ вами только переговорить нужно.

Digitized by Google

— Это васъ-то бояться? — захохоталъ онъ злымъ и принужденнымъ хохотомъ. — Помилуйте, кто же это дѣтей боится? Извольте, я съ вами пойду, только нельзя ли поскорѣе кончить всю эту комедію («мамашенькина страсть», промелькнуло у него въ головѣ), у меня времени нѣтъ, да и о васъ мамаша будетъ безпокоиться.

— Мамашу оставьте, она не знаетъ и не хватится. Мнѣ негдѣ было больше говорить съ вами, такъ чтобъ она этого не узнала, потому я и выбрала улицу. Пойдемте.

Они пошли вмѣстѣ по направленію перваго переулка и нѣсколько минутъ шли молча, не глядя другъ на друга.

Наконецъ, когда они дошли до середины совершенно пустого и темнаго переулка, Наташа остановилась и взглянула ему прямо въ лицо.

— Это правда, что вамъ нужно ѣхать? — повторила она материнскій вопросъ. Онѣ обѣ догадывались, что онъ лжетъ, но Наташа понимала это ясно, тогда какъ Марья Сергѣевна чувствовала это безсознательно, скорѣй сердцемъ, чѣмъ разумомъ.

— А вамъ какое же до этого дѣло? Это что̀? слѣдствіе что̀ ли?

— Нѣтъ, это не слѣдствіе и мнѣ никакого нѣтъ до васъ дѣла; это правда... Но «ей», понимаете «ей», — она наклонилась совсѣмъ близко къ нему и все ея лицо задрожало отъ негодованія, — ей есть дѣло! И потому-то я и спра-

Digitized by Google

шиваю, потому-то и хочу знать правду... И вы мнѣ ее скажете! Понимаете? У нея никого нѣтъ, кромѣ меня, вы всѣхъ отогнали, а теперь дѣлаете съ ней что̀ хотите, благо она вѣритъ вамъ, любитъ васъ! Но я ненавижу васъ, не вѣрю ничему, ничему, что̀ вы ей говорите; я знала, всегда знала, что вы лжете, все лжете... и теперь также... Но я не позволю, понимаете, не позволю...

Она задыхалась отъ волненія и гнѣва. Два года таила и сдерживала она ихъ въ себѣ, щадя его ради матери, но теперь все чувство ненависти и озлобленія, накипѣвшія въ душѣ ея противъ него, вдругъ какъ бы прорвалось наружу и захватило ее въ бѣшеномъ порывѣ. Она вся дрожала, лицо ея нервно горѣло и глаза блистали такою злобой, что Викторъ Алексѣевичъ безсознательно отодвинулся отъ нея подальше.

«Положительно съ ума сошла!» тревожно мелькало у него въ головѣ, но, стараясь оправиться отъ жуткаго чувства, онъ грубо оборвалъ ее.

— Ну, довольно, однако, вы должно быть совсѣмъ рехнулись! Можете отправляться домой и садиться за уроки, а я вамъ не мальчишка и всякой дѣвчонкѣ читать себѣ нотаціи не позволю...

И онъ круто повернулся и хотѣлъ уже уйти, но Наташа вдругъ быстро опередила его и, схвативъ его за руку, вцѣпилась въ нее съ судорожною силой.

Digitized by Google

— Нѣтъ, не довольно! — громко вскрикнула она,—не довольно, и вы не уйдете, я не пущу! Вы дѣлаете низости, а потомъ убѣгаете и думаете, что никто ничего не смѣетъ сказать вамъ... ничего сдѣлать съ вами?..

Ея рука, съ тонкими длинными ногтями, до боли впивалась въ его руку; онъ пробовалъ отдернуть ее, но она еще крѣпче сжалася, не отпуская его.

— Пустите мою руку!

— Нѣтъ, не пущу. Вы скажете мнѣ правду, совсѣмъ вы ее бросаете, да?

— Да вамъ-то, послушайте, какое же, наконецъ, дѣло до этого? Вы-то тутъ при чемъ?

— При томъ, что она моя мать! Понимаете, мать моя, жена моего отца! вы отняли ее и у него, и у меня, и мнѣ есть до этого дѣло. Я имѣю право требовать у васъ отчета. И вы не смѣете не дать мнѣ его, не смѣете...

— Да вѣдь она вамъ маменька, а не вы ей, кажется, что̀ же вы-то хлопочете? Она и сама, кажется, не маленькая.

— О! какой...— Наташа съ отвращеніемъ прищурила глаза, — какой вы подлецъ!

Вабельскій вздрогнулъ и вырвалъ, наконецъ, свою руку. Ему хотѣлось поколотить эту дѣвчонку, такъ смѣло кинувшую ему въ лицо оскорбленіе. Но она стояла предъ нимъ съ выраженіемъ такого презрѣнія и нравственнаго превосходства, такая смѣлая въ своей правдѣ и не-

Digitized by Google

нависти, что онъ только плотнѣе запахнулся опять въ свою шинель, закрывъ ею даже лицо.

Наташа, повидимому, начала немного успокоиваться. Она уже не такъ дрожала и задыхалась, и только ноздри ея слегка еще вздрагивали и трепетали.

— Это подлость, ужасная подлость, заговорила она вдругъ тихо, — что вы бросаете ее, но это все-таки было бы счастьемъ для всѣхъ насъ, еслибъ она только смогла перенести это. Но она не перенесетъ, это убьетъ ее, я знаю, и потому-то я и рѣшила прійти сюда и говорить съ вами. Вѣдь вы также понимаете, что убиваете ее этимъ... и вамъ даже не жаль? даже не совѣстно?.. Неужели же вамъ не совѣстно, неужели можно дѣлать такія вещи и не чувствовать себя подлецомъ?

Она точно не вѣрила подобной возможности и пытливо глядѣла ему въ глаза, какъ бы ища въ нихъ искры стыда и раскаянія.

— Вамъ не совѣстно? — тихо съ какимъ-то точно сожалѣніемъ спросила она его опять, не спуская съ него своихъ грустныхъ строгихъ глазъ.

Викторъ Алексѣевичъ молча нетерпѣливо передернулъ плечами и, скользнувъ взглядомъ мимо ея головы, еще глубже спряталъ лицо въ воротникѣ шинели. Онъ положительно терялся, что ему дѣлать, и если въ жизни его были какія нибудь скверныя минуты, то хуже и непріятнѣе этой онъ все-таки не помнилъ.

Digitized by Google

— Еслибы вы знали, какъ я васъ ненавижу и какъ вы мнѣ гадки, говорила она, слегка вздрагивая отъ гадливаго презрѣнія, — вы бы поняли какъ трудно было мнѣ рѣшиться прійти сюда и говорить съ вами... просить. — На мгновеніе она даже закрыла лицо руками, но тотчасъ же быстро отдернула ихъ отъ лица и заговорила уже тверже и спокойнѣе. — Но это необходимо, и я рѣшилась. Еслибъ я была увѣрена, что это можетъ вернуть намъ всѣмъ прежнее счастіе, я бы убила васъ!

Викторъ Алексѣевичъ быстро приподнялъ голову и тревожно оглядѣлъ опять ея руки и всю фигуру.

«Ты, матушка, дѣйствительно, на все, кажется, способна!» сердито подумалъ онъ и, слегка отодвинувшись отъ нея, тревожно оглядѣлся по сторонамъ, ища, нѣтъ ли гдѣ извозчика.

— Но это ничему не поможетъ, съ какою-то странною задумчивостію въ глазахъ продолжала она, — это было бы только новое горе и для нея, и для отца... Я долго думала, какъ помочь, помочь никакъ нельзя... теперь уже поздно... — Ни папа, ни я счастливы уже не будемъ, что̀ бы ни случилось, но пусть хоть одна она... И потому я... рѣшила просить васъ... если возможно... не уѣзжайте... не бросайте... Ахъ, какъ гадко... какъ гадко! вдругъ страстно прервала она самоё себя и снова закрыла руками еще жарче запылавшее лицо.

Въ концѣ переулка тихо ѣхалъ пустой извоз-

Digitized by Google

чикъ. Викторъ Алексѣевичъ искоса, стараясь дѣлать это незамѣтно для Наташи, оглядывался на него.

— Я, право, не понимаю, заговорилъ онъ вслухъ, слегка уже подбодряясь отъ приближенія извозчика, — о чемъ вы такъ безпокоитесь... Ничего и никого я не бросаю, ѣду всего на одинъ мѣсяцъ по дѣламъ, вѣдь я говорилъ уже при васъ...

— Да, говорили, только это неправда! Я знаю... я уже давно поняла, что такъ все кончится... Я знаю, вы уѣдете, не станете даже писать... и тогда она пойметъ и не вынесетъ... Но... хоть пишите ей... хоть изрѣдка... она повѣритъ и будетъ спокойна... Если у васъ есть хоть капля жалости, состраданія, сдѣлайте это... сдѣлайте... развѣ не тяжело убить человѣка?.. знать, что убили?.. Хоть ради вашей матери; быть можетъ, вы любили ее, ради нея... сдѣлайте... пожалѣйте... Но неужели ли же вы никогда никого не любили... не жалѣли...

— Да, конечно... конечно... объ этомъ нечего и просить... конечно... торопливо говорилъ Викторъ Алексѣевичъ и, обернувшись, крикнулъ вдругъ поровнявшемуся съ ними извозчику, быстро откинулъ полость, вскочилъ въ сани и, приподнявъ свою пушистую бобровую шапку, слегка поклонился Наташѣ.

— Пошелъ! — крикнулъ онъ, — да скорѣе!.. И къ чему я только сразу не сѣлъ! сердито сказалъ онъ себѣ,—ничего бы тогда не случилось.

Digitized by Google

Фу, чортъ! Ну, сценка, нечего сказать! Пошелъ, дуракъ, что ли скорѣе! Плетешься, плетешься, болванъ!

И, съ сердцемъ толкнувъ въ спину извозчика, Викторъ Алексѣевичъ безпокойно оглянулся назадъ, какъ бы боясь, что Наташа бѣжитъ за нимъ. Но ея темнѣющій силуэтъ уже виднѣлся далеко отъ него.

Она съ изумленіемъ и негодованіемъ глядѣла ему вслѣдъ, и когда онъ совсѣмъ скрылся изъ виду, она вдругъ схватилась руками за голову и крѣпко сжала ее. Ей было мучительно стыдно, больно, и она все сильнѣе и сильнѣе стискивала зубы, какъ бы заглушая какую-то острую боль.

— Ахъ, какъ гадко, какъ гадко!

Слезы крупными каплями катились изъ ея глазъ, но она не замѣчала и не чувствовала ихъ. Одно страстное ощущеніе стыда и униженія наполняло ее.

О, лучше бы совсѣмъ ужъ не ходить! Чему она помогла, что̀ сдѣлала? Развѣ она не знала, какой это подлецъ! Да, да, онъ правъ: она глупая, ничтожная дѣвчонка, которая не понимаетъ сама, что̀ дѣлаетъ. Зачѣмъ, зачѣмъ она унижалась, просила, чуть не умоляла его, чтобъ онъ же издѣвался надъ нею? Боже мой, Боже мой, зачѣмъ же, зачѣмъ?... А Богъ... неужели же и Онъ не покараетъ его? О, мама, мама, что̀ ты сдѣлала, что̀ сдѣлала и съ собой, бѣдная моя, и съ нами!..

И она, рыдая, приклонилась къ фонарному столбу.

Digitized by Google

XIV.

Шелъ четвертый мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Викторъ Алексѣевичъ. Марья Сергѣевна начинала уже не на шутку волноваться и безпокоиться. Она получила отъ него нѣсколько короткихъ писемъ, но они были и слишкомъ рѣдки, и слишкомъ лаконичны для того, чтобы могли серьезно успокоивать ее. По нимъ она едва могла понять, гдѣ онъ, здоровъ ли и что̀ дѣлаетъ. Но больше всего мучило ее то, что она и сама не могла писать ему, сколько-бы ей того хотѣлось. Викторъ Алексѣевичъ, судя по письмамъ, постоянно переѣзжалъ изъ города въ городъ и, не зная навѣрное его адреса и мѣстопребыванія, Марья Сергѣевна посылала свои письма по догадкамъ на удачу, не будучи даже вполнѣ увѣрена, дойдутъ ли они до него. По сдѣланной ею уже привычкѣ прощать ему все, она и теперь не рѣшалась упрекать его за то, что письма его такъ рѣдко приходили, зная по опыту, что всякіе упреки только хуже раздражаютъ его, и даже въ душѣ не сердилась, стараясь, по своему обыкновенію, оправдывать его и предъ другими, и предъ самой собой, увѣряя, что онъ страшно занятъ дѣлами, разъѣздами, а потому писать ему некогда. Но хотя письма отъ него приходили очень рѣдко, ждала она ихъ каждый день. При каждомъ звонкѣ она вздрагивала и чутко прислушивалась къ голосамъ въ передней,

Digitized by Google

думая: «не письмо ли!» И въ тѣ рѣдкіе случаи, когда Ѳеня, дѣйствительно, входила съ письмомъ въ рукахъ, Марья Сергѣевна быстро вскакивала съ кресла, бросала все, что у нея было въ рукахъ и, блѣдная, задыхающаяся отъ волненія, дрожащими пальцами выхватывала изъ рукъ Ѳени письмо; но въ первую минуту не могла разобрать ни слова. Буквы прыгали и сливались у нея предъ глазами, сердце въ груди рвалось и замирало, и иногда, прежде чѣмъ прочесть, она должна была даже выпить стаканъ воды, чтобы хоть немного успокоиться. За то, успокоясь, она всегда перечитывала письмо по нѣсколько разъ къ-ряду, пока не заучивала его почти наизусть. Тогда она звала Ѳеню и, вся сіяющая отъ восторга и радости, прочитывала и ей письмо вслухъ, снова повторяя по нѣсколько разъ тѣ его фразы и слова, которыя болѣе другихъ нравились ей и трогали ее, какъ бы для того, чтобъ и Ѳеня поняла и прочувствовала ихъ лучше и глубже. Такихъ фразъ въ сущности было немного, но Марья Сергѣевна умудрялась отыскивать ихъ между строкъ и прочитывала его сухое письмо такимъ нѣжнымъ голосомъ, что оно и, дѣйствительно, казалось какъ-то ласковѣе и любезнѣе. Весь этотъ день и нѣсколько слѣдующихъ Марья Сергѣевна была весела, счастлива, добра и даже самая болѣзнь ея вдругъ какъ бы совсѣмъ проходила. За то въ послѣдующія двѣ-три недѣли, когда писемъ не получалось, болѣзнь эта

Digitized by Google

дѣлалась ей еще замѣтнѣе и мучительнѣе, чѣмъ во всякое другое время. Марья Сергѣевна жила въ постоянномъ напряженіи ожиданія и тоски, и это окончательно убивало ея и безъ того уже расшатавшееся здоровье. Доктора запретили ей даже продолжать кормить маленькаго Колю, на котораго ея взволнованное молоко дѣйствовало очень вредно. Для Марьи Сергѣевны это было новое лишеніе и мука. Кормить Колю своею грудью ей доставляло какое-то блаженное наслажденіе, и отказаться отъ него ей было тяжело и трудно. Для ребенка было бы полезнѣе взять здоровую деревенскую кормилицу, но Марья Сергѣевна, въ своей страстной ревнивой любви къ нему, не хотѣла объ этомъ и слышать. И Колю перевели на рожокъ, тѣмъ болѣе, что ему шелъ уже девятый мѣсяцъ, и его можно было уже понемногу отнимать, но ребенокъ сначала страшно скучалъ по материнской груди, плакалъ, капризничалъ и первое время даже заболѣлъ. Марья Сергѣевна мучилась и волновалась вмѣстѣ съ нимъ, но, боясь потерять его, выдерживала характеръ и не давала ему груди. Все послѣднее время она чувствовала себя гораздо хуже, а вѣчная тревога и безпокойство о невозвращеніи Виктора Алексѣевича еще больше разстраивали и ухудшали ея здоровье. Послѣднее письмо отъ него она получила откуда-то изъ Швейцаріи и не могла понять, зачѣмъ онъ туда попалъ, а Викторъ Алексѣевичъ, не объясняя причинъ, писалъ только,

Digitized by Google

что, можетъ быть, ему придется ѣхать и еще дальше. О возвращеніи не упоминалось ни слова. Съ тѣхъ поръ прошло больше мѣсяца, а новыхъ писемъ и извѣстій никакихъ больше не было. Марьѣ Сергѣевнѣ еще ни разу не приходилось не получать такъ долго отъ него писемъ; бо́льшею частію они приходили на третью недѣлю. Теперь же кончалась пятая, и съ каждымъ днемъ тревога и тоска Марьи Сергѣевны усиливались. По цѣлымъ днямъ она ждала и прислушивалась къ звонку почтальона. Каждый разъ, увидѣвъ идущаго по двору пачтальона, она мѣнялась въ лицѣ и порой выбѣгала даже на лѣстницу, чтобы скорѣе взять отъ него письмо. Но убѣдившись, что онъ проходитъ мимо и звонитъ у кого нибудь изъ сосѣдей, она блѣднѣла и судорожное рыданіе сжимало ей горло. Послѣ каждаго новаго разочарованія она дѣлалась еще апатичнѣе, теряла аппетитъ и сонъ, а если и засыпала, то продолжала все также мучительно волноваться и во снѣ, въ которомъ ей грезились почтальоны, слышались звонки и казалось, что «онъ» пріѣхалъ и звонитъ. И сновидѣнія эти были такъ живы и дѣйствительны, что часто Марья Сергѣевна даже просыпалась, быстро вскакивила съ постели и съ тяжело бьющимъ сердцемъ долго еще вслушивалась въ ночную тишину, ожидая, не повторится ли звонокъ, почудившійся ей во снѣ. Но звонокъ не повторялся, все было тихо, всѣ спали, слышалось только хриплое присвистывающее дыханіе ста-

Digitized by Google

рухи-няньки, спавшей въ сосѣдней комнатѣ, да иногда пищалъ спросонокъ маленькій Коля. Марья Сергѣевна опять тоскливо опускалась на подушки и, порой, охватываемая жгучею тоской, начинала невольно плакать. Временами съ нея какъ бы спадала завѣса, ослѣплявшая ее, и она какъ бы начинала понимать истину. Но ужасъ и отчаяніе, нападавшіе на нее при этомъ, были такъ мучительны, что она въ страхѣ старалась насильно возвратиться къ прежней вѣрѣ и надеждѣ. Она не хотѣла повѣрить въ то, что̀ подсказывалъ ей здравый смыслъ, но заглушить его въ себѣ совсѣмъ все-таки не могла и, порой, позвавъ Ѳеню, съ ужасомъ спрашивала ее:

— Ѳеня, что̀ же это такое? что же это значитъ?

Ѳеня молча пожимала плечами.

Почемъ же она-то знаетъ, что это значитъ! Первое время она еще утѣшала и успокоивала барыню, но теперь она и сама была почти всегда не въ духѣ, а приставаніе, слезы и отчаяніе барыни только больше раздражали ее.

— Господи, да потерпите!—совѣтывала она недовольнымъ тономъ, — вѣдь нельзя же такъ, можетъ имъ и вправду некогда.

— Да вѣдь седьмая недѣля, Ѳеня, безнадежно повторяла Марья Сергѣевна.

Ѳеня молчала и съ сердитымъ лицомъ продолжала усиленно обметать пыль и мести комнату.

Марья Сергѣевна по возможности крѣпилась

Digitized by Google

предо всѣми домашними и особенно предъ Наташей. Но съ Ѳеней она уже не могла и не хотѣла выдерживать характера. Хоть съ кѣмъ нибудь она должна была говорить о немъ, плакать, мучиться предъ кѣмъ нибудь и искать въ комъ нибудь поддержки и успокоенія, и по сдѣланной уже раньше привычкѣ находила Ѳеню болѣе всѣхъ для этого подходящею.

Наташа молча слѣдила за матерью, и хотя онѣ мало имѣли общенія другъ съ другомъ, встрѣчаясь почти исключительно за обѣдомъ и чаемъ, тѣмъ не менѣе Наташа видѣла, что Марья Сергѣевна тоскуетъ, мучается, болѣетъ, но знала, что помочь ей ничѣмъ нельзя и еще глубже и усидчивѣе уходила въ свои занятія, дѣлая себѣ изъ нихъ что-то въ родѣ развлеченія. Поступая когда-то въ гимназію, Наташа была рѣзвою и шаловливою дѣвочкой, и хотя не заводила себѣ особенно задушевныхъ подругъ, какъ бы не желая этимъ измѣнять своей дружбѣ съ матерью, но за то была дружна почти со всѣми. Живая и впечатлительная, она затѣвала игры, возню и часто бывала даже коноводомъ различныхъ партій. Теперь же, вся поглощенная своими семейными исторіями и измученная разладомъ отца съ матерью, она какъ бы состарѣлась раньше времени

Ея классъ состоялъ почти все изъ ея однолѣтокъ, дѣвочекъ пятнадцати, шестнадцати и семнадцати лѣтъ, но за послѣдній годъ она постепенно отставала отъ нихъ, и ихъ инте-

Digitized by Google

ресы, мечты и жизнь сдѣлались ей чужды и непонятны.

Теперь ея классъ уже не игралъ и не шалилъ, какъ еще два года тому назадъ. Дѣвочки подросли и изъ подростковъ выравнивались постепенно въ молоденькихъ дѣвушекъ, въ которыхъ начинала уже все замѣтнѣе проглядывать будущая женщина съ ея натурой и призваніемъ. Почти у каждой изъ нихъ уже начинала зарождаться «своя жизнь» и, побросавъ игрушки, онѣ втихомолку зачитывались романами, мечтая по-своему о любви, замужествѣ и будущихъ герояхъ.

Наташа не мечтала ни о чемъ и не желала ничего. Любовь вызывала въ ней отвращеніе, и всѣ мужчины дѣлились для нея на два типа: одинъ представлялся ей въ образѣ отца прекраснымъ и великодушнымъ, другой олицетворялся Вабельскимъ, то есть былъ низокъ и ничтоженъ. И къ первому принадлежалъ только одинъ Павелъ Петровичъ, ко второму всѣ остальные мужчины съ Вабельскимъ во главѣ. А потому всякая мысль о любви и замужествѣ была ей противна. Она не понимала, какъ ея товарки могутъ мечтать объ ней. Слушая ихъ разсказы, она мысленно удивлялась ихъ наивности и, какъ бы заранѣе предвидя все то горе и несчастіе, которыя, какъ ей казалось, должно будетъ принести имъ осуществленіе ихъ надеждъ и мечтаній, глядѣла на нихъ со страданіемъ и даже легкимъ презрѣніемъ. О своемъ

Digitized by Google

будущемъ она уже ничего не загадывала и старалась совсѣмъ не думать о немъ. Всѣ мечты и желанія ея сбились, спутались и, чувствуя ихъ невозможность и двойственность, она потеряла и вѣру въ ихъ осуществленіе, не умѣя найти хоть сколько нибудь счастливаго исхода изъ того ужаснаго положенія, въ которомъ очутились они всѣ, то есть отецъ, мать и она сама. Все будущее представлялось ей печальнымъ и самая жизнь, не только ея личная, но и всего человѣчества, казалась ей чѣмъ-то тяжелымъ, труднымъ и непріятнымъ.

Наташа часто съ удивленіемъ спрашивала себя: «неужели мама не видитъ и не понимаетъ, какой это человѣкъ? А если видитъ и понимаетъ, то какъ же можетъ любить?» И Наташа поражалась этимъ страннымъ ослѣпленіемъ. Почему же она, еще совсѣмъ неопытная дѣвочка въ сравненіи съ матерью, сразу поняла его и не только его самого, но и его пошлое, легкомысленное отношеніе къ любимой женщинѣ, тогда какъ Марья Сергѣевна, очевидно, этого не замѣчала и вполнѣ вѣрила въ честность и искренность его любви къ ней?

Даже теперь, когда дѣло было окончательно ясно, Марья Сергѣевна все еще какъ бы нарочно не хотѣла прозрѣть истину. И когда, по полученіи писемъ отъ Виктора Алексѣевича, она бывала особенно весела и счастлива, Наташа молча слѣдила за ней съ тѣмъ же уди-

Digitized by Google

вленнымъ состраданіемъ, съ которымъ слушала и своихъ подругъ, мечтающихъ о любви.

Если Марья Сергѣевна была несчастна годъ тому назадъ, то несомнѣнно, что теперь она была еще несчастнѣе, и Наташа хорошо сознавала это. Видѣть горе матери ей было больно и тяжело, но въ то же время причина этого горя не вызывала въ ней участія и жалости, а скорѣе была ей непріятна и вызывала только невольное чувство презрительнаго состраданія.

Наташа не могла простить себѣ того, что она просила «тогда» Вабельскаго и, вспоминая объ этомъ, каждый разъ испытывала такой стыдъ и злобу на самоё себя, что, вспыхивая до корней волосъ и закрывая руками лицо, до боли закусывала свои губы.

Зачѣмъ она унижалась предъ нимъ? Зачѣмъ пошла просить?

Она дѣйствовала тогда по какому-то страстному, безотчетному влеченію, и въ ту минуту ей казалось, что если она и не спасетъ этимъ мать, то хоть насколько возможно отклонитъ отъ нея новый ударъ, новое страданіе и горе. Какъ она не поняла тогда, что это ничему не поможетъ, ничего не улучшитъ и не принесетъ ничего, кромѣ новаго униженія и мучительнаго стыда.

Наташа знала, что мать уже болѣе шести недѣль не получала отъ Вабельскаго никакого извѣстія, и съ тревогой вглядывалась въ ея постарѣвшее измученное лицо.

Digitized by Google

Если до сихъ поръ Марья Сергѣевна могла заставлять себя не понимать, что Викторъ Алексѣевичъ совсѣмъ бросилъ ее, то теперь, съ ужасомъ думала Наташа, она пойметъ, теперь уже нельзя не понять... И она со страхомъ и безпокойствомъ ожидала, что̀ изъ этого выйдетъ и какъ можетъ это подѣйствовать на мать, съ той минуты, когда она окончательно убѣдится въ истинѣ.

Не разъ ей приходило въ голову написать обо всемъ отцу и просить, умолять, чтобъ онъ простилъ Марью Сергѣевну, примирился съ ней и снова взялъ ихъ всѣхъ къ себѣ. Но та жизнь, которая должна была начаться съ того времени, какъ они снова поселятся всѣ вмѣстѣ, то есть отецъ, мать, она и маленькій Коля,—представлялась ей такою фальшивою, невозможною и даже отвратительною, что она съ горечью бросала письмо и начинала другое, гдѣ уже ни однимъ словомъ не упоминала о случившемся.

Не будь этого ребенка, они могли бы еще какъ нибудь примириться, казалось Наташѣ... Конечно, былого счастія, любви и уваженія въ семьѣ уже не было бы, но, по крайней мѣрѣ, они хоть жили бы снова вмѣстѣ. Съ годами, чувство неловкости и отчужденія, быть можетъ, постепенно сгладилось бы и, въ концѣ концовъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ все предалось бы забвенію, сколько это возможно въ подобныхъ случаяхъ, и они жили бы, если и не счастливо, то хоть спокойно... А теперь и это невозможно

Digitized by Google

благодаря этому ребенку!.. И злое чувство противъ него еще сильнѣе поднималось въ ней.

Ей казалось, что быть въ ихъ семьѣ этотъ ребенокъ имѣетъ такъ же мало права, какъ и его отецъ. А между тѣмъ уничтожить это право было уже невозможно: ребенокъ былъ даже сильнѣе отца и своимъ существованіемъ доканчивалъ то разрушеніе ихъ семьи, которое началъ его отецъ.

И Наташа, раздраженная всѣмъ этимъ, раздражалась еще сильнѣе отъ его вѣчныхъ капризовъ, плача и крика, которыми маленькій тиранъ словно нарочно мучилъ весь домъ.

Марьѣ Сергѣевнѣ казалось, что въ этихъ капризахъ виноваты всѣ, кромѣ самого Коли; она обвиняла няньку, Наташу, доктора, находила, что всѣ они не умѣютъ обращаться съ ребенкомъ и нарочно мучаютъ и сердятъ его, и сердилась то на няньку, то на Наташу, то на новую горничную, которая особенно раздражала ее своимъ неумѣніемъ.

Недѣлю тому назадъ Ѳеня отошла и для Марьи Сергѣевны это было новымъ неожиданнымъ и сильнымъ ударомъ, отъ котораго она совершенно потерялась и даже заболѣла.

Она упрашивала Ѳеню остаться, обѣщала ей прибавку жалованья, подарки и даже плакала, но Ѳеня осталась непреклонною. Нѣтъ ужъ, будетъ съ нея! Довольно она мучилась!

Съ тѣхъ поръ какъ Викторъ Алексѣевичъ исчезъ и Ѳеня убѣдилась, что онъ окончательно бро-

Digitized by Google

силъ барыню, мѣсто это вдругъ потеряло для нея всякую цѣну и интересъ.

Въ домѣ царствовала безурядица, болѣзни, тоска, ссоры, и Ѳеня, привыкшая къ хорошимъ мѣстамъ въ богатыхъ домахъ, начала сильно скучать.

Что̀ въ самомъ дѣлѣ за наказаніе! Ни днемъ, ни ночью покою нѣтъ! То мальчишка боленъ, плачетъ, капризничаетъ, то барыня заболѣла! То съ однимъ возись, то съ другимъ! По ночамъ не спишь, людей никого не видишь, живутъ какъ затворники какіе! Она и сама совсѣмъ больна; своя рубашка ближе...

И, не смотря на всѣ просьбы Марьи Сергѣевны, Ѳеня все-таки же ушла. Въ виду у нея уже было приготовлено новое мѣсто у одной французской актрисы, у которой она жила прежде; къ тому же, на случай крайности, у нея былъ сколоченъ уже изрядный для прислуги капиталецъ и, сознавая себя обезпеченною и независимою, она не желала «хорониться заживо и коротать весь свой вѣкъ въ четырехъ стѣнахъ», съ плачущею Марьей Сергѣевной и капризнымъ ребенкомъ.

XV.

30 марта исполнилось ровно два мѣсяца какъ Марья Сергѣевна получила послѣднее письмо отъ Виктора Алексѣевича. Но въ послѣднюю

Digitized by Google

недѣлю она была даже бодрѣе и спокойнѣе чѣмъ раньше. Случилось это потому, что, потерявъ, наконецъ, терпѣніе и мучась во всевозможныхъ предположеніяхъ, она рѣшила съѣздить на квартиру Вабельскаго, съ цѣлью узнать что нибудь отъ Аристарха.

Въ квартирѣ былъ одинъ только Аристархъ, такъ какъ новый обыватель ея, которому она была сдана съ мебелью и лакеемъ, уѣхалъ куда-то въ театръ.

Отворивъ дверь и увидѣвъ Марью Сергѣевну, Аристархъ, «вполнѣ постигшій» своего барина и чутьемъ опытнаго столичнаго лакея прекрасно знавшій всѣ его похожденія, сразу понялъ въ чемъ дѣло.

«Ну, на чаекъ получимъ!» мгновенно рѣшилъ онъ, встрѣчая ее радостною и любезною улыбкой и приготовляясь врать напропалую, лишь бы только побольше сорвать съ нея.

Марья Сергѣевна, закутанная въ ротонду и мягкій бѣлый платокъ на головѣ, смущенно стояла въ дверяхъ.

Когда она рѣшила поѣхать на квартиру Вабельскаго и узнать отъ Аристарха, гдѣ Викторъ Алексѣевичъ и что̀ съ нимъ, ей это казалось крайне просто и легко. Теперь же, стоя предъ нимъ въ этой передней, гдѣ она знала и помнила каждый уголокъ, она вдругъ почувствовала себя страшно неловко и не знала, что ей сказать и какъ начать свои разспросы. Но смѣтливый Аристархъ началъ самъ. Онъ давно

Digitized by Google

догадывался, что баринъ «укатилъ» именно отъ нея и что она пріѣхала что нибудь разузнать.

— Давненько не видали васъ, сударыня. Я ужъ даже самъ сбирался было сбѣгать къ вамъ на квартиру, узнать, все ли у васъ благополучно.

Онъ любезно и почтительно упрашивалъ ее войти и присѣсть.

— Вы, сударыня, не извольте безпокоиться, у насъ никого дома нѣтъ, я одинъ во всей квартирѣ...

Марья Сергѣевна, застѣнчиво улыбаясь и краснѣя, но уже слегка ободренная любезнымъ пріемомъ Аристарха, сконфуженно переступила порогъ и опустилась на высокій дубовый стулъ.

Но еще прежде Аристархъ быстро схватилъ лежавшую на окнѣ тряпку и, ловко смахнувъ ею со стула пыль, любезно проговорилъ.

— Пожалуйте, сударыня, присядьте-съ; теперь чисто будетъ. Да можетъ вамъ желательнѣе въ кабинетъ было бы пройти?

Но Марья Сергѣевна, избѣгая встрѣчаться съ его глазами, поспѣшно отказалась.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, я на минуту.

На мгновеніе они оба замолчали, Марья Сергѣевна оттого, что конфузилась начать сразу свои разспросы, Аристархъ оттого, что еще не совсѣмъ уяснилъ себѣ, что̀ ему врать и насколько барыня сама правду знаетъ.

Марья Сергѣевна задыхалась отъ волненія,

Digitized by Google

но ей хотѣлось показать Аристарху, что это не отъ волненія, а отъ высокой лѣстницы.

— Высоко... неопредѣленно проговорила она, кивнувъ головой въ направленіи къ лѣстницѣ.

— Это точно-съ, живо подхватилъ Аристархъ.—Ежели-съ кто съ нѣжнымъ здоровьемъ, такъ точно, что запыхаться можно. А какъ намъ-съ, мужчинамъ, другая, значитъ, комплекція положена, такъ оно и выходитъ, что ничего-съ! Всего третій этажъ, духомъ взлетишь! Кабы не это—такъ этакой квартирѣ какъ наша-съ и цѣны нѣтъ-съ!

Но зная, что все это только, такъ сказать, присказка, а настоящая-то сказка еще впереди будетъ и что весь этотъ разговоръ Марья Сергѣевна заводитъ только «такъ» изъ учтивости и «для отвода», а сама желаетъ совсѣмъ другого, онъ ловкимъ и незамѣтнымъ манеромъ старался направить его въ должную сторону.

— Вотъ хоть бы и Виктору Алексѣевичу...

Марья Сергѣевна слегка вздрогнула, покраснѣла и быстро подняла глаза.

— Для нихъ такая-съ лѣстница ничего-съ не стоитъ! Потому, что дѣйствительно, можно сказать, мужчина въ полной силѣ; ну, а когда въ случаѣ устанутъ, либо что̀, сейчасъ садятся въ машину и велятъ швейцару поднимать. Швейцаръ мнѣ, значитъ, электрическій звонокъ даетъ. Ужъ надо правду говорить, домъ со всѣми комфортами устроенъ! Викторъ Алексѣевичъ ужъ сколько квартиръ допрежъ этой пересмотрѣли,

Digitized by Google

нѣтъ—не годятся, всё что нибудь да не такъ. Потому имъ, по дѣламъ, ихъ кое-какъ не приходится! Дѣла большія, а вѣдь, какъ говорится, сударыня, что̀ каждому кораблю и плаваніе, значитъ, особенное выходитъ!

Съ тѣхъ поръ какъ ушла Ѳеня, Марья Сергѣевна давно уже ни съ кѣмъ не говорила о Викторѣ Алексѣевичѣ и Аристархъ, распространившійся о немъ съ такою охотой и любезностью, казался ей въ эту минуту необыкновенно симпатичнымъ, добрымъ и преданнымъ не только лично Вабельскому, но отчасти какъ бы даже и ей самой, и она слушала его съ удовольствіемъ, не избѣгая уже его взглядовъ, и, смотря на него, улыбалась ласковою, благодарною улыбкой.

Когда онъ заговорилъ о дѣлахъ, Марья Сергѣевна почувствовала, что теперь именно самый удобный моментъ перевести разговоръ на то, что̀ всего больше интересовало ее и ради чего она пріѣхала.

— Да, тихо и все тѣмъ же неопредѣленнымъ какимъ-то голосомъ начала она.—У него очень большія дѣла... вотъ и теперь...

Но она не договорила и остановилась почему-то.

Аристархъ внимательно глядѣлъ на нее.

— Да-съ, и теперь... также неопредѣленно повторилъ и онъ. «Нужно вѣдь тоже съ резономъ!» подумалъ онъ, «чтобы потомъ отъ того какой нахлобучки не вышло...»

Digitized by Google

Онъ немного помолчалъ, соображая какъ бы ему начать «ловчѣе». И вдругъ какъ-то тряхнувъ головой, онъ слегка откашлялся и, заложивъ одну руку за свой бѣлый жилетъ, а другою задумчиво проводя по своимъ роскошнымъ волнистымъ бакенбардамъ, спросилъ равнодушно, но почтительнымъ тономъ, какъ бы нарочно стараясь этою почтительностью смягчить неделикатность вопроса.

— А вы, сударыня, давно отъ нихъ извѣстія имѣли-съ?

Марья Сергѣевна ярко вспыхнула и быстро опустила глаза. Хотя она за этимъ и пріѣхала, но теперь ей сдѣлалось мучительно стыдно сознаться его лакею, что она уже больше двухъ мѣсяцевъ не получала отъ его барина ни одной строчки. Но въ то же время ей не хотѣлось и уѣзжать не узнавъ ничего и, пересиливая свое смущеніе, она тихо, глядя куда-то въ пространство, мимо головы Аристарха, проговорила:

— Да, давно... я... я вотъ и пріѣхала узнать... здоровъ ли... не случилось ли съ нимъ... что нибудь...

И чувствуя на себѣ почтительный взоръ Аристарха, задумчиво устремленный на нее, она невольно краснѣла все больше и больше.

— Онъ все время писалъ... продолжала она сбивчиво и смущенно,— вотъ только теперь...

— Такъ-съ...

Аристархъ перевелъ свой задумчивый взоръ съ ея лица на носки своихъ лакированныхъ

Digitized by Google

сапогъ и поглаживалъ, слегка распушивая, свои бакенбарды.

— А... вы... ничего не получали отъ него?

И, спрашивая, она нарочно взглянула ему прямо въ лицо, какъ бы желая на немъ прочесть отвѣтъ.

Аристархъ неопредѣленно усмѣхнулся.

— Мнѣ-то имъ что̀ же писать... не о чемъ! Да хоть бы и было о чемъ, такъ и то, я такъ полагаю, что врядъ ли бы собрались. Скорѣй еще телеграмму пришлютъ, а писемъ никогда-съ не писали.

Марья Сергѣевна безнадежно глядѣла на него, и съ ея разгорѣвшагося лица уже сбѣгали живыя краски, и оно сново принимало усталоапатичное выраженіе.

— Ужъ очень они писать-то неохотны!—продолжалъ Аристархъ. — Вѣрите ли, сударыня, что̀ даже когда что нужное, такъ и то, бывало, съ трудомъ, съ трудомъ себя принудить могутъ. Одно время, такъ даже секретаря держали, потому по ихъ дѣламъ безъ переписки тоже никакъ невозможно - съ. Конечно, если ужъ тамъ что̀ по ихъ собственнымъ дѣламъ, такъ секретарю за нихъ писать не приходится, зато они такъ ужъ и приноровить стараются, чтобы безъ писемъ обойтись.

То что̀ говорилъ Аристархъ если и не могло совсѣмъ успокоить Марью Сергѣевну, зато хоть нѣсколько утѣшало ее, объясняя ей отчасти причину страннаго молчанія Виктора Алексѣевича

Digitized by Google

и оставляя ей хоть маленькій лучъ надежды. Но, по ея печальному лицу, Аристархъ понималъ, что этого еще очень мало и что барынѣ желалось бы чего нибудь бо̀льшаго.

Онъ соображалъ, что чѣмъ больше онъ «обнадежитъ» ее, тѣмъ лучше станетъ у нея расположеніе духа, а слѣдовательно тѣмъ и щедрѣе будетъ подачка.

— А вотъ г. Астафьеву они точно писали-съ... началъ онъ снова.

Марья Сергѣевна встрепенулась.

— Какому Астафьеву?

— Товарищъ тутъ ихній одинъ. У нихъ съ ними дѣла кое-какія есть, такъ вотъ по этимъ самымъ дѣламъ и писали-съ. А я въ тотъ день какъ разъ, значитъ, у нихъ на квартирѣ былъ, потому ихній камердинеръ мнѣ кумомъ приходится, такъ я у него чай пилъ. А баринъ-то, выходитъ, сами еще и вышли, да и говорятъ мнѣ: «Сейчасъ, Аристархъ, отъ твоего барина письмо получилъ по одному дѣлу, такъ онъ, между прочимъ, пишетъ, чтобъ я тебѣ передалъ, чтобы ты на всякій случай его комнату каждый день протапливалъ (они одну для запаса нарочно оставили, даже на ключъ заперли и ключъ мнѣ передали), да и вообще наготовѣ держалъ бы, потому что они со дня на день пріѣхать могутъ».

— Неужели?—Марья Сергѣевна разомъ вся опять оживилась и все лицо ея засіяло улыбкой.—Такъ и сказалъ?

Digitized by Google

— Такъ и сказали-съ!—невозмутимо продолжалъ Аристархъ, вдохновляясь все больше и больше.—И такъ, даже тогда г. Астафьевъ передавали (они баринъ такой обходительный, разговорчивый), что Викторъ Алексѣевичъ пишутъ, страсть какъ у этихъ нѣмцевъ проклятыхъ соскучились и сами ждутъ только не дождутся, чтобы только оттуда вырваться. Что только дѣла вотъ ихнія все еще тамъ не кончены, очень ужъ запутаны тамъ были, долго разбирать да хлопотать имъ пришлось, а что какъ только кончатъ, такъ даже въ тотъ же самый день домой выѣдутъ, потому что это теперь, можно сказать, мечта ихъ.

— Неужели?—радостно повторяла Марья Сергѣевна, и счастивая улыбка все ярче озаряла лицо ея.

— Да ужъ будьте покойны, сударыня. Я вѣдь ихъ не первый годъ знаю, слава Богу-съ, шестой годъ служу, можно сказать всѣ ихнія привычки выучилъ-съ. Такъ полагаю, что они и вамъ-то, сударыня, ничего не пишутъ только потому - съ, что сами каждый день выѣхать думаютъ.

— Да, да, конечно, очень можетъ быть!

Марья Сергѣевна даже засмѣялась: и какъ это раньше ей въ голову не приходило! И какъ хорошо она сдѣлала, что пріѣхала узнать! Она предчувствовала, что выйдетъ все хорошо! И какой этотъ Аристархъ славный, честный! Надо даже раньше было еще пріѣхать къ нему, по

Digitized by Google

крайней мѣрѣ, все это время была бы спокойна.

— А давно онъ это писалъ?

— Да ужъ порядочно, недѣли двѣ съ лишнимъ будетъ. Теперь они безпремѣнно скоро должны быть; я и комнату каждый день топлю.

Ну вотъ, а она - то мучилась, безпокоилась, глупая, какихъ страховъ себѣ только ни придумывала. И, задумчиво улыбаясь, она просидѣла нѣсколько мгновеній совсѣмъ молча, слегка прищуривая на одной точкѣ свои заискрившіеся глаза, не то что-то думая, не то о чемъ-то вспоминая.

Наконецъ, она поднялась со стула и взглянула еще разъ на Аристарха. Какое у него славное, доброе лицо.

— Ну, прощайте, Аристархъ, проговорила она улыбаясь, и слегка смущеннымъ жестомъ быстро опустила ему въ руку десятирублевую бумажку. Сначала она думала дать ему рубля три, но теперь ей казалось этого слишкомъ мало и хотѣлось дать больше.

Аристархъ, ощупавъ бумажку и замѣтивъ уже мелькнувшій предъ нимъ ея розовый цвѣтъ, кланялся, благодарилъ и даже съ особеннымъ чувствомъ приложился къ рукѣ Марьи Сергѣевны, которую она сконфуженно и торопливо вырвала у него.

— Не за что̀, не за что̀... смущенно говорила она.—Покажите мнѣ лучше его комнаты, мнѣ хочется взглянуть на нихъ немного.

Digitized by Google

— Господи! да сколько пожелаете, сударыня, сдѣлайте милость! Намъ отъ этого только удовольствіе.

И онъ кинулся впередъ, распахивая передъ нею всѣ двери и быстро на ходу поправляя для чего-то скатерти на столахъ и стулья.

Марья Сергѣевна, не спѣша, прошла всѣ комнаты, останавливаясь на нѣсколько секундъ въ каждой изъ нихъ и оглядывая знакомыя стѣны и мебель ласковымъ и нѣжнымъ взглядомъ. Ей было и грустно, и отрадно и, задумчиво улыбаясь одними глазами, она вызывала въ своей памяти тѣ вечера, которые когда-то проводила тутъ, подлѣ него... Какъ тогда было хорошо! и какъ счастлива была она!.. А теперь... неужели кончено?... Нѣтъ, нѣтъ, она не вѣритъ, не хочетъ, не можетъ этому вѣрить, скоро все это тяжелое время пройдетъ, она предчувствуетъ, и снова все будетъ хорошо...

Аристархъ все также почтительно, быстро и любезно выбѣжалъ провожать ее на лѣстницу и, сбѣжавъ до самой швейцарской, торопливо отстранилъ швейцара и подсадилъ ее на ожидавшаго извозчика, а пока тотъ отъѣзжалъ, онъ все время кланялся и посылалъ ей любезныя пожеланія добраго здоровья и всякаго благополучія.

Digitized by Google

XV.

9 апрѣля Марья Сергѣевна проснулась очень рано. Она хотѣла съѣздить къ доктору и докончить Колино платьице, въ которомъ на другой день хотѣла его причащать. Это платьице для причастія она нарочно шила ему сама и дѣлала это съ особенною любовью и заботливостью. На другой день она собиралась въ церковь причащать сына, во-первыхъ, такъ какъ ей казалось, что никто, кромѣ ея, не съумѣетъ сдѣлать этого, не простудивъ ребенка, а во-вторыхъ, потому что она любила то торжественное, умилявшее ее чувство, которое всегда наполняло ее въ ту минуту, когда она подносила своего Колю къ чашѣ со Святыми Дарами.

Послѣ разговора съ Аристархомъ она чувствовала себя успокоенною и ободрившеюся. Ей такъ страстно хотѣлось вѣрить въ возвращеніе Виктора Алексѣевича, что довольно было пустыхъ словъ Аристарха, чтобъ эта вѣра въ ней воскресла и укрѣпилась. Марьѣ Сергѣевнѣ казалось теперь, что Викторъ Алексѣевичъ непремѣнно долженъ возвратиться къ слѣдующему воскресенью, и, мысленно, она даже старалась вычислить и предугадать тотъ день когда онъ вѣрнѣе всего можетъ прибыть въ Петербургъ.

Его молчаніе уже не безпокоило ее и мысль, что это молчаніе можетъ означать что нибудь другое помимо его лѣности писать, какъ завѣ-

Digitized by Google

рялъ Аристархъ, уже не приходила ей больше въ голову и не пугала ее.

Она мечтала: какъ онъ вернется, сейчасъ же пріѣдетъ къ ней, позвонитъ, она сразу узнаетъ его звонокъ, всегда своеобразный и отлично изученный ею. И Марьѣ Сергѣевнѣ уже представлялось, какъ кинется она ему навстрѣчу, сама распахнетъ дверь на лѣстницу и... и его фигура въ шинели бобровой и шапкѣ вставала предъ ней въ свѣтломъ пространствѣ распахнутыхъ дверей такъ живо и ясно, что она видѣла ее въ мельчайшихъ подробностяхъ, начиная отъ мягкихъ складокъ длиннаго капишона шинели, коричневой родинки на шеѣ, возлѣ отложного воротника рубашки, и кончая морозными каплями тающаго снѣга, въ бѣлокурой вьющейся бородкѣ и модными рыжими перчатками. Такимъ, бывало, пріѣзжалъ онъ въ послѣднее время предъ своимъ отъѣздомъ и точно такимъ же представлялся ей и теперь. Она мысленно окидывала все это однимъ взмахомъ счастливыхъ глазъ и чувство радости, восторга, счастія и любви, которое, казалось ей, наполнитъ ее въ тотъ мигъ, какъ она увидитъ его, охватывало ее уже и теперь при одной мечтѣ о свиданіи.

Она все время ходила оживленная, радостная и веселая въ своемъ терпѣливомъ ожиданіи. Нравственное оживленіе какъ бы переходило и на физическій организмъ ея. Всю недѣлю, не смотря на усиливавшуюся боль въ лѣ-

Digitized by Google

вой сторонѣ груди, она чувствовала себя гораздо лучше и здоровѣе. Настолько лучше, что уже колебалась ѣхать ли ей къ доктору сегодня или же, отложивъ этотъ визитъ до слѣдующаго пріема, теперь скорѣе доканчивать Колино платье.

За эти дни она какъ бы даже вновь похорошѣла и помолодѣла вслѣдствіе радостнаго возбужденнаго ожиданія. Она снова начала заниматься своимъ туалетомъ для того, чтобы на случай «его» возвращенія онъ не засталъ ее врасплохъ, нечесанною, неодѣтою и неинтересною. Она съ утра надѣвала изящное сѣрое платье, которое, какъ ей казалось, шло къ ней больше другихъ, и сильно затягивала въ корсетъ свою пополнѣвшую талію, хотя это и было крайне вредно для нея и врачи совсѣмъ запретили ей ношеніе его. Но ея полная фигура казалась ей безъ корсета такою расплывшеюся и некрасивою, что она ни за что̀ не хотѣла показаться ему такъ въ первый же день пріѣзда. Съ мельчайшими, почти неуловимыми хитростями, свойственными только женщинѣ, она всячески старалась сдѣлать себя красивѣе и моложе, чтобы только показаться ему интереснѣе и не пробудить невольнаго разочарованія. И теперь ея наклонившаяся надъ швейною машиной головка, еще не потерявшая своего изящнаго тонкаго абриса шеи и профиля была, очевидно, причесана съ особенною тщательностью и вниманіемъ.

Digitized by Google

Дошивъ, наконецъ бѣленькое платье и закрѣпивъ послѣднюю нитку, Марья Сергѣевна въ изнеможеніи опустила руки. Машина всегда страшно утомляла ее, дѣйствуя дурно даже на сердце. Вслѣдствіе этого она почти никогда не шила на ней и только на этотъ разъ сдѣлала исключеніе. Платьице бѣлое, все изъ broderies anglaises, съ широкимъ, голубымъ кушакомъ, вышло прелестно и, поднявъ его на руку, Марья Сергѣевна, любуясь, поворачивала его въ разныя стороны. Спокойно откинувшись на спинку кресла, она съ улыбкой разглядывала его, мысленно воображая, какой Коля будетъ въ немъ нарядный. Вдругъ что-то стукнуло въ дѣтской, какъ будто упало что нибудь тяжелое, и вслѣдъ затѣмъ раздался пронзительный крикъ и плачъ маленькаго Коли.

Марья Сергѣевна вздрогнула, разомъ вся поблѣднѣла, испуганно бросила платье и быстро кинулась въ дѣтскую. Коля, слетѣвъ, повидимому, съ постели няньки, на которую та его положила, лежалъ на полу и страшно кричалъ, а няньки въ комнатѣ не было.

Марья Сергѣевна съ жалобнымъ стономъ бросилась къ нему и, быстро поднявъ его, страстно и нѣжно прижимала его къ своей груди, цѣлуя и утѣшая его. Мальчикъ, упавъ, стукнулся вѣроятно, лицомъ, и изъ его ссаженнаго носика лила кровь. Марья Сергѣевна видѣла только, что все лицо его въ крови; отъ испуга и ужаса въ первую минуту она совсѣмъ растерялась и

Digitized by Google

не могла сообразить, что̀ ей дѣлать и какъ помочь. Ей казалось, что съ Колей случилось что-то ужасное и она растерянно металась съ нимъ по комнатѣ.

Вбѣжавшая на крикъ нянька, испуганно бросилась къ ней, но Марья Сергѣевна, увидавъ ее, вдругъ поняла, что во всемъ виновата только она, эта нянька, которая, оставивъ Колю одного, сама убѣжала въ кухню. Няня, чувствуя свою вину, оправдывалась, что-то говорила, охала и утѣшала; но Марья Сергѣевна ничего не слушала. Она страстно прижимала къ себѣ Колю, словно боясь, что онъ опять упадетъ, и взволнованная, потерявъ всякое самообладаніе, не слушая и не понимая ничего, кромѣ того, что Коля въ крови, кричала съ исказившимся отъ негодованія лицомъ, упрекая няньку:

— Какъ ты смѣла... Какъ ты смѣла уйти?.. бросить ребенка... Какъ смѣла... какъ ты смѣла...

Волненіе не давало ей говорить, она задыхалась и вся дрожала отъ испуга и гнѣва. Оглушенный крикомъ двухъ женщинъ, маленькій Коля уже пересталъ самъ плакать и только жалобно всхлипывалъ, глядя удивленными глазенками то на мать, то на няню. Но Марья Сергѣевна, чувствуя, наконецъ, что совсѣмъ задыхается и почти падаетъ отъ волненія, перестала кричать, безсильно опустилась на стулъ и, не выпуская изъ рукъ ребенка и тяжело дыша, прикладывала ему къ лицу на-скоро смоченный платокъ, цѣлуя его головку.

Digitized by Google

Кровь перестала идти, и мало-по-малу Коля совсѣмъ успокоился, но Марья Сергѣевна, все еще какъ будто не вѣря, что онъ цѣлъ и вовсе не разбился, тревожно осматривала его.

— И только на минутку-то и отлучилась, говорила растерянно нянька, подавая новый компрессъ. — Другой разъ, когда и больше, да ничего, Господь милуетъ, а тутъ, скажите на милость, какой грѣхъ вышелъ...

Марья Сергѣевна молча махнула рукой и, взявъ чашку съ водой и компрессами, вышла съ Колей на рукахъ въ свою комнату.

Эта нянька всегда раздражала ее своею неумѣлостью, но въ эту минуту она не въ состояніи была даже видѣть ее.

«Да», думала она, «еслибы была Ѳеня...»

И сознаніе, что этой Ѳени нѣтъ, что она безжалостно и неблагодарно бросила ее одну, больную и безпомощную, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, сдѣлалось ей вдругъ такъ обидно и горько, что она чуть не заплакала. Она вдругъ почувствовала себя такою измученною, одинокою, всѣми покинутою... И въ это мгновеніе даже оживлявшая ее вѣра въ возвращеніе Вабельскаго вдругъ пошатнулась и потухла...

Она угрюмо смотрѣла предъ собой куда-то въ пространство сухими и строгими глазами и тихо качала ребенка.

Коля опять заплакалъ. Она молча поднялась со стула и стала ходить съ нимъ взадъ и впередъ по комнатѣ, стараясь закачать его на

Digitized by Google

своихъ рукахъ. Своею тяжестью онъ оттягивалъ ей руки, и онѣ непріятно ныли и затекали, но она не обращала на это вниманія, поглощенная вся своими мыслями и ощущеніями.

Въ душѣ ея совершалось что-то странное, новое и непонятное для нея самой, но это странное и непонятное вдругъ какъ бы начало уясняться и открывать ей что-то, чего раньше она не видѣла и не понимала. Предъ ея внутренними очами вдругъ какъ бы начала спадать та завѣса, которая задергивала предъ ней самой ея душу и жизнь. И то, что̀ теперь открывалось предъ ней, поражало и пугало ее. Она сама не могла объяснить себѣ, какимъ образомъ мысль о Ѳенѣ могла вызвать въ ней начало этого страннаго переворота, но чувствовала, что вызванъ онъ именно мыслью о ней и о томъ, что она, Ѳеня, бросила ее и ушла отъ нея. Наташа и Ѳеня были единственными существами, оставшимися ей отъ прежней жизни, людей и общества. Но Наташа, оставаясь съ ней въ душѣ попрежнему, принадлежала всѣмъ существомъ той жизни и тѣмъ людямъ, отъ которыхъ ушла; тогда какъ Ѳеня вмѣстѣ съ ней вполнѣ вошла въ то новое, съ котораго начался и новый фазисъ ея жизни съ новыми людьми, привязанностями и условіями. И теперь, отъ этого новаго опять не оставалось ничего, даже этой Ѳени, съ уходомъ которой оно какъ бы окончательно порвалось, исчезло и рухнуло... Ей казалось теперь, что жизнь ея раздѣлена на

Digitized by Google

двѣ половины, и обѣ онѣ воскресали и оживали предъ ней съ необыкновенною ясностью и тонкостью. Даже самое существо ея какъ бы двоилось, и первое было чуждо второму, второе — непонятно первому. Первая всецѣло принадлежала Наташѣ и Павлу Петровичу, жила ихъ жизнью, чувствовала себя неотъемлемою частицей ихъ существованія, неразрывно связаннымъ съ ея собственнымъ существомъ, тогда какъ для второй, «новой», они были уже чужды и, отодвигаемые какою-то иною силой, уходили куда-то въ глубину и чувствовались ею какъ-то смутно и даже непріятно. И по мѣрѣ того, какъ «они» все дальше и дальше отходили отъ нея, мѣнялась и сама она въ какой-то новый образъ. Ея прежнее душевное существо, какъ бы перерождалось, переливаясь въ совсѣмъ иную, отличную отъ первой форму. И вдругъ, въ эти минуты, въ ней снова какъ бы начала просыпаться «она» прежняя, совсѣмъ уже было заглохшая и исчезнувшая изъ нея за второй періодъ ея жизни. И теперь оба эти существа какъ бы вдругъ встрѣтились въ ней и остановились, пораженныя, лицомъ къ лицу, другъ противъ друга, не понимая и удивляясь одно другому. И каждое изъ нихъ точно старалось осилить другое. И она сама въ какомъ-то странномъ смятеніи и съ ужасомъ всматривалась въ свою душу, словно прислушиваясь къ той борьбѣ и перевороту, который совершался въ ней,

Digitized by Google

и не постигала, которое же изъ этихъ двухъ «я» сильнѣе, правдивѣе и даже ближе ей...

Но чѣмъ больше пробуждалась въ ней та «прежняя» Марья Сергѣевна, чѣмъ сильнѣе чувствовала она ее въ себѣ, тѣмъ меньше она вѣрила и въ то, во что̀ еще вѣрила и на что̀ надѣялась вторая, новая. И эта первая, болѣе спокойная и благоразумная, какъ бы силилась доказать ей, что все, чѣмъ она живетъ теперь, во что̀ вѣритъ и что̀ ставитъ цѣлью своего существованія — ложь.

— Да, это ложь, говорила она, какъ бы убѣждая и доказывая себѣ,— и ты это знаешь, и все-таки нарочно лжешь себѣ, обманываешь себя. Ложь, что онъ любитъ тебя, ложь, что онъ даже любилъ тебя. Такъ не любятъ. Ты любишь сама, значитъ знаешь, что это такое, и сознайся, развѣ то чувство, какимъ «ты» любила его, похоже хоть сколько нибудь на его чувство къ тебѣ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! А ты нарочно лжешь самой себѣ! Онъ уѣхалъ только для того, чтобъ отвязаться отъ тебя и ты это знаешь, ты чувствовала это еще въ ту минуту, когда онъ за обѣдомъ сказалъ тебѣ, что уѣзжаетъ, предчувствовала даже задолго раньше, что это такъ будетъ, и все-таки вѣрила его лжи о возвращеніи, насильно, наперекоръ разуму заставляла себя вѣрить. Ты понимала эту ложь еще тогда, когда онъ не хотѣлъ вотъ этого ребенка и на твое признаніе отвѣтилъ молчаніемъ, и тогда ты уже лгала, утѣшая и

Digitized by Google

успокоивая самоё себя. Лгала еще раньше, когда старалась въ своемъ увлеченіи обвинить мужа и его неумѣніе вызвать въ тебѣ то страстное чувство, на которомъ ты потомъ добровольно сожгла себя! Ну, и что же дало тебѣ это чувство? счастлива ты теперь? довольна? то это, чего ты искала, къ чему такъ страстно стремилась и ради чего разрушила все, чѣмъ жила раньше, и не только одна ты—и твоя дочь, твой мужъ? Что̀ же это — счастіе и правда жизни? Тѣхъ бросила ты, а теперь бросили тебя! Но такъ и должно было случиться; когда ты сама желала бросить ихъ, ты вѣдь не справлялась, кажется, съ ихъ согласіемъ, не спрашивала ихъ, желаютъ ли они этого также, и самоё себя: имѣю ли я на это право. Ты думала и заботилась только о себѣ. А теперь, когда бросили тебя, такъ ты ужасаешься, плачешь и не хочешь вѣрить этому! У тебя недостаетъ даже смѣлости и честности сознаться себѣ, и ты добровольно закрываешь глаза, придумываешь себѣ разныя сказки и цѣпляешься за нихъ всѣми силами, боясь и труся невольно потерять въ нихъ вѣру. А между тѣмъ, еслибъ у тебя была гордость и самолюбіе, ты сама бы первая покончила всю эту фальшь. А ты унижалась и предъ нимъ, и предъ самой собой, выпрашивая у него ужъ не любви, нѣтъ, ты этого не смѣла, но только милости не бросать тебя совсѣмъ и хоть изрѣдка кидать тебѣ свои ласки... Ты насильно, нарочно давила въ

Digitized by Google

себѣ всякую гордость, всякій стыдъ и самолюбіе, чтобы только они не мѣшали тебѣ унижаться предъ нимъ и вымаливать эти ласки и милости... И не смотря на всѣ эти оскорбленія и униженія, ты все-таки побѣжишь къ нему, какъ только онъ позоветъ тебя!

Она ярко вспыхнула отъ стыда и оскорбленія; ей казалось, что теперь она ни за что этого не сдѣлаетъ. Но какой-то другой, внутренній голосъ неутомимо подсказывалъ ей.

— Нѣтъ, побѣжишь! Отчего же тебѣ и не бѣжать, ты не видала еще полнаго униженія женщины! Что̀ же, попробуй! Можетъ быть и понравится, можетъ быть ты и тогда съумѣешь лгать себѣ и увѣрять себя, что это счастіе, а не позоръ!..

Взволнованными шагами ходила она по комнатѣ съ заснувшимъ на ея рукахъ ребенкомъ и ея пылающее лицо дрожало отъ тѣхъ оскорбленій, которыми она безпощадно бичевала себя, точно находя въ нихъ какое-то болѣзненное, мучительное наслажденіе. Руки ея затекли и ныли отъ усталости, и эта ноющая ломота отзывалась тупою болью во всемъ ея лѣвомъ боку. Она вдругъ безсознательно замѣтила эту боль и, взглянувъ на ребенка, убѣдилась, что онъ крѣпко спитъ. Тогда, какъ бы отрѣшившись на мгновеніе отъ своей душевной ломки, она подошла къ своей кровати и осторожно опустила на нее ребенка, обложивъ его со всѣхъ сторонъ, привычнымъ машинальнымъ движе-

Digitized by Google

ніемъ, подушками, чтобъ онъ не упалъ. И только тутъ она почувствовала, какъ страшно устала. Руки ея посинѣли и затекли отъ усталости, ноги дрожали и подгибались въ колѣняхъ.

Она подошла къ маленькому столику съ графиномъ и, наливъ себѣ дрожащею отъ волненія рукой стаканъ воды, выпила его большими глотками и хотѣла уже опуститься въ свое большое кресло подлѣ машины, но, проходя мимо нея, задѣла и уронила нечаянно бѣлое Колино платье и наклонилась, чтобы поднять его. Оно упало подъ самую машину и ей было неудобно достать его рукой. Тогда, перегнувшись всѣмъ корпусомъ на лѣвый бокъ, она протянула руку къ тому мѣсту, гдѣ оно лежало и уже достала до него, какъ вдругъ въ ея груди что-то дрогнуло, страшная судорожная боль словно скомкала и сжала все ея сердце; Марья Сергѣевна съ глухимъ стономъ судорожно вцѣпилась рукой въ свою грудь и безсильно рухнула на полъ...

XV.

Наташа, не слушая и не понимая ничего, что ей говорила едва поспѣвавшая за ней няня, почти бѣжала по улицѣ, не догадываясь даже взять извозчика, чтобы скорѣе доѣхать. Она видѣла вдали улицы только этотъ сѣровато-желтый большой каменный, такъ уже знакомый ей теперь домъ и не спускала съ него

Digitized by Google

испуганныхъ глазъ, точно хотѣла сквозь его стѣны увидѣть то ужасное, что̀ ожидало ее въ немъ. Изъ всего, что̀ ей говорила, плача и путаясь, бѣжавшая за ней нянька, она поняла только первыя слова: «съ маменькой несчастіе» и дальше уже не слушала ничего, потому что послѣ этихъ словъ все другое казалось ей уже неважнымъ и ничтожнымъ.

Поспѣшно и задыхаясь вбѣжала она на третій этажъ.

На площадкѣ лѣстницы ее уже дожидалась заплаканная Марѳуша, новая горничная, поступившая на мѣсто Ѳени.

— Матушка, барышня... заговорила она и, закрывъ лицо передникомъ, вдругъ громко заплакала.

Наташа, не глядя на нее, бросилась въ отворенную дверь квартиры и, торопливо скидая съ себя на ходу шубу и шляпу, не останавливаясь, пробѣжала прямо въ комнату Марьи Сергѣевны.

На порогѣ она остановилась на мгновеніе, тревожно оглянувъ всю комнату и сразу найдя глазами то, что̀ искала, бросилась къ кушеткѣ, на которой вытянувшись во всю длину лежало закрытое одѣяломъ тѣло Марьи Сергѣевны.

— Мама... мама... заговорила испуганнымъ и сдавленнымъ голосомъ Наташа и, быстро откинувъ съ ея груди мѣшавшее ей одѣяло, она опустилась на колѣни предъ кушеткой и схватила дрожащими руками холодныя руки матери.

Digitized by Google

— Мама... повторяла она, тряся ее за руки и впиваясь полными ужаса глазами въ лицо Марьи Сергѣевны, по которому уже ложились восковыя мертвыя тѣни.

— Мама... что̀ ты... что съ тобой... мамочка милая...

И, наклонясь къ ней, она цѣловала ея руки, лицо и приподнимала ея голову, заглядывая въ ея закрытые глаза.

Силой того ужаса, который инстинктивно охватывалъ ее, она безсознательно догадывалась, что съ Марьей Сергѣевной случилось то страшное и конечное, помочь чему уже нельзя, но повѣрить этому она не хотѣла и не могла и съ негодованіемъ заглушала въ себѣ эту мысль.

Не выпуская рукъ Марьи Сергѣевны изъ своихъ, она старалась совсѣмъ приподнять ее, какъ бы желая этимъ насильно заставить ее встать и ожить. Но, видя, что и руки, и голова ея сейчасъ же снова падаютъ какъ только она перестаетъ поддерживать ихъ, она терялась и испуганно оглядывалась по сторонамъ, какъ бы ища въ чемъ-то и какой-то помощи.

— Господи! закричала она вдругъ громко,— да дайте же воды! Мареуша, тамъ есть спиртъ... нашатырный... въ пузырькѣ на этажеркѣ... да дайте же скорѣе, ради Бога!.. Мамочка милая, сейчасъ, сейчасъ...

И какъ бы утѣшая и успокаивая мать, она поспѣшно разстегивала лифъ ея платья дрожащими, не слушающимися ее пальцами; руки

Digitized by Google

ея самой были такъ холодны, что она почти не чувствовала мертвеннаго холода матери.

— Барышня, милая, заговорила плача Марѳуша,—да на что же теперь спиртъ? Все равно не поможетъ.

И она заплакала еще сильнѣе.

Обѣ онѣ съ нянькой пугливо стояли въ дверяхъ спальни, прижимаясь одна къ другой и всхлипывая, и плача заглядывали другъ черезъ друга въ лицо покойницы и Наташи, но подойти ближе, видимо, не рѣшались.

Когда Марѳуша сказала, что спиртъ все равно не поможетъ, Наташа быстро подняла голову и оглядѣла ее всю глазами, полными негодованія и отчаянія.

Марѳуша вслухъ сказала то, о чемъ Наташа съ мучительнымъ ужасомъ только смутно догадывалась, но во что всѣми силами души не хотѣла вѣрить.

— Какъ не поможетъ, какъ не поможетъ?!.. страстно вскрикнула она,—развѣ ты понимаешь, развѣ ты докторъ! Боже мой, Боже мой, няня, голубушка, милая, да достань же доктора, позови... скажи скорѣе... очень нужно...

И, поднявшись съ колѣнъ, она подбѣжала къ нянькѣ и съ страстною нѣжностью обнимала и цѣловала ее.

— Да я, матушка, мигомъ! Будьте покойны, докторъ-то въ нашемъ же домѣ и живетъ. Сейчасъ, барышня матушка, сейчасъ, родная. Ми-

Digitized by Google

гомъ слетаю, не тревожьтесь, Богъ дастъ, Господь милостивъ будетъ!

И, накинувъ на голову платокъ, старуха торопливо выбѣжала на лѣстницу.

Марѳуша молча постояла еще нѣсколько минутъ на порогѣ комнаты, тревожно и пугливо оглядываясь по сторонамъ, точно каждую минуту боясь увидѣть что-то страшное, но, замѣтивъ, что барышня не глядитъ на нее, тихонько отошла и, осторожными шагами прокравшись чрезъ гостиную, бросилась бѣгомъ на лѣстницу.

Наташа даже не замѣтила, что осталась одна. Она молча опустилась на край кушетки въ ногахъ матери и снова, взявъ ея руки въ свои, начала растирать и дышать на нихъ своимъ горячимъ дыханіемъ. Но руки не согрѣвались и уже начали коченѣть тѣмъ особеннымъ холодомъ, присущимъ только мертвому тѣлу; по осунувшимся и уже слегка заострившимся чертамъ Марьи Сергѣевны разливалась восковая желтизна и торжественное спокойствіе мертваго лица. Наташа не спускала глазъ съ этого лица, пытливо ища въ немъ надежды и жизни; но чѣмъ больше вглядывалась она въ него, тѣмъ меньше оставалось въ ней этой надежды...

И она уныло выпустила мертвую руку и молча, съ какимъ-то страннымъ удивленіемъ, глядѣла, какъ безсильно упала рука на кушетку...

Digitized by Google

XVI.

Благодаря нянькѣ, Наташа была избавлена отъ личнаго вмѣшательства въ тяжелыя для нея приготовленія къ похоронамъ. Старуха живо вошла въ свою роль, которая, повидимому, ей даже очень нравилась, и дѣятельно взялась за всѣ приготовленія.

Наташа вошла въ свою комнату и тяжело опустилась на стулъ. Странное оцѣпенѣніе охватило ее. Она какъ бы не чувствовала ни горя, ни тоски, ни даже жалости: въ душѣ ея была пустота и темнота. Къ этой погасшей жизни она привыкла со дня своего рожденія, съ того момента, какъ только стала помнить и сознавать себя. И чѣмъ яснѣе становилось въ ней сознаніе своего существованія, тѣмъ нераздѣльнѣе сливалось оно съ существованіемъ матери и отца. Изо всѣхъ милліоновъ людей, живущихъ на землѣ, ни одно существованіе не казалось ей столь важнымъ и необходимымъ для міра, какъ именно эти два, бывшія необходимыми и важными для нея самой.

До сихъ поръ она никогда еще не видала смерти такъ близко и ясно; теперь же она являлась ей въ лицѣ родной матери и этимъ дѣлалась для нея еще ужаснѣе и непонятнѣе. Она припоминала мертвое лицо матери, какъ бы мысленно силясь прочесть въ немъ ту страшную

Digitized by Google

загадку, которой умъ ея былъ не въ силахъ постигнуть.

Умерла... машинально повторила она про себя: ея нѣтъ уже... и уже никогда не будетъ больше... Ея старая няня, бывало, говорила: умретъ — къ Богу пойдетъ...

Но Богъ, которому она привыкла молиться, незримое присутствіе котораго она, бывало, какъ бы чувствовала въ церкви, о которомъ никогда не думала, но который всегда былъ такъ близокъ, такъ просто понятенъ душѣ ея, теперь, въ эти минуты, когда она, охваченная впечатлѣніемъ смерти, силилась постигнуть Его, не приходилъ къ ней на-помощь...

И она съ удивленіемъ оглядывалась на знакомыя стѣны, какъ бы удивляясь, почему все осталось такъ же, какъ было и раньше? Почему не перемѣнилось ничего, когда перемѣнилось такъ много? Все стояло на своемъ мѣстѣ, даже вотъ этотъ стаканъ недопитаго чая... Да, когда она утромъ, предъ уходомъ въ гимназію, пила этотъ чай, думала ли она, что «это» случится? И вчера, и всѣ эти дни приходила ли ей въ голову, хоть на мгновеніе, такая мысль? И вотъ это случилось вдругъ сразу, когда никто этого не ожидалъ, и «мама», быть можетъ, даже меньше чѣмъ кто нибудь. Наташа вспомнила вдругъ, что даже не знаетъ, какъ это случилось. Нянька что-то говорила: услышала, точно упало что̀, вбѣжала, а барыня-то лежитъ на полу, вся какъ-то изогнувшись, головой какъ разъ къ ма-

Digitized by Google

шинкѣ и ручки въ сторонѣ подъ кресломъ, въ платье вцѣпившись... Значитъ даже никого подлѣ не было, ничего даже не сказала?..

И каждый разъ, какъ она вспоминала, что въ «ту» минуту никого не было при ней, что она умерла совсѣмъ одна, Наташѣ дѣлалось мучительно больно и горько.

Точно нарочно всѣ бросили! И она сама... ее спрашивали на экзаменѣ одну изъ первыхъ и, еслибъ она хотѣла, то давно бы уже могла уйти. Быть можетъ, еслибъ она вернулась, она еще успѣла бы застать ее въ живыхъ, быть можетъ, тогда бы даже и не случилось «этого»...

И мысль, что она могла придти и не пришла, мучила, терзала ее точно страшный, тяжелый грѣхъ. Минутами на нее находилъ точно столбнякъ, и она сидѣла, широко раскрывъ глаза и безсознательно застывъ ими на одной точкѣ. Но какъ только до нея долетали пониженные голоса и какой нибудь стукъ изъ той комнаты, гдѣ явившіяся вдругъ откуда-то на помощь нянѣ и Марѳушѣ женщины «убирали» Марью Сергѣевну, Наташа вздрагивала и снова все вспоминала. И снова ея мысль настойчиво возвращалась къ тому, что она могла придти и не пришла... Порой ее охватывало страстное желаніе узнать все, до малѣйшихъ подробностей, какъ это случилось, что̀ «мама» дѣлала въ ту минуту, что̀ думала... и вспоминала, что узнать этого нельзя уже никогда и ни отъ кого.

Еще сегодня утромъ онѣ могли говорить

Digitized by Google

другъ съ другомъ, чувствовать жизнь и мысли одна другой; теперь же прошло всего нѣсколько ничтожныхъ часовъ и это уже невозможно... Все пережило ее, даже вотъ этотъ голубой платокъ, который она сама связала въ началѣ зимы. Даже этотъ счетъ, который она записывала вчера вечеромъ, лежитъ цѣлъ и невредимъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ она сама положила его... Думала ли она тогда, что прежде чѣмъ кто-нибудь переложитъ этотъ ничтожный клочокъ бумаги на другое мѣсто, она уже перестанетъ существовать?

И этотъ клочокъ счета и голубой платокъ, казавшіеся Наташѣ прежде такими ничтожными, теперь въ ея глазахъ вдругъ становились чѣмъ-то священнымъ и загадочнымъ, гдѣ каждая буква и каждая петля имѣла, казалось, свое таинственное, но глубокое значеніе. Ей такъ живо представлялась фигура Марьи Сергѣевны въ сѣромъ фланелевомъ, мелкими клѣточками, капотѣ, когда вчера вечеромъ она стояла, слегка наклонившись надъ столомъ, и писала эту записку своею блѣдною длинною рукой съ тонкими голубыми жилками... Марѳуша стояла подлѣ нея и подсказывала ей, сколько и чего записать. И когда она кончила, Марѳуша вдругъ замѣтила на спинѣ Марьи Сергѣевны длинную прядку волосъ, нечаянно оставшуюся отъ ея косъ, уже причесанныхъ на ночь.

— Ахъ, барыня, сказала Марѳуша,— какую прядку-то оставили! Это вамъ дорога, куда нибудь поѣдете, видно...

Digitized by Google

Марья Сергѣевна подняла руки, достала прядку и пришпилила ее къ другимъ волосамъ.

— Куда ужъ мнѣ уѣхать?—отвѣчала она полушутя, полупечально:—на тотъ свѣтъ развѣ...

И лицо ея, улыбавшееся въ ту минуту съ грустною, задумчивою насмѣшкой, стояло теперь въ глазахъ Наташи, и самый голосъ ея звучалъ гдѣ-то внутри самой Наташи такъ ясно и живо.

Но чѣмъ живѣе звучалъ онъ, тѣмъ ужаснѣе и невѣроятнѣе казалось ей, что онъ уже не прозвучитъ снова никогда, никогда... И какъ все это просто и незначительно казалось ей вчера и какъ странно и предзнаменовательно стало сегодня!... Ей вспоминались разныя мелочи изъ прошлой, недавней жизни, какой нибудь разговоръ, взглядъ, слово, все выплывало въ ея памяти и все получало теперь другое, какое-то таинственное и странное значеніе. Ей вдругъ вспоминалось, что она не успѣла еще чего нибудь передать матери, напримѣръ, хоть такой пустякъ, что встрѣтила Ѳеню и говорила съ ней. Ѳеня обѣщалась прійти провѣдать барыню и просила кланяться. Всѣ эти дни Наташа забывала передать это Марьѣ Сергѣевнѣ; теперь же передавать было уже «некому». И это «некому» поражало ее своею загадочностью, и она снова съ ужасомъ спрашивала себя: «неужели же никогда! совсѣмъ, совсѣмъ никогда?»

И мысленно силилась понять всю необъятность этого страшнаго никогда и представить

Digitized by Google

себѣ тотъ моментъ, когда оно, можетъ быть, кончится и наступитъ что-то иное, еще болѣе загадочное и таинственное, чего умъ ея не въ силахъ даже представить себѣ...

Но посреди того ужаса и смятенія, въ которомъ была душа Наташи, минутами въ ней вдругъ проскальзывалъ какой-то свѣтлый лучъ, на мгновеніе озаряя ее всю какимъ-то радостнымъ предчувствіемъ. Но прежде чѣмъ оно развивалось въ ней окончательно, ее уже охватывалъ стыдъ и раскаяніе за то, что она можетъ теперь, въ такую минуту, ощущать какую нибудь радость. И, смущенная, и негодующая на себя, она старалась насильно заглушить въ себѣ ее, но тихое, отрадное чувство все-таки теплилось гдѣ-то въ самой глубинѣ души ея и смущало ея совѣсть.

Да, завтра онъ пріѣдетъ... завтра...

И ей невольно казалось, что смерть одного какъ бы принесла съ собой воскресеніе другого. То, что случилось, было страшнымъ несчастіемъ, но это несчастіе было бы еще ужаснѣе, еслибы не было «его». И мысль, что она завтра увидитъ «его», невольно наполняла ее счастіемъ. Подъ впечатлѣніемъ первой минуты она телеграфировала ему: «Мама скончалась, пріѣзжай немедленно. Наташа». Она не могла въ ту минуту думать ни о чемъ, кромѣ того, что «она умерла», и не подумала, что эта телеграмма можетъ слишкомъ сильно подѣйствовать на отца. Теперь же эта мысль испугала ее. Потерявъ одну, она не-

Digitized by Google

вольно боялась еще сильнѣе и за другого. Но инстинктъ подсказывалъ ей, что теперь это уже не будетъ для него тѣмъ страшнымъ ударомъ, какимъ бы было два года тому назадъ. Онъ уже раньше потерялъ ее... И въ головѣ ея мелькнула другая мысль, въ которой ей было больно и стыдно сознаться. «Да, сказала она себѣ,—это гадко, но все же это такъ, и мнѣ... мнѣ было бы гораздо тяжелѣе, еслибъ это случилось тогда...»

Въ эти послѣдніе годы столько перемѣнилось, и они всѣ такъ уже привыкли къ горю и страданію, что даже самое страшное не можетъ уже дѣйствовать такъ сильно, какъ могло бы дѣйствовать раньше.

«Да, но, быть можетъ, еслибъ этихъ перемѣнъ не случилось», подумала она съ горечью, «то не случилось бы теперь и этого! Она слишкомъ много перенесла за эти ужасные два года, и они надломили ее, а между тѣмъ, еслибы жизнь ея шла все такъ же спокойно и счастливо какъ и прежде, кто знаетъ, умерла ли бы она еще! И тутъ онъ! Во всемъ, во всемъ онъ! Онъ отнялъ у нихъ и счастіе, и спокойствіе, и любовь ея, и даже самую жизнь ея! И ей вдругъ вспомнился тотъ вечеръ, когда она поджидала его за угломъ дома и просила его, умоляла, унижалась предъ нимъ, чтобы только онъ не бросалъ «ее». Она предвидѣла тогда, что разрывъ этотъ окончательно убьетъ «ее»...

И глаза ея снова вспыхнули и загорѣлись

Digitized by Google

тѣмъ недобрымъ огнемъ, который всегда вспыхивалъ въ нихъ при мысли о Вабельскомъ.

Неужели никто не заплатитъ ему и не отомститъ! Боже мой, какъ она ненавидитъ его! Съ какимъ бы страстнымъ наслажденіемъ она убила его! Желаніе убить, уничтожить его жизнь такъ же, какъ онъ уничтожилъ въ ихъ семьѣ все счастіе, было такъ сильно въ ней, что еслибъ онъ вошелъ въ эту минуту, она бы бросилась на него, не задумываясь ни на одну секунду. И сознаніе, что она не можетъ ничего, что она даже не знаетъ, гдѣ онъ, возмущало ее еще больше. Она ходила по комнатѣ, ломая свои холодныя руки, блѣдная, какъ полотно, и только темные глаза горѣли и вспыхивали страстными огнями...

Вдругъ гдѣ-то вдали раздался дѣтскій плачъ. Наташа вздрогнула и остановилась.

— Коля!.. проговорила она вслухъ съ какимъ-то ужасомъ и удивленіемъ, какъ будто этотъ плачъ и поразилъ, и испугалъ ее. За все это ужасное утро она ни разу не вспомнила и не подумала о немъ; она какъ бы забыла его. И теперь это напоминаніе вдругъ встало передъ ней со всею его тяжелою, неотъемлемою силой. Она молча остановилась посреди комнаты, невольно прислушиваясь къ долетавшимъ до нея крикамъ. Да, вотъ оно! вотъ оно! О, не только нельзя отмстить этому ненавистному для нея человѣку, но нельзя даже забыть его, вычеркнуть его навсегда и изъ жизни, и изъ воспо-

Digitized by Google

минаній. И пока будетъ существовать этотъ его ребенокъ, они всю жизнь должны будутъ помнить его и чувствовать все то зло, которое онъ сдѣлалъ имъ и «ей». Вотъ та связь, которая навсегда свяжетъ ихъ воспоминаніемъ объ ихъ несчастномъ прошломъ. Нѣтъ, нѣтъ! этого не будетъ, не должно быть! Если не для нея, Наташи, то хоть ради несчастнаго отца ея! Онъ не долженъ видѣть этого ребенка, чтобы имѣть возможность хоть когда нибудь забыть всю горечь, весь позоръ и все страданіе, которые перенесъ одинъ разъ уже. Неужели ради его ребенка ея несчастный отецъ долженъ будетъ опять мучиться и страдать? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Но куда же его дѣть? куда его дѣть! О, еслибъ его не было совсѣмъ. Отдать куда нибудь совсѣмъ, навсегда, положить ему на воспитаніе деньги, чтобъ онъ не нуждался впослѣдствіи... У нея есть, она знаетъ, тридцать тысячъ отъ бабушки на приданое, да еще осталось что нибудь и отъ матери, вотъ эти деньги и отдать ему всѣ, положить на его имя... но только, только чтобы больше уже никогда не видать, не слыхать о немъ и забыть, все—все забыть... «Господи, быть можетъ, это грѣхъ, прости мнѣ, прости, но я не могу любить его... Грѣхъ это—пусть и грѣхъ! Но я не могу, не хочу, не должна даже пересиливать себя и заставлять себя любить его ребенка! Его, который убилъ мать, опозорилъ отца и разбилъ все наше счастіе, всю любовь. Грѣхъ вѣдь было бы и

Digitized by Google

убить также этого человѣка и все-таки я бы убила его, еслибы только нашла!.. Боже мой, Боже мой! да что̀ же мнѣ дѣлать, что̀ же мнѣ дѣлать!.. О, научи и помоги!..»

Вся голова ея горѣла, и ей казалось, что если это продлится, то она помѣшается и съ ужасомъ она хваталась за голову и страстно хотѣла бы заплакать; но слезъ не было и только нервная судорога сжимала ея горло...

А Коля все гдѣ-то плакалъ и плакалъ, и чѣмъ сильнѣе и громче становился его плачъ, тѣмъ мучительнѣе ныла душа ея...

Дверь въ ея комнату пріотворилась, и няня, просовывая одну голову, заглянула къ ней.

— Матушка, барышня, подите къ Коленькѣ, намъ никому нельзя!

— Что̀? — Наташа съ недоумѣніемъ обернулась къ ней,—что̀ ей?

— Къ Коленькѣ, говорю, матушка, подите, я, какъ освобожусь, сейчасъ приду. Тамъ молочко и булка есть на столикѣ, покормите его покамѣсть.

Наташа опустила глаза и отвернулась отъ нея.

— Хорошо... сказала она тихо, точно съ трудомъ,—идите.

XVII.

Наташа вошла въ Марѳушину комнату, куда второпяхъ унесли Колю, и остановилась у кровати.

Digitized by Google

Мальчикъ, совсѣмъ почти голенькій, въ одной рубашенкѣ, лежалъ на постели горничной и громко кричалъ. Отъ крика у него затекла и посинѣла даже головка, растегнутый воротъ рубашки былъ весь мокрый отъ слезъ.

Увидавъ, что къ нему подошли, онъ замолчалъ на мгновеніе, но потомъ, какъ бы вглядѣвшись въ лицо Наташи и понявъ, что это не та, кого онъ звалъ, снова заплакалъ и закричалъ.

Наташа сумрачно глядѣла на него.

Вотъ они эти голубые прозрачные глаза, такъ похожіе на его глаза...

И она угрюмо стояла, не зная, что́ ей съ нимъ дѣлать и какъ успокоить его. При жизни матери она не только никогда не няньчилась съ нимъ, но, избѣгая его, не держала его даже ни разу на рукахъ. И теперь она неумѣло и застѣнчиво протянула къ нему руки и хотѣла взять его, но онъ не давался ей и заплакалъ еще громче.

Наташа съ недоумѣніемъ оглядывалась по сторонамъ, ища чего нибудь, что́ могло бы его утѣшить и успокоить, и вдругъ увидѣла молоко и булку, про которую говорила ей нянька.

Она машинально взяла ихъ со стола и поднесла къ нему.

Мальчуганъ приподнялся и, слегка повернувъ къ ней голову, взглянулъ изъ-подлобья сначала на нее, а потомъ на сладкую булку, которую она держала, и, вдругъ переставъ плакать и

Digitized by Google

только тихо всхлипывая, потянулся ручонкой за булкою.

Тогда она сѣла рядомъ съ нимъ на постель и все такъ же машинально подняла его и посадила къ себѣ на колѣни, чтобъ было удобнѣе кормить его. Въ комнатѣ было свѣжо и она чувствовала, какъ похолодѣли его ножки. Одною свободною рукой, боясь пролить молоко и уронить его, она достала съ постели одѣяло и старалась закутать имъ его такъ, чтобъ ему было теплѣе.

Мальчикъ, повидимому, озябъ и проголодался, и теперь, чувствуя себя въ теплѣ, понемногу совсѣмъ успокоился. Шаля ноженками, онъ жадно запихивалъ въ маленькій ротъ куски сладкой булки, но вдругъ, отломивъ кусочекъ, улыбаясь и заигрывая, онъ залепеталъ что-то на своемъ непонятномъ, дѣтскомъ языкѣ, протягивая булку ко рту Наташи.

Она безсознательно улыбнулась ему и тихо отвела.

— Кушай самъ...

Но онъ упрямо качалъ головой и непремѣнно хотѣлъ, чтобъ она взяла... Наташа взяла его булку и сдѣлала видъ, что ѣстъ ее. Коля засмѣялся, захлопалъ ручонками и, отхлебнувъ изъ кружки молоко, смѣясь, толкалъ ее къ Наташѣ, заставляя отпить и ее. Ему, очевидно, нравилось кормить ее, и онъ сдѣлалъ себѣ изъ этого что-то въ родѣ игры, и смѣялся, кричалъ

Digitized by Google

и хлопалъ ручонками каждый разъ, какъ та отхлебывала изъ его кружки.

Теплотой своего маленькаго тѣльца онъ согрѣвалъ ее и, кормя его, она невольно улыбалась ему, ощущая въ глубинѣ души своей что-то странное... Его улыбка и та дѣтская требовательная нѣжность, съ которою онъ обращался съ ней, невольно трогали ее и поднимали въ ней какое-то теплое и нѣжное чувство. Но тѣ мысли и ощущенія, которыя она опять только что пережила у себя въ комнатѣ, были въ ней еще слишкомъ живы, и, помня ихъ, она нарочно заглушала въ себѣ эту нѣжность, какъ бы насильно борясь съ ней и нарочно возбуждая себя, она говорила себѣ: «Да, это его глаза, его лицо, и когда выростетъ онъ, будетъ живымъ слѣпкомъ съ него!» Но, наперекоръ ея желанію, эти мысли уже не вызывали въ ней больше того озлобленія и раздраженія, которыя поднимали раньше. И каждый разъ какъ онъ, улыбаясь, протягивалъ ей ручонку съ булкой, она не находила въ себѣ силы подавить невольную улыбку и ту нѣжность, и жалость къ нему, которыя все больше и больше поднимались въ душѣ ея.

Но Коля уже не хотѣлъ ѣсть и, отломивъ большой кусокъ булки, вдругъ проговорилъ, показывая на дверь:

— Мама!

Наташа вздрогнула и поблѣднѣла. Она поняла, что онъ просится къ матери и хочетъ

Digitized by Google

отнести ей этотъ кусокъ булки. Ничего не отвѣчая ему, она крѣпче только прижала его къ себѣ и тихо поцѣловала его въ мягкіе вьющіеся на лбу волосы.

Коля, увидѣвъ, что она не встаетъ, обхватилъ ея шею ручонкой и весь тянулся къ двери, настойчиво повторяя «Мама...»

Еслибъ онъ зналъ... еслибъ онъ могъ понять, что съ его мамой... Глубокая жалость все сильнѣе и сильнѣе обхватывали ее, она молча и все нѣжнѣе прижимала ребенка къ своей груди и вдругъ заплакала...

— О, мама... мама... машинально повторяла она за нимъ рыдая.

И вдругъ, точно только въ эту минуту поняла она, какъ много и сильно любила она ее и что потеряла... И то холодное, горделивое отчужденіе, съ которымъ она обращалась съ ней все послѣднее время, стало предъ ней живымъ укоромъ и терзало ее мучительнымъ раскаяніемъ и тоской... Ребенокъ, пораженный ея слезами, глядѣлъ на нее испуганными и удивленными глазенками и вдругъ заплакалъ самъ громкимъ дѣтскимъ плачемъ и, обхвативъ ее ручонками за шею, кинулся, цѣлуя и прижимаясь къ ней. Наташа чувствовала, что онъ плачетъ, цѣлуетъ ее и ласкается къ ней, точно утѣшая въ чемъ-то.

Ласкаетъ ее! Ее, которая всегда такъ ненавидѣла его! Которая порой желала даже его смерти!... И вотъ онъ не умеръ и остался одинъ, совсѣмъ одинъ, брошенный, никому ненужный...

Digitized by Google

И она хотѣла его бросить! «О, мой милый, милый, бѣдный мальчикъ! За что! только за то, что ты его ребенокъ! нѣтъ, нѣтъ, неправда, не его, а ея, только ея!» Только это будетъ она помнить отнынѣ и то, что съ «ея» смертью у него не осталось никого, никого, кто бы заботился о немъ и любилъ бы его... Нѣтъ никого!.. И онъ же, маленькій и безпомощный, не понимающій ни страданія, ни горя, ни ненависти, ласкается къ ней, цѣлуетъ и утѣшаетъ ее... за то, что она же хотѣла бросить его, избавиться отъ него навсегда...

— О, нѣтъ, никогда! Прости меня, прости!

И горячо цѣлуя его, она страстно шептала ему:

— Не бойся, не бойся, моя крошка, мальчикъ мой, я не брошу тебя... нѣтъ, нѣтъ, я твоя теперь, вся твоя, на всю жизнь твоя...

И, она горячо и нѣжно прижала его къ себѣ, точно защищая отъ чего-то, и осыпала его поцѣлуями...

XVIII.

Маленькій Коля точно инстинктивно понималъ свое сиротство и то, что въ одной Наташѣ заключается теперь для него все. За одинъ день онъ такъ привыкъ къ ней, что начиналъ плакать и рваться къ ней, какъ только кто нибудь другой хотѣлъ взять его на руки. Онъ привязался къ ней съ тою дѣтскою быстротой и

Digitized by Google

инстиктивною любовью, на которую способны только маленькія дѣти, привязывающіяся порой въ одинъ день къ понравившейся имъ нянькѣ.

Эта любовь еще больше дѣйствовала на впечатлительную Наташу. Когда онъ, прижимаясь къ ней, охватывалъ ея шею своими пухленькими теплыми ручонками и, смѣясь и что-то лепеча, гладилъ и цѣловалъ ея лицо, ей вдругъ дѣлалось такъ отрадно и она улыбалась ему какою-то особенною, еще никогда не бывшею на лицѣ ея до сихъ поръ улыбкой, и нѣжно цѣловала его въ большіе свѣтлые глаза. Она не чувствовала уже того ужаса, отчаянія и тоски, которыя терзали ее утромъ. На душѣ ея была только тихая, спокойная грусть и то ясное, отрадное чувство, которое впервые охватило ее въ ту минуту, когда Коля прижался къ ней и заплакалъ. Она сама уложила его на ночь спать, и онъ не выпустилъ руки ея, пока не заснулъ. Такъ дѣлала, бывало, Марья Сергѣевна и, зная это, Наташа держала его маленькую руку съ особеннымъ чувствомъ, какъ бы радуясь, что она замѣняетъ ему теперь ту, которой уже нѣтъ и изъ ревности къ которой когда-то такъ ненавидѣла самого его.

Всю ночь почти просидѣла она въ его дѣтской, чутко прислушиваясь къ его дыханію, тревожно вскакивая при каждомъ его движеніи, и, подходя къ нему, глядѣла съ задумчивою лаской въ его спящее, раскраснѣвшееся личико.

Digitized by Google

Когда она вспоминала, что Павелъ Петровичъ не знаетъ еще ничего о томъ, что она рѣшила о маленькомъ Колѣ, ее охватывало тревожное сомнѣніе.

Быть можетъ ему будетъ слишкомъ тяжело и непріятно исполнить ея рѣшеніе?... Быть можетъ, она не смѣетъ, не должна даже просить его объ этомъ.

Она знала, что онъ согласится, но только боялась, что это будетъ ему больно и трудно.

И ей снова дѣлалось такъ мучительно больно, тяжело и тоскливо, и она снова начинала страстно и горячо молиться.

— Господи, помоги ему... помоги ему полюбить его... вложи, Господи, въ него ту любовь, что вложилъ въ мое сердце...

И съ горячею вѣрой она вглядывалась въ ликъ Спасителя и вѣрила, что Онъ поможетъ ей...

Чрезъ комнату отъ нея слышался монотонный голосъ монахинь, читавшихъ надъ покойницей Псалтирь, и, проходя мимо незапертыхъ дверей, она видѣла возвышавшійся на столѣ бѣлый гробъ съ обрисовывавшимися въ немъ неясными контурами тѣла, закрытаго кисеей и покровомъ, и слабо мерцающія подлѣ него высокія свѣчи.

Осторожными, тихими шагами, боясь разбудить ребенка, выходила она изъ комнаты и молча, съ грустною задумчивостью, вглядываясь въ лицо матери, опускалась на колѣни у ея гроба. И ей казалось, что въ этомъ спокойномъ восковомъ лицѣ, прекрасномъ мертвою торжествен-

Digitized by Google

ною красотой, она видитъ тотъ же миръ и то же спокойствіе, которые настали и въ ея душѣ.

«Ты вѣришь мнѣ, дорогая?—мысленно спрашивала она съ тихими, радостными слезами. Вѣрь твоей Наташѣ, и не бойся, ему будетъ хорошо...»

И она съ благоговѣніемъ цѣловала мертвую руку матери и говорила ей какъ бы живой, страстно вѣруя, что она слышитъ и видитъ ее.

— А меня прости за все... за все... и люби меня тамъ такъ же, какъ ты прежде здѣсь любила твою Наташу...

Изъ глазъ ея катились слезы и, падая, всасывались въ тонкое кружево и кисею, покрывавшія грудь Марьи Сергѣевны, и, уходя изъ этого міра, она какъ бы уносила съ собою слезы и любовь своей дочери...

XIX.

Когда на другое утро пріѣхалъ Павелъ Петровичъ, Наташа только что одѣвала проснувшагося Колю. Она сидѣла на стулѣ, придерживая одною рукой Колю, а другою надѣвала ему башмачки. Войдя въ ея комнату, Павелъ Петровичъ увидѣлъ сразу ихъ обоихъ. Услышавъ шаги, Наташа обернулась и вдругъ вся вспыхнула, просіяла и, быстро приподнявъ Колю, но не спуская его съ рукъ, рванулась навстрѣчу къ отцу.

Но маленькій Коля, увидавшій незнакомаго высокаго человѣка въ большой мѣховой шапкѣ

Digitized by Google

и шубѣ, вдругъ испугался и, откинувшись въ сторону, закричалъ и заплакалъ, пряча свою головку на плечѣ Наташи. Наташа, взволнованная, остановилась на мгновеніе посреди комнаты, не зная что̀ ей дѣлать, оставить ли Колю и броситься къ отцу или успокоить сначала ребенка. Она тянулась одною рукою навстрѣчу къ отцу, а другою—крѣпко прижимала къ себѣ плачущаго Колю.

— Не надо... не надо... радостно шептала она ему, утѣшая и успокоивая его: — это папа, Коля, папа!..

Ея душа въ эту минуту была такъ полна восторгами и любовью; оба эти существа казались ей такими близкими и дорогими для нея, что, какъ бы чувствуя полное единство между собою и ими, она невольно соединяла и ихъ, забывая все, что̀ ихъ раздѣляло. Павелъ Петровичъ, боясь еще больше испугать ребенка, молча со счастливымъ и ласковымъ лицомъ стоялъ въ дверяхъ, не рѣшаясь подойти ближе, и съ какимъ-то нѣжнымъ удивленіемъ глядѣлъ и на Наташу, и на маленькаго Колю, прижимавшагося къ ея груди.

Вмѣстѣ съ ней онъ машинально, съ улыбкой, повторялъ, кричавшему и не дававшему имъ даже обняться мальчугану.

— Не надо... не надо...

Успокоившійся, наконецъ, Коля поднялъ свою кудрявую головку съ плеча Наташи и съ боку

Digitized by Google

сердито и недоумѣло оглядывалъ Павла Петровича.

— Онъ такой дикій... торопливою скороговоркой говорила Наташа, блестя счастливыми глазами, и, вдругъ рванувшись впередъ, закинула свободную руку за шею Павла Петровича, быстро преклонила его голову ближе къ себѣ и осыпала, смѣясь и плача, страстными, горячими поцѣлуями его лицо и руки.

Радость ихъ свиданія была такъ велика, что въ первую минуту они даже забыли, что̀ заставило ихъ свидѣться. Но когда они хотѣли заговорить, оба вдругъ вспомнили это и имъ обоимъ стало совѣстно за то, что они могли это забыть.

И лица ихъ стали серьезны и печальны, и всѣ тѣ слова, которыя они только что хотѣли сказать другъ другу, пропали вдругъ и уже казались имъ неумѣстными и пошлыми.

Наташа первая заговорила тихимъ и робкимъ голосомъ.

— Ты видѣлъ?..

Она не спросила прямо, «что̀» онъ видѣлъ, но знала, что онъ пойметъ ее и что говорить прямо имъ обоимъ будетъ еще больнѣе и тяжелѣе. Павелъ Петровичъ молча кивнулъ головой и, отведя глаза отъ дочери, задумчиво, но безсознательно взглянулъ на Колю. Коля совсѣмъ уже успокоился и, повидимому, примирился съ нимъ, и уже тянулся съ рукъ сестры къ цѣпочкѣ и брелокамъ Павла Петровича.

Digitized by Google

— Какъ это случилось? — спросилъ Павелъ Петровичъ, все еще не глядя на дочь.

Наташа вдругъ вспыхнула и слегка отвернула лицо:

— Я не знаю... заговорила она смущенно,— меня не было... Я была въ гимназіи... прибавила она какъ бы поясняя, — а когда пришла... все было уже кончено... договорила она тихимъ упавшимъ голосомъ.

И они снова замолчали оба, машинально слѣдя, какъ Коля тянулся къ брелокамъ, но думая совсѣмъ о другомъ...

— Буль-буль, залепеталъ вдругъ Коля, поднимая глаза къ лицу Павла Петровича. Онъ всѣ игрушки называлъ «буль-буль» и теперь, принимая брелоки за игрушки, тянулся къ нимъ, желая непремѣнно достать. Павелъ Петровичъ улыбнулся тою слабою, разсѣянною улыбкой, которою взрослые часто машинально улыбаются дѣтямъ, почти не думая о нихъ въ это время.

Но Коля, видя, что Павелъ Петровичъ не обращаетъ вниманія на его просьбу, повернулся вдругъ къ Наташѣ и, обнявъ ея лицо своими ручонками, настойчиво повторялъ ей «буль-буль».

Наташа застѣнчиво и робко взглянула на отца.

Павелъ Петровичъ все съ тою же задумчивою улыбкой отстегнулъ отъ себя цѣпочку съ часами и, отдавъ ее Колѣ, молча глядѣлъ на него.

А Наташа, вдругъ вспомнивъ опять, что отецъ

Digitized by Google

не знаетъ еще ея рѣшенія, крѣпче прижала къ себѣ Колю и, наклонивъ надъ нимъ свое лицо, тихо поцѣловала его.

Павелъ Петровичъ серьезно и даже угрюмо глядѣлъ на него...

Наташа молча подняла на него свои глубокіе темные глаза.

— Папа... начала она тихимъ, печальнымъ голосомъ.

Павелъ Петровичъ вдругъ опустилъ голову и глаза.

Наташа еще ближе подвинулась къ нему и положила свою руку на его руку...

— Возьмемъ его... себѣ... заговорила она все такъ же робко и застѣнчиво.—Онъ не виноватъ...

И вдругъ ей вспомнилось, какъ, годъ тому назадъ, эти же слова сказала Марья Сергѣевна ей, Наташѣ. И тогда она не вѣрила этому и не хотѣла, не могла найти въ своей душѣ добраго чувства къ этому ребенку. И вотъ теперь она сама проситъ объ этомъ отца... Что̀ если и въ его душѣ не найдется этого чувства?..

Она еще нѣжнѣе сжала его руку и, мучительно томясь, ждала, что̀ онъ ей скажетъ...

Видя, что онъ молчитъ, она заговорила опять, не спуская съ него печально просящихъ глазъ.

— Прости ее, папа...

Павелъ Петровичъ приподнялъ голову и слегка пожалъ ея холодную, дрожащую отъ волненія ручку.

Digitized by Google

— Я уже давно простилъ ей, Наташа... сказалъ онъ грустнымъ и глухимъ голосомъ.

— Такъ для нея... я обѣщала ей... Папа, у него никого нѣтъ... никого...

Голосъ ея дрожалъ и прерывался. Павелъ Петровичъ сумрачно молчалъ, глядя изъ-подлобья на нихъ и вдругъ въ лицѣ его что-то дрогнуло и свѣтлыя точки заблестѣли въ глазахъ его. Онъ молча прижалъ къ себѣ Наташу и поцѣловалъ ее долгимъ, крѣпкимъ поцѣлуемъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ, но, по лицу его и глазамъ, она все поняла и, вся засіявъ счастіемъ и радостью, вдругъ кинулась къ нему на грудь и зарыдала.

Павелъ Петровичъ тихо и нѣжно прижалъ ея голову, нѣжно и молча цѣловалъ, а она плакала, прижимаясь къ нему, и все лицо ея было въ слезахъ, а на душѣ ея было такъ свѣтло и легко...

LIBRAIRIE W. MENKES 8, Rue de Carouge GENÈVE

Digitized by Google

ИСПЫТАНІЕ

Digitized by Google

Digitized by Google

LIBRAIRIE
W. MENKES
8, Rue de Carouge, 8
GENÈVE

I.

Вѣра Павловна не спала всю ночь и встала на утро съ тяжелой головой и какимъ-то страннымъ, щемящимъ чувствомъ въ груди, не то радостнымъ, не то тревожнымъ... Снова взяла она записку и перечла ее двадцатый разъ, какъ бы все еще ища въ ней чего-то между строкъ и будя въ себѣ опять и опять старыя воспоминанія, которыя этотъ крупный, такъ хорошо знакомый ей когда-то, мужской почеркъ невольно пробуждалъ въ ней. Теперь она читала уже спокойнѣе, буквы не прыгали предъ ея глазами и не застилались туманомъ, сердце не такъ уже билось, но все-таки буквы эти поднимали въ ней еще сильнѣе то странное, щемящее чувство, которое тревожило и мучило ее всю ночь и утро.

— «Вы правы, читала она, я былъ глупецъ, мечтая о возвратѣ прежняго счастья и любви... Дѣйствительно, я не долженъ былъ писать вамъ «такъ», какъ написалъ — но это вырвалось у

Digitized by Google

меня невольно и теперь я прошу васъ простить меня за то, что говорилъ и просилъ о томъ, на что̀ уже утратилъ право. Но одно право у меня все-таки осталось—это видѣть Павлушу, и я надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ немъ, тѣмъ болѣе, что на этихъ же дняхъ я снова уѣзжаю заграницу и уже не скоро, вѣроятно, побезпокою васъ вновь подобной просьбой. Если вы будете столь добры, что разрѣшите это свиданіе, то потрудитесь увѣдомить меня, гдѣ и когда я могу видѣть его».

Преданный вамъ Сугробовъ.

Вѣра Павловна дочла записку до конца, но все еще не отрывала отъ нея задумчиваго, теплившагося какимъ-то мягкимъ блескомъ, взгляда.

— Да, конечно, она должна позволить мужу это свиданіе, Павлуша столько же и его сынъ, какъ ея. Хотя, еслибы она пожелала, то имѣла бы полное нравственное право не разрѣшить этого. Онъ самъ бросилъ когда-то этого ребенка, жалѣя его еще меньше, чѣмъ ее, и въ продолженіе пяти лѣтъ ни разу не вспомнилъ его, не освѣдомился о немъ, не старался даже узнать, живъ ли онъ, здоровъ ли... И за эти годы, путешествуя и скитаясь по всѣмъ уголкамъ Европы, мѣняя одно увлеченіе на другое, онъ, вѣроятно, думалъ и о Павлушѣ и о ней еще меньше, чѣмъ о другихъ женщинахъ, съ которыми у него завязывались пикантныя, но мимолетныя отношенія.

Digitized by Google

Такъ, по крайней мѣрѣ, говорила себѣ и желала думать теперь Вѣра Павловна, стараясь поднять въ себѣ озлобленіе противъ мужа. Она нарочно припоминала всю ту муку, которую вынесла изъ-за него тогда пять лѣтъ назадъ, и, возмущая свою оскорбленную гордость, силилась вызвать вновь то чувство стыда, горя и мучительнаго униженія, которые терзали ее тогда, въ тѣ дни, когда она впервые поняла, что онъ разлюбилъ и бросаетъ ее.... Румянецъ жгучимъ стыдомъ заливалъ ея лицо и на мгновеніе гнѣвъ и оскорбленная злоба страстно поднимались въ ней... Но чрезъ минуту въ душу ея, точно стыдясь и крадучись отъ нея самой, проскальзывало какое-то другое чувство и румянецъ блѣднѣлъ, а въ глазахъ вспыхивали нѣжныя, свѣтлыя искорки...

Помимо ея воли вмѣстѣ съ этими, насильно вызываемыми воспоминаніями, возставало рядомъ что-то еще другое... Предъ ней невольно летѣли картины прошлаго, почти забытаго уже въ послѣдніе годы, но теперь вдругъ снова воскресшія и ожившія. Она видѣла себя такой молоденькой, счастливой и довѣрчивой и его рядомъ съ собой, такимъ, какъ онъ былъ тогда, въ первое время ихъ любви, нѣжнымъ и страстно влюбленнымъ въ нее... Видѣла даже берега синѣющаго до безконечной дали моря, на которое они, бывало, крѣпко прижавшись другъ къ другу, глядѣли по вечерамъ изъ своего окна, любуясь горячимъ закатомъ солнца, золотившаго морскую

Digitized by Google

гладь своими послѣдними розовыми лучами... Тамъ провели они свои лучшіе первые мѣсяцы... Изъ Крыма они поѣхали на Кавказъ, съ Кавказа въ Италію. И такъ кочевали почти всѣ три года, повинуясь его страсти къ вѣчной перемѣнѣ мѣста.

Тогда и ей это нравилось. Сегодня они на югѣ, залитые солнцемъ среди горъ и роскошной зелени; чрезъ недѣлю мчатся въ кибиткѣ гдѣ-то по Оренбургской губерніи... Но когда родился Павлуша, кочевки эти сдѣлались труднѣе. Цѣлый годъ они сидѣли въ Петербургѣ подъ сѣренькимъ небомъ, отъ котораго уже отвыкли. Онъ скучалъ, сердился, работа не клеилась и даже картины выходили у него теперь какими-то мутными и сѣрыми—имъ недоставало яркихъ красокъ и колорита, а у него пропадало воображеніе и охота писать. Она тревожно приглядывалась къ его то безпокойному, то апатичному лицу, инстинктивно угадывая, что онъ скучаетъ, что ему надоѣлъ и Петербургъ, и Павлуша съ его няньками и болѣзнями, и сама она, что его снова тянетъ куда-то, а онъ связанъ. Въ ней же, напротивъ, съ рожденіемъ Павлуши многое перемѣнилось; ее уже никуда не тянуло; кочевая жизнь теперь даже почему-то пугала ее, ей хотѣлось бы остаться тутъ; навсегда устроить тутъ уютное гнѣздышко и воспитывать своего птенца. Материнство разомъ ее развило и убило въ ней прежніе порывы и безпечность. И, глядя на мужа, ей становилось

Digitized by Google

и страшно, и больно, и обидно! Да, обидно. Она вдругъ поняла, что лично сама она и ея ребенокъ никогда не наполнятъ ему существованія, не дадутъ собой цѣли жизни. Ему нужно что-то другое, а она была нужна только, пока бѣгала съ нимъ, смѣясь и радуясь, по всѣмъ сторонамъ свѣта, забавляла его неистощимой веселостью своихъ 18 лѣтъ и нравилась больше какъ граціозная фигурка и хорошенькая типичная головка, чѣмъ какъ жена и мать его дѣтей, съ которой, женившись, онъ долженъ былъ прожить всю жизнь.

Тѣмъ-то именно она прежде и восхищала его, что совсѣмъ не напоминала обыкновенную жену, какими бываетъ большинство другихъ женщинъ. Она похожа была скорѣе на дѣвочку или даже на молоденькаго шаловливаго мальчугана, славнаго и смѣлаго товарища всѣхъ его затѣй и фантазій. Онъ былъ влюбленъ въ ея маленькую стриженную головку съ короткими завитками пушистыхъ темныхъ волосъ, съ неправильными чертами лица, но чудными огромными глазами, постоянно мѣнявшими свой цвѣтъ и выраженіе. И онъ писалъ съ нея картины, набрасывалъ этюды и рисовалъ ее во всѣхъ своихъ альбомахъ. Иногда онъ одѣвалъ ее въ какой нибудь фантастическій костюмъ, задрапировывалъ ея тонкую граціозную фигуру красивыми мягкими складками пестраго восточнаго шелка, и она стояла предъ нимъ съ голыми руками и открытой шеей на разныхъ столахъ и табуретахъ, позируя для его картинъ.

Digitized by Google

А потомъ, бросая кисть и палитру, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ней съ горы или уплывалъ въ открытое море, и пока она гребла или справлялась съ парусомъ — онъ заносилъ въ альбомъ виды и эскизы. Одинъ такой альбомъ цѣлъ до сихъ поръ. Послѣдніе три года Вѣра Павловна уже не вынимала его изъ своего комода и, порой, если, доставая что нибудь изъ того ящика, на днѣ котораго лежалъ онъ, взглядъ ея нечаянно падалъ на его сѣрую полотняную обертку — глаза ея оставались спокойными и равнодушными и она глядѣла на него тѣмъ же взглядомъ, какимъ глядѣла и на стоящую рядомъ съ нимъ коробку съ перчатками... Она почти не замѣчала его и ни одна мысль, ни одно воспоминаніе не поднимались въ ней...

Все это, когда-то такъ страстно, такъ мучительно пережитое ею, теперь уже перебродило, заснуло и успокоилось въ ней...

Вчера же Вѣра Павловна снова вынула этотъ альбомъ и долго съ какою-то удивленною нѣжностью глядѣла на его шаршавыя, покрытыя набросками, странички. И почти каждая изъ нихъ, каждый рисунокъ оживляли въ ея памяти какой нибудь день, сцену, фразу... Вотъ ея головка съ короткими вьющимися волосами на лбу... Головка только набросана, краски наложены грубо и пятнисто, но сходство уловлено замѣчательно. Смѣющіеся, веселые глаза ея глядятъ какъ живые и вотъ-вотъ, кажется, раскроются эти пунцовыя, почти дѣтскія еще, губы

Digitized by Google

и она захохочетъ о чемъ-то тѣмъ безпечнымъ, безпричиннымъ, заразительнымъ хохотомъ, которымъ умѣютъ смѣяться только очень молоденькія, еще совсѣмъ беззаботныя дѣвушки... Ей тогда было всего 18 лѣтъ, это еще въ первый годъ ея замужества! Но, Боже мой, какъ уже это давно! Сколько пережито съ тѣхъ поръ и какъ она перемѣнилась теперь! И Вѣра Павловна невольно грустно и пытливо взглянула въ зеркало. Да, теперь сходство уже совсѣмъ потерялось. Почти невозможно догадаться, что эта цвѣтущая, смѣющаяся полудѣвочка, полумальчикъ въ альбомѣ и это блѣдное съ грустными глазами лицо, отражающееся въ зеркалѣ—одно и то же лицо. За эти годы сама она вся какъ-то выросла и пополнѣла, но лицо ея похудѣло и удлинилось, глаза слегка запали и кажутся серьезными и печальными, щеки поблѣднѣли, а волосы давно ужъ отросли, даже перестали виться и зачесаны гладко съ прямымъ проборомъ посерединѣ, какъ любитъ Сергѣй Дмитричъ...

Сергѣй Дмитричъ! Вѣра Павловна слегка вздрогнула и поблѣднѣла.

— Да, Сергѣй Дмитричъ! — повторила она грустно и что-то жуткое сжало ей грудь...

Она быстро захлопнула альбомъ и откинулась на спинку кресла.

— И зачѣмъ, зачѣмъ наплывъ всѣхъ этихъ старыхъ воспоминаній теперь... именно теперь... когда уже поздно... Зачѣмъ пахнуло на нее всѣмъ этимъ прошлымъ, уже отжитымъ, теперь, когда

Digitized by Google

она готовилась стать женою другого... Неужели же только для того, чтобы помѣшать начать ей новую жизнь, чтобы снова оторвать отъ спокойнаго счастья и чувства и увлечь куда-то за собой?

— Нѣтъ, нѣтъ. Она взволнованно вскочила съ кресла и быстро заходила по комнатѣ. Нѣтъ, теперь уже поздно, слишкомъ поздно; еще два года тому назадъ она обрадовалась бы, можетъ быть, этому возврату; даже годъ назадъ... Но теперь; нѣтъ, теперь она не хочетъ и не можетъ возвращаться опять къ тому же, съ чѣмъ уже навсегда все порвано и разбито! Нѣтъ, не хочетъ, не хочетъ...

Она упрямо и съ негодованіемъ повторяла себѣ, что не хочетъ, и чувствовала съ мучительнымъ ужасомъ, что она лжетъ себѣ, обманываетъ сама себя и въ глубинѣ души... хочетъ!

— Нѣтъ ложь, это только такъ кажется, она напускаетъ. Конечно, она не хочетъ, она любитъ другого и никогда уже не вернется къ мужу... И въ то же время она съ какимъ-то жуткимъ, но радостнымъ удивленіемъ спрашивала себя:

— Неужели вернусь?.. И останавливалась на этомъ вопросѣ, широко раскрывая вспыхивавшіе безпокойнымъ, страстнымъ блескомъ глаза, смотрѣла вдаль, чему-то безсознательно улыбаясь. Потомъ снова брала первое письмо мужа, первое послѣ пятилѣтняго молчанія и съ мечтательной улыбкой снова прочитывала его.

Digitized by Google

Въ этомъ письмѣ онъ клялся ей въ любви, просилъ ея прощенія за годы долгихъ измѣнъ и молилъ ее подождать—не брать развода, который требовалъ ея повѣренный, а увидѣться съ нимъ еще разъ и снова вернуться къ нему. Онъ виноватъ, страшно, глубоко виноватъ; но она добра, проститъ его, и онъ отдастъ ей теперь всю жизнь, всю любовь, чтобы только загладить хоть сколько нибудь свою вину предъ ней. Онъ увѣрялъ, что любилъ и любитъ только одну ее, что теперь онъ это понялъ, всѣ эти пять лѣтъ были сплошной ошибкой его увлекающейся гадкой натуры! Онъ скучалъ и по ней, и по Павлушѣ; двадцать разъ хотѣлъ вернуться къ ней, но боялся, что она его не проститъ. Но теперь, когда онъ понялъ, что съ этимъ разводомъ и выходомъ ея замужъ за другого онъ теряетъ ее уже навсегда, теряетъ даже надежду когда нибудь снова примириться съ нею, даже возможность видѣть ее, онъ понялъ, какъ глубоко и страстно любилъ ее всегда и рѣшилъ пойти на все, чтобы только добиться свиданія съ нею. Онъ не вѣритъ, не можетъ вѣрить, чтобы она дѣйствительно разлюбила его совсѣмъ и будетъ навсегда принадлежать другому человѣку... И съ страстнымъ краснорѣчіемъ влюбленнаго онъ напоминалъ ей ихъ любовь, убѣждалъ ее, что она ошибается въ своемъ новомъ чувствѣ, а между тѣмъ этой ужасной ошибкой испортитъ жизнь не только ему и себѣ, но и маленькому Павлушѣ, у котораго есть настоя-

Digitized by Google

щій отецъ и котораго отчимъ никогда не полюбитъ такъ, какъ будетъ теперь любить онъ, его родной отецъ... Теперь онъ тутъ же, въ одномъ городѣ съ ней, такъ близко другъ къ другу, и неужели они все-таки не увидятся?..

На это письмо, полученное шесть дней тому назадъ, Вѣра Павловна отвѣтила короткой, но сухой и строгой запиской:

«Ваше объясненіе въ любви послѣ того, какъ мы пять лѣтъ были вполнѣ чужими людьми (и не по моей винѣ,—прибавляла она въ скобкахъ, съ чисто женскимъ чувствомъ колкой мести) и особенно теперь, когда я невѣста другого человѣка, только оскорбляютъ меня и унижаютъ васъ. Никакого возврата къ прошлому быть не можетъ и не должно. Ошибаюсь не я, а вы, предполагая во мнѣ остатокъ хоть какого нибудь чувства къ себѣ, и потому я надѣюсь, что на будущее время вы уволите меня отъ повторенія подобныхъ объясненій и поздняго раскаянія, если не захотите потерять въ моихъ глазахъ и послѣднее уваженіе къ себѣ».

Тогда письмо это, дѣйствительно, только возмутило ее и она отвѣчала нарочно какъ можно жестче, искренно убѣжденная, что, дѣйствительно, не желаетъ возобновленія даже переписки и что отвѣчать такъ—ея прямой долгъ, и вечеромъ, когда пришелъ Сергѣй Дмитричъ, Вѣра Павловна, не желая напрасно разстраивать его, ничего не сказала ему объ этомъ обмѣнѣ писемъ съ мужемъ.

Digitized by Google

Но въ душѣ она не была покойна, и когда прошли цѣлые сутки, а на ея записку не было никакого отвѣта, ей стало казаться, что она написала ужъ слишкомъ рѣзко и что можно было бы написать то же самое, но гораздо мягче, что жестокость ея была отчасти даже излишня и ей стало жаль и того, что она «такъ» написала и того, кому она такъ написала.

Послѣ такого отвѣта съ ея стороны, она понимала, что ему уже нечего больше писать ей и онъ даже и не можетъ писать снова, если хоть сколько нибудь самолюбивый человѣкъ, но все-таки же она желала, чтобы онъ написалъ ей что нибудь и, безсознательно для самой себя, все время ждала отъ него какого-то извѣстія.

Къ вечеру второго дня, дѣйствительно, принесли второе письмо о Павлушѣ.

Сердце Вѣры Павловны сильно забилось и лицо ярко вспыхнуло, когда она увидала новый конвертъ, съ знакомымъ почеркомъ, и разорвала его. Она быстро прочла его, не вполнѣ ясно почему-то сознавая суть и, только пробѣжавъ глазами письмо въ третій разъ, поняла, наконецъ, что онъ проситъ повидаться съ Павлушей.

И снова ей сдѣлалось ужасно жаль его и она тутъ же рѣшила допустить это свиданіе, которымъ она хоть отчасти могла смягчить свой первый жестокій отвѣтъ ему.

Но ни это письмо, ни свиданіе съ Павлушей она уже не считала себя въ правѣ скрыть отъ

Digitized by Google

Сергѣя Дмитрича, хотя, показавъ второе, ей нужно было признаться и о первомъ.

Она рѣшила, что такъ и сдѣлаетъ.

За послѣдніе два года, Вѣра Павловна привыкла всегда и во всемъ совѣтоваться съ нимъ.

Чувство ея къ этому человѣку не было никогда такимъ экзальтированнымъ и страстнымъ, какъ къ первому мужу. Въ Сергѣя Дмитрича она никогда не была даже влюблена, но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе привязывалась она къ нему. И она была безконечно благодарна судьбѣ, столкнувшей ее съ этимъ человѣкомъ, который любилъ не только самоё ее, но даже и ея маленькаго бѣднаго Павлушу. Сергѣй Дмитричъ былъ серьезенъ, дѣловитъ и постояненъ даже въ привычкахъ, служа какъ бы полнымъ контрастомъ Михаилу Николаевичу. Съ нимъ Вѣра Павловна чувствовала себя въ спокойной пристани, зная, что онъ никогда не измѣнитъ ей и не броситъ ея. Сознавая его безусловно честнымъ, умнымъ и добрымъ человѣкомъ, она горячо уважала его, что̀ еще болѣе усиливало и ея любовь къ нему, но, не смотря на его мягкость и доброту, въ немъ было что-то, что̀ заставляло ее охотно повиноваться ему во всемъ, чего онъ желалъ. Сергѣй Дмитричъ постепенно какъ бы переработалъ даже и самый характеръ ея. Въ ней исчезли тѣ порывы и неровности, которые привились къ ней за время ея жизни съ мужемъ. Прошло уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ Вѣра Павловна встрѣтилась съ нимъ.

Digitized by Google

Съ тѣхъ поръ тоска ея по первому мужу и страданіе, причиненное его измѣной и разрывомъ съ нимъ, стали понемногу въ ней затихать и успокоиваться, пока не заглохли совсѣмъ. Послѣднее время она вспоминала мужа только тогда, когда думала о трудностяхъ развода, затягивавшихъ ея бракъ съ дорогимъ для нея человѣкомъ.

Теперь ея первое замужество, ея любовь къ мужу, страданіе и прошлая жизнь казались ей какимъ-то смутнымъ сномъ, которому она сама невольно удивлялась и порой даже какъ бы не вѣрила, точно ли это все было? Теперь ей казалось, что она всю жизнь знала и любила только одного Сергѣя Дмитрича и не могла представить своей жизни помимо его...

II.

Вечеромъ, когда пришелъ Сергѣй Дмитричъ, Вѣра Павловна встрѣтила его особенно ласково и, взявъ его за руку, какъ бы желая заранѣе успокоить его этимъ прикосновеніемъ и заставить еще больше вѣрить въ себя, тихимъ, но спокойнымъ голосомъ, прямо и нѣжно глядя ему въ глаза, разсказала всю исторію писемъ, прибавляя, что не говорила объ этомъ раньше только потому, что не хотѣла напрасно тревожить его и думала, что вся переписка ограничится только первыми двумя письмами... Но теперь она хо-

Digitized by Google

тѣла бы его совѣта... И она еще горячѣе сжала его руку и еще ласковѣе глядѣла на него, точно молча хотѣла сказать ему—ты вѣдь не сердишься, что такъ случилось... и ты вѣдь одобряешь все, что я сдѣлала? не правда ли?..

Сергѣй Дмитричъ покойно слушалъ ее, куря сигару, и только изрѣдка отвѣчалъ легкими, едва замѣтными пожатіями ея руки.

— Вамъ слѣдуетъ разрѣшить это свиданіе!—сказалъ онъ, когда она замолчала.

Вѣра Павловна слегка покраснѣла, радуясь, что и онъ одобряетъ ея мысль, потому что иначе ей пришлось бы или дѣйствовать помимо его воли, или не допускать свиданія,—и то, и другое было бы для нея очень тяжело.

— Да, я то же думала, но я не знаю... на мгновеніе она замялась,—какъ и гдѣ это устроить.

Сергѣй Дмитричъ немного помолчалъ и подумалъ.

— Лучше всего это было бы устроить тутъ же у васъ.

Вѣра Павловна удивленно и пытливо вскинула на него глаза.

— Это было бы приличнѣе и удобнѣе всего для мальчика... добавилъ онъ спокойно.

Она молчала, не совсѣмъ понимая, и, не довѣряя его спокойствію, думала, что онъ только испытываетъ ее, надѣясь, что она, конечно, откажется отъ подобнаго предложенія.

— Я даже не вижу, продолжалъ онъ, немного помолчавъ и задумчиво,—отчего бы и са-

Digitized by Google

мой вамъ не присутствовать при этомъ свиданіи. Для Павлуши это было бы лучше...

Вѣра Павловна уже совсѣмъ пытливо взглянула на него, думая по лицу понять его мысли; но онъ смотрѣлъ на нее спокойно, съ легкой только грустью въ своихъ задумчивыхъ прекрасныхъ глазахъ, и она не могла понять, чего онъ хочетъ и искренно ли предлагаетъ ей такую вещь.

Тогда Сергѣй Дмитричъ ласково взялъ ея руку и нѣжно поцѣловалъ ее, не то желая успокоить этимъ ея сомнѣнія, не то желая показать, что онъ безусловно довѣряетъ ей.

Вѣра Павловна усмѣхнулась какъ-то смущенно и подозрительно.—А! ты хочешь испытать меня! подумала она, пристально всматриваясь въ него, пока онъ цѣловалъ ея руку. Да, да, ты хочешь знать, какъ подѣйствуетъ на меня это свиданіе, и провѣрить въ послѣдній разъ мое чувство къ себѣ и къ нему... Да, да, это такъ, я понимаю тебя.

И она засмѣялась, довольная, что разгадала его сокровенныя мысли и въ одно и то же время ей хотѣлось броситься къ нему и обнять его горячо, горячо, чтобы теперь же завѣрить его въ своей любви, и въ то же время въ душѣ ея, помимо яснаго сознанія, поднималось противъ него какое-то раздраженіе за то, что онъ самъ нарочно подвергалъ ее этому искусу, за исходъ котораго она инстинктивно боялась...

Digitized by Google

III.

Когда Сергѣй Дмитричъ ушелъ, Вѣра Павловна пошла въ дѣтскую къ Павлушѣ, чтобы перекрестить сына на ночь.

Эмма, его бонна, еще не ложилась и сидѣла у стола, освѣщеннаго лампой подъ зеленымъ колпакомъ, что-то работая.

Вѣра Павловна перекрестила Павлушу, поцѣловала его и нерѣшительно остановилась у его кровати. Она хотѣла бы сѣсть рядомъ съ нимъ и вглядѣться въ его разгорѣвшееся личико, напоминавшее ей другое, когда-то такъ любимое ею лицо... Но ей казалось, что Эмма угадаетъ ея мысли, и ей дѣлалось и совѣстно, и досадно и на эти мысли, и на Эмму.

— Эмма, сказала она вполголоса, чтобъ не разбудить Павлушу,—велите Машѣ приготовить мнѣ лимонадъ къ ночи—или, лучше, приготовьте сами—вы вкуснѣе дѣлаете его.

Эмма вышла, и она осталась одна подлѣ кровати сына.

Павлуша разметался во снѣ, губы его полуоткрылись и прямыя, черныя бровки слегка изогнулись.

Вѣра Павловна уже давно привыкла считать Павлушу только своимъ сыномъ, мысленно отнимая у него отца. Она находила у ребенка свои наклонности, свои черты, свой характеръ и почти ничего не находила въ немъ отцовскаго. Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ человѣкъ бро-

Digitized by Google

силъ ее и измѣнилъ ей, она не хотѣла видѣть въ своемъ Павлушѣ ничего, что̀ бы напоминало ей мужа, потому что всякое воспоминаніе было ей еще слишкомъ мучительно и тяжело. Потомъ, когда страданіе улеглось и боль затихла, она продолжала дѣлать это уже по привычкѣ и говорила «мой Павлуша», безсознательно присвоивая его одной себѣ и забывая, что гдѣ-то у него есть еще, кромѣ ея, и отецъ. Скорѣй Сергѣй Дмитричъ казался ей болѣе отцомъ Павлуши, нежели Михаилъ Николаевичъ. Сергѣй Дмитричъ былъ всегда съ ними, онъ ласкалъ Павлушу, привозилъ ему игрушки, игралъ съ нимъ, безпокоился, когда мальчикъ заболѣвалъ, ѣздилъ за докторами и помогалъ ей ухаживать тогда за нимъ, а въ недалекомъ будущемъ долженъ былъ сдѣлаться его отчимомъ и уже вполнѣ замѣнить ему отца. И, зная его, Вѣра Павловна вѣрила, что онъ, дѣйствительно, замѣнитъ ему этого отца, котораго такъ недоставало ея ребенку, и, раздѣливъ съ ней всѣ заботы о немъ, поможетъ ей воспитать и образовать его. И это трогало и радовало ее, успокаивая заранѣе всѣ ея тревоги за будущность сына, и еще горячѣе привязывало къ Сергѣю Дмитричу.

И вотъ вдругъ явился откуда-то его настоящій отецъ и напоминаетъ о своемъ существованіи не только ей, но и маленькому Павлушѣ, которому она почти никогда и ничего не говорила объ его родномъ отцѣ.

Digitized by Google

Прислушиваясь къ ровному, дѣтски тихому дыханію сына, она всматривалась въ его лицо съ какимъ-то страннымъ и жуткимъ любопытствомъ. Теперь эти темныя брови и пухлыя губы напоминали ей уже черты мужа и она впервые увидѣла, какъ страшно похожъ онъ на отца, и удивлялась, какъ не замѣчала этого раньше и какъ могла думать, что онъ похожъ только на нее.

Но сходство это уже не мучило и не сердило ея. Нѣтъ, оно только смущало ее тревожно и радостно. Все съ бо̀льшей и бо̀льшей нѣжностью взглядывалась она въ лицо сына, ища въ немъ отпечатокъ другого лица, вызывавшаго въ душѣ ея что-то далекое, но дорогое.

И это далекое снова нахлынуло на нее своими воспоминаніями и, будя въ душѣ ея старую любовь и раны, охватывало ее все сильнѣе и сильнѣе...

Она осторожно наклонилась и страстно поцѣловала сына, но какъ бы мысленно предназначая эти поцѣлуи не ему, а его отцу...

Вошла Эмма и сказала, что лимонадъ приготовленъ.

Вѣра Павловна смущенно и быстро поднялась съ колѣнъ. Она сердилась и на себя, и на Эмму, и, снова чего-то испугавшись, подозрительно взглянула на нее, мучаясь, что та отгадываетъ то, что̀ происходитъ теперь въ душѣ ея.

Уйдя къ себѣ, Вѣра Павловна долго взволнованно ходила по комнатѣ.

Digitized by Google

На лицѣ ея горѣли жгучія пятна, а руки совсѣмъ холодѣли.

Послѣдніе годы вся жизнь ея шла такъ ровно и спокойно; она совсѣмъ отвыкла отъ бурь и треволненій и душевная ломка, поднявшаяся въ ней, мучила и пугала ее.

Она сердилась на себя за эту ломку, сознавая, что ей не должно бы быть теперь, именно теперь, когда она готовилась стать женой другого. Но мысль эта, бывшая ея горячей мечтой, вдругъ начала почему-то раздражать ее. Еще утромъ говорила она себѣ, что мужъ явился только для того, чтобы помѣшать ея новому счастью; теперь же ей казалось, что счастью мѣшаетъ не мужъ, а онъ — Сергѣй Дмитричъ. И, ловя себя на этихъ мысляхъ, она возмущалась ими, какъ чѣмъ-то порочнымъ и отвратительнымъ, противъ чего поднималось все ея нравственное существо, но они все-таки, помимо ея воли и желанія, шли къ ней и обхватывали ее сомнѣніемъ и тоской.

Она невольно вспоминала слова мужа изъ перваго письма, въ которомъ онъ убѣждалъ ее, что она ошибается въ своемъ новомъ чувствѣ, а любитъ все еще его, и съ ужасомъ и отчаяніемъ спрашивала себя: «неужели это правда»?

Она старалась представить себѣ, какъ разойдется съ Сергѣемъ Дмитричемъ и вернется снова къ мужу, но при одной этой мысли ее охватывала такая тоска, страхъ и жалость, что она съ облегченіемъ говорила себѣ, что это не-

Digitized by Google

возможно, и радовалась этой невозможности, какъ доказательству того, что она, дѣйствительно, любитъ Сергѣя Дмитрича, котораго даже мысленно боится лишиться, а не мужа, отъ котораго давно уже отвыкла и разлюбила! Но когда она это рѣшала и успокоивалась на минуту, воспоминанія о первой любви ея, о томъ времени, лучшемъ въ ея жизни, снова подползали къ ней и снова ее влекло къ мужу!..

Всю ночь она не могла заснуть и металась въ лихорадочномъ жару. Она чувствовала, что стоитъ на перепутьи двухъ дорогъ и не знала, на которую изъ нихъ толкнетъ ее судьба и куда пойдетъ она завтра.

IV.

Утромъ Вѣра Павловна встала гораздо спокойнѣе, чѣмъ ожидала. За ночь ея волненіе отчасти какъ бы улеглось, и она уже не такъ мучилась въ сомнѣніяхъ, рѣшившись покориться судьбѣ и предоставивъ устроить ей все по-своему.

Она вышла въ столовую напиться чаю вмѣстѣ съ Павлушей и, слушая его дѣтскую болтовню, думала, какъ ей лучше сказать ему, что сегодня онъ увидитъ своего отца.

— Павлуша, начала она, слегка колеблясь,— сегодня пріѣдетъ твой папа!

Павлуша приподнялъ голову отъ чашки съ молокомъ и смотрѣлъ на нее своими веселыми, умными глазами.

Digitized by Google

— Папа? — повторилъ онъ безъ особеннаго удивленія,—какой папа, дядя Сережа?

Вѣра Павловна невольно вспыхнула. Во всякое другое время ей было бы пріятно, что Павлуша называетъ Сергѣя Дмитрича отцомъ, но теперь это коробило ее.

— Сергѣй Дмитричъ тебѣ не папа!—сказала она сухо.

— А Эмма говоритъ, что онъ будетъ скоро моимъ папой, и я долженъ называть его папа.

Мальчикъ сбивалъ ее еще больше и въ эту минуту она раскаивалась, зачѣмъ раньше никогда не говорила съ ребенкомъ объ его отцѣ.

— Твой папа былъ далеко—начала она снова, и, снявъ сына со стула, она посадила его къ себѣ на колѣни и ласкала его, — а теперь пріѣхалъ и сегодня ты его увидишь.

Павлуша, задумчиво раскрывъ глазенки, смотрѣлъ на нее.

— А онъ гдѣ былъ? далеко, заграницей какъ Эмма? ты мнѣ, мамочка, разскажи что нибудь про заграницу, хорошо?

Мальчикъ видимо интересовался гораздо больше прежнимъ мѣстопребываніемъ отца и заграницей, про которую ему часто разсказывала Эмма, уроженка Швейцаріи, чѣмъ самимъ отцомъ и предстоящимъ свиданіемъ съ нимъ, который уѣхалъ, когда ему едва минулъ годъ, и котораго теперь онъ не помнилъ и не зналъ.

Но Вѣра Павловна не стала ни о чемъ разсказывать ему, она молча поцѣловала его еще

Digitized by Google

нѣсколько разъ, всматриваясь въ него все съ тѣмъ же тревожно-радостнымъ любопытствомъ, которое проснулось въ ней впервые вчера вечеромъ и, спустивъ его съ колѣнъ, пошла въ свою комнату.

Павлуша, захвативъ свои книжки съ картинками, побѣжалъ за ней туда же, и, сѣвъ за работу на своемъ обычномъ мѣстѣ у маленькаго столика предъ окномъ, она спокойно объясняла ему содержаніе картинокъ, заказывала обѣдъ пришедшей кухаркѣ и отдавала прислугѣ разныя приказанія по хозяйству.

На видъ она казалась совсѣмъ спокойной, только уголки губъ ея слегка подергивались, да путался счетъ и тѣни гаруса вышиваемаго ею рисунка по канвѣ. Но чѣмъ ближе подходило время къ двумъ часамъ, тѣмъ сильнѣе холодѣли у нея руки и сжималось щемящей болью сердце. Лицо ея все блѣднѣло и только глаза горѣли сухимъ нервнымъ блескомъ.

Около часа подали завтракъ. Она пошла въ столовую вмѣстѣ съ Павлушей, но ѣсть сама не могла. Ей нездоровилось и во всемъ тѣлѣ она чувствовала непріятный лихорадочный ознобъ.

Послѣ завтрака она начала волноваться все больше и больше, уже съ трудомъ удерживая спокойный видъ. Павлуша даже спрашивалъ, отчего у нея такія холодныя руки, а Эмма, знавшая о предстоящемъ свиданіи, на которомъ ей поручено даже было присутствовать, застѣн-

Digitized by Google

чиво поглядывала на нее съ безпокойствомъ и какою-то жалостью.

Вѣра Павловна чувствовала, что волненіе ея замѣчаютъ, и отослала Эмму съ Павлушей въ дѣтскую, предпочитая остаться одной.

Почти каждую минуту взглядывала она то на часы, то на улицу и въ каждомъ проходившемъ мимо оконъ мужчинѣ ей чудился мужъ и въ то же время казалось, что теперь она не узнаетъ его такъ далеко изъ окна. Нѣсколько разъ къ подъѣзду глухо подъѣзжали дрожки и каждый разъ сердце ея при этомъ, точно обливаясь горячею кровью, и трепетно замирало, и билось.

Чѣмъ ближе двигались стрѣлки къ двумъ часамъ, тѣмъ ей становилось все страшнѣе, жутче и... радостнѣе. Теперь она сама уже не могла понять, рада ли она, или же только чего-то ужасно боится. Теперь она уже не думала больше ни о Сергѣѣ Дмитричѣ, ни о томъ, чѣмъ все это кончится и имѣетъ ли она право «такъ» ждать его. Она думала только о томъ, что сейчасъ пріѣдетъ «онъ», и сейчасъ она увидитъ его.

И она ждала, ждала мучительно, страстно и нетерпѣливо, желая, чтобы онъ пріѣхалъ скорѣй, скорѣй, и желая, чтобы онъ не пріѣзжалъ совсѣмъ...

Digitized by Google

V.

Безъ четверти два раздался звонокъ.

Его звонокъ; она сразу узнала и почувствовала его, хотя и не слыхала уже пять лѣтъ.

И все вдругъ спуталось въ ея головѣ.

Въ глазахъ потемнѣло, кругомъ заходили волны какого-то зеленоватаго тумана и ей казалось, что она сейчасъ упадетъ въ какую-то бездонную колышащуюся подъ ея ногами пустоту.

Но вбѣжала Эмма, то же взволнованная и вся раскраснѣвшаяся и проговорила быстро запыхавшимся голосомъ:

— Пріѣхали!—въ гостиной!..

Вѣра Павловна глядѣла на нее и чувствовала, что Эмма тоже чего-то боится и смотритъ на нее испуганными, тревожными глазами.

— Ну, что же... сказала она тихо, съ трудомъ выговаривая слова, — возьмите Павлушу и идите туда... я сейчасъ вы...

Она хотѣла договорить слово «выйду», но оно вдругъ оборвалось и она только слабо махнула рукой.

Эмма все такъ же испуганно и поспѣшно выбѣжала, а Вѣра Павловна машинально опустилась въ кресло. Все кружилось у нея предъ глазами и комната, и мебель, и коверъ на полу, и картины по стѣнамъ.

Она откинула ослабѣвшую голову на спинку мягкаго кресла и закрыла глаза, слабо созна-

Digitized by Google

вая, что теряетъ силы и сознаніе; но ощущеніе это было хотя томительное, но сладкое и пріятное, и она неподвижно лежала въ креслѣ, близкая къ полному обмороку, и ей не хотѣлось двигаться и выходить изъ этого оцѣпенѣнія. Одна только мысль, легкая какъ туманъ, но ясная и радостная, наполняла ее.

— Онъ здѣсь!..

Здѣсь! совсѣмъ подлѣ нея, всего въ другой комнатѣ; перешагнуть порогъ, открыть портьеру — и она увидитъ его... увидитъ!

И она хотѣла бы перешагнуть этотъ порогъ, и, бросившись къ нему на грудь, замереть на ней, въ этомъ сладкомъ оцѣпенѣніи, охватившемъ ее всю сознаніемъ счастья, любви и радости свиданія съ нимъ...

Но силъ не было; она только слегка пріоткрыла глаза и приподняла голову. Зеленые круги стали меньше и блѣднѣе, комната кружилась тише, колебаніе пола подъ ея ногами все замирало, замирало и, наконецъ, остановилось совсѣмъ.

Въ сосѣдней комнатѣ слышался звонкій голосъ Павлуши. Онъ, кажется, смѣялся, но въ ушахъ ея еще слегка звенѣло, и разслушать ясно его слова она не могла. И, напрягая слухъ всѣми силами, она старалась различить «его» голосъ. Но онъ говорилъ очень тихо. Вѣра Павловна больше угадывала, что онъ что-то говоритъ, чѣмъ ясно слышала.

Digitized by Google

— Да, вотъ онъ тутъ, опять... какъ и пять лѣтъ тому назадъ... и Павлуша вмѣстѣ съ нимъ...

Она сейчасъ встанетъ, перейдетъ въ комнату, раздвинетъ портьеры и увидитъ ихъ обоихъ вмѣстѣ. Глубокая нѣжность охватывала ее при этой мысли и ей хотѣлось крикнуть ему, что она тутъ, рядомъ съ нимъ ждетъ его, зоветъ! Хотѣлось, чтобы онъ, не дожидаясь ея, сейчасъ вошелъ бы сюда самъ... Она тихо встала и осторожно, слегка еще шатаясь и придерживаясь по дорогѣ рукой за мебель, подошла къ двери, отдѣлявшей ее отъ мужа тяжелыми портьерами.

Павлуша вдругъ громко засмѣялся.

Вѣра Павловна остановилась на мгновеніе и, придерживаясь за край портьеры, старалась заглянуть въ небольшую щель между двумя драпировками и увидѣть ихъ... Но они сидѣли въ сторонѣ отъ двери и, не видя ихъ, она слышала только ихъ голоса, теперь уже совсѣмъ ясно и отчетливо.

— Нѣтъ, вы не такъ, говорилъ Павлуша, вотъ видите: тутъ есть пружинка, вотъ эту пружинку нужно придавить, онъ и пойдетъ...

— Какая пружинка?—подумала она съ недоумѣніемъ и удивляясь тому, какъ могутъ они говорить о какой-то пружинкѣ «теперь»!

Въ щель ей виднѣлись оборки коричневаго Эмминаго платья—и это было ей непріятно.

— Зачѣмъ тутъ Эмма? ей хотѣлось бы, чтобы они были только втроемъ...

Digitized by Google

— Нѣтъ, вы не умѣете, дайте я самъ заведу!— сказалъ снова Павлуша и вдругъ захлопалъ въ ладоши и радостно закричалъ:

— Видите, видите какъ пошла! глядите! глядите!

Я вышлю Эмму... подумала Вѣра Павловна и раскрыла портьеру...

VI.

Но легкаго шуршанья матеріи никто не замѣтилъ. Прямо предъ Вѣрой Павловной, загораживая ей дорогу, стояла Эмма, спиной къ ней, а навстрѣчу бѣжалъ Павлуша подлѣ игрушечнаго паровоза, который шипѣлъ и свистѣлъ на ходу къ полному восхищенію мальчика.

Всѣ были заняты этимъ паровозомъ, и изъ-за плеча Эммы, Вѣрѣ Павловнѣ виднѣлась только наклонившаяся внизъ голова Михаила Николаевича съ темными, вьющимися, но уже сильно рѣдѣющими волосами.

— Вотъ сейчасъ на ножку кресла наѣдетъ!— сказалъ онъ.

Вѣра Павловна съ какимъ-то страннымъ чувствомъ прислушивалась къ его голосу, пока онъ говорилъ, узнавая его въ знакомыхъ звукахъ, но уже не волнуясь какъ за минуту, и самая фраза почему-то удивила ее и была ей даже непріятна.

— Эмма, Эмма, отодвинь кресло!—закричалъ Павлуша вдругъ съ такимъ отчаяніемъ, что и

Digitized by Google

Эмма, и Михаилъ Николаевичъ засмѣялись. Эмма хотѣла кинуться отодвигать стулъ, но вдругъ задѣла за Вѣру Павловну.

Она обернулась и, увидѣвъ ее сзади себя, быстро и сконфуженно отодвинулась въ сторону, давая ей дорогу.

Михаилъ Николаевичъ тоже поднялъ голову и, увидѣвъ жену, поспѣшно поднялся ей навстрѣчу. Повидимому, онъ не ожидалъ ея и появленіе ея удивило и смутило его. Онъ слегка покраснѣлъ, нагнувъ голову низкимъ почтительнымъ поклономъ, остался на мѣстѣ, какъ бы не рѣшаясь подойти ближе и даже протянуть руку. Она сама сдѣлала навстрѣчу къ нему нѣсколько шаговъ и молча, съ легкимъ поклономъ, протянула ему руку.

— Мамочка, знаешь, я самъ завелъ паровозъ, самъ, а ты говорила, что я не умѣю, а я самъ!

И Павлуша прыгалъ, радуясь и смѣясь отъ своей удачи, въ то время какъ остальные стояли со сконфуженными лицами.

Вѣра Павловна опустилась на стулъ и движеніемъ руки пригласила также сѣсть и Михаила Николаевича. Они сѣли у круглаго стола, возлѣ котораго она всегда почему-то садилась, когда принимала визиты и въ такихъ же даже позахъ, слегка натянутыхъ и строго приличныхъ, которыя невольно принимаются въ этихъ случаяхъ между мало знакомыми людьми.

Михаилъ Николаевичъ сидѣлъ съ такимъ сдержаннымъ и почтительнымъ видомъ, какъ

Digitized by Google

будто желалъ дать ей понять однимъ уже этимъ видомъ, что онъ не скажетъ и не сдѣлаетъ ничего такого, что могло бы «оскорбить» ее, какъ выразилась она въ своей запискѣ. А на лицѣ Вѣры Павловны лежала легкая тѣнь и глаза ея, которые она старалась не останавливать на мужѣ, глядѣли холодно и сумрачно. Она слегка улыбнулась на наивный восторгъ сына, но улыбка вышла натянутой и блѣдной.

Что-то болѣзненно ныло въ душѣ ея, чего-то ей было мучительно жаль и она чувствовала себя обманутой и разочарованной...

Почти цѣлую минуту они сидѣли молча, видимо не зная, что сказать, и избѣгая даже глядѣть другъ на друга, молча слѣдили, какъ ползъ локомотивъ Павлуши, за которымъ, наполняя всю комнату своимъ шумнымъ восхищеніемъ, бѣгалъ онъ самъ. Эмма ходила за нимъ и отстраняла встрѣчавщіяся по дорогѣ препятствія.

— Какъ онъ выросъ! — сказалъ, наконецъ, Михаилъ Николаевичъ, видимо только для того, чтобы сказать что нибудь.

— Да, онъ очень выросъ, холодно отвѣтила Вѣра Павловна, и сейчасъ же подумала, что немудрено, если мальчикъ кажется ему выросшимъ послѣ того, какъ онъ оставилъ его еще почти груднымъ и не видалъ больше пяти лѣтъ.

— Вѣдь ему уже седьмой годъ!—добавила она съ злою насмѣшкой въ голосѣ.

Михаилъ Николаевичъ понялъ намекъ. Онъ

Digitized by Google

снова чуть-чуть покраснѣлъ и быстро опустилъ глаза, какъ бы интересуясь игрой Павлуши.

Вѣра Павловна вспомнила, что она хотѣла выслать Эмму. Она велѣла ей распорядиться чаемъ и отыскать платокъ. Но тутъ же почувствовала, что теперь это уже не нужно, что и при Эммѣ и безъ Эммы будетъ одно и то же.

— Къ чему?—сказала она себѣ—не все ли равно, и лицо ея поблѣднѣло и сдѣлалось усталымъ и апатичнымъ.

VII.

— А на Рождество, объявилъ Павлуша, счастливо улыбаясь, мнѣ дядя обѣщалъ подарить еще пароходъ! Большой, вотъ какой!—и онъ широко разставилъ руки, стараясь ими какъ можно больше захватить пространства.

— Какой дядя? — спросилъ Михаилъ Николаевичъ.

Съ тѣхъ поръ какъ ушла Эмма, ему видимо стало ужасно неловко и онъ всѣ вопросы старался обращать исключительно къ Павлушѣ, и внимательно занялся его игрушками.

Павлуша слегка какъ будто удивился его незнанію.

— Дядя Сережа!—объяснилъ онъ — Сергѣй Дмитричъ.

И мужъ и жена слегка вздрогнули при этомъ имени и вдругъ какое-то отрадное спокойствіе разлилось въ душѣ Вѣры Павловны.

Digitized by Google

Дядя Сережа... мысленно повторила она— Сергѣй Дмитричъ... и онъ всталъ передъ ней какъ живой съ его задумчивымъ лицомъ и серьезными глазами, съ его спокойнымъ голосомъ и тѣмъ взглядомъ довѣрія и любви, которыми вчера, цѣлуя на прощанье ея руку, онъ взглянулъ ей прямо въ глаза, какъ будто видѣлъ ими всю ея душу, читалъ все, что̀ творилось въ ней тогда и что̀ должно было еще произойти въ ней — читалъ и... и все-таки же вѣрилъ въ нее.

О, милый! какъ могла она думать, что она измѣнитъ ему? что ошибается въ своей любви къ нему! Нѣтъ, нѣтъ, его и только его любитъ она, и теперь это стало вдругъ такъ ясно ей, такъ просто и понятно, и она невольно удивлялась и тому волненію, и ожиданію, въ которомъ мучилась цѣлые сутки и своему теперешнему разочарованію, которое сначала показалось ей такимъ горькимъ и тоскливымъ, какъ будто бы за нимъ открывалась страшная пустота и одиночество.

На душѣ ея сдѣлалось такъ легко, спокойно и радостно, какъ будто бы она освободилась, наконецъ, отъ какого-то тяжелаго позорнаго бремени.

Она всматривалась въ лицо мужа — и онъ казался ей совсѣмъ чужимъ. Все — лицо его, голосъ, фигура, взглядъ и вся жизнь, которой она не знала уже такъ да́вно, все было ей чуждо, и даже непріятно. И она не понимала, какъ

Digitized by Google

могла желать вернуться къ нему? какъ могла ждать его такъ страстно и нетерпѣливо! Что̀ онъ ей? — чужой, посторонній человѣкъ! Да, чужой, совсѣмъ чужой. И слѣдя за его взглядами, которые порой онъ искоса и быстро бросалъ на нее, она догадывалась, что и онъ думаетъ то же самое, что и она стала для него такъ же чужда и непонятна, какъ онъ для нея... Но чѣмъ яснѣе охватывала ее это сознаніе, чѣмъ дальше становился отъ нея этотъ, когда-то такъ любимый и дорогой ей человѣкъ, тѣмъ все ближе и дороже дѣлался Сергѣй Дмитричъ.

И снова ей казалось какимъ-то страннымъ и невѣроятнымъ сномъ, что когда-то она такъ любила этого чужого человѣка, что когда-то она была ему такъ близка, что они жили одной жизнью съ нимъ и что она такъ долго и мучительно страдала изъ-за него... Теперь она знала, чѣмъ кончится это свиданіе, отъ котораго ждала такъ много и видѣла въ этомъ не болѣе, какъ именно свиданіе Павлуши съ Михаиломъ Николаевичемъ, на которомъ она хотя и присутствуетъ, но которое лично ея ничѣмъ не касается. И какъ-то разомъ, неожиданно для себя разрѣшивъ такъ просто всѣ свои сомнѣнія, она вдругъ успокоилась и стала ласковѣе и привѣтливѣе съ мужемъ.

Она заговорила съ нимъ, стараясь говорить мягче и не затрогивая ничего, что было бы ему чѣмъ нибудь непріятно, о томъ, гдѣ онъ

Digitized by Google

былъ послѣднее время и думаетъ ли опять уѣхать куда нибудь или остаться въ Россіи.

Глаза ея смотрѣли на него ласково, но въ этой спокойной привѣтливости еще сильнѣе чувствовалось ихъ полное разъединеніе и полная невозможность къ возврату прошлаго, чѣмъ даже за нѣсколько минутъ назадъ, когда она глядѣла сумрачно и говорила холодно, сердясь на него за то, что онъ не понялъ состоянія ея души и того, какъ близка къ нему была она за минуту.

Михаилъ Николаевичъ отвѣчалъ, заводя Павлушинъ паровозъ и не глядя на нее, что жилъ все послѣднее время въ Парижѣ и въ Швейцаріи, а послѣ окончанія дѣла думаетъ проѣхать на Уралъ, гдѣ есть прекрасныя незнакомыя ему еще мѣста.

Когда Михаилъ Николаевичъ сказалъ «послѣ окончанія дѣла», Вѣра Павловна поняла, что онъ говоритъ о разводѣ, но онъ сказалъ это такимъ тономъ, какъ будто дѣло это ея ничѣмъ не касалось.

— Скоро ли придетъ Эмма?—подумала она, жалѣя, что услала ее.

Павлуша притащилъ еще новыя игрушки, большинство которыхъ было ему подарено Сергѣемъ Дмитричемъ, и, усѣвшись на полу, гдѣ ему удобнѣе было раскладывать ихъ, громко объяснялъ отцу происхожденіе каждой игрушки.

Наконецъ вошла Эмма съ подносомъ въ рукахъ.

Digitized by Google

Вѣра Павловна взяла свою маленькую розовую чашку съ птичкой и предложила стаканъ чаю Михаилу Николаевичу.

И вдругъ ей бросился въ глаза старинный подстаканникъ изъ массивнаго чеканнаго серебра, плотно охватывавшій стаканъ Михаила Николаевича своими двумя орлиными лапами. Она кинула на мужа смущенный взглядъ и по грустной усмѣшкѣ, съ которой онъ смотрѣлъ на него, поняла, что и онъ узналъ его. Теперь въ немъ всегда подавали чай Сергѣю Дмитричу, когда по вечерамъ онъ приходилъ къ ней. Мгновеніе они глядѣли другъ на друга съ какимъ-то страннымъ испытующимъ выраженіемъ въ глазахъ.

Ей стало отчего-то и совѣстно, и неловко, и даже казалось, что она какъ будто въ чемъ-то виновата передъ нимъ—виновата и за себя, и за Павлушу, за то, что они стали совсѣмъ чужіе ему, и за этотъ подстаканникъ, изъ котораго пилъ уже другой. А между тѣмъ не самъ ли онъ бросилъ ее...

Вѣра Павловна помнила, что прежде этотъ подстаканникъ былъ спрятанъ ею, какъ память мужа, и не могла припомнить, когда снова вынула она его... Но должно быть уже давно... Сколько разъ, бывало, приносила она ему чай въ немъ въ его мастерскую, сколько разъ вынимала его на какой нибудь почтовой станціи... и вотъ онъ сидитъ предъ ней чужой и ненужный... чрезъ нѣсколько минутъ онъ встанетъ и уйдетъ, и, быть можетъ, они уже никогда не

Digitized by Google

увидятся больше! Но ей не страшно это и не жалко его... Подлѣ него будутъ другія женщины, онъ будетъ любить ихъ, увлекаться... но ей все равно, это не наполнитъ ее ни ревностью... ни страданіями, а тогда... Тогда въ первый разъ она чуть не убила его любовницу... Теперь она была бы ему плохимъ товарищемъ... Она не могла бы уже, радуясь и восхищаясь, кочевать съ нимъ по всему міру, не могла бы шутя и смѣясь одѣваться въ фантастическіе костюмы и по цѣлымъ часамъ позировать ему для картинъ.

Нѣтъ, она устала... ей хочется спокойствія и тишины. Но когда она успѣла такъ перемѣниться? состариться? Куда исчезла изъ нея та (милая ей теперь) веселая, беззаботная дѣвочка, безпечность которой оставалась въ ней такъ долго? Когда переродилась она въ такую спокойную, серьезную женщину, съ этимъ болѣзненнымъ, утомленнымъ лицомъ... А онъ? Вѣра Павловна пытливо всматривалась въ лицо мужа. Когда они познакомились, ему не было еще и 30-ти лѣтъ, а теперь ужъ подъ сорокъ... и онъ тоже измѣнился, но не такъ сильно, какъ она, у мужчинъ это не такъ замѣтно... У него осталась почти та же фигура, почти то же лицо, та же манера носить бороду... тѣ же глаза... нѣтъ, глаза не тѣ, въ нихъ — тоже рѣже уже вспыхиваетъ тотъ страстный огонекъ, который когда-то она такъ любила... Быть можетъ, и онъ усталъ? и онъ ищетъ покоя и тишины?

Digitized by Google

Она машинально отвѣчала ему, говоря съ нимъ о разныхъ мелочахъ, не интересовавшихъ въ сущности ни ее, ни его, и, вся занятая въ душѣ своими мыслями и ощущеніями, старалась сохранить наружно спокойный, и безстрастный видъ.

— Говорятъ, въ Швейцаріи нынѣшнею зимою были сильные холода?—и, спрашивая это, она думала про себя:

— Ну, вотъ я выйду замужъ за милаго, хорошаго человѣка, котораго люблю и уважаю, и начну постепенно стариться, спокойно и счастливо, но все-таки стариться, и такъ будетъ идти ровно и хорошо до самаго конца... И большаго я ничего и не хочу... Ну, а ты? Какъ ты устроишь теперь свою жизнь? и что̀ она тебѣ еще дастъ и будешь ли ты доволенъ и счастливъ, и чѣмъ кончишь?..

Наконецъ Михаилъ Николаевичъ поднялся и всталъ.

Вѣра Павловна немножко удивилась.

— Такъ скоро?

Да, ему пора уже! Его еще ждутъ къ четыремъ часамъ въ одномъ мѣстѣ... И почтительнымъ, но нѣсколько церемоннымъ поклономъ, онъ наклонилъ предъ ней свою красивую, уже сѣдѣющую голову.

Она поспѣшно протянула ему руку, но пожатіе, которымъ они обмѣнялись, вышло такъ холодно и торопливо, какъ будто оба они радовались, что прерываютъ, наконецъ, этотъ тя-

Digitized by Google

желый для нихъ обоихъ визитъ... Потомъ Михаилъ Николаевичъ поднялъ сына на руки и поцѣловалъ его.

Павлуша улыбнулся ему, но точно такой же улыбкой онъ улыбался и всѣмъ другимъ знакомымъ.

— А у васъ есть раковинки?—спросилъ онъ его на прощаньи.

Михаилъ Николаевичъ не понялъ сразу.

— Какія раковинки?

— Разныя: и маленкія, и большія, и всякія? У Эммы много есть, она тоже заграницей жила; она говоритъ, тамъ много, много ихъ есть!

И мать, и отецъ слегка усмѣхнулись:

— Нѣтъ! у меня нѣтъ раковинъ!—сказалъ, улыбаясь, Михаилъ Николаевичъ.

— Нѣтъ!—нѣсколько мгновеній Павлуша казался очень удивленнымъ и разочарованнымъ, но чрезъ секунду его игривое личико снова все оживилось.

— А вѣдь вы опять скоро уѣдете?—спросилъ онъ, радостно блестя глазами.

— Уѣду.

— Ну, такъ вы тогда наберите и пришлите мнѣ! Только побольше, очень побольше и всякихъ: и маленькихъ, и большихъ, и розовыхъ также! Хорошо!

Михаилъ Николаевичъ засмѣялся, снова поднялъ сына и крѣпко поцѣловалъ его.

Потомъ, обратившись къ Вѣрѣ Павловнѣ, заговорилъ слегка смущеннымъ тономъ, что на-

Digitized by Google

дѣется на ея доброту и разсчитываетъ, что она не будетъ препятствовать видѣться ему время отъ времени съ сыномъ.

Вѣра Павловна покраснѣла и сконфузилась.

— Ахъ, да, да, отвѣтила она поспѣшно, конечно, пожалуйста, я всегда буду очень рада...

Эта просьба о свиданіяхъ смутила ее; ей было стыдно и неловко, что мужъ проситъ ее о томъ, на что имѣлъ полное право. Своимъ замужествомъ она какъ бы квиталась съ нимъ измѣнами и этимъ онъ вновь пріобрѣталъ право видѣться съ сыномъ.

Когда Михаилъ Николаевичъ пожалъ ея протянутую холодную руку, ей показалось, что онъ задержалъ ее на одно мгновеніе въ своей и даже чуть-чуть приподнялъ, какъ бы желая поднести ее къ своимъ губамъ и поцѣловать... Но глаза ихъ встрѣтились и онъ быстро опустилъ ея руку, не поцѣловавъ и даже не пожавъ крѣпче, чѣмъ то позволяло строгое приличіе, котораго онъ, повидимому, рѣшилъ безусловно держаться съ женой.

Вѣра Павловна взглянула на него, и ей вдругъ сдѣлалось такъ жаль и такъ грустно, что онъ не поцѣловалъ ея руку. Ей хотѣлось сказать ему что-то доброе и теплое, о томъ, что она всегда готова быть его другомъ и что онъ всегда, всегда можетъ видѣть Павлушу... Но не сказала ничего, а только молча поклонилась ему и онъ вышелъ... Съ минуту она прислушивалась, какъ надѣвалъ онъ въ передней шинель

Digitized by Google

и галоши, и еще разъ поцѣловалъ Павлушу... Потомъ дверь раскрыли, онъ сказалъ кому-то «прощайте», вѣрно Эммѣ, и дверь снова захлопнулась и замокъ щелкнулъ.

Что-то болѣзненно сжалось въ груди Вѣры Павловны.

— Ну, вотъ и уѣхалъ!—сказала она себѣ спокойно, но какъ-то удивленно.

Вотъ и кончилось все... Ей вдругъ вспомнилось, какъ ждала она его, какъ волновалась сегодня утромъ, и она улыбнулась съ легкой насмѣшкой.

— Чего же она ждала?.. Такъ и должно было все кончиться, и слава Богу, что кончилось такъ, а не иначе... И она даже съ облегченіемъ вздохнула. Славу Богу, повторяла она, точно убѣждая себя въ этомъ радоваться. Мало ли какъ могло выйти подъ первымъ впечатлѣніемъ, а потомъ бы мучилась и раскаивалась бы всю жизнь... и всю жизнь испортила бы и разбила бы себѣ — такъ, въ порывѣ какомъ-то... Нѣтъ, слава Богу!

Отъ подъѣзда отъѣхали и задребезжали по мостовой дрожки.

— Это онъ!—сказала она и быстро бросилась къ окошку; но увидѣть его еще разъ не успѣла, дрожки уже отъѣхали.

И снова сердце ея тоскливо сжалось и заныло.

— Но какъ все это просто вышло... и спокойно...

Digitized by Google

На столѣ стоялъ еще его недопитый стаканъ чая, а въ пепельницѣ лежали окурки папиросъ, которыя онъ церемонно попросилъ ея разрѣшенія закурить...

— Да, такъ все просто... и она съ грустнымъ недоумѣніемъ оглядывалась кругомъ, какъ бы ища въ чемъ-то его слѣдовъ.

На душѣ ея было какъ-то странно; она и радовалась, что все кончилось такъ благополучно, и жаль было чего-то...

— Но чего же мнѣ жаль? и она сама не понимала и удивлялась.

На часахъ пробило четыре.

Чрезъ часъ пріѣдетъ къ обѣду Сергѣй Дмитричъ. Онъ такъ же вѣрно волновался бѣдный, она все разскажетъ ему, какъ «онъ» пріѣхалъ, о чемъ говорилъ, какъ уѣхалъ, и невольно сознавала, что хотя за эти сутки перечувствовала такъ много и сильно, а разсказать будетъ почти нечего...

Но во всякомъ случаѣ онъ долженъ остаться доволенъ. Искусъ прошелъ благополучно!

Она печально и задумчиво глядѣла на стаканъ чая, и какіе-то отрывки прошлаго бродили въ ея памяти.

— Жить съ нимъ снова—она бы не могла. Нѣтъ, онъ уже чуждъ ей совсѣмъ, совсѣмъ чуждъ и полюбить его снова—она тоже бы не могла, это правда, — но тотъ, котораго она когда-то такъ любила въ немъ, тотъ все-таки останется ей дорогъ и близокъ, хотя бы прошли

Digitized by Google

еще десятки лѣтъ! Но вернуться къ нему уже нельзя, какъ нельзя вернуться и къ той первой радостной молодости и къ тому времени, милому, хорошему времени... Но и эту молодость и то время она никогда не забудетъ, для нея они останутся лучшей порой жизни и будутъ всегда дороги и близки... всегда... всегда... а вернуться къ нимъ уже невозможно... они остались гдѣ-то такъ далеко... и сегодня онъ точно унесъ и послѣднюю частицу ихъ... И что-то сжалось въ ея горлѣ, и слезы горячей струей хлынули вдругъ изъ глазъ ея...

— О, зачѣмъ!.. о чемъ? о чемъ я плачу?.. спрашивала она себя съ какимъ-то безпомощнымъ испугомъ — о чемъ... Но слезы сами собой катились по ея щекамъ. Она поспѣшно бросилась въ свою комнату, боясь, что кто-нибудь увидитъ ее теперь и, кинувшись на диванъ, заплакала тихо, но горячо.

Что-то оборвалось въ ней какъ будто и исчезло навсегда, и ей было жаль, мучительно, до боли жаль; но не себя и не его, а только свою милую невозвратную молодость съ ея ошибками, страстями, вѣрой и увлеченіями...

VIII.

Сергѣй Дмитричъ пришелъ только вечеромъ. Когда раздался его звонокъ, Вѣра Павловна вздрогнула и сердце ея забилось почти такъ же, какъ билось утромъ, когда позвонилъ мужъ. За

Digitized by Google

эти часы ея волненіе замерло и успокоилось, и она поджидала его съ такимъ тихимъ, отраднымъ чувствомъ

Услышавъ его звонокъ, первымъ ея движеніемъ было броситься ему навстрѣчу, какъ бы спѣша скорѣй возвѣстить ему то радостное и счастливое для него, что теперь радовало за него и ее самоё. Но она вспомнила, что тамъ горничная и, не желая, чтобы кто нибудь видѣлъ ихъ при первой встрѣчѣ послѣ свиданія съ мужемъ, она остановилась посреди своей комнаты, прижимая къ замирающей груди свои холодныя руки.

По гостиной она уже слышала смягченные ковромъ его шаги и въ нихъ ей чудилось что-то торопливое и тревожное. Чрезъ секунду Сергѣй Дмитричъ показался въ ея дверяхъ, но на порогѣ комнаты на мгновеніе остановился. Его лицо казалось блѣднымъ и осунувшимся за этотъ день, а въ томъ взглядѣ нѣмого мучительнаго вопроса, который онъ остановилъ на ней, войдя въ комнату, свѣтилась и надежда, и томительный страхъ.

И Вѣра Павловна вдругъ, разомъ, поняла, какъ страдалъ онъ весь этотъ день, какъ боится теперь и какъ сама она любитъ его, какъ самой ей больно и близко его страданіе, и съ тихимъ крикомъ она бросилась къ нему на грудь, счастливая и радостная, что можетъ снова возвратить ему его счастье.

И онъ понялъ ее и, горячо прижавъ къ себѣ,

Digitized by Google

приподнялъ ее на своихъ сильныхъ рукахъ, точно желая куда-то унести, и тотъ крикъ радости, счастья и любви, которымъ встрѣтила она его, невольно отозвался и въ немъ.

Онъ цѣловалъ ея лицо страстными, непривычными для него самого поцѣлуями и, вдругъ откинувъ рукой со лба ея пушистые волосы, взглянулъ ей прямо въ глаза, смѣющимися, счастливыми глазами и спросилъ тихимъ, чуть слышнымъ ей голосомъ:

— Моя.

Она хотѣла что-то отвѣтить ему, сказать про все, что̀ выстрадала и прочувствовала за эти ужасные сутки, сказать ему, какъ поняла, что любитъ только его, одного его, какъ она рада, какъ счастлива... Но не могла—и, только смѣясь и плача, прятала на его груди свое счастливое лицо, радуясь тому, что все тяжелое уже кончилось и отошло отъ нихъ, и тому, что только въ эту минуту поняла она, какъ любятъ они другъ друга и какъ хороша, какъ дорога имъ обоимъ эта спокойная, тихая любовь...

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

LIBRAIRIE ... ...

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google